

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования
«Иркутский государственный университет»

ВОСЬМЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ

В двух томах
Том 1

МАТЕРИАЛЫ

УДК 009(063)
ББК 94л0
В78

*Печатается в соответствии с планом
научно-исследовательских работ ИГУ*

Редакционная коллегия:

А. В. Аргучинцев (гл. ред.), Ю. А. Зулярь (науч. ред.),
Л. М. Корытный, Гордин А. А., Н. С. Коноплев,
О. А. Осипенок, Р. Ф. Проходовская

Ответственный за выпуск: Н. В. Бойко

В78

Восьмые Байкальские международные социально-гуманитарные чтения. В 2 т. Т. 1 : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. – 305 с.

ISBN 978-5-9624-1192-7

ISBN 978-5-9624-1193-4 (т. 1)

Данное издание включает в себя материалы Восьмых Байкальских социально-гуманитарных чтений, состоявшихся в Иркутске в 2014 г. Опубликованные материалы дают представление об основных направлениях исследований отечественных ученых, изучающих проблемы истории и современного состояния общества и перспективы его развития. В издании представлены работы по истории, географии, философии, лингвистике, политологии, культурологии, библиотечному делу и другим научным дисциплинам.

Настоящее издание адресовано широкому кругу профессиональных исследователей, преподавателям высшей и образовательной школ, аспирантам, магистрам, студентам вузов и колледжей, всем интересующимся состоянием и перспективами развития современного российского общества.

УДК 009(063)
ББК 94л0

ISBN 978-5-9624-1192-7
ISBN 978-5-9624-1193-4 (т. 1)

© ФГБОУ ВПО «ИГУ», 2015

РАЗДЕЛ «СИБИРЬ В XX–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО»

УДК 911.3:338.4(571.53)

Исторические аспекты становления и развития подразделений крупных национальных бизнес-структур на примере Ангарска

Е. Ю. Александров

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрены исторические аспекты становления ведущих предприятий Ангарска, таких как АНХК, АЭХК, АЗП, АЦГК, АУС, «Каравай». Представлено их современное состояние и охарактеризована роль в городской экономике в настоящее время.

Ключевые слова: Ангарск, крупные предприятия с градообразующей ролью, предприятие, комбинат, город.

Глобальные изменения в политической и экономической сферах жизни СССР во второй половине 80-х гг. XX в. потребовали новых подходов к преобразованию экономической системы, отягощенной неэффективной структурой, доминированием ВПК и «гонкой вооружений». Одними из первых были приняты решения о повышении значения органов управления. Главный ориентир – развитие малых и средних предприятий. Значимую роль сыграл Закон «О государственном предприятии (объединении)» (1987 г.). Вводимые формы хозрасчета способствовали освоению на предприятиях прогрессивных форм арендных отношений. Бурное развитие кооперативов в 1988–1989 гг. стало началом возрождения предпринимательства в СССР. В Законе «О собственности в РСФСР» (1990 г.) зафиксировано право собственника при осуществлении предпринимательской деятельности. Закон «О предприятиях и предпринимательской деятельности» (1990 г.) признавал общественно полезную хозяйственную деятельность, нацеленную на получение прибыли. Данный за-

кон определил правовые нормы создания предприятий различных форм собственности. В 1992 г. Правительством РФ принимается нормативная база для начала широкомасштабного процесса приватизации государственной собственности [1].

Ангарск – город с большой историей. Летом 1945 г. в междуречье рек Ангары и Китой было определено место под строительство комбината по производству искусственного жидкого топлива. По проекту предполагалось построить рабочий поселок с численностью населения 30 тыс. чел. В октябре 1945 г. началось строительство временного жилья, а весной 1946 г. – строительство поселка Майск. Весной 1948 г. основан Соцгород. Летом 1948 г. строительство комбината и поселка передано Главпромстрою МВД СССР. В 1949 г. началось массовое строительство двухэтажного каменного жилья. В 1950 г. стала очевидной трансформация поселка в город, так как по проекту первоначально заложенная численность населения к этому моменту возросла почти в 3 раза. 30 мая 1951 г. поселку официально присвоен статус города Ангарск. В 1959 г. население Ангарска достигло 134 тыс. чел. В январе 1971 г. указом Президиума Верховного Совета СССР за успехи по развитию промышленного производства Ангарск награжден орденом Трудового Красного Знамени [2].

В 1993 г. создан Ангарский район. Территория общей площадью 71 973 га была передана Ангарску из состава Иркутского и Усольского районов. В соответствии с Законом Иркутской области от 16.12.2004 № 105-оз «О статусе и границах муниципальных образований Ангарского района Иркутской области», Ангарское муниципальное образование (АМО) получило статус муниципального района с административным центром в Ангарске. Образованы муниципальные образования (МО) разных уровней: 1) городские поселения: МО «Город Ангарск» и Мегетское МО; 2) сельские поселения: Одинское МО и Савватеевское МО.

Основными градообразующими предприятиями в Ангарске долгое время являлись Ангарская нефтехимическая компания (АНХК), Ангарский электролизный химический комбинат (АЭХК) и Ангарское управление строительства (АУС). На 01.01.2014 данные предприятия, кроме АУС, – крупные налогоплательщики и работодатели, но понятие «градообразующее предприятие» к ним не применяется. На примере Ангарска разработана шкала отнесения ведущих городских предприятий к

крупным предприятиям с градообразующей ролью. Исходя из доли работников отдельного предприятия в среднесписочной численности работников крупных и средних предприятий города, предложена следующая градация: с сильно выраженной градообразующей ролью (более 15 %), средне выраженной (10–15 %) и с относительно слабо выраженной (2–10 %) [3, с. 115].

В настоящее время наиболее значимые – ОАО «АНХК», ОАО «АЭХК», ОАО «Ангарский завод полимеров» (АЗП), ОАО «Ангарский цементно-горный комбинат» (АЦГК), ОАО «АУС», ОАО «Каравай» (КАРАВАЙ).

АНХК. Основано в 1955 г. Предприятие называлось «Комбинат-16», а позже – ПО «Ангарскнефтеоргсинтез». В СССР комбинат являлся крупнейшим нефтехимическим и химическим комплексом, на базе которого были созданы химические производства различных видов пластмассовых изделий, продуктов органического синтеза, минеральных удобрений, товаров бытовой химии. В 1968 г. предприятие награждено орденом Трудового Красного Знамени, а в 1976 г. – орденом Ленина. В 90-х гг. XX в. предприятие преобразовано в ОАО «Ангарская нефтехимическая компания» и входило в состав НК «СИДАНКО». В 1998 г. АНХК находилась на грани банкротства. Следующим собственником предприятия стало РИНКО. С 2001 г. комбинат являлся структурным подразделением НК «ЮКОС». После объявления в мае 2007 г. НК «ЮКОС» банкротом комбинат вошел в систему НК «РОСНЕФТЬ». С 2007 г. в АНХК производится полная реконструкция для соответствия продукции стандартам Евро-3,4,5. Структура предприятия в 2013 г.: 1) НПЗ; 2) производство топлива; 3) завод масел; 4) химзавод; 5) УВКиОСВ; 6) ремонтное производство; 6) складское управление; 7) ТСП; 8) ИЦ-УКК. Дочерние структуры: ОАО «Востсибмаш», ОАО «Ангарский завод катализаторов и органического синтеза», ОАО «Ангарское управление энергосистем».

АЭХК. Решение о строительстве комбината принято в марте 1954 г. В 1957 г. запущен разделительный завод, способный выделять из урановой руды начинку для атомных реакторов – изотоп U-235. С 1957 по 1963 г. сданы в промышленную эксплуатацию: сублиматный завод, завод по обогащению урана. В эти же годы для сотрудников комбината возведен жилой район в юго-западной части Ангарска со всей социально-бытовой инфра-

структурой. В 1964 г. выведен на проектную мощность электролизный завод. Результат – создание самого крупного в мире для того времени газодиффузионного завода. С 1972 по 1974 г. осуществлена коренная реконструкция завода по производству сырьевого гексафторида урана. С 1985 по 1995 г. осуществлен переход с диффузионного метода обогащения урана на газоцентрифужный. В 1966 г. комбинат награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 2007 г. на базе комбината создано ОАО «Международный центр по обогащению урана». В 2008 г. предприятие было акционировано и вошло в состав ОАО «ТВЭЛ». На комбинате проводится реструктуризация в рамках программы «Новый облик». Численность персонала с 5 320 чел. (2009 г.) снизилась до 1 354 чел. (2013 г.). Ведется работа с правительством Иркутской области, ОАО «ТВЭЛ», промышленными и инженеринговыми компаниями об открытии на базе АЭХК новых неурановых производств.

АЗП. Создан в 1974 г. в составе ПО «Ангарскнефтеоргсинтез». Завод создавался на базе действующего цеха по производству полистирола. На новой площадке развернулось строительство производств по выпуску этилена и пропилена, полиэтилена высокого давления, бензола. В 1974 г. в эксплуатацию введены производственные мощности по производству стирола, а в 1976 г. заработал комплекс по производству этилен-пропилена-60. В 1978 г. начат выпуск полиэтилена высокого давления. В 1982 г. введен в эксплуатацию комплекс этилен-пропилен-300, что позволило по трубопроводу начать подачу этилена на Зиминский химический комбинат. В 1985 г. впервые в СССР освоено производство дициклопентадиена на основе нефтехимического сырья. В 1997 г. завод выведен из состава ОАО «АНХК» и преобразован в ОАО «Ангарский завод полимеров», а с 2007 г. входит в состав НК «Роснефть».

АЦГК. Решение о возведении цементного завода принято в 1950 г. В 1955 г. началось строительство предприятия. Официальная дата начала производства – 26 декабря 1957 г. С 1966 по 1982 г. завод становился победителем Всесоюзного социалистического соревнования, удерживая 64 квартала подряд переходящее Красное Знамя Совмина СССР и ВЦСПС. В 1976 г. комбинат был удостоен ордена Трудового Красного знамени. В настоящее время – единственный цементный завод в регионе.

АУС. Основано в июне 1948 г. За 66 лет работы на строительном рынке Иркутской области построены города Ангарск, Байкальск, Саянск, Краснокаменск. Созданы крупные промышленные гиганты Байкальского региона: АНХК, ТЭЦ-1,9,10; Новозиминская ТЭЦ, Ангарский электромеханический завод, АЭХК, АЦГК, БЦБК, ОАО «Саянскимпласт», Краснокаменский ГОК. В 1966 г. предприятие награждено орденом Трудового Красного Знамени. Несмотря на трудные годы перестройки, периоды переходной экономики и экономические кризисы, предприятие сохранилось как единый производственный механизм полного цикла. Сохранен мощный производственный потенциал, а это выпуск конструкций крупнопанельного домостроения в объеме до 30 тыс. м² жилья, 50 тыс. м³ товарного бетона, 8 тыс. м³ пиломатериалов, оконных и дверных блоков, витражей из профиля ПВХ, 120 тыс. м³ качественных инертных материалов, 4,2 тыс. т металлоконструкций в год. В пос. Новомальтинске Усольского района закончено строительство нового кирпичного завода мощностью 30 млн шт. кирпича/год.

КАРАВАЙ. История «Каравая» началась в 1949 г., когда было построено здание первого хлебозавода. В 1957 г. в центральной части города на ул. Мира появилось здание нового хлебозавода и образовалось предприятие «Ангарский хлебокомбинат». Ввод в эксплуатацию нового завода позволил расширить и увеличить выпуск хлебной продукции. На новом хлебозаводе стали выпускать хлеба и булочные изделия, а в 1967 г. в его помещении открылся цех по производству вафель и вафельных тортов. В 1979 г. в юго-западной части города вводится в эксплуатацию хлебозавод № 1. Именно здесь были установлены первые в Иркутской области технологические линии по производству подового хлеба ржаных сортов. В 1993 г. утверждается план приватизации хлебозавода, по завершении которого предприятие было реорганизовано в ОАО «Каравай». В 2005 г. «Каравай» выкупил Красноярский муниципальный хлебокомбинат «Енисей». С 2006 г. в его состав вошел Шелеховский хлебозавод. В 2010 г. был приобретен завод в Улан-Удэ. В настоящее время пищевое объединение «Каравай» включает в себя 5 хлебозаводов: 2 в Ангарске, хлебозаводы в Шелехове, в Красноярске и в Улан-Удэ.

Таким образом, можно сделать следующие выводы: 1) во времена СССР в Ангарске «первостроителями» была заложена мощная производственная база, позволившая рассматриваемому

городу стать одним из ведущих промышленных центров Иркутской области; 2) АНХК в настоящее время как одно из ведущих подразделений НК «Роснефть» динамично развивается и реализует инвестпрограмму по модернизации; 3) АЭХК с реализацией программы «Новый облик» проводит плановое сокращение персонала и вывод непрофильных активов на аутсорсинг, что может в ближайшие годы привести к полному сворачиванию деятельности предприятия на территории Ангарска и АМО; 4) АЗП – динамично развивающееся предприятие, так же как АНХК, реализующее крупномасштабные инвестпрограммы по модернизации; 5) АЦК после решения корпоративных конфликтов между акционерами получило новый импульс развития с вхождением в ООО «Русская цементная компания», созданное совместно ГК «Ростехнологии» и ХК «Сибцемент»; 6) АУС не смогло сохранить былых позиций и объемов строительства на региональном рынке; 7) «Каравай» трансформировался из бизнес-структуры городского уровня в компанию межрегионального значения.

Список литературы

1. Предпринимательство в СССР: 80-е гг. [Электронный ресурс] // Ин-т развития бизнеса и предпринимательства. – URL: http://www.irbip.ru/history/his_in_ussr.html.
2. История Ангарска [Электронный ресурс] // Администрация города Ангарска. – URL: http://www.angarsk-goradm.ru/info/ang_ist.
3. Александров Е. Ю. Влияние крупных предприятий на социально-экономическую обстановку в сибирском промышленном городе // География и природные ресурсы. – 2010. – № 2. – С. 115–119.

Historical Aspects of Development of Large-Scale National Business Enterprises in the Case of Angarsk

E. Y. Aleksandrov

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Historical aspects of development of leading enterprises in Angarsk including Angarsk Integrated Electrolysis Chemical Plant, Angarsk Fuel and Petrochemical Refinery Plant, Angarsk Polymer Plant, Angarsk Cement and Rock Plant, Angarsk Construction Administration and “Karavai” are considered. Their current state and role in the Angarsk economics are analyzed.

Keywords. Angarsk, township-forming enterprise, enterprise, plant, city.

Александров Евгений Юрьевич – инженер лаборатории социальной географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: alv1982@bk.ru

Aleksandrov Evgeny Yuryevich – First Category Engineer, Laboratory of Economic and Social Geography V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: alv1982@bk.ru

Иркутяне – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия (из опыта выявления и анализа)

А. В. Ануфриев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена уроженцам Иркутска, награжденным в годы Первой мировой войны самыми значимыми боевыми наградами – орденом Св. Георгия и Георгиевским оружием. Используя выявленные в центральных и местных архивах материалы, автор рассказывает о судьбе, службе и военных подвигах уроженцев города, удостоенных высшими боевыми наградами Российской империи, подробно описывая (опираясь на наградные листы) подвиг, за который они были удостоены этих наград.

Ключевые слова: Иркутск, Первая мировая война, герои, орден Святого Георгия, Георгиевское оружие.

Несмотря на появление в последнее время достаточно интересных работ, посвященных участию иркутян в Первой мировой войне, данная тема хранит огромное количество «белых пятен». И если история боевого пути иркутских формирований достаточно исследована, то личности иркутян-офицеров – героев этой войны, остались за рамками этих работ.

Орден Св. Георгия и Георгиевское оружие считались в офицерском кругу самой желанной и значимой наградой.

Автор, не претендуя на глобальность, пытается проследить боевой путь уроженцев Иркутской губернии, награжденных в Первую мировую войну орденом Св. Георгия и (или) Георгиевским оружием.

В настоящий момент мы можем говорить о девяти иркутянах, удостоенных высокой награды за Первую мировую войну. Скажем буквально несколько слов о каждом.

1. Несытов Ксенофонт Михайлович (1880–1920?)

Из иркутских мещан. Образование: Иркутское военное училище. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. На 27.12.1914 г. командующий батальоном 47-го Сибирского стрелкового полка. Расстрелян по приговору революционного трибунала в 1920 г.(?). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом, Св. Станислава 2-й ст. с мечами, Св. Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», Св. Анны 3-й ст., Св. Анны 2-й ст. с

мечами. Награды: орден Св. Георгия 4-й ст. (за отличия в боях с 30 октября по 28 ноября 1914 г.): «...9 ноября 1914 г. полку была поставлена задача поддержать наступление 46-го Сибирского стрелкового полка на высоту к югу от д. Ясель. В исполнении чего я повел наступление на левый фланг неприятеля, когда 2-й батальон вошел во фланг противнику, командир 6-й роты штабс-капитан Несытов со взводом пулеметной команды и вверенной ему ротой собственной инициативой зашел в тыл неприятеля, занимавшего очень сильную укрепленную позицию. Штабс-капитан Несытов, несмотря на действительный пулеметный и ружейный огонь неприятеля, подавая пример отличной, беззаветной храбрости, будучи поддержан огнем взвода пулеметов, атаковал с тыла противника, чем заставил его покинуть свои укрепленные позиции, поспешно оставив на них два пулемета. Причем захватил лично 4 офицера и около 200 нижних чинов в плен. Атакой своей обеспечил выполнение задачи вверенного мне полка помочь 46-му полку, последний занял д. Ясель, противнику был отрезан путь отступления. Взят в плен полком 1 штаб-офицер, 18 офицеров, до (неразборчиво) нижних чинов и два пулемета...» (из наградного списка). Георгиевское оружие: «В бою с 6 на 7 марта сего года (1915), командуя 3-м батальоном при ночном штурме сильно укрепленной позиции вверенным мне полком выс. 461, 487 и 433 у м... усиленной проволочными заграждениями, засеками, фугасами. При упорном сопротивлении неприятеля овладел с боя штыковой атакой труднодоступной высотой 487, лично ведя роты в атаку, подавая пример отличной храбрости и выдающегося мужества, несмотря на трудности ее с фронта, перекрестного огня, ружейного и пулеметного... взрыва бомб и фугасов. Прошел труднопреодолимые преграды перед расположением противника, выбил его сильным натиском и гнал австрийцев до р. Рона, пройдя последнюю, захватил выс. 366, согласно приказанию укрепился на ней, чем способствовал успеху атаки всего отряда. 3-м батальоном захвачено 2 бомбомета, 6 ящиков бомб для них, 42 ящика артиллерийских снарядов, 21 пулеметный ящик с патронами, 2 прожектора, 12 офицеров, 473 нижних чина. Потери 1 офицер, стрелков: убитыми – 11, ранеными – 444, пропавшими без вести – 9» (из наградного листа [1; 11]).

2. Белоголовый Андрей Васильевич (25.02.1895–1977, Сан-Франциско, США)

Уроженец Иркутска, из семьи известных иркутских купцов. Православный. Образование: Иркутское военное училище. Участник Первой мировой войны. Поручик, штабс-капитан 260-го пехотного Брацлавского полка. Награды: Георгиевское оружие: «28, 29 и 30 марта 1915 г. у села Козиово, временно командуя 1-м батальоном, поручик Белоголовый занимал важный боевой участок у моста на шоссе при выходе в вышеозначенную деревню, находясь с батальоном в общей боевой линии, несмотря на настойчивые и повторные атаки превосходных сил противника, поддержанные сильным артиллерийским огнем, сумел благодаря своей храбрости и распорядительности удержать занимаемую им позицию. В случае отхода батальона с участка поручика Белоголового противник мог распространиться в тыл Брацлавского полка и частей 1-й Финляндской стрелковой дивизии...» [2; 11].

3. Афанасьев Лукьян Васильевич (29.06.1869–1934)

Православный. Уроженец с. Хогот Верхоленского уезда Иркутской губ. Образование: Иркутская военная прогимназия (1885), Иркутское пехотное юнкерское училище (1887), Восточный институт (1906). Служба: участник похода в Китай 1900–1901 гг. и Русско-японской войны. В Первую мировую войну командир 27-го Сибирского стр. полка (16.01.1914–02.02.1916). Удостоен звания «генерал-майор» (пр. 1915; ст. 06.12.1914). Командир бригады Кавказской гренад. дивизии (02.02–29.11.1916). С 29.11.1916 командующий 134-й пех. дивизией. Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. (1901); Св. Станислава 3-й ст. с мечами и бантом (1904); Св. Анны 3-й ст. с мечами и бантом (1904); Св. Станислава 2-й ст. (1905); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1905); Св. Анны 2-й ст. (1911); Св. Владимира 3-й ст. с мечами (ВП 26.02.1915). Высочайшим приказом от 21 марта 1915 г. удостоен Георгиевского оружия – «За то, что, прикрывая 23 сент. 1914 г. своим полком отход дивизии на позиции у д. Липовка 1-я линия, удержал указанные позиции в течение суток, несмотря на сильнейший артиллерийский огонь противника и отбил ряд ожесточенных атак превосходящих сил противника. Когда из строя выбыли три командира батальона, полковник Афанасьев принял управление передовыми частями и собственным примером мужества и храбрости ободрял вверенных ему чинов». Высочайшим приказом от

10 июня 1915 г. награжден орденом св. Георгия 4-й степени – «За то, что в бою 5 ноября 1914 г. на перешейке между озерами Бувельно и Тиркло, лично управляя полком, атаковал укрепленную позицию немцев, имевшую важное тактическое значение, овладел ею, причем были захвачены 4 легких орудия, 1 мортира и 4 пулемета, а при дальнейшем наступлении полка еще 4 тяжелых орудия» [3; 11].

4. Оглоблин Прокопий Петрович (08.07.1872–21.08.1940)

Родился 3 июля 1872 г. в Иркутске в казачьей семье. Окончил: Иркутское военное училище (1897). Служба: службу начал в Забайкальском казачьем войске, участвовал в войнах с Китаем в 1900–1901 гг. и Японией в 1904–1905 гг. В 1914 г. есаул 1-го Нерчинского казачьего полка на германском фронте. На Персидском фронте командир 3-го Верхнеудинского, затем 1-го Сунженско-Владикавказского казачьих полков, участвовал в наступлении на Мосул. Начальник штаба, а затем командир бригады Урминского отряда. Награжден: орденами Св. Анны 2-й ст., Св. Георгия 4-й ст., китайским и бельгийским, царской благодарностью за атаку у с. Нугреева. В чин генерал-майора произведен с 26 ноября 1917 г. В 1917 г. избран атаманом иркутских казаков. Орден Св. Георгия 4-й ст. – ВП от 06.07.1915 «за то, что 2-го февраля 1915 г., когда оборонявшая переправу через р. Дзядудку у д. Унержиж рота пехоты не выдержала натиска противника и отошла, что дало возможность противнику перебросить на левый берег этой реки 2 роты, будучи выслан к этой деревне с вверенной ему сотней для задержания прорвавшихся рот противника, угрожая тылу отряда, оборонявшего участок от Гокипа до Унержижа, спешил сотню под огнем противника и, выслав взвод в конном строю для охвата левого фланга неприятеля, с остальной частью сотни и возвращенною обратно ротою, несмотря на сильный пулеметный огонь противника, атаковал переправившихся немцев и отбросил их на другой берег, чем обеспечил левый фланг и тыл названного отряда. Затем, со 2-го по 6-е февраля, будучи начальником боевого участка Унержиж – Кмеце и имея в своем подчинении, кроме своей сотни, еще три роты, приведя вверенный ему участок в оборонительное состояние, благодаря своей энергии, мужеству и распорядительности, отбил три атаки противника, наступавшего в превосходных силах в охват обоих флангах участка и поддержанного огнем тяжелой

артиллерии. При этом 5 февраля своим ружейным огнем отвлек на себя часть сил и способствовал отбиту атаки противника» [4; 11].

5. Шастин Иван Михайлович (11.01.1867-?)

Православный. Образование: Иркутская военная прогимназия, Иркутское пехотное юнкерское училище. Служба: в офицеры произведен в 3-й Вост.-Сибирский стр. батальон. Подпоручик (ст. 11.05.1888). Участник похода в Китай 1900–1901 гг. и Русско-японской войны 1904–1905 гг. Ранен. Подполковник (ст. 26.08.1912). На 15.05.1913 в том же чине в 5-м Сибирском стр. полку. Участник мировой войны. На 23.02.1915 в том же чине и полку. Полковник (пр. 23.02.1915; ст. 21.10.1914; за отличия в делах). Командир 232-го пех. запасного полка (с 01.06.1916). Награды: ордена Св. Анны 4-й ст. (1907); Св. Владимира 4-й ст. с мечами и бантом (1907); Св. Станислава 2-й ст. (31.12.1909); Георгиевское оружие (ВП 05.05.1915) [5; 11].

6. Попов Виктор Лукич (04.11.1864-?)

Православный. Образование: Иркутское духовное училище, Иркутское пехотное юнкерское училище. Окончил Николаевскую академию Генерального штаба (1900; по 1-му разряду). В службу вступил 03.06.1883. Выпущен в Иркутский рез. пех. батальон (06.05.1900). Состоял при Сибирском ВО. Помощник ст. адъютанта штаба Сибирского ВО (26.11.1900–17.05.1904; 3 г. 6 мес.). Капитан (ст. 14.04.1902). Обер-офицер для поручений при штабе Сибирского ВО (17.05–10.10.1904; 5 мес.). Состоял в прикомандировании к Иркутскому пех. юнкерскому училищу для преподавания военных наук (10.10.1904–14.08.1906; 1 г. 10 мес.). Полковник (ст. 06.12.1908). Начальник штаба 7-й Сибирской стр. дивизии (назн. 16.12.1908; утв. 05.01.1910; 5 лет 11,5 мес.). Цензовое командование батальоном отбывал в 27-м Вост.-Сибирском стр. полку (22.04–23.08.1909). Был прикомандирован к артиллерии (10.05–18.07.1911) и кавалерии (26.06–23.07.1913). Участник мировой войны. Командир 55-го Сибирского стр. полка (1 г. 0,5 мес.). Генерал-майор (ст. 06.07.1915). Начальник штаба 14-й Сибирской стр. дивизии (с 17.12.1915; 10 мес.). Начальник штаба 13-го арм. корпуса (06.11.1916–29.01.1917). Командующий 182-й пех. дивизией (29.01–20.09.1917). Состоял в резерве при штабе Двинского ВО (с 20.09.1917; 3 мес.). В резерве при штабе Петроградского ВО (с 14.12.1917 г. до демобилизации). С 02.08.1918 г. занимал пост генкварт. штаба Западно-Сибирской отдельной (впоследствии Си-

бирской) армии. 18.09.1918 г. уволен от службы из-за болезни. 15.07.1919 г. зачислен на службу по Генеральному штабу в войска А. В. Колчака и назначен главным начальником Усинско-Урянхайского края. В Иркутске попал в плен к красным. В РККА. Начальник адм.-мобилиз. отдела Иркутского военкомата (2 мес.). В резерве при Иркутском губвоенкомате, начмобупра штаба Помглавкома по Сибири (с 14.05.1920). 2-й помнаштаба Помглавкома по Сибири (с 14.12.1920). 1-й Помначштаба Отд. Кавк. армии (с 28.03.1921). Штатный преподаватель по военной статистике и географии Военной Академии РККА (с 15.01.1920 (?)). Награды: ордена Св. Станислава 3-й ст. (1895); Св. Анны 3-й ст. (1901); Св. Владимира 4-й ст. (1904); Св. Станислава 2-й ст. (1906); Св. Владимира 3-й ст. (1911; 01.03.1912); мечи к ордену Св. Владимира 3-й ст. (ВП 26.02.1915); Св. Анны 1-й ст. с мечами (ПАФ 25.09.1917). За отличия награжден Георгиевским оружием (ВП 21.06.1915) [6; 11].

7. Козлов Иосиф Андреевич (1.9.1878–4.2.1963, Свердловск).

Образование: Иркутское городское училище, Ташкентское военное училище. Из мещан г. Илимска Иркутской губ. Служба: 15.08.1900 г. зачислен в 21-й Восточно-Сибирский стрелковый полк молодым солдатом. Участник Русско-японской и Русско-китайской войны. С 1906 г. зачислен на сверхсрочную службу в 5-й пехотный Сибирский резервный Иркутский полк. Подпрапорщик 42-го Сибирского стрелкового полка. Удостоен: 6.09.1911 – звания отличного стрелка и награжден знаком 3-й ст. за отличную стрельбу, 7.09.1911 – отличного стрелка, 24.09.1911 – отличного стрелка из револьвера, 31.07.1912 – отличного глазомерщика, 3.08.1913 – отличного стрелка из винтовки и награжден знаком 1-й ст. за отличную стрельбу и отличного стрелка из револьвера. 23.10.1913 получил приз 10 руб. за отличную стрельбу из винтовки. Участник Первой мировой войны, с 20.08.1914 в походах и делах против Германии. 12.02.1915 был контужен в голову в бою у деревни Красни, а 5.08.1915 – ранен в бою у деревни Августов – сквозное пулевое ранение правого плечевого пояса, и эвакуирован в госпиталь. 2.09.1915 командирован в пехотное училище. 10.11.1915 г. утверждено производство в прапорщики со старшинством с 13.03.1915. 13.12.1915 переведен в 82-й обозный батальон, назначен командиром 2-го взвода 410-го транспорта. 7.01.1916 г. выступил с транспортом на театр военных действий и

прибыл на Юго-Западный фронт. 13.06.1916 за отличия в делах против неприятеля произведен в подпоручики со старшинством с 6.08.1915 г. 25.07.1916 окончил Ташкентское военное училище. 9.01.1917 отчислен от должности командира взвода 410-го транспорта, с откомандированием в распоряжение начальника штаба 2-го армейского корпуса для назначения в строевую часть. Назначен на службу в 657-й пехотный Прутский полк, куда прибыл 26.01.1917 г. и назначен начальником учебной команды. Капитан. Участник Белого движения на Востоке России. Награжден Георгиевскими крестами: 4-й ст. № 58566, 3-й ст. № 27457 и 2-й ст. № 4747; орденом Св. Георгия 4-й ст. «за то, что в бою у с. Августова, в ночь с 5-го на 6-е августа 1915 г., лично довел командуемую им роту до штыкового удара и взял действующий германский пулемет, причем сам был ранен» (Высочайший приказ от 27.09.1916). Приказом 165-й пехотной дивизии № 215 от 13.09.1917 утверждено постановление полковой Георгиевской думы о награждении Георгиевским крестом 4-й ст. № 1051258 с лавровой веточкой, Георгиевским оружием «за то, что в бою 16 июля 1917 г. у деревни Зулучье, командуя учебной командой, занимал позицию по островам реки Черемош. Когда соседние части 660-го Черновицкого полка под натиском противника отошли и фронту 165-й пехотной дивизии угрожал прорыв, подпоручик Козлов, быстро оценив положение, бросился во главе команды в контратаку, выбил противника из занятых им окопов, захватив при этом 2 пулемета и до ста пленных. До восстановления боевой линии отбил 6 атак противника» [7; 11; 12, с. 22].

8. Шангин Игорь Анатольевич (1889 г., Иркутск – 1938 г., Харбин, Китай).

Из забайкальских казаков. Образование: Иркутская мужская гимназия, Елисаветградское кавалерийское училище, Севастопольская военная авиационная школа. Награды: «За боевые отличия был произведен в полковники и 12 июля 1919 г. награжден Георгиевским оружием «за то, что 20 июля 1917 г., будучи в чине подъесаула помощником командира 1-й авиационной группы армий Юго-Западного фронта, вылетел на самолете «Ньюпор» для борьбы с неприятельскими самолетами и, встретившись с одним из таковых, сбил его в 10-ти верстах к югу от Хотина. Неприятельский летчик был убит, а аппарат достался нам в целом виде». Орден Св. Георгия 4-й степени: «За то, что в боях с 10-го

октября 1914 г. по 5-е марта 1915 г., будучи наблюдателем на аэроплане, под ружейным и артиллерийским огнем привозил много раз ценные данные о расположении противника в тылу, а также о его передвижениях. Сведения были точны и влекли за собой успех» [8; 11; 12].

9. Компанейцев Николай Федорович (1885 г., Иркутск – 1942 г.)

Из иркутских мещан. Образование: Иркутское горное училище, Иркутское юнкерское пехотное училище, Авиационный отдел офицерской воздухоплавательной школы. Награды: Георгиевское оружие ВП от 21.06.1915 «за то, что 12 февраля 1915 г. под крепостью Гродно произвел разведку расположения противника, выяснив нахождения его батарей у дд. Бартники и Рыгаловка, наносивших большие потери полкам нашей пехотной дивизии. Благодаря этой разведке, огнем батарей крепости был ослаблен огонь неприятельских батарей» [8; 11; 12].

Из выявленных георгиевских кавалеров по сословной принадлежности ни один не являлся потомственным дворянином: трое – Н. Ф. Компанейцев, И. А. Козлов, К. М. Несытов – были мещанами Иркутска и Илимска, двое – родовыми казаками – П. П. Оглоблин (иркутский) и И. А. Шангин (забайкальский), один принадлежал к духовному званию – В. Л. Попов, один хотя формально и считался почетным гражданином, происходил из рода известных иркутских купцов – А. В. Белоголовый. К сожалению, из-за ветхости не удалось ознакомиться с послужным списком Л. В. Афанасьева, однако, исходя из места рождения, предположить его принадлежность к дворянству крайне затруднительно.

Начальное и среднее образование они получили в военно-учебных заведениях (так, Иркутскую военную прогимназию окончили Афанасьев и Шастин, выпускниками Иркутской гимназии являлись Шангин и Белоголовый (?), Компанейцев окончил 5 классов Иркутского горного училища, а Козлов – 5 классов Иркутского городского училища.

Большинство георгиевских кавалеров окончили Иркутское военное училище (Компанейцев, Белоголовый, Несытов, Афанасьев, Попов, Оглоблин, Шастин). Один – Шангин – прошел обучение в Елисаветградском кавалерийском училище, а И. А. Козлов окончил ускоренный курс Ташкентского военного училища.

После окончания военного училища двое – Шангин и Компанейцев – продолжили обучение в военных авиационных школах (Шангин – в Севастопольской, а Компанейцев – в Офицерской воздухоплавательной).

Высшее военное образование имел только В. Л. Попов, окончивший Академию Генерального штаба. Гражданское высшее образование имелось также у одного георгиевского кавалера – Л. В. Афанасьева.

Если брать военную карьеру, то наибольших успехов в русской императорской армии достигли В. Л. Попов и Л. В. Афанасьев, получивший звание генерал-майора и должность командира пехотной дивизии. Уже в 1917 г. от Временного правительства чин генерал-майора получил П. П. Оглоблин. Командиром полка в звании полковника войну закончил И. М. Шастин. Подполковничьи погоны выслужили К. М. Несытов (командир батальона 47-го Сибирского стрелкового полка) и Н. Ф. Компанейцев (начальник корпусного авиационного отряда). Капитанами (или есаулами) закончили бои И. А. Шангин (начальник корпусного авиаотряда), И. А. Козлов (начальник учебной команды полка). Самым младшим из офицеров был А. В. Белоголовый, служивший штабс-капитаном 260-го Брацловского полка.

Особняком стоит судьба И. А. Козлова, выслужившегося из нижних чинов и получившего все виды георгиевских наград (кроме медали «За храбрость»).

Большинство из них начинали службу в сибирских стрелковых полках (Компанейцев, Козлов, Несытов, Афанасьев, Шастин), один – Попов – начал службу с резервного батальона, двое – Шангин и Оглоблин – служили в забайкальских казачьих полках.

По роду службы большинство представляли пехотные части, двое – И. А. Шангин и Н. Ф. Компанейцев – были авиаторами и один – П. П. Оглоблин – кавалеристом.

Трагически сложилась судьба георгиевских кавалеров в годы Гражданской войны – большинство из них приняли в ней участие в составе Белой армии адмирала Колчака. После поражения часть из них покинули территорию России и ушли в эмиграцию (Белоголовый, Шангин, Оглоблин, Афанасьев). Кто-то, как А. В. Белоголовый, прожил долгую спокойную жизнь (умер в

1971 г. в США), кто-то не вписался в новую жизнь, как умерший в Харбине и похороненный в могиле для бездомных И. А. Шангин.

Часть попала под удар репрессивного советского аппарата, в 1920 г. был репрессирован К. М. Несытов. Большая часть оставшихся была репрессирована в конце 30-х гг. (в 1942 г. в кузбасских лагерях умер Н. Ф. Компанейцев). На службу в РККА перешел В. Л. Попов.

Редким исключением стала судьба И. А. Козлова, оставшегося в России. Дважды, в 1920 и 1938 гг., он оказывался под следствием, но выжил и не попал в ГУЛАГ. Однако по совету знакомых покинул Иркутскую область и переехал на Урал. Умер в глубокой старости в 1963 г. в Свердловске, на его могиле члены клуба «Горный щит» установили памятный знак и ухаживают за погребением.

К сожалению, нет в Иркутске улиц, которые бы носили имена героев Первой мировой войны, нет и памятника сибирским стрелкам, даже на здании Иркутского военного училища нет памятного знака в честь выпускников училища – георгиевских кавалеров... Единственный памятный знак иркутскому казачьему атаману, георгиевскому кавалеру П. П. Оглоблину, был установлен казаками Иркутска без официального согласования в мэрии.

Хочется верить, что грядущий юбилей Великой Отечественной войны позволит не только вспомнить, но и увековечить в истории Иркутска имена героев.

Список литературы

1. Ф. 409. Оп. 1. п/с 376–479 (1911).
2. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27382. Л. 458–467 (1916).
3. Ф. 400. Оп. 12. Д. 26975. Л. 133–142; Д. 26976. Л. 405–435 (1915).
4. Ф. 409. Оп. 1. п/с 476 (1912).
5. Ф. 409. Оп. 1. п/с 1658 (1913).
6. Ф. 409. Оп. 1. п/с 21–303 (1917).
7. Ф. 400. Оп. 12. Д. 27316. Л. 213–218 (1915).
8. Ф. 409. Оп. 1. п/с 6619 (1911).
9. Ф. 409. Оп. 1. п/с 5051 (1910).
10. Авиаторы – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия периода Первой мировой войны 1914–1918 гг. : биограф. справочник / сост. М. С. Нешкин, В. М. Шабанов. – М. : Росспэн, 2006. – 360 с.
11. Военный орден Святого Великомученика и Победоносца Георгия. Именные списки 1769–1920 : биобиблиогр. справочник / отв. сост. В. М. Шабанов. – М. : Русский мир, 2004. – 928 с.
12. Прошляков А. «Георгий» на Советском мундире // Цейхгауз : рос. воен.-ист. журн. – 1998. – № 7.

Irkutsk Natives as Knights of the Order of st. George and st. George Armour (Search and Analysis)

A. V. Anufriev
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper is devoted to Irkutsk natives awarded with the Order of St. George and St. George Armour considered to be the most valued during World War I. Materials from central and local archives were used to tell about life and soldiering of these people paying special attention (using commendation list) to those feats of arm which they were honored the award with.

Keywords: Irkutsk, World War I, heroes, the Order of St. George, St. George Armour.

Ануфриев Александр Валерьевич – старший преподаватель, кафедра истории России, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: a.anufriev@iokm.ru

Anufriev Aleksandr Valerievich – Senior Teacher, the Subdepartment of History of Russia, History Department, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: a.anufriev@iokm.ru

УДК 911.5(571.53)

Преобразование долинных ландшафтов Лено-Ангарского междуречья в конце XIX – начале XX в.*

Ж. В. Атутова
Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Для ключевого участка Лено-Ангарского плато составлена ландшафтная схема, характеризующая естественные и преобразованные геосистемы в конце XIX – начале XX в. Дано описание природных комплексов на основании отчетов Переселенческого управления, составленных по результатам экспедиционных работ 1908 г.

Ключевые слова: ландшафтная структура, ландшафтная карта, преобразование.

Определение специфических черт территории Лено-Ангарского междуречья в конце XIX – начале XX в. представлено на примере возвышенного плато, откуда берут начало р. Куды (правый приток р. Ангары), а также р. Илга и Куленга (левые притоки р. Лены). Рельеф территории представлен южной частью Лено-Ангарского плато, которая по геоморфологическим условиям является плоскогорьем с узкими гребнями междуречий, сильно расчлененных густой сетью речных долин [2]. В рассматриваемый период конца XIX – начала XX в. исследуемый район характеризовался распространением таежных массивов, состоящих из кедра, ели и лиственницы.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 12-05-00819 а, 13-05-00517 а, а также при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Иркутской области в рамках научного проекта № 14-45-04002 р_сибирь_а.

История интенсивного хозяйственного освоения исследуемой территории насчитывает более 350 лет, начало которому было положено в XVII в., когда по берегам р. Лены и основным ее притокам основывали поселения казаки-переселенцы. До прихода русских землепроходцев и пашенных крестьян территорию населяли эвенки и буряты, первые из которых были кочевниками-охотниками, вторые – кочевниками-скотоводами [1].

В рассматриваемый период основным занятием русского населения было земледелие (хлебопашество), кроме него крестьяне занимались скотоводством, охотой, собирательством и промыслами. Буряты жили чересполосно с русскими на территории современной Белоусовской сельской администрации, по которой в прежние годы шел тракт из Верхоленска на Иркутск [3]. Занимались они скотоводством, утужным земледелием, охотой. Эвенкийское население на исследуемой территории было сосредоточено по берегам р. Илги. Благодаря близкому соседству с русским и бурятским населением уже в первой половине XIX в. эвенки начинают отходить от кочевого хозяйства и осваивать новые занятия, связанные с оседлостью – домашнее животноводство (разведение лошадей и крупного рогатого скота) и земледелие (хлебопашество и огородничество) [6].

В целом для верхоленских районов в конце XIX – начале XX в. характерен долинный тип расселения русского и оседлого коренного населения, что связано с благоприятными для развития земледелия природными условиями. Ландшафты склонов и верховий долин были подвержены влиянию со стороны традиционных видов природопользования эвенкийского населения – оленеводство, охотничий промысел. Несмотря на кажущуюся «мелкомасштабность» вышеперечисленных хозяйственных мероприятий, последствия их находят свое отражение в ландшафтной структуре, которая складывается не только из естественных геосистем, но и из их различных антропогенных модификаций.

Для выявления ландшафтной неоднородности южной части Лено-Ангарского междуречья была составлена схема масштаба 1:100 000 (рис.). Площадь исследуемой территории составила 620 км², на большей части которой выявлено доминирующее развитие горнотаежного лиственничного класса фаций. В бассейнах рек Илги и Куленги распространены лиственничные, елово-лиственничные, местами сосново-лиственничные, в большинстве

своем кустарничково-травяно-моховые леса. Густая речная сеть Лено-Ангарского междуречья в пределах исследуемого полигона характеризуется развитием долинных ерниковых осоково-моховых и склонов долин луговых сильно заболоченных групп фаций, составляющих в комплексе таежный лиственничный межгорных понижений и долин класс фаций. Водораздельные пространства Илго-Кудинского междуречья, а также северные склоны верховий р. Илги характеризуются развитием горнотаежного темнохвойного класса фаций, представленного кедровыми травяно-кустарничково-моховыми группами фаций.

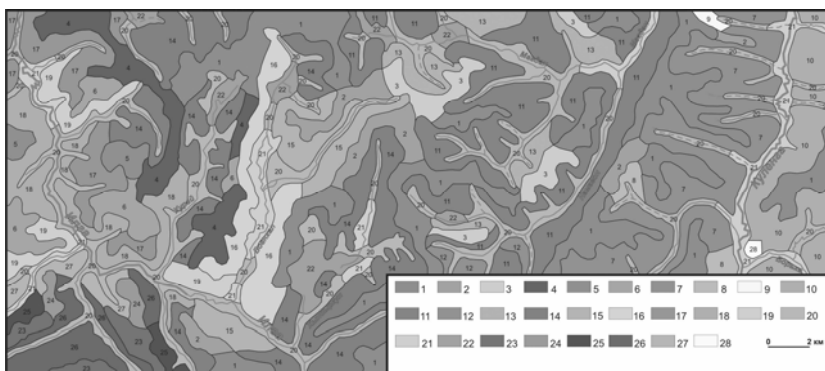

Рис. Ландшафтная схема ключевого участка исследования
Лено-Ангарского междуречья

СЕВЕРОАЗИАТСКИЕ ТАЕЖНЫЕ ГЕОСИСТЕМЫ ГОРНОТАЕЖНЫЕ БАЙКАЛО-ДЖУТДЖУРСКИЕ ГЕОМЫ **Горнотаежный лиственничный класс фаций**

1. Водораздельных поверхностей лиственничные с примесью ели и кедра кустарничково-травяно-моховые.
2. Водораздельных поверхностей березово-елово-лиственничные с единичными экземплярами кедра травяно-кустарничково-моховые.
3. Водораздельных поверхностей елово-лиственнично-березовые с примесью осины, с кедром и лиственницей в подросте кустарничково-разнотравные, местами травяно-кустарничково-моховые на месте гарей.
4. Водораздельных поверхностей лиственничные с примесью сосны зеленомошно-травяные.
5. Водораздельных поверхностей лиственнично-сосновые с примесью березы и единичными экземплярами ели травяно-моховые.

6. Водораздельных поверхностей лиственнично-березовые с примесью сосны и редкой примесью осины травяные на месте гарей.

7. Склоновые (преимущественно восточной экспозиции) елово-лиственничные травяно-кустарничковые.

8. Склоновые березово-елово-лиственничные с примесью осины травяно-мохово-кустарничковые.

9. Склоновые осиново-лиственнично-березовые с единичными экземплярами ели кустарничково-травяные на месте гарей.

10. Склоновые лиственничные с примесью ели и кедра кустарничково-травяно-моховые.

11. Склоновые кедрово-елово-лиственничные кустарничково-осоково-моховые.

12. Склоновые елово-лиственничные с примесью березы и единичными экземплярами кедра и осины кустарничково-мохово-травяные.

13. Склоновые лиственнично-березовые с примесью осины и единичными экземплярами ели мохово-кустарничково-травяные на месте гарей.

14. Склоновые (преимущественно северной и западной экспозиций) елово-лиственничные с примесью кедра, реже пихты осоково-кустарничково-моховые.

15. Склоновые елово-березово-лиственничные с редкой примесью осины травяно-мохово-кустарничковые.

16. Склоновые лиственнично-березовые с единичными экземплярами ели кустарничково-травяные на месте гарей.

17. Склоновые сосново-лиственничные кустарничково-травяные.

18. Склоновые лиственнично-сосновые с примесью березы кустарничково-разнотравные.

19. Склоновые сосново-лиственнично-березовые разнотравные на месте гарей.

Межгорных понижений и долин таежный лиственничный класс фаций

20. Долинные ерниковые с единичными экземплярами лиственницы и ели осоково-моховые.

21. Долинные луговые (разнотравно-злаковые).

22. Днищ и пологих склонов долин луговые (осоково-злаковые) сильно заболоченные с ерниковыми зарослями и с единичными экземплярами ели и лиственницы.

ГОРНОТАЕЖНЫЕ ЮЖНОСИБИРСКИЕ ГЕОМЫ

Горнотаежный темнохвойный класс фаций

23. Водораздельных поверхностей кедровые с примесью лиственницы и пихты травяно-кустарничково-моховые.

24. Водораздельных поверхностей сосново-лиственнично-березовые с единичными экземплярами лиственницы кустарничково-разнотравные на месте гарей.

25. Склоновые кедровые с елью, пихтой и лиственницей осоково-кустарничково-зеленомошные.

26. Склоновые сосново-лиственничные с единичными экземплярами кедра кустарничково-травяно-зеленомошные.

27. Склоновые лиственнично-березовые с примесью осины и единичными экземплярами кедра кустарничково-разнотравные на месте гарей.

Антропогенно-измененные комплексы

Сельскохозяйственные угодья

28. Пашни.

Несмотря на повсеместное распространение таежных массивов, большая их часть трансформирована и представлена производными группами фаций. В результате прошедших пожаров большое развитие получили хвойно-мелколиственные комплексы, образованные на месте гарей: «Настоящей тайги здесь, впрочем, нет: всюду распространена гарь или поросль по гари» [7, с. 28].

Кроме воздействия пожаров преобразованию ландшафтов способствовала земледельческая деятельность: «В сельскохозяйственном отношении долина р. Куленги является самой лучшей частью обследованного района» [4, с. 16]. В верховьях р. Куленги находились небольшие участки пашен, которые были засеяны «для пробы, не будет ли мерзнуть хлеб» [5, с. 44]. На представленном фрагменте границы вышеназванных пахотных угодий правобережья р. Куленги заимствованы со схематической карты М. П. Томина [4]. На их долю приходился 1 км², или 0,2 % территории.

При ботанических описаниях луговых комплексов в долинах рек Илги и Куленги отмечается либо их непосредственная приуроченность к жилищам, либо их принадлежность к владениям живущего в окрестностях населения. Поэтому долинные луговые (разнотравно-злаковые) группы фаций выделены нами как производные комплексы. Их образование в результате антропогенной деятельности подтверждают выдержки из отчетов М. П. То-

мина: «Крестьяне... деревень ежегодными в течение долгого периода лета расчистками долины от кустарников создали условия благоприятные для осушения и вместе с тем и для развития хорошей луговой растительности» [4, с. 11]; «Луга здесь всюду продукт деятельности человека. Стоит долину очистить от кустарников и тем немного ее осушить и года через 2–3 будет хороший сенокос» [5, с. 38]. Трансформированными лугами было занято 23 км², или 3,7 % территории.

Реку Илгу населяли племена тунгусов, занимавшиеся охотой, «занятие скотоводством отходит у них на задний план, что понятно ввиду такой незначительной наличности луговых пространств по долине» [4, с. 9]. В верховьях р. Куленги располагались улусы-летники «бурят и ясачных инородцев» [5, с. 42], возле которых находились утуки – «своего рода искусственные луга, но только травы здесь не сеются, а вырастают сами по себе, без всякого участия человека» [5, с. 36].

В целом о масштабах преобразования геосистем за рассматриваемый период говорит тот факт, что к началу XX в. в пределах исследуемого полигона Лено-Ангарского междуречья на долю естественных комплексов приходилось 425 км², или 68,5 % площади. Остальные 195 км², или 31,5 %, было занято преобразованными геосистемами.

Список литературы

1. Бурова Н. П. Природопользование в жизнеобеспечении населения Верхненских районов Иркутской области: дис. ... канд. геогр. наук / Н. П. Бурова. – Иркутск, 1998. – 140 с.
2. Выркин В. Б. Рельеф и речные долины южной части Лено-Ангарского междуречья // Материалы XIII науч. совещания географов Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во Ин-та географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 2007. – Т. 1. – С. 39–40.
3. Сирина А. А. Народы севера Иркутской области [Электронный ресурс] // Антропология и смежные науки. – URL: <http://www.etnograf.ru/node/81>.
4. Томин М. П. Очерк растительности Манзурской возвышенности и отрогов Березового хребта в Верхненском уезде Иркутской губернии // Тр. почв.-ботан. экспедиции по исслед. колонизационных районов Азиатской России. Ч. 2. Ботан. исслед. 1908 г. Вып. 6 / под ред. А. Ф. Флерова. – СПб.: Тип. Ю. Н. Эрлих, 1910.
5. Томин М. П. Экспедиция в Верхненском и Балаганском уездах // Предварительный отчет о ботанических исследованиях в Сибири и в Туркестане в 1908 г. – СПб., 1909. – С. 32–46.
6. Туголуков В. А. Изменения в хозяйстве и быте эвенков Иркутской области за полтора века // Сов. этнография. – 1965. – № 3. – С. 12–26.
7. Райкин А. Я. Юго-западная часть Верхненского и юго-восточная Балаганского уездов Иркутской губернии // Предварительный отчет об организации и исполнению работ по исследованию почв Азиатской России в 1908 г. – СПб.: Тип. Мирный Труд, 1909. – С. 27–31.

Maturity of Valley Landscape of the Lena and Angara Interflue Area at the end of XIX Beginning XX Century

Zh. V. Atutova

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. The landscape map of the Lena and Angara table-land characterizing natural and complex geological systems in the late 19th early 20th century is compiled. The author gives the description of natural complexes based on accounts of “Pere-selencheskoe upravlenie” (a special authority in Russia responsible for in-migration) written on the basis of expeditions of 1908.

Keywords: landscape structure, landscape map, interflue.

Атутова Жанна Владимировна – кандидат географических наук, старший научный сотрудник лаборатории геоморфологии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: atutova@mail.ru

Atutova Zhanna Vladimirovna – Candidate of Sciences (Geography), senior researcher, Laboratory of Geomorphology, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: atutova@mail.ru

УДК 94(571.5)

Молочная кухня как элемент формирования новой бытовой культуры городского населения Восточной Сибири в 1920-х гг.

Е. Н. Афанасова

*Байкальский государственный университет экономики и права (филиал),
г. Усть-Илимск*

Аннотация. Автором проанализирован процесс возникновения и распространения молочных кухонь как элемента формирования новой бытовой культуры в 1920-х гг. по материалам Восточной Сибири. В статье проанализированы причины создания данного вида учреждений в системе охраны материнства и младенчества, представлены статистические данные, показывающие уровень эффективности деятельности молочных кухонь в 1920-х гг.

Ключевые слова: молочная кухня, Восточная Сибирь, материнство.

Модернизационные процессы 1920–1930-х гг. затронули все сферы жизни советского человека, оказали существенное влияние на бытовую культуру советских граждан. Период 1920–1930-х гг. стал временем масштабной перестройки структур быта. Как отмечает Н. Б. Лебина, «большевики считали необходимым полнотой изменить бытовые традиции» [8; с. 24]. Одним из новых явлений бытовой культуры горожанина Восточной Сибири 1920-

х гг. стали молочные кухни. Статья посвящена изучению процесса возникновения и распространения молочных кухонь как элемента формирования новой бытовой культуры в 1920-х гг. в Восточной Сибири.

Если в европейской части России молочные кухни в крайне незначительном количестве существовали в крупных городах еще в начале XX в., то в Восточной Сибири данные учреждения появились только в 1920-х гг. и были абсолютно новым, неизвестным явлением для большинства горожан.

Можно выделить несколько причин появления молочных кухонь в повседневной жизни горожан 1920–1930-х гг. В качестве первой можно обозначить крайне острый дефицит продуктов питания, который нередко приводил к истощению и постоянному голоду. Особенно эта проблема была актуальна для первой половины 1920-х гг., когда случаи голодной смерти не были редким явлением. Молочная кухня в данной ситуации выступала в качестве учреждения, призванного спасти детей от истощения и голода. Советское государство, взяв на себя заботу о детях, вынуждено было в условиях острого финансового, кадрового, продуктового дефицита создавать систему учреждений, реализующих мероприятия социальной защиты детей. Одним из таких учреждений являлись молочные кухни, которые изначально предоставляли питание детям из малообеспеченных семей.

В качестве второй причины можно обозначить урбанизационные процессы, которые выразились в быстром росте городского населения. Бывшие жители села, переехав в город, сталкивались с проблемой организации детского питания в новых для них бытовых условиях. Если в сельской местности грудное вскармливание зачастую заменялось кормлением коровьим молоком, то в городских условиях коровье молоко нередко было дефицитным, дорогостоящим продуктом питания и ребенок оказывался на грани голодной смерти.

В качестве третьей причины можно выделить активное вовлечение женщин в трудовые отношения, усиление участия женщин в общественной жизни, что нередко делало невозможным реализацию существовавшей прежде роли матери и хозяйки многочисленного семейства. Произошло изменение традиционной роли женщины, и наблюдалось активное формирование образа «новой женщины», «свободной от домашнего рабства».

Превращение женщины в активного участника трудовых отношений нередко исключало возможность грудного вскармливания новорожденных детей и заставляло искать альтернативные способы кормления.

В качестве четвертой причины можно считать стремление советского государства создать и распространить общественное питание в отношении всех социальных групп населения, в том числе новорожденных детей. Была предпринята попытка создания единой системы общественного питания, сопровождавшей человека на протяжении всей его жизни, начиная с момента рождения – молочная кухня, общественное питание в дошкольных учреждениях, в столовых учебных заведений, предприятий. При этом общественное питание противопоставлялось приватному и преподносилось как исключительно полезное, наблюдалась медицинализация общественного питания. Так, З. О. Мичник и А. Н. Антонов в работе «Мать и ребенок», опубликованной в 1928 г., отмечали: «Вследствие истощения матери или вследствие вовлечения ее в промышленную работу, ребенок лишается возможности пользоваться естественным кормлением. Если грудное кормление заменяется другой пищей – коровьим молоком, кашей или каким-нибудь суррогатом, – без врачебного совета и надзора, то очень много детей погибает от желудочно-кишечных заболеваний. Чтобы помочь матерям справиться с этой задачей... при консультациях устраиваются так называемые молочные кухни» [9, с. 298]. Молочные кухни также назывались молочными аптеками. В работе З. О. Мичник и А. Н. Антонова отмечалось: «Аптеками эти учреждения можно назвать потому, что пища готовится по особому рецепту врача в строгом соответствии с потребностями каждого отдельного случая» [9, с. 298].

Первая молочная кухня на территории Восточной Сибири была открыта в Якутской АССР. Еще в 1921 г. в Якутске на молочной кухне ежедневно больным детям выдавалось 70 бутылок молока [10, л. 50]. С 6 по 23 июня 1921 г. было выдано 1 097 бутылок молока [10, л. 89]. Молоко выдавали детям, находящимся на искусственном вскармливании, перенесшим тиф или другое острозаразное инфекционное заболевание. Так, детям, находящимся на искусственном вскармливании, выдавали 11 бутылок молока при возрасте до 2 месяцев, 15 бутылок – до 4 месяцев, 20 бутылок – до 6 месяцев, 25 бутылок – до 8 месяцев и 35 бутылок –

до года. Для детей, больных туберкулезом, малокровием, после перенесенного тифа или другого остроинфекционного заболевания выдавали 15 бутылок молока, $\frac{3}{4}$ фунта сахара, 1 фунт ржи, 15 яиц, 1 фунт кофе [12, л. 69].

Учитывая особые климатические условия Якутии, незначительное количество коров вследствие преобладания оленеводческого направления в скотоводстве, молоко являлось дефицитным продуктом питания. Ввиду этого на заседании подотдела охраны материнства и младенчества Якутской АССР 18 ноября 1921 г. было принято решение произвести учет всех дойных коров в городе и приписать нуждающихся в молоке детей к этим коровам, что делало ненужным создание распределительного пункта [11, л. 5]. Естественно, что выделяемые продукты питания не могли полностью удовлетворить потребности детей, однако являлись немаловажной мерой социальной поддержки, учитывая существующие проблемы с продуктами питания по всей стране, нередкий голод.

В 1925 г. молочная кухня при детской консультации была открыта в Красноярске. Деятельность этой молочной кухни финансировалась за счет средств, собранных общественными организациями с жителей Красноярска. Собранных денег хватало на ежедневное обеспечение бесплатной молочной продукцией 45 детей. Из них 67,5 % были детьми рабочих, имеющих заработок от 9 до 30 руб. и семью от 4 до 9 человек, и 32,5 % являлись детьми служащих, получающих оклад не выше 40 руб. [6, л. 1]. Дополнительно 45 порций молочной продукции ежедневно продавались. За 1925 г. молочной кухней в Красноярске было отпущено 14 186 порций молока, 19 669 порций смесей для грудного вскармливания, всего было произведено 33 855 порций молочной продукции [5, л. 161]. Естественно, что деятельность одной молочной кухни не могла удовлетворить потребности всего детского населения Красноярска. В 1926 г. в г. Тулуне работала молочная кухня, которая выдала за 1926–1927 гг. 40 142 пайков [13, с. 131].

В 1925 г. в Забайкальской губернии работала одна молочная кухня [3, л. 72]. Она содержалась на средства Красного Креста. Питание выдавалось на 60 человек. Сохранившийся отчет о деятельности молочной кухни показывает, что работа молочной кухни проходила в сложных условиях – отсутствовали ледник для хранения молока, стеклянная посуда, не было фильтров и охладителя молока, закрытие емкостей ватой, проволокой, пер-

гаментом обходилось очень дорого. Кухня обслуживала дом беспризорного ребенка и ясли для грудных детей [2, л. 283].

В 1928 г. молочная кухня была открыта в Ачинске. К концу 1929 г. по одной молочной кухне было открыто в Заларинском и Читинском районах [4, л. 23, 94]. В 1929 г. работала молочная кухня в Чите [1, л. 26].

Деятельность молочных кухонь на территории Восточной Сибири нередко сопровождалась определенными трудностями. Установленные государством нормы питания детей не соответствовали потребностям детского организма. Молочные кухни ввиду отсутствия достаточного количества финансовых средств на приобретение продуктов питания и неэффективной организации снабжения продуктами питания нередко не могли обеспечить кормление детей даже по заниженным государственным нормам. По нормам Народного комиссариата здравоохранения РСФСР для приготовления смесей для детей полагалось 1,2 кг сахара в месяц. Фактически в Красноярске одной молочной кухне отпускалось 300 г сахара в месяц на одного ребенка [6, л. 14]. Происходило занижение норм питания ребенка приблизительно в 2,5–4 раза. Качество основных составных элементов детских смесей, приготовляемых на молочных кухнях, оставалось крайне низким.

Несмотря на то что к концу 1920-х гг. молочные кухни были созданы во всех административных центрах Восточной Сибири: Якутске, Красноярске, Иркутске, Чите, Верхнеудинске, данные учреждения оставались малочисленными, малознакомыми большинству населения.

Рост количества молочных кухонь не соответствовал росту численности детского населения в городах Восточной Сибири. Молочные кухни ввиду малочисленности, трудностей финансового и организационного характера вследствие ограниченности ресурсов советской власти не могли удовлетворить потребности городского населения. Тем не менее в течение 1920-х гг. изменилась функциональная направленность молочных кухонь. Если в начале 1920-х гг. молочные кухни создавались с целью предотвращения детской смертности, то в конце 1920-х гг. данные учреждения начали выполнять функцию распространения общественного питания среди детского населения. В течение 1920-х гг. молочные кухни еще окончательно не укрепились в качестве необходимого элемента повседневности, прочно не вошли в бытовую культуру городского населения, продолжали оставаться новшеством.

Список литературы

1. Государственный архив Забайкальского края (ГАЗК). Ф. р-623. Оп. 1. Д. 3
2. ГАЗК. Ф. р-1393. Оп. 1. Д. 119.
3. ГАЗК Ф. р-1448. Оп. 1. Д. 227.
4. Государственный архив Иркутской области. Ф. р-3101. Оп. 1. Д. 55.
5. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. п-10. Оп. 1. Д. 91.
6. ГАКК Ф. р-319. Оп. 1. Д. 24.
7. ГАКК Ф. р-319. Оп. 1. Д. 494.
8. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города: нормы и аномалии, 1920–1930-е гг. / Н. Б. Лебина. – СПб. : Нева, 1999. – 320 с.
9. Мичник З. О. Мать и ребенок / З. О. Мичник, А. Н. Антонов. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. ; Л. : Госиздат, 1928. – 314 с.
10. Национальный архив Республики Саха (Якутия) (НАРС). Ф. 58. Оп. 1. Д. 44.
11. НАРС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 45.
12. НАРС. Ф. 58. Оп. 1. Д. 46.
13. Орлова И. В. Социальные проблемы нэпа: пути их решения в Иркутской и Енисейской губерниях / И. В. Орлова. – Иркутск, 2009. – 232 с.

“Dairy Kitchen” as a Part of New 1920s Everyday Culture of the Urban Population in Eastern Siberia

E. N. Afanasova

Baikal State University of Economics and Law (Branch), Ust-Ilimsk

Abstract. The author analyses the origin and development of special project of providing children under two with free dairy products as part of new everyday culture in Eastern Siberia in 1920s. Reasons for introducing the project are given. Statistical data showing its efficiency are presented.

Keywords: dairy kitchen, Eastern Siberia, maternity.

Афанасова Елена Николаевна – кандидат исторических наук, кафедра права и гуманитарных наук, Байкальский государственный университет экономики и права, филиал, 666673, г. Усть-Илимск, ул. Ленина, 20 в, тел.: 8(39535)73005, e-mail: lebeden81@mail.ru

Afanasova Elena Nikolaevna – Candidate of Sciences (History), Subdepartment of Law and Humanitarian Sciences, Baikal State University of Economics and Law, Branch, 666673, 20B, Lenina st., Ust-Ilimsk, tel.: 8(39535)73005, e-mail: lebeden81@mail.ru

Институт генерал-губернаторства и жандармерия Восточной Сибири (1905–1917 гг.)

Д. А. Бакшт

*Красноярский государственный педагогический университет
им. В. П. Астафьева, г. Красноярск*

Аннотация. В статье рассматривается процесс взаимоотношений генерал-губернаторов Восточной Сибири и органов жандармерии в заключительный период существования российской монархии. Показано, как региональный, личный и ведомственные факторы влияли на осуществление репрессий против оппозиции.

Ключевые слова: генерал-губернатор, Корпус жандармов, Департамент полиции, Восточная Сибирь, революция.

Изучение органов императорской власти на окраинах в исторической науке обычно строится на основе концентрации исследовательского внимания на одном предмете. Межинституциональные связи при данном фокусе смещаются на периферию внимания и становятся фоном основного повествования. Между тем потенциал изучения данных процессов достаточно объемён: процессы показаны в динамике, расширяется контекст и увеличивается количество факторов.

Современная историография, главным образом, рассматривает взаимоотношения жандармских структур с губернаторами. Это связано тем, что должности последних, в отличие от генерал-губернаторов, существовали на большей части империи на заключительном этапе ее существования. Мнения исследователей расходятся: от постепенного сращивания жандармерии с остальными органами регионального управления [1, с. 169] до их взаимной конфронтации. Существует и ряд трудов, характеризующих сложность взаимоотношений генерал-губернаторов и жандармов.

Частные случаи, показанные в историографии на примере Средней Азии, Финляндии, оккупационных территорий в Галиции, нерепрезентативны для аналогичных структур в Сибири. Объяснением является тот факт, что каждое генерал-губернаторство создавалось под территории, требовавшие особых подходов в управлении.

Восточная Сибирь в исследуемый период в административном отношении объединялась Иркутским генерал-губернаторством (с 1887 г.). В него включалась Иркутская и Енисейская губернии, Якутская и Забайкальская области, Урянхайский край (протекторат, с 1914 г.). В каждой из административных единиц присутствовали жандармские подразделения. Губернское жандармское управление (ГЖУ) долгое время было основным региональным органом, закрепленным «Положением о Корпусе жандармов» (1867). Его начальники подчинялись только командиру Корпуса и не были частью губернского аппарата. Территория ответственности ГЖУ совпадала с административными границами регионов. В Восточной Сибири таковых было всего два: Иркутское ГЖУ (Иркутская губерния, Якутская и Забайкальская области) и Енисейское ГЖУ (Енисейская губерния).

Как особенность ГЖУ указывают двойное соподчинение МВД («по розыску») и Военному министерству («по строевой части»). Этим жандармерия должна была приобрести ведомственную независимость. Восточносибирский вариант управленческой модели несколько иной: генерал-губернатор совмещал должность командующего военным округом и, таким образом, имел рычаги влияния по военной линии.

Развитие революционного движения в России на рубеже XIX–XX вв. спровоцировало распространение на периферию столичной практики – охранных отделений. Их основная функция – осуществление розыскных функций в «политических» делах (ГЖУ оставалось только производство следственных действий и дознаний). Впервые масштабное внедрение осуществлено директором Департамента полиции (ДП) МВД С. В. Зубатовым (1903–1904 гг.): охранные отделения были открыты в Иркутске, Красноярске и Чите. Данные образования были выведены не только из-под генерал-губернаторского и губернаторского прямого влияния, но и жандармских начальников.

После ухода С. В. Зубатова охранные отделения стали закрываться. Первая революция заставила пересмотреть устройство полиции. В Иркутском генерал-губернаторстве было создано Восточно-Сибирское районное охранное отделение (РОО). В Иркутске, в отличие от Красноярска, было сохранено охранное отделение, где помощником начальника состоял ученик Зубатова Б. А. Герарди (1903–1905), поэтому первоначальная модель «ох-

ранки» здесь была сохранена, став базой для формирования межрегионального органа политической полиции [2, с. 97].

РОО возглавлялись начальниками, которые имели право совмещать должности с начальниками ГЖУ. За время существования этого учреждения в Восточной Сибири оно практически всегда было совмещено с начальством над Иркутским ГЖУ. В Сибири централизованная (неразделенная) модель связала межгубернский жандармский розыск, учреждения дознания в губерниях (по политическим делам) и институты, выносящие вердикт по чрезвычайному законодательству (генерал-губернатор, губернатор, военно-окружной суд). Все концентрировалось в едином центре – в Иркутске.

Например, при организации розыскного пункта в Красноярске (декабрь, 1907 г.) начальник Енисейского ГЖУ писал в ДП МВД, что вопросы организации и связь с Иркутском им установлена личной поездкой на специальное совещание, проводимое полковником Кременецким [3, л. 10-10об.].

Значительная удаленность регионов Сибири не позволяла оперативно вмешиваться генерал-губернатору в непосредственную работу жандармерии. Это вынуждало его действовать посредством губернаторов или специально назначаемых чиновников. Так, во время операции по ликвидации банды анархистов в Туруханском крае («Туруханский бунт», зима 1908-1909 гг.) руководство иркутского генерал-губернатора велось через временное генерал-губернаторство. Во время значительного конфликта енисейского губернатора А. Н. Гирса и жандармов в Красноярск был послан управляющий канцелярией иркутского генерал-губернатора Шишкин [4, л. 4-4об.].

Зафиксирован случай прямого обращения генерал-губернатора Л. М. Князева к жандармерии для проверки собственных сотрудников. В конце 1912 г. в Олекминский и Витимский горные округа был послан с инспекторской проверкой делопроизводитель генерал-губернаторской канцелярии Лобученко. Недовольный его отчетом и подозревая его в злоупотреблениях, Князев поручает жандармскому подполковнику Шиманскому проверить эти опасения. В результате, опираясь на полученные сведения, генерал-губернатор отозвал своего чиновника, произведя замену [5, л. 9-12об.].

Данный факт является показателем сложности взаимоотношения региональной бюрократии. С одной стороны, испорчена репутация жандармских офицеров после Ленского расстрела (1912 г.), с другой – поручение деликатного дела, связанного с золотопромышленностью. Сам же Князев не питал особых симпатий к жандармскому ведомству. Будучи губернатором Курляндии, на одном из совещаний он высказался за существенное ограничение Корпуса жандармов [6, с. 134].

Личное соприкосновение генерал-губернаторов с жандармерией происходило в вопросах производства суда и следствия по «политическим делам» в рамках чрезвычайного законодательства. *Судебные уставы*, распространенные и на Сибирь (с 1897 г.) либо ограничивали, либо вообще не допускали участия данных институтов в процессе. Однако в местностях, объявленных на исключительном («охранном» или военном) положении, жандармерия становится главным органом досудебной фазы процесса, генерал-губернатор – последней региональной инстанцией, утверждающей приговор перед одобрением в МВД.

В исторической науке замечено, что меры по либерализации имперского законодательства не только не уменьшили насилие в обществе, но и привели к обратным последствиям. Начиная с 1906 г. происходило значительное расширение чрезвычайных полномочий как центральных ведомств, так и местных властей. Мы уже показывали данный процесс и масштабы жандармских репрессий на примере Енисейской губернии [7, с. 159–162].

Отметим, что военное положение, несмотря на широкое применение, не устраивало ни генерал-губернаторов, ни губернаторов, ни жандармов. Для чиновников было достаточно «усиленной охраны»: так, степной и иркутский генерал-губернаторы (генералы Шмидт и Селиванов) объединили свои усилия для отмены военного положения в зоне Транссиба (август 1909 г.), испрашивая каждый региональные власти [8, л. 41–42]. Это решение вызвало одобрение как губернаторов, так и жандармерии.

Другой генерал-губернатор, Л. М. Князев, был противником и этого метода управления, главным образом в вопросах политики. В сибирской прессе опубликовано достаточное количество «обязательных постановлений» Князева, но большинство из них касались вопросов оборота оружия, правил продажи вина, поддержания нравственности, а с начала мировой войны – и военнопленных.

Князев выпустил большой циркуляр (январь 1914 г.) о том, что жандармские ходатайства о высылках «свидетельствуют о весьма частых отступлениях от существующих на сей предмет указаний закона и многочисленных циркуляров» [9, л. 1–5]. Он добился центральной проверки жандармерии Восточной Сибири (весна 1915 г.) [10, л. 41–47]. Только заступничество В. Ф. Джунковского (командир Корпуса жандармов, 1912–1915 гг.) за своих подчиненных несколько погасило конфликт. Полковник М. С. Байков (начальник Енисейского ГЖУ, 1911–1916 гг.) писал в МВД (февраль 1915 г.): «...Типичная особенность работы в Сибири среди опытных и выдавших виды революционеров (имеется в виду ссылка. – Д. Б.) не дает возможность привлечь арестованных к формальному дознанию», тогда как агентурные данные не были основанием для высылки [11, л. 190].

Смертная казнь, широко применявшаяся в том числе и в Сибири в период Первой революции, при Л. Князеве не являлась финалом жандармских расследований даже в период мировой войны. Из постановлений военных судов округа (1914–1916 гг.) генерал-губернатор утвердил смертную казнь только 22 подсудимым, 5 – каторгу. Еще 26 осужденным повешение было смягчено каторгой. Сущность дел касалась только крайних проявлений уголовного характера (убийства, бандитизм) [10, л. 41–47].

Министерская «чехарда» в столице и постоянная смена руководства приводили к размежеванию ведомств на местах. Например, генерал-губернатор противодействовал жандармским преследованиям баптистов (сентябрь 1915 г. – октябрь 1916 г.), несмотря на то, что они были спровоцированы МВД. Кроме того, жандармерия Восточной Сибири также не была едина: в 1912 г. Енисейскую губернию перевели в ведомство Томского РОО, а после его упразднения (1913 г.) не был восстановлен контроль Иркутска. Сохранившееся Иркутское РОО, хотя и было признано координирующим центром для жандармерии Восточной Сибири и русского Дальнего Востока, потеряло тесную связь со многими железнодорожными отделениями. К этому добавим, что к моменту падения монархии в сибирских провинциях возросла роль военного руководства и начальников гарнизонов, не считавшихся ни с генерал-губернатором, ни тем более с жандармами.

Таким образом, последнее десятилетие российской монархии характеризуется деградацией управления на окраинах, расстройством межведомственных связей, обострением конфронтации местных полицейских органов. Институты, призванные поддерживать власть императора на окраинах (генерал-губернатор и жандармерия), в Восточной Сибири перестали функционировать в едином векторе.

Список литературы

1. Власть в Сибири. XVI – начало XX в. / сост. М. О. Акиншин, А. В. Ремнев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск : Сова, 2005. – 696 с.
2. Ульянова Л. В. Социально-профессиональный портрет политической полиции Российской империи (1880–1905) // Вестн. Перм. гос. ун-та. Сер. История. – 2009. – Вып. 2 (9).
3. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 827. Оп. 3. Д. 171.
4. ГАКК. Ф. 595. Оп. 7. Д. 498.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. Оп. 316. Д. 50, ч. 1.
6. Романов К. С. Департамент полиции МВД России накануне и в годы первой мировой войны (1913–1917 гг.): дис. ... д-ра ист. наук / К. С. Романов. – СПб., 2002. – 274 с.
7. Бакшт Д. А. Использование чрезвычайного законодательства в Енисейской губернии в межреволюционный период (1907–1917 гг.) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2012. – № 2–1. – С. 158–164.
8. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 5141.
9. ГАКК. Ф. 595. Оп. 63. Д. 7204.
10. ГАРФ. Ф. 102. Оп. 212. Д. 3, ч. 17.
11. ГАКК. Ф. 827. Оп. 2. Д. 97.

Governor General Institution and Gendarmerie in Eastern Siberia (1905–1917)

D. A. Buksht

V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, Krasnoyarsk

Abstract. The paper considers interrelationships of governor generals of East Siberia and gendarmerie bodies at the end of Russian monarchy. Influence of regional, personal and departmental factors on opposition repression is shown

Keywords: governor general, gendarme corps, police department, East Siberia, revolution.

Бакушт Дмитрий Алексеевич – ассистент, кафедра отечественной истории, Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева, 660049, г. Красноярск, ул. Ады Лебедевой, 89, тел.: 8(391)2171717, e-mail: baksh@mail.ru

Buksht Dmitry Alekseevich – Teaching Assistant, Subdepartment of History of Russia, V. P. Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University, 660049, 89, Ady Lebedevoy st, Krasnoyarsk, tel.: 8(391)2171717, e-mail: baksh@mail.ru

Некоторые аспекты смертности в Хакасии в 1990–2000-е гг.*

Н. А. Баранцева

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, г. Абакан

Аннотация. В статье выявляются динамика и характер смертности жителей Хакасии, обусловившие трансформацию естественного движения населения к началу 2010-х гг. от превышения смертности над рождаемостью в сторону положительной динамики развития народонаселения региона.

Ключевые слова: естественное движение населения, смертность, Хакасия.

В период между переписями населения 1989 и 2010 гг. численность жителей Республики Хакасия сократилась с 566,86 до 532,4 тыс. чел. Текущая статистика зафиксировала в 2013 г. небольшой прирост населения (533,0 тыс.) [1, с. 12; 2, с. 8]. Однако в течение последних десяти лет увеличение жителей происходило только в столице – Абакане – с 165,2 до 169,7 тыс. и двух центральных районах – Алтайском – с 23,9 до 25,8 тыс. и Усть-Абаканском – с 39,3 до 40,6 тыс. чел., в том числе за счет миграции. В остальных городах население сократилось: с 76,4 до 75,1 тыс. в Черногорске, с 64,6 до 62,3 тыс. в Саяногорске, с 18,0 до 16,5 тыс. в Абазе, с 13,2 до 11,7 тыс. чел. в Сорске. В Аскизском районе, где концентрировалась большая часть хакасов республики, население уменьшилось с 43,5 до 40,0 тыс. Сокращение жителей отмечалось и в других районах: Ширинском – с 31,5 до 28,2 тыс., Бейском – с 21,1 до 19,2 тыс., Таштыпском – с 16,5 до 16,2 тыс., Боградском – с 16,3 до 15,4 тыс., Орджоникидзевском – с 15,7 до 12,3 тыс. чел. [3].

Большую часть этого времени фиксировалась естественная убыль населения вследствие превышения числа умерших над родившимися. Высокая смертность населения серьезно осложняла социально-демографическую ситуацию в республике. Общие характеристики естественного движения в Хакасии в 1990-е – начале 2000-х гг. в связи с негативным влиянием рыночных реформ на социально-демографическую сферу республики нашли отражение в статьях, материалах конференций, диссертационных и монографических исследованиях [4–10]. Вместе с тем особенно

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14-01-00231).

сти развития естественного движения населения, в том числе смертности в 2010-е гг., еще не получили освещения в научных исследованиях. Данная статья в известной мере восполняет данный пробел.

Таблица 1 [3; 11, с. 2]

Численность умерших в Республике Хакасия (чел.)

год	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
	5526	6060	6195	6844	8387	9436	8186	8093	7766	7821	8304	8104
год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
	8561	9280	9660	8763	9411	7927	7324	7427	7255	7373	7154	7137

С 1989 по 2012 г. число умерших в республике выросло в 1,3 раза (табл. 1). Максимальный рост пришелся на 1993–1996 и 2001–2005 гг. Общий коэффициент смертности, учитывавший число умерших на 1 тыс. жителей и исчислявшийся в промилле (‰), увеличился с 9,7 до 13,4‰ (табл. 2). Хакасия, как и Российская Федерация в целом, была отброшена по показателям смертности далеко назад по сравнению с 1965–1970 гг., когда были достигнуты серьезные результаты в борьбе со сверхсмертностью населения, не превышавшей в те годы 7,4 и 8,4‰. Наивысшие показатели смертности отмечались в Хакасии в 1994 г. (16,5‰) и 2003 г. (17,8‰). На протяжении двух десятилетий общий коэффициент смертности в сельской местности был выше, чем в городских поселениях. Так, в 1994 г. среди горожан он достигал 15,6‰, сельчан – 18,8‰, в 2003 г. – соответственно 16,2 и 21,7‰ [3, с. 5–7].

Высокий уровень смертности, являвшийся причиной естественной убыли населения, был вызван рядом факторов: развалом достаточно эффективной и доступной системы здравоохранения, удорожанием лекарств, ухудшением экологической ситуации. Повышению смертности способствовали психологические стрессы, связанные с ростом безработицы, ухудшением уровня и качества жизни, рост социальной патологии: алкоголизм, наркомания, преступность, суициды. Число умерших от отравлений алкоголем в 2000 г. оказалось в 3,4 раза больше, чем в 1990 г. [6, с. 129]. Распространились, казалось бы, полностью побежденные и исчезнувшие болезни – дифтерия, дизентерия, туберкулез, сифилис и пр.

Коэффициент смертности в Республике Хакасия был в целом сопоставим с данными по РФ в 1990–2000-е гг. К 2010 г. реги-

он оказался на 32-м месте в стране по этому показателю [12, с. 56–57; 13, с. 64–65] (табл. 2).

Таблица 2 [3; 13, с. 2]

Общий коэффициент смертности в Республике Хакасия
(в ‰ на 1 тыс. чел. приходится умерших)

год	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
коэф.	9,7	10,6	10,8	11,9	14,6	16,5	14,3	14,2	13,7	13,9	14,8	14,6
год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
коэф.	15,5	17,0	17,8	16,2	17,4	14,8	13,6	14,0	13,6	13,8	13,4	13,4

Снижение численности умерших началось в 2006 г., остановившись на отметке 7137 чел. в 2012 г. (13,4‰). В городах Абакан и Саяногорск, где смертность была ниже: в 2003 г. соответственно 15,1 и 12,6‰, общий коэффициент смертности опустился в 2012 г. до наиболее низких величин в республике – 12,1 и 11,0‰. В промышленно-депрессивных, экологически неблагоприятных городах Абаза и Сорск смертность снизилась соответственно с 18,5 и 21,1‰ до 15,0‰. Смертность в сельской местности была значительно выше, чем в городских поселениях, за исключением Алтайского района (17,6‰). Показатели смертности в 2003 г. достигли 24,3‰ в Таштыпском районе, 23,4‰ – Ширинском, 23,3‰ – Орджоникидзевском, 23,2‰ – Богградском. Промежуточные показатели дали Аскизский (20,5‰) и Бейский (20,5‰) районы [11, с. 11; 3].

Особенно заметно смертность сократилась в Таштыпском, Аскизском, Усть-Абаканском районах, составив соответственно 13,5, 14,1, 13,4‰. Общий коэффициент смертности оставался очень высоким в Богградском (17,3‰), Орджоникидзевском (17,5‰) и Ширинском (18,5‰) районах [11, с. 11; 3].

Снижению смертности населения способствовали социально-экономическая стабилизация, рост доходов населения, обусловившие большую доступность платных медицинских услуг, улучшение качества жизни, в большей степени затронувшие городские местности Хакасии. Демографическая ситуация в сельских районах оставалась достаточно сложной.

Для понимания характера смертности населения важно проследить, в каких возрастных группах она концентрировалась и как распределялась по полам (табл. 3). По данным 2007 г., основная доля умерших в Хакасии приходилась на средние и старшие возрастные группы. Крайне негативной тенденцией являлось то,

что на трудоспособное население приходилось 33,8 %. Среди мужчин доля умерших в трудоспособном возрасте была критической – 47,9 %, не превышая 17,4 % среди женщин. В сельской местности данные показатели были хуже, чем в целом в республике, составляя 49,7 % у мужского населения, 19,0 % – женского. Мужская сверхсмертность наблюдалась в поколениях 45–49, 50–54, 55–59 лет, что в 1,5–2 раза превышало смертность среди женщин. Значителен был удельный вес мужчин, умерших в бракоспособных возрастах: 20–24 (2,3 %), 25–29 (3,4 %), 30–34 (3,8 %), что негативно сказывалось на половозрастной структуре населения, состоянии семейно-брачных отношений и рождаемости [11, с. 22–24].

Таблица 3 [11, с. 22]

Распределение умерших по возрасту в Республике Хакасия (2007 г.)

Всего умерших, в том числе в возрасте: лет	оба пола		мужчины		женщины	
	чело- век	в % к итогу	чело- век	в % к итогу	чело- век	в % к итогу
	7324	100,0	3931	100,0	3393	100,0
0–4	119	1,6	77	2,0	42	1,2
5–9	12	0,2	5	0,1	7	1,2
10–14	16	0,2	10	0,3	6	0,2
15–19	67	0,9	44	1,1	23	0,7
20–24	119	1,6	89	2,3	30	0,9
25–29	181	2,5	134	3,4	47	1,4
30–34	195	2,7	150	3,8	64	1,9
35–39	214	2,9	150	3,8	45	1,3
40–44	259	3,5	191	4,9	68	2,0
45–49	417	5,7	308	7,8	109	3,2
50–54	585	8,0	378	9,6	207	6,1
55–59	643	8,8	443	11,3	200	5,9
60–64	363	5,0	229	5,8	134	3,9
65–69	820	11,2	481	12,2	339	10,0
70–74	831	11,3	420	10,7	411	12,1
75–79	1049	14,3	449	11,4	600	17,7
80–84	765	10,5	231	5,9	534	15,7
85–89	399	5,5	88	2,2	311	9,2
90–94	194	2,6	29	0,7	165	4,9
95–99	45	0,6	6	0,2	40	1,2
100 и более	3	-	-	-	3	0,1
возраст не ука- зан	27	0,4	19	0,5	8	0,2
в трудоспособ- ном возрасте	2474	33,8	1883	47,9	591	17,4

Значительной оставалась младенческая смертность (табл. 4), превышавшая средние показатели по РФ, сократившаяся, однако, с 18,4‰ в 1989 г. до 10,1‰ в 2013 г. Основными причинами ее являлись состояния, возникающие в перинатальном периоде, врожденные аномалии развития, инфекционные и паразитарные болезни, несчастные случаи, отравления и травмы.

Таблица 4

Общие коэффициенты младенческой смертности в Республике Хакасия в ‰
(на 1 тыс. родившихся умерло детей в возрасте до 1 года)

год	1989	1990	1991	1992	1993	1994	1995	1996	1997	1998	1999	2000
коэф.	18,4	18,6	17,6	20,8	21,4	20,8	24,6	28,6	21,4	25,7	21,7	23,8
год	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2012	2013
коэф.	20,6	20,9	18,4	15,7	17,5	15,6	13,5	11,5	8,2	8,5	12,9	10,1

Источник: [11, с. 5; 12, с. 58–59; 13, с. 65–67; 3]

Рост заболеваемости взрослого населения фиксировался текущей статистикой. Если в 1992 г. на 1 тыс. чел. населения было зарегистрировано 567,8 чел. с впервые установленным диагнозом, то в 2004 г. – уже 783,7 чел. [12, с. 62–63]. На протяжении 1990–2000-х гг. классификация умерших по причинам смерти выявила возросшее число болезней системы кровообращения, новообразований, а также рост смертности от несчастных случаев, отравлений и травм, болезней органов дыхания и пищеварения, инфекционных и паразитарных заболеваний. В 2007 г. смертность от сердечнососудистых заболеваний в Хакасии в среднем составляла 702,7 чел. на 100 тыс. жителей. В ряде городских и сельских поселений эти показатели были превышены: Абаза (971,2 чел.), районы Орджоникидзевский (987,1), Ширинский (1049,2 чел.), Бейский (850,3), Алтайский (795,4). Общий коэффициент смертности от раковых заболеваний в среднем составил 185,1, достигнув максимума в городах с высокой антропогенной нагрузкой: Абаза (238,4), Сорск (216,3), Саяногорск (210,5), Абакан (190,0), а также в Таштыпском и Ширинском районах (201,0 и 204,3). Смертность от несчастных случаев, отравлений и травм составила в целом по республике 213,1 на 100 тыс. чел., превысив средние показатели в Сорске (255,0) и сельских районах Хакасии [11, с. 26–29]. В 2013 г. коэффициент смертности из-за болезней системы кровообращения снизился до 649,0, а новообразований вырос до 207,7. Количество смертей от несчастных случаев на 100 тыс. жителей сократилось до 168,1, из них от самоубийств – 39,4, убийств – 14,6 [3].

Рост смертности населения, особенно в средних и старших поколениях, обусловил сокращение ожидаемой продолжительности жизни при рождении, дифференцируемой по полам. Если в 1989–1990 гг. ожидаемая продолжительность жизни составляла для населения России 69,38 лет (мужчин – 63,99, женщин – 74,37), то в 2004 г. она сократилась до 65,27 лет (мужчин – 58,89, женщин – 72,3). Хакасия заняла 62-е место в стране, поскольку показатели оказались значительно ниже – 62,37 (56,37 и 69,06) [12, с. 62, 63; 14, с. 405].

Давая оценку процессам естественного движения населения в Хакасии в 1990–2000-е гг., следует сделать вывод, что на протяжении исследуемого периода, несмотря на скачкообразный характер смертности, произошел рост ее абсолютных и относительных показателей. Смертность концентрировалась в средних и старших возрастных группах, поскольку шел процесс неуклонного снижения рождаемости и старения населения. Большую часть названного периода происходила убыль населения региона, в связи с чем республиканские органы власти и здравоохранения основные усилия направляли на борьбу со сверхсмертностью населения, особенно мужчин в трудоспособных возрастах, охрану материнства и младенчества.

Список литературы

1. Сборник по материалам всесоюзной переписи населения 1989 г. Распределение населения по полу, возрасту, источникам средств существования, уровню образования. – Абакан : Госкомитет РСФСР по статистике. Хакас. обл. упр. статистики, 1991. – 110 с.
2. Основные итоги Всероссийской переписи населения 2010 г. по Сибирскому Федеральному округу. – Абакан : Федер. служба гос. статистики. Тер. орган ФСГС по Респ. Хакасия, 2012. – 37 с.
3. Население Республики Хакасия [Электронный ресурс]. – URL: http://hakasstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/hakasstat/ru/statistics/population/.
4. Богатов Е. А. Основные показатели демографической сферы в Республике Хакасия в 1989–2002 гг. // Саян. ист. ежегодник. – Абакан : Бригантина, 2011. – С. 4–10.
5. Богатов Е. А. Население Саяно-Алтая: историко-демографическое исследование. 1989 – начало XXI в. : автореф. дис. ... канд. ист. наук / Е. А. Богатов. – Абакан, 2007. – 21 с.
6. Коробка В. И. Процессы естественного движения населения Республики Хакасия в период становления рыночных отношений в экономике // Рыночные преобразования и экономика переходного периода в Республике Хакасия. – Абакан : Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2002. – С. 127–130.

7. Костюк В. Г. Проблемы развития хакасского этноса в условиях российских реформ 1990-х гг. (социологическая экспертиза) / В. Г. Костюк, Ю. В. Попков, В. Н. Тугужекова. – Абакан : Стрежень, 2000. – 68 с.
8. Кышпанаков В. А. Тенденции демографического развития Хакасии: 90-е гг. XX в. – начало XXI в. // Сотрудничество Хакасии с сопредельными регионами в развитии экономики и образования. – Абакан : Изд. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000. – С. 82–85.
9. Кышпанаков В. А. О демографической ситуации в Республике Хакасия // Вестн. Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова. – Сер. 8. – Вып. 1. Экономика. – Абакан, 1999. – С. 37–39.
10. Кривоногов В. П. Хакасы в начале XXI в.: современные этнические процессы. – Абакан : Хакас. кн. изд-во, 2011. – 252 с.
11. Динамика естественного движения населения Республики Хакасия : стат. сб. – Абакан : Росстат. Тер. орган ФСГС по Респ. Хакасия, 2008. – 38 с.
12. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005 : стат. сб. – М. : Росстат, 2006. – 982 с.
13. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011 : стат. сб. – М. : Росстат, 2011. – 990 с.
14. Регионы России : информ.-стат. сб. – В 2 т. – Т. 1. – М. : Госкомстат России, 1997. – 666 с.

Some Aspects of Death Rate in Khakassia in 1990–2000

N. A. Barantseva

N. F. Katanov Khakass State University, Abakan

Abstract. The paper reveals the dynamics and nature of death rate of the Khakass showing transformation of population increase from surplus of deaths over births to positive dynamics.

Keywords: population movement, death rate, Khakassia.

Баранцева Наталья Анатольевна – кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой всеобщей истории, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова, 655017, г. Абакан, ул. Ленина, д. 90, тел.: 8(3902)243018, e-mail: barantseva@inbox.ru

Barantseva Natalya Anatolyevna – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Subdepartment of World History, N. F. Katanov Khakass State University, 90, Lenina st., Abakan, 655017, tel.: 8(3902)243018, e-mail: barantseva@inbox.ru

Творчество декабристов в отечественном литературоведении

А. К. Бобков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Литературно-публицистическая деятельность декабристов пронизывает всю их сознательную жизнь. В Сибири все декабристы занимались литературно-публицистической деятельностью, но из-за обысков, цензуры до нас дошла лишь часть написанного декабристами. М. К. Азадовский, М. А. Цявловский, Б. С. Мейлах, Д. Д. Благой и другие литературоведы исследовали творчество декабристов, пытались осмыслить прозу, поэзию, публицистику декабристов и их влияние.

Ключевые слова: декабристы, творчество, литературоведение, публицистика, культура, статьи, проза, сибирский период, исследование.

В 30–40-е гг. прошлого столетия появляются многочисленные работы отечественных литературоведов, филологов о движении декабристов, где рассматривается идеология, роль декабристов в общественно-политической жизни Сибири и делаются попытки изучения журналистской, публицистической деятельности декабристов в Сибири [3; 5; 6; 9; 10; 18].

Литературовед М. А. Цявловский много внимания уделял декабристам. Он обращается к неизданным отрывкам из романа Л. Н. Толстого «Декабристы» [20, с. 3–19], к переписке декабристов П. Н. Свистунова и А. П. Беляева с Л. Н. Толстым [21], обращает внимание на стихотворное послание А. С. Пушкина к В. Ф. Раевскому [19].

Профессор Б. С. Мейлах поднимал тему «Пушкин и литературная борьба декабристов» [16, с. 215], а также «Пушкин в литературных объединениях декабристов» [15]. Он же исследует литературную деятельность декабриста Корниловича [14, с. 414–422], а также публикует монографическое исследование «Декабристы и Пушкин» [13], где сообщает о том, что 50 декабристов были знакомыми и родственниками А. С. Пушкина.

Сибирский литературовед Б. Жеребцов [11, с. 25–59] исследовал творчество Бестужева-Марлинского в Сибири и о Сибири. В. Г. Базанов [3, с. 4] – творчество В. Ф. Раевского. Он подготовил сборник стихотворений «Поэты-декабристы» с комментарием и вступительной статьей [17].

«Идеология 14 декабря, несмотря на уступчивость внешней силе, поборовшей героев Сенатской площади, продолжала жить, развиваться, мужать в наиболее стойких, сознательно верных своих сторонниках», – отмечал во вступительной статье В. Г. Базанов [3, с. 30]. Да, дело декабристов жило и в Сибири, в их литературном творчестве в том числе.

Во второй половине 40–50-х гг. появляются новые интересные литературоведческие работы, связанные с исторической тематикой. Здесь следует отметить монографию В. Г. Базанова «Владимир Федосеевич Раевский» [3, с. 4], где автор исследует его творчество, обращая особое внимание на литературные, публицистические произведения, появившиеся в Сибири, в частности в связи с иркутской дуэлью Беклимишева и Неклюдова. «В историю декабристского движения Раевский вписал одну из блестящих страниц. Нас интересовала прежде всего личность Раевского – мужественного республиканца, неутомимого пропагандиста декабристских идей, героически преданного идее политической свободы», – писал В. Г. Базанов [3, с. 4]. Литературовед отмечает первого декабриста как «неутомимого пропагандиста». Пропагандистское начало – это одна из особенностей публицистики.

Филолог вводит в оборот неопубликованные стихи, в том числе написанные Раевским в ссылке, в селе Олонки. Стихи эти вписываются в пропагандистскую, публицистическую литературу декабристов в Сибири.

Крупнейший исследователь истории русской литературы В. Г. Базанов в 50-е гг. минувшего столетия изучал поэзию, публицистику, прозу, критику декабристов. «Декабристы выработали свою эстетику, свое понимание культуры; они не только создали свою художественную литературу и публицистику, но и поставили их на службу передовому общественному движению», – замечает В. Базанов [3, с. 4]. Итак, по мнению исследователя, «декабристы... не только создали, но и поставили их на службу...» [3, с. 4]. Как видим, делали это декабристы целенаправленно, исходя из ранее принятых программ.

«Первые опыты декабристской прозы и публицистики были созданы под непосредственным впечатлением Отечественной войны 1812 г. и последовавших за нею событий», – верно замечает В. Базанов [3, с. 9].

Рассматривая литературно-публицистическое творчество декабристов в развитии, исследователь делает вывод, что «декабристы в тюрьмах, в местах ссылки и поселения продолжали литературную работу в прежнем направлении – духовно не сложенные, убежденные в правоте своих идей... декабристская литература в годы каторги и ссылки обогащается новыми мотивами, явившимися в результате пережитой декабристской трагедии, неудавшегося восстания и последовавшей за ним поры новых впечатлений и житейского опыта» [3, с. 336–337]. Да, декабристы, находясь на каторге и поселении, испытывая лишения и невзгоды, получили такой опыт, что его хватило бы на жизнь многих людей.

Профессор Базанов совершенно верно замечает: «Деятельность декабристов в Сибири далеко выходит за пределы краеведческих занятий и культурно-просветительской работы. Ссылные декабристы выдвинули из своих рядов крупнейших писателей, которые продолжали литературное дело Рыльева, вписали в историю декабристской литературы новую и вполне оригинальную главу, доведя декабристскую тему до ее органического конца, до изображения вооруженного восстания 14 декабря 1825 г., последовавшей расправы над декабристами и наступившей политической ссылки», – делает вывод В. Базанов [3, с. 338]. Следует согласиться с выводом историка литературы о едином, комплексном характере литературно-публицистических работ в творчестве декабристов начиная с периода существования Северного и Южного тайных обществ и Общества соединенных славян.

«Возвращение России земель по Амуру было любимой мечтой Д. И. Завалишина. Сначала генерал-губернатор Н. Н. Муравьев, прислушиваясь к голосу образованного декабриста, сделал Читу центром области, поручил ему составить план построек в городе, принимал во внимание его советы при подготовке экспедиции на Амур», – писала Лидия Чуковская [22, с. 152]. Когда же появились публицистические статьи Д. И. Завалишина в «Морском сборнике», в которых описывались преступно-небрежные факты в важном деле освоения Амура, Завалишин сделался неуютным Н. Н. Муравьеву.

Литературоведы Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах также внесли свой вклад в изучение литературного, публицистического творчества декабристов [12, с. 21–331]. В книге Б. С.

Мейлаха [13] делается попытка создания общей картины связей Пушкина с освободительным движением декабристской эпохи на протяжении жизни поэта – с юных лет и до гибели. Б. С. Мейлах пишет: «...не будучи членом тайного общества, Пушкин фактически жил в среде его вождей и деятелей, участвовал в пропаганде его идей» [13, с. 57].

В обстоятельных статьях авторы и, в частности, Д. Благой, Б. Городецкий, Б. Мейлах, обращаются к творчеству А. А. Бестужева-Марлинского, Н. А. Бестужева, М. С. Лунина, Н. А. Чижова, А. И. Одоевского, В. И. Штейнгеля периода каторги и ссылки. Авторы при этом считали, что декабристы умело использовали литературу и публицистику, будучи на каторге и в ссылке, для разъяснения и своих позиций, и своих устремлений здесь, в Сибири, на положении государственных преступников.

«Декабристская проза, будь то путевые заметки или очерки, автобиографические произведения в форме писем или дневников, повести на историческом и современном материале, в силу особой общественной позиции их авторов (богатый жизненный опыт, образованность, чувство особой ответственности за происходящее, размышления о закономерностях исторического процесса, стремление изменить социальный строй России) всегда, хотя и в разной степени, была искусством новаторским, передовым. В этом, как и в воспроизведении вольнолюбивых гражданских идей и в обрисовке сильных, мужественных характеров, заключался огромный вклад писателей-декабристов в русскую умственную и духовную жизнь», – совершенно верно писала А. В. Архипова [2, с. 174]. Публицистикой были пронизаны все прозаические, поэтические произведения декабристов.

В оборот также вводились и этнографические материалы. Фольклорист А. В. Гуревич в 1930-е гг. собрал предания, легенды, устные рассказы о декабристах. Они проливают свет на многие стороны жизни «государственных преступников» [7; 8], отношение к ним простого народа, а также на их деятельность в Сибири. Материалы, собранные фольклористом, свидетельствуют, что декабристы оказали огромное влияние на все стороны жизни сибиряков и в особенности на оживление общественно-политической деятельности.

В 50-е гг. XX столетия в работах о декабристах, в теме «Декабристы в Сибири», все еще робко, но уже заметнее стала про-

являться обширная, малоизученная тема «Влияние публицистики декабристов на социокультурную среду Сибири».

В 1954 г. вышел из печати 59-й том «Литературного наследства», где помещена работа М. К. Азадовского «Затерянные и утраченные произведения декабристов» с подзаголовком «Историко-библиографический обзор». Здесь М. К. Азадовский большое внимание уделил публицистике декабристов. XII глава обзора так и называется – «Публицистика декабристов» [1, с. 150–202]. Этот труд имел важное значение в историографии декабристского движения, а именно в развитии и уточнении тематики декабристоведения. По мнению ученого, одна из важных составляющих частей декабристоведения – это публицистика декабристов.

Декабристы оставили добрую память о себе в Сибири. Более того, при всех превратностях судьбы они сохранили теплые воспоминания о крае и многое сделали в Сибири, и в том числе на поприще литературы, публицистики, просвещения, культуры.

Таким образом, в отечественном декабристоведении можно выделить несколько этапов: официальный, досоветский, советский и постсоветский. Мы полагаем, что особое развитие декабристоведческая наука получила в 1920–1991-е гг., т. е. в советский период. Была проделана большая исследовательская работа по изучению общественно-политических взглядов, культурно-просветительской деятельности декабристов, а также их жизни и т. д. Именно в советский период возникла тема «Декабристы и Сибирь». Филология также внесла свой вклад в декабристоведение. Труды Б. С. Мейлаха, М. А. Цявловского, В. Г. Базанова посвящены осмыслению прозы, поэзии декабристов. Также была предпринята попытка исследования публицистики декабристов. Это позволяет нам сделать вывод о том, что отечественное декабристоведение развивалось и вширь, и вглубь.

Полагаем, что наша тема специального изучения все-таки не получила, что является дополнительным свидетельством ее научной востребованности и актуальности.

Список литературы

1. Азадовский М. К. Страницы истории декабризма. Кн. 2 / М. К. Азадовский. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1992. – ? с.
2. Архипова А. В. Литературное дело декабристов / А. В. Архипова – Л. : Наука, 1987. – ? с.
3. Базанов В. Г. Владимир Федосеевич Раевский. Новые материалы / В. Г. Базанов. – Л. ; М. : Изд-во АН СССР, 1949.

4. Базанов В. Очерки декабристской литературы. Публицистика. Проза. Критика / В. Базанов. – М. : ГИХЛ, 1953.
5. Бобков А. И. Эпистолярная и мемуарная публицистика декабристов сибирского периода и ее влияние на общество // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2. – С. 130–136.
6. Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ. – М., 1931. – Т. 1.
7. Гуревич А. В. Баргузинские легенды и предания о декабристах: Историко-литературные опыты / под ред. М. К. Азадовского. – Иркутск, 1930.
8. Гуревич А. В. Устные рассказы и легенды о декабристах / А. В. Гуревич. – Иркутск, 1937.
9. Декабристы и их время. Вып. 2. – М., 1932.
10. Дружинин Н. М. Декабрист Никита Муравьев / Н. М. Дружинин. – М., 1933.
11. Жеребцов Б. Писатель-декабрист А. Бестужев-Марлинский и Сибирь // Сиб. огни. – Новосибирск, 1937. – № 9. – С. 25–59.
12. История русской литературы. Т. 6. Литература 1820–1830-х гг. / ред. кол.: Д. Д. Благой, Б. П. Городецкий, Б. С. Мейлах. – М. ; Л., 1953.
13. Мейлах Б. С. Декабристы и Пушкин. Страницы героико-трагической истории / Б. С. Мейлах. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1987.
14. Мейлах Б. Литературная деятельность декабриста Корниловича (по неопубликованным материалам) // Лит. архив. – М. ; Л., 1938. – Т. 1.
15. Мейлах Б. Пушкин в литературных объединениях декабристов // Красная новь. – 1936.
16. Мейлах Б. С. Пушкин и литературная борьба декабристов // Лит. современник. – 1935. – № 10.
17. Поэты-декабристы : сб. стихотворений / сост., вступ. ст. и примеч. В. Базанова. – М. : Худож. лит., 1967.
18. Соколов В. Н. Декабристы в Сибири / В. Н. Соколов. – Новосибирск, 1946.
19. Тайные общества в России в начале XIX столетия : сб. материалов, статей и воспоминаний. – М., 1926.
20. Цявловский М. А. Л. Н. Толстой «Декабристы». Неизданные отрывки из романа // вступ. ст. М. А. Цявловского. – М., 1925.
21. Цявловский М. А. Письма декабристов П. Н. Свистунова и А. П. Беляева к Л. Н. Толстому // Тайные общества в России в начале XIX столетия : сб. материалов, статей и воспоминаний. – М., 1926.
22. Чуковская Лидия. Декабристы-исследователи Сибири // Декабристы в Сибири. – Новосибирск, 1952.

Works of the Decembrists in National Study of literature

A. K. Bobkov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Literary and publicist activity prevailed in Decembrists' conscious experience. All Decembrists were occupied with literary and publicist activity, but because of house-checks and censorship we now have only part of their works. M. K. Azadovskii, M. A. Ts'avlovskii, B. S. Meilakh, D. D. Blogoi and other literary historians trying to make sense of their prose, poetry and publicist writing as well as the effect examined Decembrists' works.

Keywords: Decembrists, works, literature studies, publicist writing, culture, papers, prose, Siberian period, study.

Бобков Анатолий Кириллович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра журналистики и медиаменеджмента, факультет филологии и журналистики, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nad@slovo.isu.ru

Bobkov Anatoly Kirillovich – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Subdepartment of Journalism and Media Management, Department of Philology and Journalism, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nad@slovo.isu.ru

УДК 711.424

Создание региональной идентичности: исторический компонент

А. Б. Бушев

Тверской государственный университет, г. Тверь

Аннотация. Статья представляет два издательских проекта, связанных с описанием создания региональной идентичности – «Классицизм в старом городе» и «Художники венециановской школы». Иллюстративный материал приведен с целью демонстрации автоматизации и девальвации стандартного в оппозиции уникальному, что представляется особенно важным в современном регионе в эпоху дезиндивидуализации и глобализации для осознания уникальности региона.

Ключевые слова: визуальная антропология, городская среда, стили, стандартизация, идентичность, регионализм, культура.

Создание идентичности региона немислимо без повторного открытия истории региона. Рассмотрим два издательских проекта, способствующих созданию региональной идентичности.

Проект «Классицизм в старом городе»

Несколько слов о проекте «Тверь – щедротами Екатерины Второй» [2]. Издатель – Тверское региональное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории культуры. Представленный проект победил в конкурсе социальных проектов «Тверь – объяснение в любви», проводимом администрацией г. Твери в 2012 г. по направлению «Содействие популяризации города Твери, сохранению и возрождению историко-культурного и духовного наследия Тверского края».

Альбом, как видно уже из названия, посвящен екатерининскому веку в Твери и связан с двухсотпятидесятилетием создания

генерального плана города. Последний возник в 1763 г., после уничтожения деревянной Твери пожаром, наряду с планами застройки 350 российских провинциальных городов, утвержденными Екатериной Великой.

Зодчий Петр Никитин, сын художника Романа Никитина, поставил здесь небывалый градостроительный эксперимент, создав «игрушку», «Петербурга уголок», «самый красивый после Петербурга в России город». Средневековая деревянная Тверь за десятилетие превратилась в каменный город в европейском вкусе. Возникают знаменитое трехлучие, застройка центральной улицы и набережной Степана Разина единой фасадой. Никитин был зодчий сравнительно молодой, архитектор профессиональный, желавший готовить зодчих на практике. Екатерина утвердила план Никитина. В его команде подвизается Матвей Казаков – будущий строитель Сената в Московском Кремле.

До екатерининского века в Твери доминирует скученная деревянная застройка, то и дело выгоравшая в ходе страшных пожаров. Екатерине Великой нравилось быть строительницей, нравилось, что с ее именем связывались европеизация, просвещение. В изданном альбоме есть портрет Екатерины Великой, вариант регулярного плана Загородского посада Твери. Интересно прочесть и о масштабах помощи городу в екатерининские времена. За десятилетие построены десятки общественных зданий, 237 частных домов, сделан гигантский рывок. Не сохранились с той поры гостиный двор на Миллионной, сад, подаренный Екатериной городу.

Каждый день мы идем мимо творений Никитина и Казакова, да и поздние дополнения, альтерации вплоть до модерна и эклектики – тоже классицистский город. Классицизм у Никитина и Казакова – это более сдержанный, менее склонный к торжественной виртуозности, чем у Баженова стиль. Благодаря Казакову классицизм получил широкое распространение в архитектуре.

«При построении домов должно соблюдать три правила, – учил отвечавший за их работу перед государыней И. И. Бецкой, – твердость, способность и красивость, город в большом есть то же самое, что дом в малом... нужно, чтобы улицы были широки и прямы, площади большие, публичные дома на способных местах... все дома ...на всю улицу... одною сплошною фасадю...». Приятно, что в старом городе, где мы живем, сохрани-

лись целые кварталы домов XVIII в., построенных, как предписывалось. Есть и остатки кварталов, построенных с разрывами фасадов. Говорили, что количество окон в единой фасаде, смотрящей на набережную Волги, первоначально было такое, сколько букв в словах «государыня Екатерина». Интересно, что Никитин отказался от попыток согласовать расположение уцелевших от пожара храмов с контурами новых улиц.

Екатерина Великая любила город, называла его «мой маленький Петербург», отстраивала после пожара, жертвовала на храмы, посылала команду архитекторов. Екатерина Вторая не любила стандарт: «...и все одно и то же, как всегда: храм Януса, да храм Бахуса, храм невесть какого черта и его бабушки... устаревшие, несносные аллегории...».

«Прокладывайте улицы», – такой совет, как мы знаем, дал Екатерине Второй великий французский философ Дени Дидро. Знаменитые три луча – улицы, запроектированные Петром Романовичем Никитиным, проходящие через изящные площади, сохранились в планировке старинного города. На оси плана Никитин помещает 4 площади с собственными функциями – Соборная, Красная, Восьмиугольная, Полуциркульная. Современным градоправителям стоит помнить, что Никитин запроектировал тверские площади пустыми. Запроектированные им дома были двухэтажными, отсюда на старинных фотографиях город выглядит соразмернее, по-другому.

При Екатерине создается шестнадцать центральных кварталов, где дома предписано строить исключительно из камня. Принимается решение переместить домовладельцев победнее к бывшей Ямской слободе. С тех пор и до XX в. известны в Твери Мещанская слобода, старинный погост Лазури, Сенная, Кожевенная слободы, эшафотный сарай, о чем можно прочитать в книге.

При Екатерине создается сплошная и усадебная застройка кварталов Твери. В предместье возле Ямской слободы (современная улица Вагжанова) селились и аристократы, которые привыкли жить просторно. Раздаются ссуды на постройку, а в Заволжье, Затьмачье, Затверечье запрещается на время строить каменные дома, чтобы быстрее рос планируемый каменный город. Екатерина подтвердила план центра города. Историкам известны гигантские средства и выданные и частично прощенные суммы.

Жалко, что нет в городе улиц архитекторов Никитина, Квасова, Казакова, Обухова – они, его устроители, это заслужили.

На 1776 г. приходится последний год деятельности конторы по застройке Твери. В этом году произошла отставка Никитина, и в Твери начал свою работу Федор Штенгель. 2 января 1777 г. Никитин покинул Тверь. Он стал специалистом по «регулярству», которое предстояло вводить в Калуге.

Альбом представляет очерки о кварталах старинного города и старинные фотографии и планы города. Альбом не связан исключительно с екатерининским веком. Представлены в нем и немногочисленные более ранние постройки, и более поздние. А фототоряд – в силу того что фотография появилась позднее, – представляет город таким, каким он вошел в XX в.

В этом альбоме невозможно было бы обойти и кафедральный собор Твери, и упоминания о Тверском кремле. В 1763 г. разбирают последнюю башню деревянного кремля. Построен новый архиерейский дом, который Екатерина сделала своим дворцом, дом губернатора. Преображаются набережная левого берега Волги, где расположен Отрочь монастырь. Тяжело представить ту Тверь, выполнявшую – до возникновения железнодорожного транспорта – роль транзитного пути на водной артерии. Гладь трех рек, волжские пейзажи и зелень неразрывно связаны с пароходами, баржами, лодками Твери-кормилицы. Волга, как и Тверца, покрыта судами, здесь было до 5 тыс. барок ежедневно.

Тверь с Волги выглядит по-другому, доминантами русского города выступают храмы. На сегодня уцелел единственный Вознесенский храм. Велик список утрат: не стало Знаменской, Ильинской, Владимирской церквей. Навсегда исчезла церковь жеманноносцев. Перестроены гостиный двор и городская дума – сегодня это величественный неоклассицистский областной драматический театр. Нет в сегодняшнем городе и памятника Екатерине. Уже в послевоенное время стерта с лица земли кирха. Надстроены дома в центре – а на фотографиях в альбоме видим еще двухэтажный кинотеатр «Вулкан». Вот, например, фотография из альбома «Виды местности на реке Волге от Твери до Казани» 1867 г. Дома от Ильинского (Тверского проспекта) до Трехсвятской одноэтажные, от Владимирского переулка (Студенческого) до Скорбященской улицы (улицы Володарского) – уже двухэтажные. Владельцы домов на Волжской набережной – Куровы, Волковы, Головинский, Коняев, Былинкин... Рядом проживают и

работают торговец обувью Коняев, Бакунин, Аваевы, Нечаевы, Шлыгины, Светогоровы. Старинные тверские фамилии, их потомки живут в городе и поныне...

Неузнаваемо тогдашнее устье Тьмаки – здесь находилась церковь Николы в Капустниках. Дворцовая площадь тогда находилась на месте, где сегодня стадион «Химик». В 1760–1770-х гг. возведен Путевой дворец на месте палат тверского архиепископа. В книге отражена история Спасо-Преображенского собора в Твери. Первое каменное здание тверского Спаса возведено в 1234–1285 гг. западными русскими мастерами. В конце XVII в. древний собор разобрали, построили заново, ориентируясь на московский Успенский собор. Колокольня тверского собора первоначально датировалась 1736–1753 гг., затем перестроена. Уже в XIX в. рядом с тверским собором Святого Спаса планируется постройка нового собора. Новой вехой стал 1935 г., когда собора был разрушен. Рядом с императорским дворцом находились памятники новой эпохи: Ленину, Сталину, Калинин...

Позволим себе привести один упрек уже не столько авторам данного труда, сколько некоторым современным тверским краеведам, ратующим за старину. Многие из них, восторгаясь старинными видами центра Твери, не понимают, что это был совсем другой, маленький город. Показательно умаление или умолчание градостроительных решений XX в., когда в Твери возникают прекрасные здания театра, филармонии, библиотек, домов культуры, кинотеатров, школ, детских садов, мостов, заводов, ТЭЦ, жилых кварталов. В сегодняшнем городе живет народу в десять раз больше, чем в екатерининском, и в шесть больше, чем в начале XX в. Сложные социальные процессы XX в., урбанизация не могли не отразиться на облике города. Позволим привести мнение авторитетного исследователя тверской культуры Галины Лебедевской. Это в доме ее прадеда на Новоторжской, построенном по проекту Росси, находится сегодня бюро технической инвентаризации, доведшее фасады дома до плачевного состояния. Г. Н. Лебедевская, сокрушаясь об утратах, правильно писала, что того города нет и не будет. Надо очень поддаваться конъюнктуре момента, чтобы утверждать, что в XX в. все в городе стало хуже. XX век много и хорошо строил. Любой город развивается. Есть утраты – но есть и приобретения. Шагали модерн и эклектика, осужденные сначала за дурновкусие, а потом поня-

тые как универсальная игра со стилями; пришли конструктивизм, неоклассицизм, современный хай-тек. Все они оставили след на облике города. Увы, утратам не суждено появиться вновь – но надо бережно сохранять то, что есть.

Проект «Художники венециановской школы»

В новой книге Д. Л. Подушкова о художниках венециановской школы [1] есть некоторые краеведческие разыскания, представленные в литературе впервые. В церкви в селе Венецианова (кстати, есть в ней иконы, приписываемые самому художнику) Д. Л. Подушков листал сохранившиеся метрические книги времен Венецианова и исповедные книги. Краевед участвовал в восстановлении биографий героев его картин, крестьян этих мест. Этих героев мы прекрасно помним по «Родной речи» – пастушок, жница, косцы, крестьянские девушки...

Чиновник, помещик, петербургский художник Алексей Гаврилович Венецианов приезжает на удомельскую землю в 1815 г., купив здесь небольшое имение. Здесь впервые (может быть, за исключением Тропинина) возникает национальное в доселе интернациональном русском искусстве, национальная русская жанровая живопись. Принято считать, что образы, найденные художником, – сентиментальны. Новатор, нашедший русские типы, удивительно лиричен. Должно пройти еще полвека, прежде чем появится иной, трезвый и критический взгляд на русскую жизнь, свойственный передвижникам.

Венецианов хозяйствует в своих селах Тронихе и Сафонково, он – просвещенный эконо́м, создает школу и больничку для крестьян. Более 70 учеников-художников живут в семье Венецианова на положении членов семьи. Это отношение к просвещению народа удивляет современников Венецианова. Его ученикам суждено стать петербургскими художниками – Тыранов, Крылов. Нам знакомы и провинциальный портрет середины позапрошлого века, и образцы иконописи кисти художников венециановского круга.

В 1842 г. его учеником становится крепостной Милюкова Григорий Сорока. Венецианов опережает время: так, он выкупает из крепостной зависимости более семи учеников, но этого он не сумел сделать в отношении своего лучшего и любимого ученика последнего периода – Григория Васильева (Сороки). В книге впервые для широкой общественности опубликованы портреты

крепостников Сороки и владельцев усадьбы Островки Милюковых, найденные в Историческом музее, – в этом тоже заслуга автора.

Происходившая более полутора веков назад история привязана в книге Д. Л. Подушкова к этим местам. Показаны церкви, усадьбы. Книга преследует и цель обратиться к современникам и привлечь внимание к состоянию усадеб – где-то дом еще чудом сохранился, где-то был перевезен, где-то в нем библиотека, школа, живут люди. Нам знакомо плачевное состояние усадеб на тверской земле.

Но все же главное в книге – рассказ о судьбах и творчестве Венецианова и Сороки. Ученика Венецианова называли русским Вермеером Дельфтским. Он поднимался над реальностью, его сюжеты хотя и обычны, но времени неподвластны. Это самый яркий художник периода окончания крепостного права.

Трагична гибель Венецианова в Поддубье. Трагична гибель Григория Сороки, не выдержавшего постыдной угрозы телесного наказания и наложившего на себя руки. Есть и противоречия в судьбе героя. Впрочем, в судьбе этого героя книги немало и тайн и легенд, и простых банальных поворотов.

Всего – вместе с карандашными рисунками, выдающими зрелого мастера, – он оставил порядка сорока работ. Плюс иконы, часть из которых хранится в Тверской картинной галере, а часть, приписываемая кисти Венецианова и Сороки, – по сей день служит в храмах на их родной земле. В книге Подушкова опубликованы рисунки Сороки, есть сведения об иконах, приписываемых ему и хранимых в Тверской картинной галерее. Речь ведется об удомельских учениках Венецианова.

Автор книги тверской краевед Д. Л. Подушков сетовал, что мы проходим мимо юбилейных дат, не желая замечать их. Тверская область не отметила крупного юбилея Левитана в 2010 г., не вспомнила про юбилей Константина Коровина. Да, в Третьяковке состоялись прекрасные выставки художников, но на тверской земле, где они жили и творили, юбилеи прошли малозамеченными. А ведь здесь это знаменитое село Островно, здесь живут потомки венециановских героев, здесь художники писали картины, в этих местах появились «У омута», написанные в Старицком районе «Золотая осень», «Март», «Над вечным покоем». Это повергает краеведа в недоумение. Новое поколение школьников плохо знает знаменитых земляков. Тут можно парировать, что не только их.

Мы уже знаем Д. Л. Подушкова как автора книг о Левитане и Коровине. Им создан фильм о Сороке. Есть о чем вспомнить, поклонившись всей плеяде художников, живших и творивших на тверской земле, воспевших ее. Здесь, в Удомельском уезде, в усадьбе в послереволюционные годы жил Борис Вышеславцев, знаменитый русский философ серебряного века. Здесь прошли самые сложные для Коровина годы. Отсюда – пьеса «Чайка». Приезжавший к больному меланхолией другу Левитану доктор Чехов подсмотрел здесь свой сюжет: на колдовском озере, где шесть барских усадеб, художник бросает убитую им чайку к ногам любимой женщины... Отсюда – «У омута» и «Над вечным покоем», здесь рядом Николо-Теребенки, отсюда оркестр Андреева, здесь дача «Чайка» Бялыницкого-Бирули, здесь Гарусово... Лишь в последние годы после долгого перерыва стали экспонироваться картины Жуковского, творившего в этих местах в начале XX в. После революции этот художник уехал в Польшу, пошел навстречу собственной трагедии. Несколько лет назад Тверская картинная галерея устраивала выставку одной картины, тоже созданной в этих местах, – Моравов, «Елка в семье художника». Это крохи. Остается сожалеть, что никто не знает ничего в связи с тем, что галерея не имеет здания в центре города.

Есть сегодня и иные примеры внимания к культурному наследию, сбережения и использования для культурного туризма. Чего стоит один только современный город Плес! Нам пока остается об этом только мечтать.

Список литературы

1. Подушков Д. Л. Художники Венециановской школы. – Тверь, 2013.
2. Тверь – шедротами Екатерины Второй / А. М. Салимов, М. А. Салимова, В. В. Савельев, А. Н. Семенов. – Тверь, 2013.

Regional Identity Construction: Historical Aspect

A. B. Bushev

Tver State University, Tver

Abstract. The paper presents two editorial projects concerned with regional identity construction, they are "Classicism in the old city" and "Venetian school painters". Illustrations demonstrate automation and devaluation of commonality as opposed to uniqueness, which is especially important for the region to become unique during the time of deindividualization and globalization.

Keywords: visual anthropology, urban environment, styles, standardization, identity, regionalism, culture.

Бушев Александр Борисович – доктор филологических наук, профессор, кафедра журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тверской государственный университет, 170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, tel.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru

Bushev Aleksandr Borisovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Subdepartment of Journalism, Advertising and Public Relations, Tver State University, 33, Zhel'abova st., Tver, 170100, tel.: 8(4822)342452, e-mail: alex.bouchev@list.ru

УДК 9(571.1/.5):930.1

Организация изучения сибирской ссылки: по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга

Н. Ф. Васильева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена организации изучения сибирской ссылки Ленинградским отделением Общества политкаторжан (1923–1935 гг.). Автор последовательно анализирует документальные источники Центрального государственного архива Санкт-Петербурга и делает вывод, что бывшие политкаторжане организовали изучение истории сибирской ссылки и собрали уникальный документальный фонд.

Ключевые слова: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), сибирская ссылка, документальные материалы, Общество политкаторжан.

В фонде 506 Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб) имеется значительное количество дел – 1176, в том числе 780 дел общего делопроизводства, которые содержат материалы Ленинградского отделения Общества бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Члены Общества занимались организацией общественной работы и исследованием своего недавнего революционного прошлого, в том числе и сибирской ссылки. Архивные документы Ленинградского отделения были направлены в Государственный архив Ленинграда в 1935 г. после ликвидации Общества. Они поступили в виде скрытой «россыпи» и через какое-то время подверглись научно-технической обработке и научной экспертизе. В 1966 г. фонд был окончательно сформирован и все дела были микрофильмированы – в таком виде они выдаются в настоящее время исследователям.

В связи с тем что работа Общества строилась на выборных началах и рабочий аппарат состоял из небольшого количества

человек, стройной системы делопроизводства в Ленинградском отделении не было. В первую опись попали материалы общего делопроизводства, составленные из резолюций съездов, протоколов и информативных писем центрального совета Общества, из стенограмм и протоколов заседаний президиума совета и пленумов Ленинградского отделения, отчетов о работе отделения, из рукописей и стенографических записей лекций, документов и воспоминаний о жизни и быте каторги и ссылки при царском режиме, о революционной деятельности политкаторжан и их участии в Октябрьской революции и Гражданской войне. Во вторую опись внесены материалы по личному составу членов Общества.

Документальные материалы первой описи систематизированы по хронологически-структурному принципу за 1924–1935 гг. В описи за 1925 г. кроме дел о деятельности правления, землячеств, музейной секции и др. помещены дела литературно-исторической комиссии, в описи за 1934–1935 гг. помещены дела правления, научно-исследовательской исторической комиссии, секции по изучению истории народовольцев, домарксистской, политкаторги и политссылки, истории 1905 г., Гражданской войны, Октябрьской революции, административно-хозяйственной комиссии и др.

Достоинство фонда в полноте и сохранности документального комплекса, что было характерно для общественных организаций. Члены Общества имели довольно высокий образовательный уровень, революционно-пропагандистский стаж, что помогло сформировать и сохранить большой объем архивного материала. В 30–40-е гг. XX в. архивные дела были фактически недоступны для исследователей. Не являясь секретными, они в то же время не были открытыми. Доступность была затруднена из-за политических ориентиров власти, и, как следствие, – объективных возможностей и субъективных соображений сотрудников архива. Такая же картина наблюдалась и в других архивах, где были сосредоточены документальные материалы Общества, например в Москве, Иркутске, Чите и др., где автор по формулярам выдачи дел выявила, что знакомство с документальными источниками начинается только со второй половины 50-х – начала – 60-х гг. XX в.

В архиве содержится три группы документальных источников. Одна часть документальной базы содержит руководящие

документы центрального совета Общества политкаторжан: информативные письма, стенографические отчеты пленумов, доклады, инструкции, протоколы, решения, резолюции, что позволяет изучить организацию исследовательского процесса истории ссылки в центральных структурах Общества.

Вторая часть документов включает руководящие материалы структурного подразделения Общества – Ленинградского отделения: протоколы общих собраний, президиумов совета и самого совета, отчеты отделения за 1925–1934 гг., отчеты и протоколы о деятельности историко-революционных комиссий, секций по изучению истории декабристов и истории народовольцев, культурного влияния политссылки на Сибирь, политической каторги, подсекций, деятельности научно-исследовательской комиссии, созданной в 1934–1935 гг., сводки итогов работы и др.

Третья часть документов содержит непосредственно историю сибирской ссылки. Большая их часть представляет застенографированные воспоминания, дополненные товарищами; рукописи в подлиннике бывших ссыльных революционеров; воспоминания в виде ответов на заранее подготовленные вопросы, темы для коллективных проработок по регионам ссылки и др. Преобладающая часть материалов представляет машинописный текст. Тематика и содержание докладов, рукописей и других документальных материалов позволяет раскрыть специфику сибирской ссылки. Достаточно ознакомиться с некоторыми материалами: Ю. И. Иогансон-Вейде «О жизни в ссылке в Енисейской губернии Канского уезда Тасеевской волости» [2], И. Майнова «О попытке к бегству политссыльных из Якутской области в 1880–1890-е гг.» [3], Д. Тахчогло «Этапом на каторгу и ссылку в Якутскую область», Боровикова «Далекое прошлое» [4], Ильмас «Воспоминания о Киренской ссылке 1912 г.» [5], П. А. Аргунова «О культурном влиянии политссылки в Сургуте и Барнауле» [6], Власова «О работе политссыльных в Томской кооперации» [7], Э. К. Пекарского «О культурной роли политссыльных на население Якутии» [8], Ю. Куберг «Воспоминания о ссылке (пос. Зима Иркутской губ. 1914–1917 гг.» [9], П. Н. Мочульский «Воспоминания о политссылке в Косостепской волости Верхотурского уезда Иркутской губернии в пер. с 1908–1917 гг.» [10], Г. Фролова «Труд политкаторжан на Нерчинской каторге в пер. 1906–1917 гг.» [11], П. М. Юхнова «Шиманская политссылка 1880 г.» и др.

[12]. К середине 1935 г. политкаторжане собрали свыше ста рукописей воспоминаний и помимо отдельных книг готовили к печати семь коллективных сборников [1; 13]. Воспоминая и материалы к ним, как правило, составляют от 10 до 75 страниц. Анализ содержания рукописей говорит о том, что авторы полагались только на свою память, они, как правило, не использовали дневниковых записей, поэтому воспоминания представляют фрагментарные картины ссыльного прошлого в глухом углу России.

Руководящие материалы Ленинградского отделения: протоколы, планы, сводки итогов работы и др. показывают внутреннюю жизнь отделения и помогают раскрыть организацию исследовательского процесса изучения репрессивной политики царизма и политической ссылки [14].

Кроме того, фонд содержит эксклюзивные материалы: фотографии политкаторжан – 350 шт. [15], тексты песен ссыльных и политкаторжан (машинописные и типографские) [16], авторский сборник Н. И. Федорова объемом 111 страниц «Сборник стихотворений из жизни в Сибирской ссылке» ч. 1 [17], ч. 2 [18].

Организация исследовательской работы политкаторжан о революционном прошлом строилась по секциям. В 1928 г. была создана секция по изучению культурного влияния политссылки на местное население, она собиралась один-два раза в месяц, и на своих заседаниях рассматривала разные вопросы ссыльной тематики. Секция состояла из пяти подсекций: Иркутская, Енисейская, Якутская, Дальне-Восточная, Западно-Сибирская. В подсекции иркутян состояло 70 человек (в разные годы количество менялось), енисейцев – около 30 человек, якутов – 9 человек, забайкальцев – 8 человек. Работа подсекций строилась по-разному. Например, в январе 1930 г. на заседании были заслушаны ответы на вопросы и пояснения Э. К. Пекарского, заданные ему еще в ноябре 1929 г. в письменном виде. Такая практика работы существовала во всех историко-исследовательских структурах Общества и была оправдана, так как позволяла докладчику воспроизвести события с детальной точностью. Ответы докладчика стенографировались, и в дальнейшем материалы оседали в делопроизводстве Ленинградского отделения для дальнейшего использования. Докладчик Э. К. Пекарский ответил на 21 вопрос по следующим темам: хозяйственная деятельность и решение бытовых проблем политссыльных, организация взаимопомощи, связь с товарищами, побеги, общественная деятельность, педагогиче-

ская деятельность, вовлеченность в общественную работу местного населения, получение газет и журналов, беседы с местным населением, срок пребывания в Якутии. Вопросы о хозяйственной деятельности были такими: «Сеяли ли хлеб политссылные, в каких размерах, чем обрабатывали землю, откуда брали живую силу и инвентарь, кто из якутских товарищей оседал на земле?». О проблемах взаимопомощи и общественной деятельности ссыльных докладчик должен был ответить на следующие вопросы: «Какие взаимоотношения были у ссыльных с местным населением, насколько были вовлечены в культурную и общественную работу местное улусное и городское население, была ли касса взаимопомощи и на каких условиях она работала?» [19, л. 1–7]. На семи страницах автор подробно рассказал о ссылке в «Ледяной тюрьме». Прошло около 25 лет с момента возвращения его из Сибири, память уже стерла некоторые события, но и то, что сохранилось, скрупулезно собиралось и отложилось в делах Ленинградского отделения.

На следующих двух заседаниях в феврале и апреле этого же года секция заслушала воспоминания Тентера и Певзнера. Тентер поделился воспоминаниями о политической ссылке в с. Чечуйске и г. Киренске в 1912–1917 гг. Певзнер рассказал о Киренской ссылке в 1909–1911 гг. [19, Л. 8–15].

Иногда доклады вызвали острую полемику и даже недовольство. Например, не все присутствующие члены комиссии были удовлетворены докладом Певзнера. Некоторые настаивали на исчерпывающей информации о политических предпочтениях местного населения и требовали облечь все в художественную форму. По мнению Измайлова, доклад слаб, недостаточно ясно показано, какие следы оставило после себя пребывание в Киренске политссыльных в «материально-жизненной обстановке и в духовном облике обывателей». Недовольный оппонент привел доклад другого политссыльного, который был заслушан с интересом, так как представлял не «сухой перечень пунктов, где он побывал, а яркое отображение среды и классовой психологии лиц, с которыми ему приходилось сталкиваться» [19, Л. 12]. На защиту основного докладчика встала Никитина. На ее взгляд, Измайлов предъявляет слишком большие требования к докладчику, так как «не все товарищи обладают художественной жилкой, или хотя бы, одинаковым умением литературного наложения ... Дело секций и отдельных исследователей – использовать

потом черновой материал, который представляют доклады». С ней не согласился Макаренко. По его мнению, пожелания Измайлова нужно считать идеалом, к которому нужно стремиться. «Мнение т. Никитиной менее удовлетворяет... но все же будем просить докладчиков говорить не только о себе, но и о работе товарищей, о настроениях местного населения, его занятиях и об изменениях в хозяйственных навыках и психике его соприкосновения с более культурным элементом ссылки». Спор разгорелся еще по одному поводу: нравственных качеств бывших политкаторжан и ссыльнопоселенцев. Ильмас, дополняющий доклад Певзнера, посчитала Никитина, огульно чернит ссыльнопоселенцев и превозносит каторжан, одних окрашивает черной краской, других – розовой. В свою защиту Ильмас сказал, что на каторгу попадало меньше случайного элемента и сама каторга воспитывала характеры, тогда как на поселение публика попадала без особого отбора, ...особенно с неустойчивым нравственным багажом, не закаляла, а большей частью окончательно развращала его. Тентер не согласился с Ильмасом. По его мнению, розни большой не было, «подаванцы» действительно отделялись, а остальные держались дружно, праздновали Новый год, 1 мая, собиралось до 150 человек.

Бывшие политкаторжане старались выработать не только методы работы, но и направить траекторию своих исследований. Когда стало ясно, что работа секции больше касалась быта ссылки, а не ее культурного влияния, решили секцию «культурного влияния политссылки» переименовать в «секцию по изучению политической ссылки». Название секции в какой-то мере меняло и стратегию изучения своего прошлого. Возникла необходимость более активно поддерживать библиографическую работу, постепенно брать на себя изучение быта каторги, а также этапного следования. Изучение быта ссылки наметили осуществлять в двух направлениях: собирать сведения от живых свидетелей и из опубликованного в литературе материала. Но больше всего сосредоточиться на живых свидетелях. В объем решения таких задач вошла работа по составлению «карты» проживания ссыльных. Швецов уже работал над составлением «карты», он выписывал пункты, куда назначались ссыльные, из «Биобиблиографического словаря деятелей революционного движения в России» за период до 50-х гг. и 50–60-е гг. XIX в. Планировалось составить своеобразный атлас по размещению ссыльных на территории

России, и в частности Сибири. Такие материалы пополнили бы фактический материал истории политической ссылки. На заседании в октябре 1930 г. заслушали доклад Крауберга «О Зиминской ссылке», на следующем заседании – доклад Терского «О кооперации в Зиме и роли в ней политссылных» [19, л. 50]. На этом же заседании рассматривалась работа иркутской подсекции: Алешковский докладывал о поиске пунктов ссылки в Иркутской губернии и фамилии товарищей, которые были в этих местах. Соломонов сообщил, что выявляет фамилии бежавших из Иркутской ссылки.

В «секции по изучению политической ссылки» за период с 1 апреля 1930 г. по 31 марта 1931 г. числилось 40 человек. Из них членов Общества – 31, нечленов – 9. На заседаниях было заслушано 10 докладов о деятельности и культурном влиянии политссылки на население. Особенно плодотворно работала иркутская подсекция. Некоторые доклады были приняты для печати [20]. Подсекция предпринимала попытки проводить работу по поиску могил умерших на поселении, бежавших с места ссылки из Иркутской области, составлению карты ссылки. Она составила темы для коллективных проработок «иркутскими земляками», которая включала 14 пунктов, например «правовое положение и режим ссылки», «материальное положение», «революционное и профессиональное движение в ссылке», «архивные и литературные материалы о ссылке (фото, письма, журналы, дневники, стихотворения, песни и прочие документы)». Менее интенсивно работали подсекции якутская, забайкальская и дальневосточная, не удалось оживить подсекцию библиографическую. Тем не менее бывшие политические репрессированные наметили еще более перспективные планы: продолжать сбор материалов, проработать доклады, а самое главное – «укрепить связь с историко-революционной комиссией и принять меры к опубликованию научных материалов». Макаренко, например, просил поставить вопрос об опубликовании в журнале «Каторга и ссылка» или специальных выпусках сборника материалов по ссылке тематике или предоставить право самостоятельно печатать издания. Однако мешали «объективные обстоятельства». Проблема была в том, что «материалы» не соответствовали определенным критериям, выработанным в центральном совете. Крауберг предложил создать ячейку, которая бы литературно обрабатывала доклады и в готовом виде представляла в Историко-революционную ко-

миссию для окончательной обработки для печати, т. е. «устранения шероховатости в смысле идеологии и стилистики».

Стенографические отчеты дают представление об интенсивности работы секций. В течение 1933 г. секция по изучению политкаторги и политссылки собиралась не менее 11 раз, например трижды в марте и дважды в апреле и декабре.

В 1934 г. Ленинградское отделение приступило к обсуждению плана написания истории тюрьмы, каторги, ссылки и эмиграции в эпоху царизма, белого террора и Гражданской войны [21]. Это был грандиозный проект, рассчитанный на несколько лет в объеме 5–6 томов 220 «больших листов». Проект был разработан в Центральном бюро научных историко-исследовательских секций (ЦБ НИИС), все отделения должны были его обсудить и определить свои задачи для написания истории. Один из активных членов Ленинградского отделения Бузанский нарисовал схематичную картину участия отделения: «...Если взять большое полотно, которое предстоит написать, то задний фон его будет занят историей социально-экономической революции, истории революционного движения. На переднем плане будут тюрьма, каторга, ссылка... И на этом фоне история отдельной тюрьмы... наша задача более скромная: частично использовать материал, который у нас имеется лично здесь, и затем по имеющимся архивным материалам писать сквозную историю определенных тюрем» [22, л. 5]. На взгляд автора, Ленинградское отделение должно взять на себя написание истории Шлиссельбурга, Петропавловской крепости, Псковского централа, Крестов, ДПЗ, Литовского замка, Кронштадтской тюрьмы, Соловков, Рижского централа и иркутской ссылки. Хронологический подход не устроил Билибина. Он предложил рассматривать историю каторги и ссылки, используя проблемный подход, например: «каторга в рабочем движении», «тюрьма времен войн», «конкретное руководство тюремным делом», «тюрьма в революции», «женщина в тюрьме, каторге и ссылке», «семья и тюрьма».

Таким образом, фонд Ленинградского отделения Общества политкаторжан показывает, что бывшие революционеры начали исследовать большой пласт истории репрессий трех веков и готовить многотомный труд. Огромный объем источников, заложивший основы источниковедческой базы истории каторги и ссылки, к сожалению, не был использован историками-

самоучками, так как Общество было закрыто. Тем не менее успешно собранный ими материал до сих пор служит «сырьевой базой» для современных поколений историков, изучающих историю сибирской каторги и ссылки в России.

Список литературы

1. Васильева Н. Ф. Сибирский сепаратизм конца XIX – начала XX в. и взаимоотношения сибирских областников и политических ссыльных: взгляд советских историков // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1. – С. 176–180.

2. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 52.
3. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 82.
4. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 260.
5. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 261.
6. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 214.
7. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 215.
8. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 216.
9. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 263.
10. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 264.
11. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 267.
12. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 268.
13. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 79, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 461, 469, 470, 471, 474, 591, 600, 601, 602, 668, 669, 674, 675, 677, 678, 683, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 693, 698, 699.
14. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 170, 171, 172, 258, 259, 260, 323, 397, 469, 672, 673, 680, 681.
15. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 56.
16. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 20.
17. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 589.
18. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 590.
19. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 258.
20. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 323.
21. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 598, 599, 670.
22. ЦГА СПб. Ф. 506. Оп. 1. Д. 598.

Arranging Siberian Exile Study on the Basis of Central State Archive in St. Petersburg

N. F. Vasilieva

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper considers the way Siberian exile is studied by Leningrad Department of Political Convict Association (1923–1935). The author analyses historical accounts of Central State Archive in St. Petersburg and comes to a conclusion that former political convicts systematically studied the history of Siberian exile and formed a unique archive fond.

Keywords: Central State Archive in St. Petersburg, Siberian exile, historical accounts, Political Convict Association.

Васильева Наталья Федоровна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: vasil.nf@mail.ru

Vasilyeva Natalya Fedorovna – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Subdepartment of Political Science, History and Region Studies, Department of History, Irkutsk State University, 1-410, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: vasil.nf@mail.ru

УДК 339.92(571.53:438)

Итоги поездки партийно-хозяйственной делегации Иркутской области в ПНР в 1987 г.

Л. Л. Ганеева

Иркутский региональный колледж педагогического образования, г. Иркутск

Аннотация. В статье автор обращается к фактам поездки иркутской делегации в Польскую Народную Республику в 1987 г. для получения практического опыта перехода к рынку. Осмысливаются итоги поездки и практические шаги Иркутского ОК КПСС по претворению в жизнь этого опыта.

Ключевые слова: АПК, хозрасчет, самофинансирование, бригадный подряд, госхозы, кооперативы.

Правительству СССР в очередной раз потребовались неотложные меры по решению продовольственной проблемы. В мае 1982 г. была вновь принята «Продовольственная программа СССР на период до 1990 г. и меры по ее реализации». Агропромышленный комплекс страны функционировал недостаточно эффективно. В сельскохозяйственном производстве преобладали экстенсивные методы. Упор делался на расширение использования земельных ресурсов. Несмотря на рост поголовья скота, органические удобрения использовались слабо, химических же удобрений не хватало и качество их было низкое. В результате урожайность основных сельскохозяйственных культур была заметно ниже, чем в других европейских странах.

Одной из причин отставания агропромышленного комплекса было слабое развитие инфраструктуры и мощностей по переработке сельскохозяйственной продукции. Не хватало хранилищ для собранного урожая, хороших дорог в сельской местности, ремонтных служб и запчастей для сельхозтехники. Все это вело к тому, что не всегда убирались засеянные площади, плохо хранился собранный урожай, были огромные потери сельскохозяй-

ственной продукции при перевозках. Старые методы хозяйствования изживали себя: планово-директивная экономика, госзаказы, совхозы и колхозы являлись должниками государства. Необходимо было найти новые методы хозяйствования, которые могли дать возможность выйти из продовольственного кризиса. Колхозы, совхозы и другие предприятия АПК в середине 80-х гг. стали осуществлять переход на хозрасчет и самофинансирование, внедрялся коллективный и бригадные подряды.

Первостепенное значение для решения продовольственной проблемы имеет всесторонняя интенсификация производства в сельском хозяйстве и других отраслях АПК, его структурная перестройка на базе научно-технического прогресса. Много делалось по преобразованию материально-технической базы земледелия и животноводства, всех отраслей АПК, внедрению новой техники и технологии. Колхозы, совхозы и другие предприятия АПК осуществляли перевод на хозрасчет и самофинансирование, внедрялся коллективный и бригадные подряды. Была осуществлена попытка перехода на рыночные механизмы в сельском хозяйстве.

Для получения практического опыта перехода к рынку. Иркутский ОК КПСС в 1987 г. направил в Польскую Народную Республику делегацию в составе: Н. Ф. Прокофьева, зав. отделом с/х и пищевой промышленности обкома КПСС, В. А. Бердникова, первого зам. председателя облигропрома, И. А. Сумарокова – директора совхоза «60-летие СССР» Усольского района, Г. С. Франтенко – генерального директора производственного объединения «Усолье-Сибирское» по птицеводству. Из записки Н. Прокофьева «Об итогах поездки партийно-хозяйственной делегации Иркутской области в ПНР» следует, что делегация находилась в Польше с 22.09 по 27.09.1987 г., где изучала опыт работы АПК в Познаньском, Пильском воеводствах. Делегация побывала в агрокомбинате «Жидово» Познаньского воеводства, в кооперативе «Адольфово», госхозе «Отшпельце» и госхозе по производству рыбы Пильского воеводства.

АПК в Польше работал на основе двух принципов: самокупаемости и самостоятельности. «Сверху» до госхозов, кооперативов и личного хозяйства никакие плановые показатели не доводились. Основной налог, который выплачивался, – это налог на землю в зависимости от плодородия почвы. Государство стиму-

лирует производство только за счет закупочных цен на с/х продукцию, которые ежегодно корректируются в зависимости от потребностей общества. Цены на картофель, овощи и фрукты могли изменяться в течение года несколько раз, исходя из спроса и предложения.

Кооперативам, госхозам и крестьянам была дана полная инициатива в планировании. Производственно-финансовые планы составлялись в зависимости от государственных закупочных цен и выгодного производства той или иной продукции в данном хозяйстве. Планы принимались рабочим советом и сдавались воеводе для сведения и госбанку, если хозяйство пользовалось кредитом. Кредиты госбанк выдавал только тем хозяйствам, которые имели собственные средства. Кооперативы кредиты госбанка не получали, работали на самофинансировании. Государственные капитальные вложения делались только в механизацию и в порядке исключения выделялись госхозам для реставрации старых замков, которые использовались под гостиницы и рестораны. Налог на землю государство распределяло таким образом: 60 %, так называемый уравнильный фонд, возвращался худшим хозяйствам, и 40 % уходило в местный бюджет. Материально-техническое снабжение обеспечивалось на основе оптовой торговли. Распределялись только удобрения и химические средства защиты растений.

После экономической реформы 1980–1982 гг. в Польше сельскохозяйственное производство встало на интенсивный путь. Валовое производство, судя по отчетам, выросло на 30 %, производительность – на 40 %. Урожайность зерновых возросла с 26 до 37 % с га. Продажа государству возросла в 3 раза. Сократилось поголовье крупного рогатого скота на 30 %, а коров – на 25 %. Надой на корову возрос с 2 900 до 3 900 кг. Если убытки в 1981 г. составляли 22 млн злотых, то в 1986 г. получена прибыль 60 млн злотых.

Главная задача этой реформы – отойти от принуждения, работать самому, не рассчитывая на помощь государства. Основой должны были стать агрокомбинаты, созданные на базе одного госхоза или кооператива. Эксперимент создания больших комбинатов – на площади 100 тыс. га – не удался, предприятия распались.

Интересны и конкретные примеры. Агрокомбинат «Жидово» (директор Ян Мотыка) создан в 1967 г. из мелких госхозов, к нему присоединили цеха механизации и ремонта, строительных

и предприятий перерабатывающей промышленности. В комбинате 6,5 тыс. га с/х угодий, 35 тыс. голов КРС, в том числе 1,2 тыс. коров, 18 тыс. свиней, около 12 тыс. овец. Объем реализации продукции 22 млн руб. в год, прибыль 1,6 млн руб.

Кооператив «Адольфово» (председатель – член ЦК ПОРП Ришард Матусяк) имеет 3,3 тыс. с га с/х угодий, 2,5 тыс. га пашни, зерновых 32 ц с га, 8 800 свиней, 1 900 голов крупного рогатого скота, 400 коров, 300 тыс. бройлеров и кур-несушек. Валовое производство около 12–16 млн руб. в год.

Все комбинаты занимались переработкой собственной сельскохозяйственной продукции и ее продажей в своих магазинах, полагая это выгодным делом, получая прибыль от конечного результата – реализации населению. Выгода от переработки значимая: так, если одну курицу продавать в живом виде, кооператив получает доход с нее 20 злотых, в убойном – 40 злотых, а переработав ее на колбасу и сосиски, получает 60 злотых, т. е. в 3 раза больше [1, с. 85].

Госхозы и кооперативы в ПНР – многоотраслевые хозяйства. Это обусловлено выгодностью выпуска различных видов продукции и возможностью зарабатывать зарубежную и собственную валюту. Часть выбракованных овец забивается на месте, мясо баранины экспортируется в ФРГ, часть используется для продажи своим рабочим. Шкурки от забитых овец выделываются и красятся в собственных цехах. В пошивных мастерских комбината шьются дубленки, шубы и другие меховые изделия. Все отрезки сшиваются в ленту, и из нее ткются коврики. В этом производстве занято 12 человек (4 на выделке, 8 на шитье). Готовая продукция продается в собственных фирменных магазинах. Кроме того, на комбинате есть звероферма, на которой содержится 500 маток песка, около 2,5 тыс. голов молодняка песка, 5,5 тыс. лис. Всех этих зверей комбинат поставляет на международный аукцион. Выращивает комбинат куропаток, основное стадо которых составляет 1,5 тыс. кур. В сентябре, октябре, ноябре комбинат около 3 тыс. куропаток, примерно по 2 долл. за каждую, экспортирует в Италию. 700–800 кур используется на охоте в собственных охотничьих угодьях. Обслуживают ферму 3 человека. Приносит доход от 4–5 млн злотых.

Занимается комбинат производством фазанов, основное стадо которых составляет 2 тыс. голов. Все поголовье – 16 тыс. фазанов. Ежегодно 14 тыс. голов в живом виде продают во Францию и

Италию. За каждого фазана получают по 3 долл. Полученную валюту комбинат использует по своему усмотрению: покупает современное импортное оборудование, главным образом для переработки с/х сырья, и запчасти к нему, микропротеиновые добавки для комбикорма.

После того как государство повысило закупочные цены на говядину, комбинат начал заниматься интенсивным откормом молодняка крупного рогатого скота. Занимался комбинат и выращиванием чистопородных лошадей. Ежегодно в «Жидово» проходили международные аукционы по продаже польских лошадей.

Основой для ведения животноводства является кормовая база. В хозяйствах создана хорошая база хранения с/х продукции. Так, в «Жидово» построено овощефруктохранилище с искусственным холодом. Также имеются свои спиртовой и пивной заводы. В замке расположены: гостиница, ресторан, бар, зал-конференция.

В кооперативе «Адольфово» работал и небольшой промышленный цех (40 человек), который выпускал оборудование для раздачи сухих кормов для бройлерных птицефабрик, а также отливал полиэтиленовые дюбеля для ж/д бетонных шпал, которые обеспечивали половину потребности всей Польши и экспортировались в ГДР. Сырье для отливки получали из Чехословакии. За счет реализации этой продукции кооператив получал 100 млн злотых свободных средств [1, с. 89].

Подсобные промыслы в условиях самофинансирования стали жизненной необходимостью для госхозов и кооперативов. Они существенно помогали решать проблемы дополнительных источников финансирования для ведения расширенного с/х воспроизводства, а также для решения вопросов занятости всего населения.

В Пильском воеводстве делегации была предоставлена возможность ознакомиться с госхозом по разведению рыбы, одним из самых крупнейших в Европе. Рыба в переработанном и свежем виде продавалась в своих магазинах, ресторане. Значительная часть ее поставлялась на экспорт, воеводство получало 20 % прибыли.

Делегация Иркутской области отмечает в данных хозяйствах высокую культуру производства, порядок и чистоту, рациональное использование производственного потенциала, хорошую организацию труда, использования рабочего времени, четкое определение функциональных обязанностей каждого во всех хозяйствах. Установлена строгая дисциплина, которая подкреп-

ляется главным образом тем, что в комбинатах лучшая обеспеченность жильем.

Все семьи обеспечены квартирами. Существует небольшая очередь для улучшения жилищных условий, которая будет удовлетворена через 2–3 года. Хозяйства в основном строят благоустроенные коттеджи, а старые неблагоустроенные сносятся. Поощряется индивидуальное строительство. Заслуживает внимания широкая демократия и активное участие в самоуправлении всех членов коллектива, не только в кооперативных хозяйствах, но и в государственных. На собрании представителей членов госхозов или кооперативов избирается совет из 31 человека. В него не могут входить директор или председатель, главный бухгалтер, управляющий хозяйством, так как совет контролирует дирекцию. Председатель совета избирается тайным голосованием из числа специалистов или передовых рабочих.

Совет утверждает производственные и финансовые планы, распределяет премии, награды, прибыль, решает вопросы покупки и продажи основных фондов (земля, здания), контролирует имущество, следит за рентабельным ведением хозяйства, выбирает тайным голосованием по предложению конкурсной комиссии директора или председателя.

В хозяйствах, работающих нестабильно, допускающих убытки, воеводой назначается комиссар. Вся власть в хозяйстве переходит к нему. Если он в течение года не может вывести его в прибыльные, то хозяйство продолжает работать или распускается [1, с. 91].

Поездка делегации была плодотворной и полезной. Итоги поездки были обсуждены на бюро Иркутского ОК КПСС 13.10.1987 г., где рекомендовалось широко использовать опыт ПНР по демократическому управлению с/х производством, конкурсному отбору руководителей хозяйств. Была отмечена необходимость создания подсобных промысловых хозяйств, цехов, филиалов промышленных и бытовых предприятий [2, с. 82–83].

Список литературы

1. ОГКУ ГАНИ Иркутской области Ф. 127. Оп. 126. Д. № 59. С. 84–91.
2. ОГКУ ГАНИ Иркутской области Ф. 127. Оп. 126. Д. № 59. С. 82–83.

Results of the Trip of Party and Business Delegation of Irkutsk Region to People's Republic of Poland in 1987

L. L. Ganeeva

Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, Irkutsk

Abstract. The author of the article reviews Irkutsk delegation trip to People's Republic of Poland to have practical experience of shift to market economy. Its results and steps taken by Regional Committee of KPSU are analyzed.

Keywords: agro industrial complex, self-support, self-financing, team contract, state farms, cooperatives.

Ганеева Людмила Леонидовна – преподаватель общественных дисциплин, Иркутский региональный колледж педагогического образования, 664074, г. Иркутск, ул. 5-я Железнодорожная, 53, тел.: 8(3952)412282, e-mail: gll@irkpo.ru

Ganeeva Ludmila Leonidovna – Lecturer of Social Academic Subjects, Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, 53, 5th Zheleznodorozhnaya st., Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952)412282, e-mail: gll@irkpo.ru

УДК 908

Уголовная преступность в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: региональные особенности

А. В. Данчевская (Попова)

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск

Аннотация. В статье автор предпринимает попытку анализа детерминантной базы уголовной преступности в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. и выявляет ее характерные особенности.

Ключевые слова: уголовная преступность, Восточно-Сибирский регион, уголовная ссылка, золотопромышленность.

Историческая специфика Восточно-Сибирского региона выражалась в двух противоречивых аспектах – обособленности и интегрированности региона по отношению к Европейской России. В соответствии с этим процессы, протекавшие в среде сибирского общества, имели свои особенности, отличные от европейской части государства. Одним из подобных процессов предстает уровень криминогенности общества на территории Восточной Сибири.

Восточносибирские газеты конца XIX – начала XX в. пестрят сообщениями о происходивших в крупных городах преступлениях. Криминогенность региона в дореволюционный период, как отмечается не только корреспондентами газет, но и многими исследователями, была чрезвычайно высокой. Уголовная пре-

ступность на территории Восточной Сибири имела свой характер, обусловленный, в том числе, иной детерминантной базой, нежели преступность в Европейской России.

Пожалуй, одной из главных причин развития криминогенности региона можно назвать политику штрафной колонизации. Уголовная ссылка играла колоссальную роль в формировании маргинального контингента, который являлся главным поставщиком разного рода преступных элементов в восточносибирские города и села.

Журнал «Восточное обозрение» (№ 2 за 1884 г.) со ссылкой на газету «Сибирь» (№ 46) приводит такую информацию: «Из Иркутска сообщают... о кражах и грабежах. На днях в рабочей слободе совершено новое злодеяние одним из бежавших каторжных, обменявшимся, как говорят, на пути в Иркутск еще летом 1880 г.». Далее сообщается, что таких лиц в Иркутске насчитывалось до 20 человек, бежавших из Забайкалья. И далее: «Трудно однако не видеть здесь главной причины. Грабят сибирские города... беглые ссыльные и каторжные. ...Весь вопрос в ссылке». Примечательно, что в статье упоминается не только Иркутск, но и другие сибирские города – Верхнеудинск, Омск и Томск.

Это положение подтверждает лидер сибирского областничества Н. М. Ядринцев в своих трудах, посвященных сибирской ссылке [8]. Адаптационные процессы ссыльного на месте приписки были практически нивелированы многими факторами, которые не располагали его к поселению на постоянном месте. Например, ссыльным было запрещено вступать в брак по прибытии в Сибирь в течение пяти лет, да и по истечении этого срока заключение брака для него составляло серьезную проблему – ссыльных женщин было в несколько раз меньше, чем мужчин, а местное население не стремилось отдавать замуж за ссыльных своих дочерей. Кроме того, старожилы отказывались принимать ссыльного в свою среду, а если принимали, то старались использовать его безнадежное положение как можно больше для собственной выгоды, принижали его и обделяли. К тому же, отвыкнув за время пути от труда, ссыльные по преимуществу отказывались заниматься физическим трудом на месте причисления. Все это способствовало формированию бродяжнического образа жизни ссыльных и их побегам не только с мест причисления, но даже с каторги. Нищенство и бродяжничество в данном случае явля-

лись прямым криминальным путем, на который ступали многие ссыльные. На 100 человек уголовных ссыльных в Иркутской губернии приходилось 8,9 преступлений, в Енисейской – 11,3, в Забайкальской области – 9,7. Это данные статистики, на деле же их было гораздо больше [2, с. 56].

Таким образом, ссыльный контингент оказывал на местное население существенное деморализующее влияние, выходя вместе с крестьянством на второе и первое места по степени криминализованности [5, с. 63].

Следующей особенностью преступности на территории Сибири, в том числе Восточной, стала принадлежность к ней купеческого сословия, т. е. некоторых его представителей, не отличавшихся особой религиозностью. «Восточное обозрение» (1884, № 7) констатировало: «Много у нас “дельцов”, воротил; много дел – золотых, кабацких и других; еще более дел темных и уголовных». Некоторые купцы Иркутска, Красноярска, Верхнеудинска сколачивали капитал криминальным способом, в ход шли грабежи, подлоги, обман, убийства. Нередким явлением было и то, что состоятельные люди вели разгульную жизнь, их развлечения носили откровенно криминальный характер, однако их положение и известность в обществе делали полицию бессильной [6, с. 116].

Золотопромышленность также оказала негативное влияние на распространение преступности в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. Рабочие, трудившиеся на золотых приисках, неумело тратили полученные средства на увеселения в кабаках и домах терпимости. Среди них были и китайцы, которые приезжали на золотодобывающие прииски на заработки. Заработав определенную сумму, они направлялись обратно, часто в одиночестве и пешком, а потому многие из них пропадали без вести. Сблазн поживиться золотом приводил к сколачиванию целых шаек, которые орудовали на дорогах, ведущих к приискам.

Воры и грабители Восточной Сибири отличались дерзостью и смелостью в совершении своих преступлений. Так, «Восточное обозрение» (1884, № 4) приводит сводку из Красноярска: «Грабили и обворовывали обывателей, наконец, добрались и до полиции, и из квартиры частного пристава, охраняемой казаками, полициантами и рассыльными, совершили кражу имущества пристава на сумму до 500 руб., одним словом, оставили ему только один мундир, чтобы утром было в чем явиться с рапортом к губер-

натуру». И это был не единственный случай. За одну ночь в январе 1886 г. у иркутского губернатора была украдена лошадь, у заместителя губернатора похитили вещи из погреба, а у исполнявшего должность городского полицмейстера – вещи из чулана [1].

В начале XX в. в крупных городах преступления стали совершаться не только ночью, но и днем, у всех на виду. О разгуле преступности свидетельствует хотя бы тот факт, что в Иркутске во время Русско-японской войны городская дума постановила ходатайствовать перед генерал-губернатором о разрешении иметь и носить при себе оружие и об организации собственной городской полиции [4, с. 225].

Преступления выделялись не только дерзостью, но и особой жестокостью. Например, кошеvníки (довольно распространенный в Иркутске вид преступников), накидывая на шею жертвы аркан, тащили ее через весь город по снегу на берег реки, где и производили ограбления [6, с. 116]. В 1900 г. в районе Лисихи был найден бочонок, в котором находились части тела человека. Следствие установило его личность – это был приказчик Уткин. Он был убит своим хозяином, бывшим каторжником [7, с. 304]. В «Иркутской жизни» отмечается случай дерзкого и кровожадного ограбления фруктовой лавки, где были обнаружены два трупа: служащего фруктовой торговли Степана Румянцева и кассирши Фромович-Гляттер. У Румянцева, кроме 9 колотых кинжалом ран, перерезана шея так, что голова едва держится на позвонках; у кассирши оказалось 11 колотых ран, одна из которых оказалось смертельной – в сердце. При этом трофей грабителей составил дневную выручку, которая, судя по книге, достигла 278 руб. Грабители скрылись и на момент выхода номера не были обнаружены [3].

Таким образом, региональные особенности развития уголовной преступности в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в. заключались в нескольких аспектах. Во-первых, ключевое влияние на развитие преступности в регионе оказала практика ссылки в Сибирь уголовного контингента, а особенно нежелание и отсутствие возможности ссыльным достойно устроиться на новом месте. Во-вторых, наличие соблазнов для преступников, которые еще более усиливались их невысоким нравственным уровнем. В-третьих, поражает дерзость, с которой действовали криминальные элементы. Они не боялись совершать кражи у людей, чья профессиональная деятельность как раз состояла в том, чтобы пресекать эти преступления. Кроме того, преступления совершались в светлое время суток и зачастую отличались особой жестокостью.

Список литературы

1. Восточное обозрение. – Иркутск, 1884. – № 4.
2. Иванов А. А. Забайкальская периферия на переломе эпох (1880–1920-е гг.) / А. А. Иванов, Л. В. Кальмина, Л. В. Курас. – Иркутск : Отгиск, 2012. – 300 с.
3. Иркутская жизнь. – Иркутск, 1914. – № 28.
4. Попов И. И. Забытые иркутские страницы: Записки редактора. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1989. – 384 с.
5. Сибирь, ее современное состояние и нужды : сб. ст. / под ред. И. С. Мельника. – СПб. : Изд. А. Ф. Девриена, 1908. – VIII, 294 с.
6. Тамм Л. И. Записки иркутянки. Ч. 1–3 / Л. И. Тамм. – Иркутск : Отгиск, 2007. – 736 с.
7. Чернигов А. К. Иркутские повествования. Т. 1 (1661–1917) / А. К. Чернигов. – Иркутск : Отгиск, 2003. – 464 с.
8. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом, историческом отношении / Н. М. Ядринцев. – 2-е изд. – СПб. , 1892. – 720 с.

Crime in Eastern Siberia in the Late XIX Early XX: Regional Peculiarity

A. V. Danchevskaya

Irkutsk State Railway Engineering and Transportation University

Abstract. The author of the paper attempts to analyze determinantal base of crime in late XIX early XX Eastern Siberia and find out its peculiar features.

Keywords: crime, Eastern Siberia, criminal exile, gold mining.

Данчевская (Попова) Анастасия Викторовна – ассистент, кафедра философии и социальных наук, Иркутский государственный университет путей сообщения, 664074, г. Иркутск, ул. Чернышевского, 15, тел.: 8(3952)638310, e-mail: vashan16@mail.ru

Danchevskaya (Popova) Anastasia Viktorovna – Assistant, Sub-department of Philosophy and Social Sciences, Irkutsk State Railway Engineering and Transportation University, 15, Chernyshevskogo st., Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952)638310, e-mail: vashan16@mail.ru

УДК 930(47+517.3)

Региональная историография формирования военно-дипломатического сотрудничества Российской империи и автономной Монголии в конце XIX – начале XX в.

В. Д. Дугаров, Л. В. Дамбаев

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена проблеме военно-политического сотрудничества России и Монголии в начале XX в. в региональной историографии. Всемирно известные открытия бурятских исследователей рассмотрены с позиций военной разведки.

Ключевые слова: Россия, Монголия, военные, топография, историография, буряты, дипломатия.

Активизация российского правительства в проведении меж-империалистической захватнической политики на восточных рубежах страны в конце XIX – начале XX в. приводит к расширению изучаемого ареала будущего театра военных действий. В этот период монголам, находящимся в составе разваливающейся Цинской империи, становится необходимой дипломатическая и военная помощь романовской России по образованию своего суверенного государства, формированию вооруженных сил как источника собственной и региональной безопасности. В то же время переход стран Европы и России на огнестрельное оружие индустриального производства в конце XIX – начале XX в. во многом определил тупиковый характер кочевого воинства монголов.

К изучению Монголии и прилегающих регионов активно подключаются военные, увеличивается финансирование научных исследований, снаряжаются географические экспедиции, приводящие к новым археологическим, этнографическим, филологическим открытиям в Центральной Азии. Это приводит к тому, что перед Первой мировой войной (в русской дореволюционной и зарубежной историографии – «Великая война») военное востоковедение в России оформилось в систему теоретических и прикладных исследований, которые внесли весомый вклад в русское востоковедение в целом [1, с. 5].

Научное наследие русских военных востоковедов поистине бесценно – это тысячи работ по географии и статистике, общей и военной истории, этнографии, демографии, лингвистике, археологии и истории материальной культуры стран и народов Востока. Русское военное востоковедение, наследие которого не исследовано до конца уникально по своей сути и по тому месту, которое оно занимало в истории Русской армии.

Военное министерство России в связи с повышением стратегического интереса к Центрально-Азиатскому региону, экономическим изучением будущего театра возможных боевых действий в конце XIX – начале XX в. патронирует многочисленные экспедиции под командованием офицеров Российского Генерального штаба, связанных с исследованиями в рамках ВСОРГО: генерал-майора Н. М. Пржевальского, члена Госсовета России П. П. Семёнова-Тяньшанского, генерал-майора Д. А. Певцова, полковника В. И. Роборовского, штаб-ротмистра Ч. Ч. Валиханова, генерал-майора российской армии и полковника РККА П. К. Козлова и

др. Русским географическим обществом были организованы экспедиции под руководством выдающихся исследователей Центрально-Азиатского региона: Г. Н. Потанина, Д. А. Клеменца, В. А. Обручева, Г. Е. Грумм-Гржимайло, В. В. Радлова, Н. М. Ядринцева и др. В этих экспедициях активное участие принимали исследователи-буряты: Г. Ц. Цыбиков, Б. Б. Барадин, Ц. Б. Бадмажапов. Б. Р. Рабданов и др. Характерным явлением было то, что в этих экспедициях активное участие в качестве переводчиков, проводников, помощников принимали буряты – казаки из состава Забайкальского казачьего войска.

Поистине незаменимым помощником в качестве переводчика и эксперта в многочисленных к тому времени экспедициях в Монголию русских ученых был Цокто Бадмажапович Бадмажапов (1879–1937). Не имея специального образования, он в 1898 г. получил приглашение Русского географического общества войти в состав экспедиции П. К. Козлова. С этого момента начинается его дружба с великим путешественником, длившаяся до конца жизни Козлова, т. е. до 1935 г.

Немногочисленна историография жизни и деятельности этого незаурядного человека, который был переводчиком в переговорах с монгольскими повстанцами во главе с Тогтохо-тайджи (из Южной Монголии) в 1910 г. В 1913 г. в составе монгольской делегации, возглавляемой Сайн-ноен-ханом Намнан-Сурэном, Ц. Бадмажапов в Санкт-Петербурге участвовал в переговорах с российскими министрами в качестве переводчика, был на Всемирной выставке в Париже, в 1913 г. вместе с хамбо-ламой бурятских дацанов Итыгиловым и другими буддийскими деятелями участвовал в торжествах в честь 300-летия царского дома Романовых, состоявшихся в столице Российской империи. Помимо работы П. К. Козлова «Монголия и Кам» (1905) и его «Избранных трудов», где часто встречается фамилия Ц. Бадмажапова, имеются обширная статья И. И. Ломакиной «Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото)» в альманахе «Orient» (1998), статья Ш. Б. Чимитдоржиева и Н. В. Ким «Цокто Бадмажапов» в сборнике «Выдающиеся бурятские деятели (XVII – начало XX в.)», параграф «Цокто Бадмажапов и его дневник» в кандидатской диссертации Ж. А. Гармаева «Изучение истории и культуры Монголии и Тибета бурятскими учеными-путешественниками (конец XIX – начало XX в.) (2005) и др.

В 90-х гг. XX в. бурятские ученые Ш. Б. Чимитдоржиев и Н. В. Ким выдвинули дискуссионную проблему, утверждая: «В нашем распоряжении имеется рукопись Цокто Бадмажапова под названием “35-дневная поездка князя Алашаня до ставки князя Торгут-бэйле (1907)”. В ней содержатся подробные сведения о Хара-Хото, полученные им от жителей окрестностей этого мертвого города. А экспедиция П. К. Козлова направилась в Хара-Хото осенью 1908 г. Можно предполагать, что рукопись Бадмажапова с описанием Хара-Хото и фотографиями его развалин была представлена в распоряжение экспедиции Козлова (прямо в руки Козлова или через Географическое общество по официальным каналам). Мы убеждены в том, что, отправляясь в Хара-Хото, П. К. Козлов имел рукопись Бадмажапова на руках. Удивительно то, что нигде, ни у Козлова, ни у других авторов, описавших Хара-Хото, не говорится об этой рукописи, об участии Ц. Бадмажапова в открытии этого исторического памятника... Мог точно описать эту дорогу человек, продолжительное время живший в этих краях и вошедший в доверие местного населения. Таким мог быть только Бадмажапов. На основании сказанного можно утверждать, что своевременная и точная информация Цокто Бадмажапова о Хара-Хото помогла российской науке открыть и исследовать этот уникальный памятник древностей в Центральной Азии» [2, с. 122].

По замечанию исследователя-журналиста И. И. Ломакиной, «осенью 1907 г. в РГО пришел увесистый пакет с письмами вице-президенту РГО П. П. Семенову-Тянь-Шанскому, П. К. Козлову с любительскими фотоснимками с описанием Хара-Хото. По приведенным фрагментам из сочинения Ц. Бадмажапова нетрудно понять, что это не случайное описание встретившихся работнику торговой фирмы, перегонявшему скот, любопытных развалин, а совершенно сознательно старательно произведенное описание остатков древнего города. С обмерами, с привлечением легенд, записанных со слов кочевников, с пониманием важности открытия для науки» [3, с. 187].

В то же время приоритет сведений о Хара-Хото литературным образом всецело принадлежит Г. Н. Потанину, который в свою очередь писал Ц. Бадмажапову: «...Со своей стороны я бы не советовал тебе ссориться с Географическим обществом. От этого косвенным образом может ослабеть к тебе отношение Министерства иностранных дел и Г. У. Г. Шу-а. Я хочу еще раз сказать тебе – обдумай хорошенько» [Там же]. Эта публикация ведущего мон-

головеда И. И. Ломакиной и архивный материал, представленный ею, значительно меняют картину о том, кто был первооткрывателем Хара-Хото.

Несомненно, изыскания Ц. Б. Бадмажапова внесли огромный вклад в эту проблематику, но следует учитывать тот научный порядок в археологической науке, по которому право первооткрывателя того или иного исторического объекта остается за руководителем экспедиции. Поэтому мы не знаем детально всех нюансов, по которым П. К. Козлов не включил в описание Хара-Хото как исторического объекта фамилию и заслуги Ц. Б. Бадмажапова.

В то же время, если исходить из научной порядочности и элементарной исторической логики, можно сделать вывод о том, что бурят-хорунжий, несмотря на сохранившиеся хорошие отношения с руководителем экспедиций (П. К. Козловым), не мог в тех условиях конкурировать с полковником Генерального штаба Российской армии. К тому же, П. К. Козлов считал себя самым известным после Н. М. Пржевальского ученым-путешественником востоковедом, выполнявшим секретные разведывательные миссии высшего военного руководства России в Центрально-Азиатском регионе [4, с. 102–103].

Одним из первых исследователей, посетившим по заданию Военного министерства под флагом РГО районы Центральной Азии, был Гомбожаб Цэбекович Цыбиков (1873–1930). Эта поездка вызывалась политическими расчетами российского правительства, связанными с нараставшими противоречиями между Россией и Англией в Индии, Тибете и Китае.

Идея посылки бурята в Тибет с научными целями активно обсуждалась в научных кругах Петербурга еще в 80-х гг. XIX в. Отправившись с попутным караваном из Урги 25 ноября 1899 г., Г. Ц. Цыбиков 3 августа 1900 г. прибыл в Лхасу. Во время пребывания в тибетской столице (до 10 сентября 1901 г.) паломник-исследователь совершил поездки в крупнейшие монастыри – Галдан, Сэра, Брайбунг и Ташилхунго (резиденцию Панчэн-ламы около г. Шигатзе). Лишь 2 мая 1902 г. Г. Ц. Цыбиков вернулся в Кяхту. По итогам поездки были впервые опубликованы фотографические снимки природы, монастырей, быта жителей Тибета. Фотографирование в «закрытой» стране, караемое смертной казнью, явилось проявлением величайшего человеческого мужества, продемонстрированного Г. Ц. Цыбиковым. Это была блестяще проведенная экспедиция, имевшая военно-разведывательный ха-

рактёр, с тщательным картографированием, анализом экономического, политического, национального, религиозного состояния народов Центральной Азии, поставившая Г. Ц. Цыбикова в первые ряды мировых исследователей Центральной Азии.

Одиннадцать снимков о далекой и недоступной священной Лхасе, резиденции «живого» бога, мекке ламаистов, были напечатаны в журнале Национального географического общества США «Нэшнл Джиографик», значительно увеличив тираж и предотвратив его от банкротства [5, с. 43].

В востоковедной научной литературе малоизвестной остается деятельность ученого-путешественника Будды Рабдановича Рабданова (1853–1923). Первым из ученых, кто ввел в научный оборот дневники путешествия в Восточный Тибет и письма Б. Р. Рабданова, был Р. Е. Пубаев [6; с. 218]. В историографии бурятского ученого выделяют дневники исследователя: «Дневники путешествия Б. Р. Рабданова в Восточный Тибет» – это три маленькие тетради, из которых первые две названы «Путевыми заметками богомольца», а третья – «Год в Дацзянлу». Как отмечает Р. Е. Пубаев, пагинация во всех тетрадях архивная. Первая датирована 28 мая 1903 г., Ханькоу, вторая – 17 августа 1903 г., Дацзянлу, а третья – 15 декабря 1904 г., Ханькоу [7, с. 95]. До путешествия в Восточный Тибет Б. Р. Рабданов посетил Монголию, Китай, Англию, Францию. В Монголии он посетил монастырь Табын-богдо-сумэ, находящийся в средней части Большого Хингана. О незаурядных языковых способностях самобытного бурятского ученого мы можем судить по его профессиональной деятельности. Он владел китайским, тибетским, русским, английским и монгольским языками.

В 1892–1893 гг. Б. Рабданов участвовал в тибетской экспедиции известного исследователя Центральной Азии Г. Н. Потанина. По замечанию выдающегося исследователя Внутренней Азии В. А. Обручева, лично знавшего Б. Р. Рабданова, «в экспедиции Потанина он согласился принять участие в качестве переводчика без всякого вознаграждения, только ради того, чтобы познакомиться со страной, в которой господствующей религией является буддизм» [8, с. 263].

Тесными были контакты Б. Р. Рабданова с выдающимся бурятско-русским и тибетским дипломатом, религиозным и политическим деятелем Агваном Доржиевым, с которым в 1893 г. он посетил Францию. Агван Доржиев считал, что в случае учрежде-

ния в 1898 г. русского консульства в Лхасе другие иностранные державы будут требовать такого же права и для себя, и в качестве альтернативы предлагал направить русского чиновника в Дадзьян-лу (небольшой населенный пункт в Тибете, находившийся на торговом пути между Тибетом и Китаем и связанный железной дорогой с Пекином. – Л. Д.). В качестве такого чиновника Агван Доржиев рекомендует Будду Рабданова, принимавшего участие в экспедиции Г. Н. Потанина (1892–1893) и в 1893 г. побывавшего вместе с Агваном Доржиевым в Западной Европе [9, с. 36]. За время пребывания в Тибете Рабдановым был собран обширный материал по истории, этнографии Центральной Азии, который еще ждет научной оценки [Там же].

3 августа 1904 г. Далай-лама XIII Тубдан-Чжамцо вместе со свитой в сопровождении Агвана Доржиева был вынужден покинуть Лхасу и направиться в Ургу. В этот период, можно сказать, Б. Р. Рабданов являлся связующим звеном между русским и тибетским правительствами. «Основная задача остается та же. Неизвестно, какое задание прибудет от наших русских...», – писал он позже [10, с. 122].

Бурятские ученые Г. Ц. Цыбиков, Ц. Ж. Жамцарано, Б. Б. Барадин, Э.-Д. Ринчино, Ц. Б. Бадмажапов, Б. Р. Рабданов и другие, принявшие активное участие в рамках исследований ВСОРГО, при скрытом финансировании со стороны Генерального штаба Российской армии, во многом помогли дополнить географическую, экономическую, религиозную и социальную картину Центральной Азии. Бесспорно положительным явлением в рамках многочисленных экспедиций РГО было участие бурят – резервистов Забайкальского казачьего войска, служивших проводниками, переводчиками и пр. Деятельность этих ранее замалчиваемых исторических деятелей находит свое квалифицированное отражение в современной исторической науке.

Список литературы

1. Русские военные востоковеды до 1917 г. : биобиблиогр. словарь / сост. М. К. Басханов. – М. : Вост. лит. РАН, 2005.
2. Чимитдоржиев Ш. Б. Цокто Бадмажапов (1879–1937) / Ш. Б. Чимитдоржиев, Н. В. Ким // Выдающиеся бурятские деятели. – Улан-Удэ.
3. Ломакина И. И. Цогто Бадмажапов (Судьба первооткрывателя Хара-Хото) // Orient. Альманах. – 1998. – Вып. 2/3.
4. Дугаров В. Д. Генезис бурятского монголоведения в российском востоковедении в период XIX – начала XX в. / В. Д. Дугаров. – Улан-Удэ, 2008.

5. Лиштованный Е. И. Исторические взаимоотношения Сибири и Монголии: культура и общество (XIX в. – 30-е гг. XX в.) / Е. И. Лиштованный. – Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 1998.
6. Пубаев Р. Е. Дневники путешествия Будды Рабданова в Восточный Тибет (1903–1904 гг.) // Ист.-культ. связи народов Центральной Азии. – Улан-Удэ, 1983.
7. Махакова А. С-Д., Балданов С. С. Из истории жизни Б. Рабданова / А. С-Д. Махакова, С. С. Балданов // Национальная интеллигенция, духовенство и проблемы социального, национального возрождения народов Республики Бурятия. Улан-Удэ. Вып. 2.
8. Обручев В. А. Григорий Николаевич Потанин / В. А. Обручев. – М., 1923.
9. Дамдинов А. В. Агван Доржиев. Дипломат, политический, общественный и религиозный деятель / А. В. Дамдинов. – Улан-Удэ, 1999.
10. Цыбиков Б. Д. Бурятские ученые национал-демократы / Б. Д. Цыбиков. – Улан-Удэ, 2003.

Regional Historiography of Russian Empire and Autonomous Mongolia Attaché Co-Operation in the Late XIX Early XX

V. D. Dugarov, L. V. Dambaev
Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The paper is concerned with the issue of attaché co-operation of Russia and Mongolia in the late XIX and early XX in regional historiography. Renowned findings of Buryat researchers are considered from military intelligence perspective.

Keywords: Russia, Mongolia, servicemen, topography, historiography, the Buryats, diplomacy.

Дугаров Владимир Доржиевич – доктор исторических наук, профессор, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 6а, тел.: 8(3012)212533, e-mail: dugarovbgu@mail.ru

Dugarov Vladimir Dorzievich – Doctor of Sciences (History), Professor, Buryat State University, 6A, Ranzurova st., Ulan-Ude, 670000, tel.: 8(3012)212533, e-mail: dugarovbgu@mail.ru

Дамбаев Лаврентий Владимирович – аспирант, кафедра всеобщей истории, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 6а, тел.: 8(3012)212533, e-mail: dambaev1967@mail.ru

Dambaev Lavrenty Vladimirovich – Postgraduate, Subdepartment of World History, Buryat State University, 6A, Ranzurova st., Ulan-Ude 670000, tel.: 8(3012)212533, e-mail: dambaev1967@mail.ru

Особенности рецепции образов Китая кочевниками Забайкалья

А. В. Жуков, А. А. Жукова

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. В статье проводится исследование процессов идейного воздействия Китая на сознание кочевого населения Забайкалья. На основании методов компаративистского анализа авторы раскрывают проблему распространения феноменов культуры, импортируемых из Китая, который, не стремясь навязывать свою идеологию соседям, тем не менее, оказывал на них мифологизирующее воздействие. Используются данные истории, раскрывающие тему идейного влияния Китая на ранних номад Забайкалья, тюрков, киданей, и средневековых монгол. Новизну работы определяет выявление содержательного состава китайских образов, рецепция которых была осуществлена в сознании кочевников Забайкалья, среди которых выделяются образы, связанные с поклонением Небу и обожествленному правителю. Авторы акцентируют внимание на таких альтернативных способах распространения китайских идей, как поддержка маньчжурским правительством Китая некитайских явлений культуры. Результатом работы стало выявление основных алгоритмов распространения китайских образов и идей на территории Забайкалья, среди которых выделяются открытие для «некитайских народов» возможности пользоваться достижениями благ цивилизации Китая и практика поддержки «некитайской религии» – тибетского буддизма. Практическое значение работы состоит в доказательстве положения о том, что при планировании стратегии взаимодействия с Китаем России необходимо учитывать длительный характер существования китайской цивилизации и значительное влияние традиционных аспектов китайской культуры на жизнь народов, окружающих Китай.

Ключевые слова: образы Китая, номады Забайкалья, народная религиозность, этнокультурное взаимодействие, китайское мифотворчество, рецепция китайских идей, межкультурный диалог.

Начиная с последних десятилетий прошлого века, китайское общество переживает период интенсивного развития, что приводит к появлению прогрессивных перемен во внутренней жизни страны и к активизации отношений с внешним миром. Растет уровень мобильности китайцев и увеличивается их интерес к соседним территориям, в частности к России и к Забайкалью. В связи с этим актуальность приобретают вопросы исследований механизмов идейного влияния Китая на окружающие его территории. Нашей целью является проведение диахронического анализа процессов импорта образов Китая этническими сообществами Забайкалья в период до присоединения к Российскому государству. Это представляется важным в плане выявления осо-

бенностей восприятия китайских идей населением приграничных с Китаем регионов, и в частности российского Забайкалья в современную эпоху.

Методологическим основанием исследования являются выводы Л. С. Васильева, согласно которым в основе длительного воздействия Китая на северных соседей лежало два условия. Первым было то, что изоляция китайской культуры никогда не была абсолютной и, несмотря на то, что сложившиеся в Китае образцы мировосприятия, ценностей, поведения в целом являлись результатом развития самодостаточной китайской культуры, она носила относительный характер. Вторым обстоятельством, влияющим на результаты культурных контактов, оказалась значительная по времени непрерывность существования мощной китайской цивилизации, создающей особый контекст, способствующий окитаиванию культурных феноменов, прибывающих в Китай извне или находящихся в зоне влияния Китая. Как пишет Л. С. Васильев, в истории Китай не раз подвергался завоеваниям и нашествиям и испытывал действие процессов разрушения и хаоса, но, несмотря на это, каждый раз он, преодолевая последствия указанных событий, сохранял специфические особенности идентификации, язык, этничность, культуру, государственность, а наоборот, завоеватели, как правило, воспринимали многочисленные китайские заимствования, которые приводили их к ассимиляции [1, с. 8].

На наш взгляд, отмеченные особенности в сфере межкультурного взаимодействия с участием Китая можно проследить на примере народов Забайкалья, которые взаимодействуют с китайской культурой с древнейших времен. Так, В. Е. Ларичев высказал мнение о родстве населения культуры «плиточных могил» Забайкалья с земледельческой культурой эпохи бронзы в Дунбэе, где он прослеживает ряд аналогий, таких как почитание огня, предков, божества неба. При этом большинство исследователей сходятся во мнении о том, что стремление к восприятию идей Китая, как правило, инициировалось самими кочевниками, так как, сохраняя политическую самостоятельность, они зависели от достижений материальной культуры Китая и поэтому вынуждены были поддерживать с ним военные, дипломатические, брачные и торговые контакты [8; с. 33].

Первыми на путь заимствования идей из Китая встали племена хунну, которые благодаря его влиянию впервые создали собственное государство, существование которого напрямую зависело от Китая. И. В. Филиппова пишет, что в кочевой среде получили распространение китайские предметы быта и роскоши, конструирование и обустройство городов, поселений, а также погребальных сооружений по китайскому стандарту [11; с. 18]. Стремление жить по китайским стандартам привело к сдвигам в сознании и распространению идей, связанных с китайским способом мировосприятия [6; с. 112]. Среди них особое место заняли идеи, связанные с одной из древнейших китайских концепций, подразумевающей наличие веры в заботу Неба о благосостоянии людей. Кроме этого, распространились общественные ценности, характерные для Китая, такие как почитание предков и вера в тотемистические мифы [10].

Впоследствии эта идеология прочно входит в мировоззренческую систему почти всех кочевых сообществ региона Центральной Азии. Ее влияние испытали многие кочевые племена Забайкалья. Так, у тюрков Забайкалья источники зафиксировали бытование культа Тэнгри (Неба). В этой вере Л. Н. Гумилев увидел влияние Китая, по аналогии с которым тюрки приравнивали собственное мировоззрение с принципами, лежащими в основе государства [3; с. 76]. Древнее монголоязычное население Забайкалья также переосмысляло и использовало китайские идеи. Так, племена сяньби в нач. II в. полагали, что их правитель Тань-шихуай является сыном Неба. На развитие таких монгольских племен, как тоба-вэй (IV в.) и кидань (X в.), захватывавших территории Китая, его влияние было столь значительным, что это привело к их частичной культурной ассимиляции [9; с. 480]. Эпоха Чингисхана, сопровождавшаяся завоеванием Китая, продемонстрировала нарастающую идейную зависимость монголов от китайского контекста. Чингисхан в своем государственном строительстве использовал древние традиции, сохранившиеся еще от хунну, с законами аристократии и элементами республиканского народовластия. Человек повинует начальнику не как лицу, а как части божественно установленной иерархической лестницы, подчиняющейся Чингисхану, который правит народом Вселенной по велению Неба [12; с. 10]. В целом приведенные данные дают основания для вывода о том, что государство мон-

голов опиралось на религиозную мифологию, имеющую самые очевидные параллели с древнекитайской мудростью.

Потомки Чингисхана – императоры династии Юань, перенеся столицу в Пекин, в еще большей степени вынуждены были примерять свою религиозность и обычаи монголоязычных подданных к китайскому образцу. В частности, с 1267 г. по приказу Хубилая монголы стали отмечать Новый год в феврале. Во время церемонии они поклонялись Небу и императору как лицу, его представляющему [4; с. 50]. Важно, что все, что было связано с китайским влиянием на обычаи «северных соседей» Китая, у них сохранялось. Напротив, их попытки выбрать самостоятельный путь культурного развития, как например, попытка юаньских императоров сделать тибетский буддизм государственной религией монголов, на тот момент исторического развития продолжения не имела. Результатом такого взаимодействия было создание и закрепление устойчивых элементов культуры, самобытных и нередко специфичных стандартов и стереотипов и, наконец, определенных национальных традиций.

Последующие столетия обозначили стремление монголов к возрождению национальной самостоятельности. Однако в этот период идейное влияние Китая стало более ощутимым [7; с. 81]. Особенно это проявилось, когда сам Китай оказался захвачен маньчжурами, которые, стремясь захватить территории Монголии, считали тибетский буддизм удобным средством регуляции свободолобивых и мятежных племен. К. М. Герасимова полагает, что создаваемое маньчжурами управление было ориентировано на буддийскую иерархию, которая со своей стороны также на практическом и бытовом уровне стремилась к сращиванию с государственной властью Китая. Согласно мифологеме, которую пыталось распространить маньчжурское правительство, оно якобы являлось творцом культурной традиции монгольских народов, имея отношение к распространению среди них тибетского буддизма. Однако очевидна обратная сторона этого внешнего «попечения» о развитии тибетской и монгольской культур – это подавление национальной независимости с помощью ламаистской иерархии [2; с. 315]. Поддержка тибетского буддизма маньчжурским государством и государства тибетским буддизмом способствовала закреплению этой религии среди монголов. Китайское влияние на содержание данной формы буддизма

приводило к тому, что менялись и обрядовые практики монгольского населения. В частности, в рамках празднования общенационального летнего праздника Надом реактуализуется китайский миф о Небе, дополненный культом Богдыхана, ставшего живым богом – его представителем [5; с. 36]. В целом к рубежу XVII–XVIII вв. культура монголоязычных народов, находившихся вне территорий российской колонизации, развивалась в рамках тибетского буддизма, которому покровительствовали маньчжурские владыки, и который распространял среди населения идеи и мифы китайского происхождения.

Подведем итоги:

1. Геополитические, природные и геологические условия Забайкалья способствовали тому, что начиная с периода первых цивилизаций, население региона поддерживало контакты с земледельческим Китаем, который оказывал прогрессивное воздействие на материальную культуру кочевых племен Забайкалья, стремившихся заимствовать и использовать достижения более развитого соседа. Стремясь скопировать особенности образа жизни и хозяйства китайцев, номады вслед за этим воспринимали идеи, касающиеся социального регулирования, государственного устройства и идеологии. Наиболее известные среди них связаны с поклонением Небу и обожествленному правителю.

2. Так же как и в Китае, религиозная культура его северных соседей с древности является в первую очередь искусством жить в обыденном, наличном мире, который понимался как одушевленный Космос, полноценной жизнью долго и счастливо. В центре внимания населения Китая и Центральной Азии всегда находился человек, коллектив, общество, устройство правильной и упорядоченной жизни на этом свете, которое должно происходить сегодня, сейчас. Тесная взаимосвязь индивида и коллектива, микрокосма личности и макрокосма Вселенной, простых смертных и божеств, равно как и основанный на этой связи идеал социальной и небесной гармонии, синтетического эклектизма, – вот характерные черты формирующегося под влиянием идей Китая типа восприятия мира, который можно охарактеризовать как оптимистический.

3. Альтернативным способом распространения китайских идей в этот период была практика поддержки маньчжурским Китаем так называемой некитайской ламаистской конфессии,

которая принималась монголоязычным населением как в контексте поиска этнических идентификаций и попыток противостоять китайскому влиянию. Вместе с этим необходимо отметить, что, пытаясь взаимодействовать с Китаем на равных, кочевники, проживавшие на территории Забайкалья, не просто копировали образцы китайской мифологии. Напротив, в ряде случаев рецепции китайских идей, таких как культ поклонения Вечно Синему Небу (тэнгрианство) и ламаизм, китайский образец был творчески использован для того, чтобы воспроизвести независимый от Китая духовный конструкт, призванный обеспечить собственную идеологическую легитимацию, которая бы уравнивала их правителей с императором Поднебесной.

Список литературы

1. Васильев Л. С. Культы, религии, традиции в Китае / Л. С. Васильев. – М. : Вост. лит., 2001. – 488 с.
2. Герасимова К. М. Вопросы методологии исследования культуры Центральной Азии / К. М. Герасимова. – Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2006. – 341 с.
3. Гумилев Л. Н. Древние тюрки / Л. Н. Гумилев. – М. : Тов-во «Клышников – Комаров и К», 1993. – 524 с.
4. Жуковская Н. Л. Категории и символика традиционной культуры монголов / Н. Л. Жуковская. – М. : Наука, 1988. – 196 с.
5. Кара Д. Культура народов Востока. Книги монгольских кочевников / Д. Кара. – М. : Наука, 1972. – 229 с.
6. Крадин Н. Н. Империя хунну / Н. Н. Крадин. – Владивосток : Дальнаука, 2001. – 312 с.
7. Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX в. Структура и социальная роль культовой системы / Г. Р. Галданова [и др.]. – Новосибирск : Наука, 1983. – 239 с.
8. Ларичев В. Е. Неолит Дунбэя и его связи с культурами Северо-Восточной Азии // Археол. сб. – Улан-Удэ, 1959. – № 1. – С. 33–62.
9. Пиков Г. Г. Религиозно-мифологические представления киданей // Сибирь в панораме тысячелетий. – Новосибирск : Наука, 1998. – Т. 1. – С. 478–488.
10. Попова И. Ф. Танский Китай и Центральная Азия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.kyrgyz.ru/?page=264>.
11. Филиппова И. В. Культурные контакты населения Западного Забайкалья, Южной, Западной Сибири и Северной Монголии с ханьским в скифское и гунно-сарматское время (по археологическим материалам) : автореф. дис. ... канд. ист. наук / И. В. Филиппова. – Новосибирск, 2005. – 25 с.
12. Юрченко А. Г. Историческая география политического мифа. Образ Чингис-хана в мировой литературе XIII–XV вв. / А. Г. Юрченко. – СПб. : Евразия, 2006. – 640 с.

Peculiarities of Chinese Images Reception by Transbaikalian Nomads

A. V. Zhukov, A. A. Zhukova
Trans-Baikal State University, Chita

Abstract. The article presents a research of China image influence on minds of Trans-Baikal nomads. Using comparative analysis methods the authors study spread of culture phenomena imported from China. China didn't intend to impose its ideas on its neighbors, and nonetheless had mythological influence on them. Historical accounts revealing ideological influence of China on early Trans-Baikal nomads (Oghuz, Khitans, Moguls) are used. Novelty of the current study is due to uncovering concept mix of China images received by Trans-Baikal nomads. Among these images worshipping Heaven and a divine ruler are the most notable. The authors emphasize such alternative ways of China ideas spread as support by Munchurian government non-Chinese cultural phenomena. In the result the authors found basic algorithms of spreading Chinese ideas and images on Trans-Baikal territory, among which are possibility for "non-Chinese" people to enjoy comforts that Chinese civilization provided and supporting Tibetan Buddhism being "non-Chinese" religion. Practical importance of the study is the necessity to take into account endurance of China culture and its influence on people living by when planning strategic policy with China.

Keywords: images of China, Trans-Baikal nomads, common people religion, ethnic and cultural interaction, Chinese myth-making, Chinese ideas reception, intercultural dialogue.

Жуков Артем Вадимович – доктор философских наук, профессор, кафедра философии, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Бабушкина, 129-401, тел.: 8(3022)320301, e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Zhukov Artem Vadimovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Department of philosophy Trans-Baikal state university, 129- 401, Babushkina St., Chita , 672039, tel.: 8 (3022)320301, e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Жукова Алена Алексеевна – кандидат философских наук, старший научный сотрудник, научно-образовательный музейный центр, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, д. 30, Общий отдел, НОМЦ, тел.: 8(3952)334372, e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Zhukova Alena Alekseevna – Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Research Fellow, Research and Education Museum Center, Zabaikalsky State University, 30, Alexandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 8(3952)334372, e-mail: kazarbina_a@mail.ru

Кем мечтает стать красноярская молодежь?

В. И. Злотковский

Академия труда и социальных отношений (филиал) г. Красноярск

Аннотация. В статье по результатам мониторинговых исследований анализируются жизненные устремления красноярской молодежи и факторы, способствующие достижению этих целей.

Ключевые слова: молодежь, студенты, жизненные цели, ценностные ориентации, Красноярск.

Общеизвестна истина: будущее страны зависит от молодежи. От того, какие ценности формируются в молодежной среде, во многом зависит облик будущего общества. В этой связи особый интерес представляет анализ результатов исследований среди учащихся Красноярска 2008–2013 гг., в ходе которых в том числе изучались жизненные устремления молодых людей (кем хотели бы стать) и факторы, способствующие достижению этих целей.

Первый опрос проведен в апреле-мае 2008 г. Опрошено 579 студентов дневной формы обучения четырех вузов города и 782 старшеклассников 19 средних школ города [1, с. 61–66]. Второй опрос проведен в декабре 2013 г. Опрошено 903 студентов дневной формы обучения семи вузов. При формировании и реализации выборки студентов соблюдалось их распределение по курсам и профилю получаемого образования. Учитывая разность общих сумм полученных ответов респондентов, данные табл. 1–4 представлены как в процентном выражении, так и в их ранговом значении.

При анализе данных табл. 1 и 2 можно выделить два существенных момента. Во-первых, юноши-студенты главным образом хотят стать предпринимателями, бизнесменами, директорами и руководителями. Их мало интересуют профессии менеджера, инженера и практически не интересует перспектива стать ученым и заниматься творческой деятельностью (художник, певец, музыкант и т. д.). Эти настроения молодых людей устойчивы во времени (2008 и 2013 гг.) и отчетливо проявляются уже в старших классах средней школы.

Во-вторых, представления молодых людей о приоритетности факторов достижения своих жизненных целей со временем меняются. В школе юноши связывают главные надежды в первую очередь с хорошим образованием, во вторую – на личные качества (характер, трудолюбие и др.), в третью – со связями и знакомствами.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы думаете, кем сегодня чаще всего хотят стать юноши?» (% от числа опрошенных)

	Школьники		Студенты			
	2008		2008		2013	
	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг
Предпринимателем, бизнесменом	64,1	1	67,6	1	50,1	2
Успешным, богатым, олигархом	59,0	2	61,5	2	49,6	3
Директором, руководителем, начальником	57,7	3	59,8	3	54,7	1
Юристом, адвокатом	57,6	4	43,6	4	35,2	4
Спортсменом	52,6	5	35,8	5	31,7	5
Политиком, депутатом	*		*		24,9	6
Менеджером	11,5	6	7,8	6	15,3	7
Инженером	7,7	7	2,2	7	12,7	8
Художником, певцом, писателем и т. д.	5,1	8	1,7	8	6,8	9
Ученым	5,1	9	0,6	9	4,6	10
Затрудняюсь ответить	5,1		7,8		10,0	

Примечание. * обозначает отсутствие позиции в инструментари.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что из перечисленного, на ваш взгляд, сегодня чаще всего помогает юношам достичь своих жизненных целей?» (% от числа опрошенных)

	Школьники		Студенты			
	2008		2008		2013	
	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг
Связи, знакомства	62,8	3	64,2	1	55,7	1
Личные качества (характер, трудолюбие и др.)	64,1	2	58,7	2	53,8	2
Хорошее образование	67,7	1	49,7	3	41,7	3
Материальная помощь родителей	43,6	4	38,5	4	30,3	5
Интеллектуальные способности	28,2	6	22,9	5	31,0	4
Коммуникабельность	29,5	5	17,9	6	23,6	6
Удача, везение	20,5	7	16,2	7	21,7	7
Привлекательная внешность, умение стильно одеваться	6,4	8	5,0	8	6,1	9
Удачный/выгодный брак	2,6	9	3,4	9	6,8	8
Затрудняюсь ответить	5,1		6,1		7,4	

Перейдя в вуз, молодые люди начинают связывать основные надежды с наличием связей и знакомств. В то время как хорошее образование опускается в рейтинге с первой на третью позицию, при сохранении на второй позиции «личных качеств». При этом, в представлении респондентов, такие качества, как интеллектуальные способности и коммуникабельность, не играют существенной роли

Судя по данным табл. 3, девушки на протяжении всего периода наблюдений, и во время обучения в средней школе и в вузе, преимущественно ориентируются на удачный брак и перспективы стать женой. А если и работать, то главным образом в качестве модели или артистки. Представителей прекрасной половины человечества мало привлекает работа менеджера, врача, преподавателя, предпринимателя или занятия политической деятельностью. Их практически не интересует научная деятельность. В школе девушки основные надежды на достижения жизненных целей связывают с хорошим образованием (1-й ранг), личными качествами (2-й ранг) и привлекательной внешностью, умением стильно одеваться (3-й ранг). У девушек-студентов, так же как и юношей-студентов, на первое место выходят связь и знакомства, сохраняется актуальность личных качеств (2-й ранг) при понижении актуальности хорошего образования (с 1-го до 3-го ранга). Девушки еще меньшее значение придают интеллектуальным способностям и коммуникабельности, чем юноши (7-й и 8-й ранги против 4-го и 6-го ранга соответственно).

Сопоставление данных опросов 2008 и 2013 гг. позволяет утверждать: среди девушек усиливается значимость фактора удачного/выгодного брака (6-й и 4-й ранг соответственно).

Возникает логичный вопрос: являются ли представления красноярской молодежи уникальными, детерминированными региональной спецификой? Оказывается, нет.

Результаты общероссийского социологического опроса по теме «Ценностные ориентации активистов молодежных движений», проведенного Фондом «Общественное мнение» в 2008 г., убедительно свидетельствуют: позиции красноярской и российской молодежи удивительно близки [2]. Приоритеты юношей России выглядят следующим образом. Это предприниматель, бизнесмен, успешный, богатый, олигарх, директор, руководитель, начальник, менеджер, юрист-адвокат. Региональная специфика проявляется в большем стремлении красноярских юношей стать юристом или адвокатом и в меньшей степени – менеджером. Приоритеты красноярских и российских девушек практически полностью совпадают.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как вы думаете, кем сегодня чаще всего хотят стать девушки?» (% от числа опрошенных)

	Школьники		Студенты			
	2008		2008		2013	
	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг
Удачно выйти замуж, быть женой	66,7	1	60,3	1	59,7	1
Моделью, артисткой	53,8	2	56,4	2	44,6	2
Юристом, адвокатом	46,2	3	43,6	3	34,2	3
Экономистом, финансистом, бухгалтером	41,0	4	33,5	4	29,4	4
Директором, руководителем, начальником	23,1	6	33,0	5	28,0	5
Предпринимателем, бизнесменом	16,7	8	27,9	6	23,4	6
Менеджером	28,2	5	16,8	7	21,1	7
Врачом, преподавателем	19,2	7	10,1	8	14,1	8
Ученым	2,6	9	3,9	9	2,7	10
Политиком, депутатом	*		*		8,4	9
Затрудняюсь ответить	7,1		12,8		14,0	

Примечание. * обозначает отсутствие позиции в инструментарии.

Таблица 4

Распределение ответов респондентов на вопрос: «Что из перечисленного, на ваш взгляд, сегодня чаще всего помогает девушкам достичь своих жизненных целей?» (% от числа опрошенных)

	Школьники		Студенты			
	2008		2008		2013	
	В %	Ранг	В %	Ранг	В %	Ранг
Связи, знакомства	33,3	5	53,1	1	43,9	1
Личные качества (характер, трудолюбие и др.)	46,2	2	46,4	2	39,2	2
Хорошее образование	59,0	1	44,7	3	39,1	3
Материальная помощь родителей	34,2	4	29,6	4	26,7	6
Привлекательная внешность, умение стильно одеваться	46,3	3	26,8	5	27,6	5
Удачный/выгодный брак	33,2	6	24,6	6	30,7	4
Коммуникабельность	20,5	8	20,7	7	18,2	8
Интеллектуальные способности	20,4	9	17,3	8	22,1	7
Удача, везение	21,8	7	11,2	9	15,3	9
Затрудняюсь ответить	5,7		10,1		11,1	

Подводя итог, следует признать результаты опросов красноярской молодежи весьма тревожными. Складывается ощущение, что жизненные устремления молодежи в значительной степени формируются под влиянием далеко не лучших «продуктов» массовой культуры (например, ориентация на цветные фото глянцевого журналов, развлекательных передач телевидения и пр.), когда юноши хотят стать бизнесменами и начальниками, а девушки – их женами или, в крайнем случае, моделями или артистками. А главным способом достижения этих целей выступают связи и знакомства. Все сказанное заставляет серьезно задуматься о том, какое государство мы строим, какой формируется облик нашего общества сейчас и каким он будет в будущем. В этом контексте даже относительно успешное решение социально-экономических проблем страны, улучшение материального положения населения едва ли приведут к построению общества, в котором свободный и созидательный труд в различных сферах является главной ценностью, а людей ценят за их личные качества и способности, а не за наличие или отсутствие связей и знакомств.

Список литературы

1. Злотковский В. И. Молодежь и выборы в городе Красноярске (по результатам социологического исследования) / В. И. Злотковский, Д. А. Котов // Особенности муниципальных выборов в Российской Федерации: опыт, тенденции и перспективы : материалы гор. межвуз. науч.-практ. конф. / под общ. ред. А. Г. Лисовской – Красноярск : Полиграфбланк, 2010. – 157 с.
2. Ценностные ориентации активистов молодежных движений [Электронный ресурс]. – URL: <http://bd.fom.ru/report/map/pprez120508>.

What Does Krasnoyarsk Youth Dream to Be?

V. I. Zlotkovsky

Academy of labor and social relations (Brunch), Krasnoyarsk

Abstract. The article analyzes personal motivation of Krasnoyarsk youth and factors helping towards the attainment of an end using the results of surveillance studies.

Keywords: youth, students, life goal, value system, Krasnoyarsk.

Злотковский Владимир Ильич – кандидат социологических наук, Академия труда и социальных отношений (филиал), докторант, Институт социально-политических исследований РАН, 660017, г. Красноярск, ул. Марковского, 81, тел.: 8(3912)111700, e-mail: nn101@yandex.ru

Zlotkovski Vladimir Ilyich – Candidate of Sciences (Sociology), Doctoral Candidate, Krasnoyarsk branch of the Academy of Labour and Social Relations, 81 Markovskogo st., Krasnoyarsk, 660017, tel.: 8(3912)111700, e-mail: nn101@yandex.ru

Проблемы организации охотничьего хозяйства в Байкальском регионе в 1970-е гг.

Ю. А. Зуляр

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Анализируется развитие охотничьего хозяйства РСФСР и Байкальского региона в 1970-е гг. Определены и рассмотрены основные направления исследования проблемы, такие как государственная политика, структура управления охотничьим хозяйством, виды и формы промысловых структур, практика и особенности ведения охотничьего хозяйства. Выделены значимые вопросы проблемы, в частности: внедрение научного подхода; создание и деятельность Центральной НИ лаборатории охотничьего хозяйства, Иркутского питомника лаек; Главное управление охотничьего хозяйства РСФСР; региональные и районные органы управления; производственные структуры и материальная база; состояние охотугодий БАМа; проблемы охотников; деятельность добровольных охотничьих обществ; борьба с хищниками; браконьерство.

Ключевые слова: Байкальский регион, Иркутская, Читинская области, Республика Бурятия, БАМ, охотничье хозяйство, рационализация охотничьего промысла, наука, лайки.

Человечество исторически существует за счет использования природных ресурсов, иного пока не дано. Ресурсы в свою очередь делятся на неистощимые, возобновляемые и невозобновляемые. Перспективная задача цивилизации, актуализирующаяся с каждым десятилетием, – осуществить переход на систему гармоничного ресурсопотребления. Обеспечение этой модели предполагает использовать в максимально доступном объеме неистощимые ресурсы, обеспечить безусловное восстановление возобновляемых ресурсов и минимизировать потребление истощимых ресурсов.

Охотничье хозяйство является идеальной системой, позволяющей рационально использовать популяции диких животных, не нанося им вреда и поддерживая при этом их в определенном напряжении, стимулируя тем самым плодовитость и здоровье животных. Ежегодный отстрел определенного количества животных может показаться несовместимым с сохранением вида, факты же говорят об обратном. Продуктивность популяции возрастает, когда она находится в равновесии со своей средой. Охотничий промысел – традиционный и прибыльный вид деятельности для населения, местного сообщества и государства.

В современных условиях охотничье хозяйство страны находится в упадке, но его возрождение объективно неизбежно. В связи с этим исследование состояния охотхозяйства страны в лучшие для него времена представляет перспективный интерес. Данная работа посвящена положению дел в охотничьем хозяйстве России и Байкальского региона (Бурятская АССР, Иркутская и Читинская обл.) в 1970-е гг.

История охотничьего хозяйства – это процесс борьбы двух противоположных тенденций – элитарной (корпоративной) и эгалитарной (основанной на общедоступности). Элитарная концепция организации охоты, утвердившаяся в Европе, основывается на признании правомерности персонифицированного ограничения доступа граждан к охоте со стороны государства. Эгалитарная концепция, общепринятая в США и Канаде, признает регулирование доступа на основе обеспечения равного доступа к охоте всех желающих.

Обе эти концепции и соответствующие им практические стратегии преодолевают дисбаланс между спросом на охоту и ее предложением, однако делают это различными способами. Европейская схема обеспечивает ограничение числа охотников, североамериканская стимулирует рост числа охотников, ограничивая их охотничью активность.

Географические и исторические реалии России обусловили популярность обеих концепций. В западной, густонаселенной ее части более приемлемыми являлись европейские подходы. В зоне Севера, Сибири и Дальнего Востока малолюдность территорий и отсутствие крупных землевладений делали излишним введение охотничьих цензов (исключая этнические, «иностранческие») [20].

В советский период демократическая тенденция доминировала, но правящая элита имела разрешенные и допускаемые привилегии при организации охоты как вида отдыха. В отличие от других стран, основным потребителем охотничьей продукции являлось государство, устанавливавшее удобный для себя порядок присвоения ресурсов дикого животного мира.

В 1970-е гг. руководство СССР и России постоянно вело работу по совершенствованию организации охотничьего хозяйства. Об этом свидетельствует даже неполный список соответствующих нормоположений, в частности: «Об упорядочении отстрела диких копытных животных» (1971) [33, с. 444], «О некото-

рых мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты» (1972) [30], «Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины» (1972) [35], «О дополнительных мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты» (1973) [29], «Типовые правила охоты в РСФСР» (1974) [54], «О мерах по улучшению ведения охотничьего хозяйства РСФСР» (1978), «Об ограничении охоты на бурых медведей» (1980) и др.

Вместе с тем в рассматриваемое десятилетие, кроме традиционных методов проведения охотничьей политики, обозначились или получили свое воплощение подходы, ориентированные на внедрение качественных инструментов. В частности, в 1970-х гг. был взят курс на рационализацию промысла через внедрение методов научной организации труда, к примеру, была увеличена подготовка охотоведов и охотоведение стало активно развиваться как прикладная научная дисциплина.

14 ноября 1968 г. в системе Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при Совете Министров РСФСР была организована Центральная научно-исследовательская лаборатория охотничьего хозяйства и заповедников (ЦНИЛ Главохоты РСФСР). Перед новой научной организацией был поставлен широкий круг задач в области охотоведения. Это разработка научных методов учета охотничьих животных, научных основ организации и ведения высокопродуктивного охотничьего хозяйства, координация научной работы в заповедниках, изучение экологии охотничьих животных. Ей также вменялось изучение и решение вопросов биотехники, дичеразведения, техники охотничьего промысла и других не менее важных проблем охотничьего хозяйства страны.

Главную роль в создании новой научной организации сыграл заместитель начальника главка Н. Ф. Круторогов. Охотовед с довоенным образованием, он хорошо понимал, что без создания охотоведческой науки продвижение этой отрасли вперед невозможно. Он же и осуществлял подбор кадров для лаборатории. Существовавший в то время в г. Кирове ВНИИОЗ находился в ведении Центросоюза потребительской кооперации, т. е. являлся ведомственной структурой и в значительной степени решал ее задачи.

На должность директора лаборатории был приглашен В. Ф. Гаврин, канд. биол. наук, в недавнем прошлом директор ВНИИОЗ. Он был известен как крупный орнитолог, страстный охотник и большой любитель гончих собак. Его гибель в 1975 г. негативно сказалась на работе и моральном климате лаборатории. После него директором стал В. В. Дежкин, затем – В. А. Забродин, которого заменил А. М. Амирханов.

Гаврину удалось быстро сформировать творческий коллектив. На должность ученого секретаря ЦНИЛ, а по существу заместителя директора по научной работе, пригласили П. Б. Юргенсона, д-ра биол. наук, профессора, широко известного работами по экологии охотничьих животных, знатока заповедного дела и организатора науки. Это был в полном смысле слова классический ученый, что проявлялось в любых мелочах. К сожалению, проработал он короткое время, и в 1971 г. его не стало.

В лаборатории в разные годы работали и другие известные ученые и специалисты охотничьего хозяйства и заповедного дела: А. А. Вершинин, Ю. А. Герасимов, К. Д. Зыков, В. Г. Кривенко, Н. Ф. Реймерс, Е. В. Рогачева, Е. Е. Сыроечковский, К. П. Филонов, Ф. Р. Штильмарк, Ю. П. Язон и др. В составе ученого совета были академики Е. Е. Соколов, проф. А. М. Колосов, Б. А. Кузнецов, О. И. Семенов-Тянь-Шанский.

Структура лаборатории была гибкой, в ее составе действовал ряд отделов, возглавляемых известными исследователями. В частности, отдел экологии возглавлял д-р биол. наук Н. Ф. Реймерс. Не будучи охотоведом и охотником, он прекрасно понимал специфику охотничьего дела. Постоянно участвуя в полевых работах, Реймерс порой месяцами мок под затяжными дождями в гнилых охотничьих избушках в Сибири. После ухода Н. Ф. Реймерса в АН СССР отдел возглавил д-р биол. наук и охотовед Ю. П. Язан.

Отдел экономики длительное время возглавлял охотовед, канд. биол. наук В. В. Дежкин. Он хорошо известен охотоведческой науке как автор многих книг по охотничьему хозяйству страны и мира, а также множеству статей по различным вопросам охотоведения. Он стал доктором наук и профессором. Сотрудники отдела работали по сбору экономической информации в государственных промысловых и лесохозяйственных хозяйствах, непосредственно в охотуправлениях, детально изучали материалы годовых отчетов подведомственных организаций.

Отдел учета охотничье-промысловых ресурсов возглавил старейший охотовед, канд. биол. наук А. А. Вершинин. Его сотрудники решали сложные задачи разработки новых и модернизации старых методов учета охотничьих животных, внедрения их в практику охотничьего хозяйства. После его преждевременной кончины отдел возглавил кандидат, а впоследствии д-р биол. наук В. А. Кузякин, много сделавший в теории и практике учетных работ.

В 1972 г., по инициативе В. Ф. Гаврина, был создан отдел промысловой орнитологии, который он и возглавил. Его сотрудники занимались изучением миграций и ресурсов водоплавающих в Сибири, на Дальнем Востоке, экологией утиных и тетеревиных, совершенствованием биологических основ охоты на птиц. В 1975 г. отдел принял В. Г. Кривенко. С 1976 г. структура переименована в отдел охотничьей орнитологии, тогда сюда пришли молодые зоологи – Ю. Ю. Блохин, В. Г. Борщевский, Е. С. Гусаков, А. Б. Линьков, И. Г. Лысенко, Ф. А. Руденко, заявившие о себе новыми идеями и оригинальными разработками.

С первых дней существования лаборатории в ней был создан отдел биотехнии, воспроизводства и дичеразведения, который также возглавил В. Ф. Гаврин. Впоследствии его возглавляли П. М. Павлов, М. П. Козлова, И. А. Львов, В. Е. Размахнин. Его сотрудниками подготовлены нормативы проведения биотехнических мероприятий в охотничьих хозяйствах РСФСР, разрабатывались проекты текущих и перспективных планов расселения охотничьих животных, проводилась оптимизация водохозяйственной мелиорации с учетом охраны природы и охотничьих животных и мн. др. [46].

В России заповедное дело традиционно связано с охотничьим хозяйством. Не удивительно, что лаборатории уже в 1968 г. поручили ведение заповедной тематики, организовав отдел, которым руководил К. Д. Зыков. Для формирования первой Генеральной схемы заповедников, одобренной Госпланом РСФСР в 1979 г., были рассмотрены имевшиеся научные концепции, проанализирована существовавшая сеть заповедников и отобраны объекты для заполнения географических пробелов в этой сети. Авторами «ЦНИПовского варианта» научной концепции стали К. Д. Зыков, Ю. Д. Нухимовская, Ф. Р. Штильмарк. Последовательное претворение в жизнь Генеральной схемы и последующих плановых документов привело к появлению многих запо-

ведников, среди которых такие уникальные, как Таймырский, Остров Врангеля, Магаданский, Байкало-Ленский и др.

Благодаря отделу заповедное дело России находилось в постоянном развитии, имея самостоятельность, собственную концепцию и теоретическую базу. Отдел разрабатывал проекты пятилетних планов НИР в заповедниках России, курировал их выполнение, оказывал постоянную консультативную помощь их научным сотрудникам. В течение рассматриваемого периода отдел фактически являлся научным центром заповедной науки в российских заповедниках. Широко известна монография Н. Ф. Реймерса и Ф. Р. Штильмарка «Особо охраняемые природные территории» (1978 г.), до настоящего времени являющаяся самым крупным теоретическим достижением в области заповедной науки. «Красная книга РСФСР (животный мир)», вышедшая в 1983 г., – результат огромной работы всей лаборатории под руководством А. М. Колосова и В. А. Забродина. Из отдела вышел первый вариант проекта Закона РФ «Об особо охраняемых природных территориях» [46].

Лаборатория искусственного дичеразведения работала с 1971 г. в составе отдела биотехнии, а затем и самостоятельно, под руководством О. С. Габузова. Изучался весь цикл дичеразведения, начиная с вопросов содержания в неволе родительского поголовья взрослых птиц и заканчивая интродукцией и рациональным использованием выращенного молодняка. Отдел создал основы отечественного искусственного дичеразведения. Разработаны технологии разведения на промышленных дичефермах фазанов, серых куропаток, крякв, серых гусей и канадских казарок, с участием специализированных проектных организаций выполнены индивидуальные и типовые проекты дичеферм, по которым построены почти все дичефермы СССР. Коллектив отдела подготовил типовую программу, учебный план и пособие по искусственному дичеразведению, по которым долгие годы велась подготовка специалистов, а также ГОСТ на комбикорма для дичи, большое количество методических рекомендаций по отдельным вопросам искусственного дичеразведения, включая ветеринарные аспекты. Большой вклад внесен в разработку технологии искусственного разведения глухаря, тетерева, рябчика, кеклика, обыкновенного перепела, а также редких и исчезающих видов птиц, занесенных в Красную книгу России – дикуши, белого гуся, сухоноса, дрофы и др.

Большая работа проведена отделом охотничьей ветеринарии (первый заведующий – Л. И. Дадевич). Исследования касались инфекционных, инвазионных и незаразных заболеваний. Вклад в изучение, борьбу и профилактику гельминтозов охотничьих животных внесли Н. И. Овсюкова, Е. П. Михайлова, бешенства, чесотки, туберкулеза – В. Е. Богатырев, В. А. Забродин и др.

Экономические проблемы охотничьего хозяйства относились к числу наиболее сложных и наименее изученных, поэтому соответствующий отдел был предусмотрен уже в первоначальной структуре лаборатории. Работу подразделения в первый период его деятельности до 1981 г. возглавлял В. В. Дежкин. Отдел постоянно занимался текущими экономическими проблемами, анализируя состояние и динамику развития охотничьего хозяйства России, обеспечивая оперативной информацией Главохоту РСФСР и другие отделы ЦНИЛ, постоянно выполнял многочисленные поручения Главохоты и Госплана РСФСР. Одним из значимых итогов работы отдела стала монография «Охотничье хозяйство в РСФСР» (редактор и составитель В. В. Дежкин) [40].

Позже остальных был организован отдел биотехники, который возглавил канд. биол. наук И. А. Львов, имевший большой практический опыт в области государственных охотничьих хозяйств. Отдел занимался изучением влияния мелиорации сельскохозяйственных земель на охотничью фауну и разработкой нормативов биотехнических мероприятий в охотничьих хозяйствах. Одновременно исследовались причины гибели охотничьих животных. Отдел также вел исследования результатов интродукции охотничьих животных прошлых лет и изучал возможности новых выпусков объектов охоты в различных географических и административных районах. Предметами этих исследований были лоси, канадские и европейские бобры и другие звери [46].

В апреле 1971 г. был утвержден перспективный план научно-исследовательских работ лаборатории на 1971–1975 гг. Этим планом предусматривалась разработка 17 отдельных тем и 8 научно-технических заданий. В соответствии с этим планом разрабатывались вопросы совершенствования экономики и организации охотничьего хозяйства РСФСР, охотэкономическое районирование республики, методы комплексной оценки промысловых ресурсов и организация государственной службы учета охотничьих животных, принципы классификации охотугодий и охоттаксации.

Намечались исследования по определению оптимальных плотностей диких копытных (лося), по разработке государственных мероприятий рационального использования запасов соболя, изучение структуры популяции зайца-беляка. Особое внимание уделялось изучению продуктивности водных и сельскохозяйственных угодий и разработке методов ее повышения, упорядочению охоты на пернатую дичь.

С 1971 г. ЦНИЛ приступила к разработке методов промышленного разведения ценных видов пернатой дичи (фазана, куропаток, уток). Также была утверждена тема по изучению проблемы весенней охоты в России на глухаря, тетерева, вальдшнепа, крякву и ее влияния на воспроизводство дичи.

Предусматривались исследования по обездвиживанию ценных диких животных в научных и хозяйственных целях, по совершенствованию конструкций самоловов и капканов.

Значительное внимание было уделено изучению влияния режима заповедников и заказников на плотность популяций охотничьих животных, а также разработке принципов планирования перспективной сети заповедников и заказников на территории России [43].

В 1974 г. были начаты работы по кольцеванию водноболотных и куриных птиц с целью изучения их миграций. В этот период ЦНИЛ становится головной организацией в СССР по разработке основных направлений в области охраны и рационального использования птиц, повышения продуктивности охотугодий, общих принципов управления популяциями водоплавающих и тетеревиных птиц, проблем весенней охоты. Совместно с Росохотрыболовсоюзом в 1974–1975 гг. был проведен Всероссийский учет добычи пернатой дичи и зайцев.

В работе лаборатории постоянно привлекались ученые и охотоведы с регионов. Немало ученых в рамках тем лаборатории исследовали и искали пути повышения эффективности сельского хозяйства и в Байкальском регионе, к их числу принадлежал известный советский и российский зоолог, специалист по соболю и фотограф-анималист, канд. сельскохозяйств. наук, заслуженный работник охраны природы Республики Бурятия Е. М. Черников (1928–2009). Он внес значительный вклад в дело изучения и сохранения популяции баргузинского соболя, разработал оригинальную методику животоотлова и индивидуального мечения соболей, послужившую основой для организации долгосрочного мониторинга на популяционном уровне.

Он занимался изучением соболя с 1959 г., им опубликовано более 80 работ, в том числе труды по экологии его баргузинского вида. Черников награжден Почетным знаком Министерства природных ресурсов РФ «За заслуги в заповедном деле». А в 1971 г. он стал «лицом» заповедника в документальном фильме «Баргузинский заповедник».

Важным событием в истории развития охотничьего хозяйства России стало учреждение в 1979 г. Государственной службы учета охотничьих ресурсов РСФСР, которая издавала инструкции и методические указания по организации и методике учетов численности различных видов животных, также обобщала итоги зимнего маршрутного учета охотничьих животных в Российской Федерации [16; с. 118].

Научными исследованиями и внедрением научных разработок в практику занимались и другие структуры, связанные с охотничьим хозяйством. В частности, в ведении Центросоюза находился Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего хозяйства и звероводства (ВНИИОЗ) и техникумы (Московский, Иркутский, Балашовский, Семипалатинский) по подготовке кадров охотничьего хозяйства средней квалификации [41; с. 315].

Росохотрыболовсоюз (РОРС) тесно сотрудничал с научно-исследовательскими институтами в разработке путей улучшения ведения охотничьего хозяйства и рационального использования природных ресурсов. Он постоянно поддерживал деловые контакты с Всесоюзным научно-исследовательским институтом леса и материалов, Всесоюзным научно-исследовательским институтом охотничьего хозяйства и звероводства имени Б. М. Житкова, Центральной научно-исследовательской лабораторией Главохоты РСФСР, Институтом морфологии и экологии животных имени А. Н. Северцова и др. За первых пять лет рассматриваемого десятилетия он выделил 120 тыс. руб. на финансирование научных разработок.

По его заданию научными организациями была завершена работа по темам: «Динамика численности охотничьих животных в хозяйствах системы Росохотрыболовсоюза», «Повышение продуктивности охотничьих угодий», «Разработка, апробация и внедрение нормативов основных биотехнических мероприятий в охотничьих хозяйствах». Был разработан и издан альбом «Архитектурные биотехнические формы по сохранению фауны»,

опубликованы важные исследования по «Профилактике зооантропогельминтозов эхинококкоза, альвеококкоза и трихинеллеза в охотничьих хозяйствах», «Ветеринарно-санитарным требованиям к промыслу диких копытных животных», «Правилам ветеринарно-санитарной экспертизы продуктов охотничьего промысла». Значительная часть этих разработок была доведена до стадии методических рекомендаций для внедрения в практику и предложена хозяйствам для использования.

Росохотрыболовсоюз изучал опыт ведения охотничьего хозяйства в европейских странах. Этому вопросу было посвящено специальное заседание совета, проходившее 9 декабря 1971 г. Совет принял постановление «О внедрении передового опыта в охотничье-рыболовное хозяйство». Это решение было в русле процессов, которые привели к тому, что в 1971–1975 гг. увеличилась, с одной стороны, площадь охотничьих угодий, закрепленных за Росохотрыболовсоюзом, с другой стороны, из года в год возрастала площадь угодий, на которой проводился учет, и улучшалось качество учетных работ. Также было принято постановление Центрального правления с программой по ускорению внедрения научных достижений и передового опыта в охотничьем хозяйстве.

К 1977 г. увеличился и объем биотехнических мероприятий. Существенным моментом в деятельности Союза стал регулярный учет численности основных видов охотничьих животных, обитавших в хозяйствах. Появились сравнительные данные, которые показывали динамику численности животных и позволили увидеть перспективу развития охотничьих хозяйств. Только в 1976 г. работы по учету промысловых животных были проведены в 4 598 хозяйствах на площади 147,3 млн га.

Тем не менее, как отмечал гл. науч. сотрудник ВНИИОЗ В. Г. Сафонов (1981), результаты плановых работ научно-исследовательских учреждений и организаций не шли дальше научных отчетов и публикаций. Накопленный научный потенциал медленно и не оперативно использовался производственными звеньями (охотхозяйственными организациями), которые больше полагались на свой опыт и интуицию. Сложилась такая ситуация, что усилия ученых и производственников не были объединены общей целью и общим стимулом, не ориентированы на получение конечного результата [16; с. 177, 178, 188, 190].

Рациональное использование запасов охотничьих животных предусматривает учет их численности. Хозяйства региона ежегодно проводили эту работу. Кроме промхозов в 1970-е гг. в регионе им занималось Вост.-Сиб. отделение ВНИИОЗ Центросоюза. Оно помимо численности определяло плотность размещения поголовья в различных угодьях и факторы, влиявшие на зверьков: состояние кормовой базы и ее доступность, влияние промысла, наличие болезней, тенденции роста или сокращения численности. На основании полученных данных управления охотничье-промыслового хозяйства устанавливали сезонные лимиты отстрела и отлова промысловых животных.

Важную роль в рационализации промысла играют охотоустроительные работы. В частности, в Забайкалье с 1970 г. ими занималась экспедиция Союзгипролесхоза. Многие промхозы закрепили все таежные и ондатровые угодья на длительное время за штатными охотниками. Определялась продуктивность участков, и составлялся пятилетний перспективный план изъятия пушных зверей с учетом их воспроизводства [44, с. 67, 88].

Особым направлением работы по рационализации охотничьего хозяйства является развитие охотничьего собаководства. Данное направление в рассматриваемый период успешно развивалось в Байкальском регионе. При Иркутском тресте коопзверопромхозов – крупнейшей охотхозяйственной организации потребительской кооперации России, в состав которой входили 16 коопзверопромхозов, 2 зверохозяйства и заготовительно-сбытовая база, в 1968 г. был организован Питомник охотничье-промысловых собак Росглавкоопшुнины (ИПОПС). Он основан в соответствии с постановлением Правления Роспотребсоюза от 24 октября 1967 г. Директором питомника был назначен охотовед О. Г. Самусенко, на которого были возложены обязанности по созданию, строительству и организации работы питомника. Решением исполкома Иркутского облсовета депутатов трудящихся 19 декабря 1968 г. под строительство питомника был выделен в постоянное пользование земельный участок площадью 2,6 га. Это живописное место на правом берегу р. Иркут чуть ниже с. Моты Шелеховского района, в 50 километрах от Иркутска.

Строительство питомника завершилось в 1973 г. Были построены вольеры на 100 голов для собак основного поголовья и 400 голов молодняка, кормокухня, контора, три жилых двухквартирные дома для работников, помещение под дизельную электростанцию, гараж, ледник для хранения кормов, ветеринарный пункт и изолятор.

Одновременно проводилось комплектование поголовья ИПОПС. В декабре 1968 г. из отдаленных таежных поселков Качугского и Казачинско-Ленского районов в питомник завезли 36 щенков восточносибирских лаек. Штатный охотник Казачинского промхоза Г. Трухин, страстный любитель лаек, перейдя работать егерем в питомник, передал ему двух своих взрослых рабочих собак. Одной из них был знаменитый Джульбарс, ставший впоследствии чемпионом Пятой Всероссийской выставки охотничьих собак [15].

Формирование племенного ядра оказалось делом непростым. Руководители питомника за четыре года закупили в разных промысловых районах Иркутской области, Бурятской АССР, Красноярского края (в основном Эвенкийский национальный округ) более 500 щенят и несколько взрослых собак. Подрастающие щенки находились под постоянным наблюдением. С шестимесячного возраста среди них проводили выбраковку [50].

Совместно с работниками питомника, охотоведами треста коопзверопромхозов в работу включились работники науки и специалисты-кинологи, в том числе канд. биол. наук, эксперт республиканской категории, старший научный сотрудник ВСО ВНИИОЗ В. В. Тимофеев, доцент Иркутского сельхозинститута, эксперт первой категории А. В. Гейц, эксперт республиканской категории, старший научный сотрудник ВНИИОЗ (г. Киров) А. Т. Войлочников.

С осени 1972 г. в Иркутском питомнике лаек начали вести селекционно-племенную работу. Большое внимание уделялось полевой работе. Охотничьи угодья питомника были разнообразными: кедрачи, смешанные кедрово-еловые леса, лиственничники и ерники. Видовой состав охотничьих зверей и птиц был очень широк и разнообразен. В угодьях обитали белка, соболь, колонок, бурундук. Довольно высока была численность лося, изюбра, косули и кабарги. Боровая дичь – рябчик, тетерев и глухарь – встречалась повсеместно. Условия для натаски лаек были очень хорошими.

Вся основная работа с собаками проводилась егерями питомника. Большинство из них были молодые охотоведы – выпускники Иркутского пушно-мехового техникума. Они работали хорошо и увлеченно. Примером для них служил О. Г. Самусенко, который всего себя отдавал делу, не жалея своих сил и здоровья. Работа по натаске лаек шла успешно. Собак ставили на дипломы по белке, соболю и глухарю.

Благодаря этой работе в 1973–1975 гг. во Всероссийскую родословно-племенную книгу охотничьих собак (ВРКОС) впервые были записаны 23 классные восточносибирские лайки Иркутского питомника. Это был важный исторический момент, поскольку с этих собак питомника восточносибирская лайка начала вести свой счет как заводская порода. Вслед за лайками питомника во ВРКОС за этот же период были записаны также 16 восточносибирских лаек из Иркутска. В развитии породы восточносибирская лайка претерпела значительные изменения. Согласно диалектике произошел переход количественных изменений в качественные.

В питомнике завели подсадного медведя и стали регулярно проводить притравки лаек, на которые привозили своих собак и охотники из Иркутска, Ангарска, Шелехова. Для более успешной натаски молодняка лаек по белке в специально огороженный участок леса возле питомника выпускали белок. Все это давало свои результаты – в очередной том ВРКОС (1976–1978 гг.) было записано еще 8 восточносибирских лаек, 4 из которых принадлежали Иркутскому питомнику.

Первый период деятельности Иркутского питомника лаек, когда он располагался в с. Моты, непосредственно связан с именем О. Г. Самусенко. Тогда, в середине 1970-х гг., мало кто знал, что он тяжело болен. А он «горел» на работе, совершенно не жалея себя. Частые разъезды, нерегулярное питание, недостаточное лечение подорвали его здоровье. В марте 1977 г. ему пришлось оставить работу в Иркутском питомнике лаек. Умер О. Г. Самусенко во время операции на сердце 4 декабря 1984 г. в Риге. Это был человек-труженик, хороший охотник, охотовед и кинолог, заложивший основу заводской породы сибирской охотничьей лайки.

В марте 1974 г. ушел из жизни В. В. Тимофеев – патриарх охотоведения и энтузиаст-кинолог, который оказывал большую помощь в работе питомника. После ухода из питомника этих двух энтузиастов не стало «заводных пружин», которые заставляли крутиться многих, обеспечивали движение всей большой и кропотливой работе с лайками. Достойной замены им в тот период не нашлось. В 1977–1981 гг. директором питомника работал Ю. Г. Лукин. В работе ИПОПС произошел существенный спад, продолжавшийся до 1983 г. [15].

В рассматриваемый период контроль за ведением охотничье-промыслового хозяйства в РСФСР осуществляли структуры,

созданные в 1962 г. на основе постановления «Об улучшении руководства пушно-промысловым хозяйством РСФСР» [33]. На всероссийском уровне это Главохота, выполнявшая практическую работу по организации хозяйственного использования природных ресурсов в лесных и охотничьих угодьях. В составе центрального аппарата Главохоты, в соответствии со специфическим подходом советских времен, также функционировало Управление государственных промысловых хозяйств.

Действовавшие в регионах местные органы Главохоты именовались госохотинспекциями (где не было госпромхозов) и охотуправлениями (где были госпромхозы). В Байкальском регионе действовали управления охотничье-промыслового хозяйства. Они оказывали совхозам, колхозам, промхозам и заготовительным организациям техническую помощь в проведении охотхозяйственных мероприятий, проводили работы по охране, учету и воспроизводству государственного охотничьего фонда, обследовали и устраивали охотничьи угодья, определяли размеры добычи промысловых зверей и птиц, разрабатывали предложения по установлению планов закупок продукции и непосредственно руководили государственными промысловыми хозяйствами [55; л. 41; 40, с. 19, 24, 25].

В 1963 г. Главохоте было поручено организовать районную службу охотничьего надзора (1-2 человека на район), выполнением этой работы занимался отдел госохотнадзора [31; с. 388]. Сотрудниками отдела были разработаны типовые правила охоты. На их основании субъекты федерации утверждали местные правила, регулировавшие охоту на их территории. Положения о районной службе охотничьего надзора утверждались Главохотой 27 июля 1963 г. и приказом от 28 февраля 1979 г. [42; с. 88-92]. Соблюдение этих правил как раз и обеспечивалось районной службой охотничьего надзора, насчитывавшей в конце 1970-х гг. около 2 тыс. районных и межрайонных охотоведов, охотинспекторов и охототехников.

В 1973 г. на Главохоту РСФСР было возложено осуществление контроля за правильным ведением охотничьего хозяйства и за соблюдением действующего законодательства по сохранению и обогащению полезной флоры и фауны [36].

Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР предусматривало (но изменения так и не были внесены), что дикие звери и птицы, обитающие, а также выпущенные в целях разведе-

дения в охотничьи угодья РСФСР, составляют государственный охотничий фонд, использование которого допускается с соблюдением установленных правил охоты [47; с. 285–289]. Иначе говоря, предполагалось, что регламентация добычи всех видов диких зверей и птиц устанавливается правилами охоты, а выдача соответствующих разрешений возлагалась на Главохоту РСФСР и охотуправления в субъектах России.

В результате проведенной работы в 1970-е гг. была укреплена государственная служба охотнадзора. В каждом административном районе имелся районный охотовед. При большом объеме работы в помощь ему выделялся охототехник. В местностях с развитой охотой или имеющих особо уязвимые ресурсы ценных охотничьих животных выделяли дополнительно на несколько районов старшего или межрайонного охотоведа. Вокруг этих государственных инспекторов концентрировалась общественность, а также штатные работники охотобществ и охотничьих хозяйств. В охране охотничьей фауны на местах участвовали егеря различных заказников, работники охраны гослесоохотничьих и промысловых хозяйств, заповедников. К 1980 г. насчитывалось 2,3 тыс. районных охотоведов, 8 тыс. штатных егерьей, 15,6 тыс. общественных охотинспекторов, около 16 тыс. членов специализированных дружин по охране природы и 12,3 тыс. общественных егерьей. Вся эта армия борцов с браконьерством работала под общим руководством Главохоты РСФСР [40, с. 25; 16, с. 200–201].

В Байкальском регионе работали управления охотничье-промыслового хозяйства, и органы охотнадзора входили в них в качестве самостоятельных отделов. В районах работали районные охотоведы со средним и высшим образованием. Егеря и охотоведы имелись в охотничьих хозяйствах повсеместно. Охотничьи угодья охраняли и штатные рабочие-охотники, за которыми закреплялись промысловые участки. Охранять охотничьих животных были обязаны и работники организаций и ведомств землепользователей. В частности, в Читинской области в 1970 г. насчитывался 31 работник районной службы охотнадзора, на 1 января 1972 г. работало 23 охотоведа, 9 егерьей, а на 1 января 1973 г. – 31 охотовед и 10 егерьей [7, л. 30; 8, л. 28; 9, л. 23].

Вместе с тем организация и оснащение службы госохотнадзора, по оценке заведомо ЦНИЛ Главохоты В. В. Дежкина,

сильно отставала от требований времени и технического обеспечения браконьеров [11, с. 59].

Организацией охотничьего хозяйства в 1970-е гг. в стране занимались комплексные промысловые хозяйства. По определению А. М. Шалыбокова, Б. Н. Лопырева, Б. П. Иващенко, это хозяйство, разносторонне использующее биологические ресурсы дикой живой природы на основе различных промыслов и других хозяйственных отраслей, основанных на эксплуатации диких (иногда частично окультуренных) животных и растений.

Все они имели разную ведомственную принадлежность. Государственные промысловые хозяйства находились в ведении Главохоты РСФСР и были подчинены 18 управлениям охотничье-промыслового хозяйства при обл(край)исполкомах и советах министров автономных республик, 3 госпромхоза подчинены Управлению госпромхозов Главохоты РСФСР. На 1 января 1979 г. насчитывалось 97 хозяйств с закрепленной площадью в 257,7 млн га. В Зауралье было расположено 80 таких предприятий. В Байкальском регионе они занимали ведущее положение в Бурятии [56, с. 14].

В 1970-е гг. основным заготовителем пушнины в стране являлся Центросоюз. В РСФСР кооперативные звероводческо-промысловые хозяйства находились в ведении Роспотребсоюза. Руководством заготовками охотничьей продукции занимались функциональные органы потребсоюзов: Центрокооппушнина – в Центросоюзе, главные управления заготовок – в потребсоюзах союзных республик, управления заготовок – в областях, заготовительные конторы – в районных потребсоюзах; в сельских потребительских обществах (сельпо) персональная ответственность возлагалась на заместителей председателей правления. В Роспотребсоюзе для руководства промыслом и заготовками пушнины была выделена Росглавкооппушнина. Большая разветвленность этой системы облегчала снабжение охотников орудиями лова, боеприпасами, снаряжением, продовольствием и приемку продукции охотничьего хозяйства.

В ряде областей, краев и автономных республик Сибири действовали специализированные тресты, в подчинении которых находились промыслово-охотничьи хозяйства. В трестах созданы отделы заготовок пушнины и звероводства, организации сбора дикорастущих ягод, грибов и орехов, планово-экономические и другие отделы [41; с. 315].

Огромный потенциал охотничьих богатств России в рассматриваемый период использовался охотничьими хозяйствами и структурами всех видов и форм далеко не полностью. Поэтому государство всячески поощряло деятельность общественных объединений охотников-любителей. В РСФСР в рассматриваемый период насчитывалось более 5 тыс. охотничьих и охотничье-рыболовных хозяйств, принадлежавших добровольным обществам охотников и рыболовов.

Наиболее крупным из них был Росохотрыболовсоюз, в который входило в 1970-х гг. 3 337 охотхозяйств. В 1972 г. в нем имелось уже 5 175 охотничье-рыболовных хозяйств, обслуживающих 139,1 млн га охотничьих угодий. В конце рассматриваемого периода он объединял около 2 млн членов общества охотников и рыболовов. В его систему входили более 4,9 тыс. охотничьих и охотничье-рыболовных хозяйств, за которыми было закреплено 158 млн га угодий [16, с. 118, 175; 56, с. 17].

Значительно уступали ему Всесоюзное военно-охотничье общество (ВВОО), за которым было закреплено 164 хозяйства, в 1980 г. – 170; и общество «Динамо» – 47 хозяйств. В 1980 г. охотничьи угодья, закрепленные за союзами Общества охотников и рыболовов, составили 23 % их совокупной площади [11, с. 71; 16, с. 175].

Основной ячейкой обществ охотников и рыболовов являлись первичные коллективы, работа в которых строилась на общественных началах. Первичные коллективы объединялись в районные общества, возглавлявшие спортивную охоту и рыболовство отдельных районов. Районные общества подчинялись соответственно областным, краевым и республиканским (АССР) обществам [56; с. 17].

В Байкальском регионе эти структуры были представлены достаточно широко, в частности в Читинской области особую роль играло Военно-охотничье общество ЗабВО. Совместно с Организацией охотников и рыболовов оно организовало около 30 спортивных хозяйств, охотники которых принимали участие в заготовках пушнины и другой охотпродукции [39].

В целях активизации добровольных объединений охотников Правительство РСФСР 17 августа 1972 г. приняло постановление «Об упорядочении отстрела диких копытных животных» [13; 34], в котором Главохоте РСФСР разрешалось выдавать бесплатные лицензии на отстрел диких копытных животных, которых общества охотников расселили в своих угодьях и довели численность

до промысловой. Это способствовало расширению работ по расселению, и охотобщества по объемам этой работы превосходили других пользователей.

К сожалению, данное положение в дальнейшем было отменено, что привело к сокращению работ по расселению диких животных. Тем не менее, оценивая значимость общественной деятельности Росохотрыболовсоюза, в 1978 г. Правительство РФ своим постановлением утвердило Устав Союза обществ охотников и рыболовов РСФСР [37], придав этому акту юридическую силу, приравненную к правительственному решению, определив, таким образом, высокий статус и права общественной организации охотников.

Данный Устав декларировал следующие основные задачи: объединение охотников и рыболовов для организации охотничьего и рыболовного спорта, воспитание у членов общества бережного отношения к природе и рационального использования государственного охотничьего фонда и рыбных запасов; активное участие членов обществ в охране и рациональном использовании охотничьих животных и рыбных запасов, борьба с браконьерством, участие в научно обоснованном ведении охотничье-рыболовных хозяйств и воспроизводстве охотфауны и рыбы; организация членов общества на добычу пушнины, мехового сырья, рыбы, сбора ягод, грибов, орехов, лекарственных растений и др.

Благополучие любой экономической системы характеризуется ее устойчивым финансовым положением и ростом доходов. История Росохотрыболовсоюза это зримо демонстрирует. В 1959 г. его доходы составили 4 млн 856 тыс. руб., основой которых являлись членские и вступительные взносы, так как другой устойчивый источник доходов еще предстояло создать. Тем не менее в первый же год 27,2 % доходов было направлено на ведение организуемых охотничье-рыболовных хозяйств, которых к этому времени было образовано 426, а также на оргмассовую работу, стрелково-охотничий спорт, собаководство и другие мероприятия. В частности, только охотничье-рыболовным хозяйствам было выделено 751 тыс. руб.

К 1964 г. расходы на содержание хозяйств составили 28 % всех доходов, и в среднем за год в первом десятилетии деятельности РОРС достигли 41,8 %. Конечно, ежегодно происходило изменение доли отдельных статей доходов и расходов, но темпы

их роста, а также вложения средств в развитие охотхозяйств были выше, причем вложения опережали рост доходов.

Тем самым с первых шагов была подтверждена основная идея общественных объединений охотников и рыболовов: вложение средств в механизм сохранения и приумножения численности охотничьих животных. И это – не считая трудоустройства членов общества в охране, проведении воспроизводственных и других биотехнических мероприятий.

В 1961–1976 гг. определилась структура доходов и расходов Росохотрыболовсоюза. За этот период доходы системы возросли в 3,1 раза, а расходы – втрое. Доминирующими источниками, дававшими более 85 % от общей величины доходов, являлись прибыль от производства и доходы от торговли (35–37 %), членские и вступительные взносы (30–32 %), доходы от охотничьего хозяйства (с укреплением финансового состояния они менялись по годам от 18,5 % в 1976 г. до 36,7 % в 1990 г.). Другие источники доходов – лов рыбы, заготовка дикорастущих ягод, грибов, орехов и другой растительной продукции, сдача пушнины, оказание услуг населению и т. д. [16; с. 171, 172].

Повышение экономического потенциала позволило обществам охотников и рыболовов направлять значительную часть средств в охотничье-рыболовное хозяйство, т. е. на содержание охотничье-рыболовных хозяйств, охотхозяйственные мероприятия, биотехнику, охрану и обустройство охотугодий, борьбу с браконьерством, оргмассовую работу, спортивные мероприятия и развитие охотничьего собаководства.

На содержание своих хозяйств РОРС в 1969–1972 гг. внес больше средств, чем за все предыдущие годы: 27,7 млн руб. Кроме того, значительно возросло трудовое участие членов обществ. Оно составило 4 408 тыс. человеко-дней и позволило резко увеличить объем биотехнических мероприятий. Именно благодаря трудовому участию членов обществ в хозяйствах было устроено 64,3 тыс. подкормочных площадок, 63,4 тыс. солонцов, 101,9 тыс. искусственных гнезд, 19 тыс. галечников. В этот же период заготовлено и выложено для подкормки в зимний период 8 177 т сена, 2 913 тыс. веников, 7 994 т корнеплодов, 4 524 т зернопродуктов и зерноотходов. Весь этот объем работ по биотехнике невозможно было выполнить только штатным персоналом хозяйств, в которых в лучшем случае было 1–2 егеря на территорию в несколько десятков тысяч гектаров охотугодий.

V съезд РОРС поручил совету и правлению Союза создать в непосредственном ему подчинении три специализированных опытных охотничьих хозяйства и одно полносистемное нерестово-выростное хозяйство для увеличения объема мероприятий по акклиматизации и реакклиматизации европейских оленей, косуль, диких кабанов, фазанов, а также ценных видов рыбы.

Это, по мнению А. П. Каледина, опровергает бытующее утверждение противников общественных охотничьих организаций о том, что основными источниками их доходов были вступительные и членские взносы, и, в свою очередь, позволяет оценить вклад обществ охотников в развитие охотничьего хозяйства страны, в содержание и существо их деятельности [16; с. 171–172, 175, 178].

Наряду с этим Росохотрыболовсоюз основное внимание уделял выполнению своей миссии – обеспечению благоприятных условий для охотников-любителей в реализации их спортивных интересов. Его хозяйства обслуживали охотников и развивали сервис, в который РОРС вкладывал значительные средства. Для приема охотников в хозяйствах было построено 2 546 остановочных пунктов, где одновременно могли остановиться 39 311 чел. Постоянно вкладывались средства в капитальное строительство гостиниц, остановочных баз, охотничьих домиков, дичеферм и др.

В материалах VI съезда РОРС (1977) указывалось, что для обогащения фауны проводилось расселение наиболее полезных для охотничьего хозяйства животных. Хотя плановые задания по расселению диких животных в основном выполнялись, объем их был недостаточен. Государственные заповедники и заказники не могли обеспечить отлов необходимого для выпуска количества животных. В связи с этим были созданы собственные охотничьи хозяйства-репродукторы, но сеть их была незначительна и в них не была достигнута необходимая плотность населения диких животных.

Другой серьезной проблемой деятельности общественных организаций являлась «обезличка» охотничьих угодий. По постановлению СМ СССР от 11 мая 1959 г., в целях рационализации охотничьего промысла охотугодья закреплялись за государственными, кооперативными и общественными организациями на срок не менее 10 лет, а в реальности на 10 лет. Этот срок стал камнем преткновения для многих обществ охотников и рыболовов, которые неохотно вкладывали свои средства в хозяйства, пе-

редаваемые им во временное пользование, к тому же на столь короткий срок.

Это обстоятельство отражалось на многих охотхозяйственных процессах. Очень медленно шло внутривладельческое охотустройство, которое началось в 1977 г., но до конца советского периода большая часть охотничьих хозяйств областных обществ охотников и рыболовов так и не была охотустроена [16; с. 171–172, 178, 180, 183–184, 188].

Особую роль и статус в организации промысловой деятельности имели государственные лесохозяйственные хозяйства, отличительной особенностью которых являлось закрепление за ними земель государственного лесного фонда. Они осуществляли ведение спортивной охоты, согласовывая развитие этой отрасли со всеми формами лесопользования. Первые гослесохозяйства были организованы в 1957 г. В 1966 г. для руководства ими было создано специальное Управление Главохоты РСФСР. До 1980-х гг. имелось 25 таких хозяйств, но в Сибири только «Байкал» (Иркутск) [56, с. 18].

Определенное внимание к деятельности охотничьего хозяйства на своих территориях уделяли партийные и советские органы регионов, в частности, они в обязательном порядке контролировали назначение кадрового состава управлений охотпромысловым хозяйством. Например, 20 декабря 1971 г. бюро Бурятского ОК КПСС утвердило коллегию Управления охотпромысловым хозяйством при СМ БАССР в составе 6 чел. под председательством Н. Т. Антоненко. СМ БАССР 13 сентября 1976 г. продлил еще на 2 года срок действия «Правил охоты на территории Бурятской АССР» (от 01.08.1974 г.). Также был организован госпромхоз «Чикойский» Бичурского аймака [22, л. 137; 27, л. 55].

Региональные органы власти держали под контролем и деятельность общественных организаций охотников, оказывая им содействие, в частности, в феврале 1976 г. СМ БАССР закрепил охотничьи угодья зоны БАМа за обществом охотников и рыболовов. Были отведены участки для промысла спортсменов и любителей. 13 сентября 1976 г. Совмин Бурятии продлил еще на два года срок действия «Правил охоты на территории Бурятской АССР» (от 01.08.1974 г.). При этом из списка спортивных охотхозяйств были исключены «Исингинское» и «Темниковское», а добавлено «Гусиноозерское». В феврале 1977 г. он же поручил Бу-

рятскому ООиР обследовать оз. Колок в Прибайкальском аймаке для организации там комплексного рыбохозяйства [26, л. 32; 27, л. 55; 28, л. 8].

1970-е гг. практик и исследователь охотничьего хозяйства А. П. Каледин определяет как период становления и развития наиболее совершенных форм охотничьего хозяйства России: кооперативные заготовительно-промысловые хозяйства (КЗПХ), государственные промысловые хозяйства (ГПХ), совхозы оленеводческо-промысловые, государственные лесоохотничьи хозяйства (ГЛОХ), государственные охотничьи хозяйства (ГОХ) и др. В 1980 г. более 90 % территорий охотничьих угодий РСФСР, занимавших 1,4 млрд га, было закреплено за пользователями [16; с. 118].

К началу 1970-х гг. полностью оформилась система охотничье-заготовительных хозяйств. За КЗПХ в РСФСР на 1 января 1971 г. было закреплено 12,6 % площади охотничьих угодий республики, а за госпромхозами – 11,5 %. В 1971 г. в РСФСР действовали 117 коопзверопромхозов. На начало 1978 г. в ведении Роспотребсоюза имелось 122 коопзверопромхоза, за которыми было закреплено 261,1 млн га охотугодий. В Восточной Сибири располагалось 47 подобных хозяйств. Закрепленные за коопзверопромхозами угодья продуктивнее угодий госпромхозов поскольку создавались эти хозяйства раньше, в местах наиболее развитого охотничьего промысла.

Охотничьим промыслом на основе госплана добычи и сдачи пушнины кроме промхозов занимались свыше 200 совхозов и колхозов Севера, подчиненных Минсельхозу РСФСР. Госпромхозами через областные управления охотничье-промыслового хозяйства руководило специализированное хозрасчетное управление госпромхозов Главохоты РСФСР. В начале 1971 г. в госпромхозах работало 248 производственных участка [40; с. 174]. Производственная структура госпромхозов и кооппромхозов в основном была сходной.

В зависимости от значения выпускаемой продукции в общем объеме производства коопзверопромхозы относились к одной из трех основных групп: промыслово-заготовительного направления (60) – первостепенное значение в этих хозяйствах имели промысел и заготовка пушнины и дикоросов, в незначительной степени было развито звероводство; заготовительно-промыслового направления (36) – основное значение имели заготовка и переработка дикоросов, а также добыча и заготовка пушнины, в отдельных

хозяйствах клеточное звероводство; звероводческого направления (26), в которых преобладало клеточное звероводство, в ряде хозяйств был развит промысел пушнины и заготовка дикоросов. В частности, промхозы звероводческого направления доминировали в Бурятии [56, с. 14, 15].

Угодья хозяйств делились на отделения и производственные участки, в состав которых входили базы, бригады, звенья, обслуживавшие и объединявшие штатных охотников и сезонных работников. За бригадой охотников закреплялся промысловый участок [48].

В Иркутской области КЗПХ входили в Иркутский трест коопзверопромхозов – один из старейших в стране. Они владели 92,2 % охотничьих угодий и выполняли основные объемы охотничьих заготовок. В его ведении в середине 1970-х гг. находилось 16 КЗПХ, за которыми было закреплено 60 419 тыс. га охотугодий, специализированное звероводческое хозяйство в пос. Топка и Шелеховская заготовительно-сбытовая база. Наличие разветвленной инфраструктуры облегчало деятельность промысловых хозяйств. Здесь концентрировалась и дорабатывалась продукция отдельных промхозов, через них осуществлялись поставки продукции и материально-техническое обеспечение хозяйств. В 1964–1974 гг. объем заготовок и производство продукции увеличились с 5 до 14 млн руб., т. е. в 3,4 раза. За 10 лет заготовлено 3,6 млн шкурок белки, 231 тыс. соболя, 607 тыс. ондатры и т. д., на общую сумму 14 млн руб. Трест был устойчиво рентабелен, несмотря на убыточность сельхозпроизводства (в 1965 г. трест принял 40 убыточных сельхозартелей и преобразовал их в КЗПХ).

Типичным представителем хозяйств, входивших в Иркутский трест, являлся Ленский КЗПХ. За ним закреплено 3 141 тыс. га охотугодий, в том числе 2 502 тыс. га лесных, из которых 391 тыс. га кедровников. Основными отраслями хозяйства являлись охотничий промысел и сбор орехов и ягод, а дополнительными – заготовка и переработка леса, лов рыбы и сельхозпроизводство. Главная продукция охотничьего промысла – пушнина давала до 50 % дохода хозяйства. В стоимости пушнины шкурки соболя и белки занимали около 80 % [40; с. 174].

Байкальский коопзверопромхоз Иркутской области – пионер среди охотничье-промысловых хозяйств Восточной Сибири в создании орехопромысловых баз. Особенностью организаци-

онно-производственной структуры этого хозяйства являлась организация орехопромысловых баз – самостоятельных производственных участков, подчиненных непосредственно центральной конторе хозяйства.

В комплекс таежных сооружений этих баз входили складские помещения, жилье для бригады рабочих-возчиков, сторожа, контора, общежитие для орехосборщиков, пекарня, баня, гараж, конюшня и сушилка для обработки готовой продукции. Некоторые отдаленные промысловые базы имели вертолетные площадки. Каждая база располагала широкой разветвленной сетью заготовительных пунктов – подбаз, которые соединялись с ней выучными тропами или тракторными дорогами. Назначение подбаз – максимально сократить перевозки готовой продукции выучным способом от индивидуальных участков орехосборщиков до складов хозяйства. Это давало возможность наименьшими силами (рабочих-возчиков и лошадей) справляться с интенсивными перевозками продукции в сезон массовых заготовок.

Описываемая система управления и организации производства позволяла орехосборщикам, большинство которых состояло из отпускников, получать расчеты за сданную продукцию в день окончания работ. Дополнительные затраты на строительство подбаз и услуги сезонных сторожей полностью компенсировались сокращением транспортных расходов. Количество подбаз определялось практической целесообразностью и общей площадью кедровых урочищ. На территории подбазы располагалось несколько индивидуальных участков орехосборщиков. Благоустройство производственных сооружений индивидуальных участков производилось силами хозяйства и сборщиков.

Наряду со сбором кедровых орехов таежные базы занимались заготовкой других дикорастущих растений, лекарственно-технического сырья, производством хозяйственных товаров и лесозаготовками. На время заготовок ягод и грибов открывались дополнительные приемные точки в районе.

После окончания сезона промысла дикорастущих плодов и ягод начиналась добыча пушнины, мяса диких копытных и боровой дичи. Основная масса промысловой пушнины заготавливалась охотниками-любителями. Таким образом, промысловая база функционировала практически круглый год, обеспечивая все операции по организации заготовок таежной продукции.

Необходимость организации указанных баз была особенно важна в связи с сокращением числа мелких таежных населенных пунктов.

При большой территориальной разбросанности охотничьих угодий, отсутствии дорожной сети и острой нехватке транспорта охотничье-промысловые базы являлись опорными пунктами освоения сырьевых ресурсов. Опыт организации кедрового промысла в Байкальском КЗП широко использовался в охотопромысловых предприятиях Читинской и Бурятской АССР [3; с. 8].

В Бурятии в 1971 г. функционировали 7 госпромхозов и 7 коопзверопромхозов. Для ликвидации обезлички в пользовании охотугодьями проводилось внутрихозяйственное охотустройство. Составлялись проекты с перспективой на 10 лет по каждому промысловому участку. Такая работа к началу 1970-х гг. была выполнена в Баргузинском, Кабанском, Прибайкальском и Витимском зверопромхозах. Проводились охотхозяйственные и биотехнические мероприятия, направленные на повышение продуктивности охотугодий [41; с. 316, 327; 44, с. 70].

Сложившаяся в республике система управления охотничьим хозяйством определяла структуру управления размер производства хозяйства и отраслей, их сочетание; уровень механизации, концентрацию и специализацию производства; размер территории хозяйства; число работников и населенных пунктов, расстояние между ними, качество дорог; количество внутрихозяйственных подразделений; наличие в хозяйстве средств связи и передвижения; уровень подготовки кадров руководителей и специалистов и др. Различные комбинации этих факторов обуславливали построение структуры управления в конкретном хозяйстве [2; с. 66].

Однако принимаемые меры не везде обеспечивали требуемую эффективность, например, в 1976 г. специалистами республики и руководством района была признана неудовлетворительной работа Баргузинского промхоза по охране и восстановлению охотресурсов, приумножению природных богатств. III региональное научно-производственное совещание по проблемам комплексного развития производительных сил БМ АССР (25 дек. 1979 г.), исходя из имевшегося состояния, потребовало «рационализировать использование государственного охотничьего фонда» и усилить его охрану [1; с. 14; 23; л. 100; 24, л. 44].

Наиболее характерной для всех форм охотничье-промысловых хозяйств Западного Забайкалья являлась линейная структура управления, имевшая ряд недостатков. Например, специалисты хозяйств были лишены возможности непосредственно воздействовать на производственный процесс. Руководители отделений и производственных участков получали от всех специалистов указания, которые иногда имели противоречивый характер.

Существовавшая организационно-производственная структура охотхозяйственных предприятий Западного Забайкалья была далека от совершенства. Во многих районах не было завершено проведение межхозяйственного охотустройства, что отрицательно влияло на их производственную деятельность. Несовершенство организационной структуры промхозов проявлялось главным образом в нерациональном размещении производственных участков. Внутри производственных участков штатные охотники проживали в отдаленных друг от друга населенных пунктах, не представляя компактного производственного коллектива.

Дальнейшее развитие организационной структуры охотхозяйственных предприятий сталкивалось, с одной стороны, со стремлением рабочей силы к концентрации, которая выражалась в переселении в крупные населенные пункты, а с другой – присущей охотничьему хозяйству специфичностью, связанной с освоением обширной производственной площади [2, с. 60].

В целом в рассматриваемый период в регионе работала сложная система из 47 хозяйств, обеспечивавшая эффективное использование охотничьих и в целом промысловых ресурсов Байкальской Сибири (табл. 1).

Таблица 1

Охотничье-промысловых хозяйств Байкальской Сибири в 1977 г.
(числитель – число хозяйств; знаменатель – площадь, тыс. га [40, с. 146])

Территория	Госпромхозы	КЗПХ	Всего
Бурятская АССР	8/14 800	8/13 878	16/28 678
Иркутская обл.	4/8 000	16/60 419	20/68 419
Читинская обл.	6/7 800	5/5 362,8	11/13 162,8
Регион	18/30 600	29/79 659,8	47/110 259,8

Больше всего промхозов (табл. 1) находилось в Иркутской области, что определялось ее превосходством в площади охотничьих угодий. В Забайкалье количество КЗПХ и ГПХ было практически равным, а в Предбайкалье – принципиально отличалось в сторону кооперативных хозяйств, особенно в площади угодий.

Большое значение в деле повышения эффективности производства имеет структура производственного предприятия. Конечно, процесс это живой и непрерывный, так как приходится постоянно реагировать на изменения внешних и внутренних условий и обстоятельств. Целесообразно рассмотреть схему организации управления и структуру производства в Красночичойском КЗП Читинской области. Хозяйством руководил директор, которому подчинялась служба главных и старших специалистов, а также руководители отделений и производственных участков. К старшим и главным специалистам относились: главный охотовед, главбух, старший экономист, старший товаровед и старший механик. Во второй блок входили овощесушильный завод (отделение № 1), отделение № 2 и три производственных участка. Старший охотовед организовывал работу заготовительного пункта пушно-мехового сырья и пункта по переработке дикорастущих плодов и ягод. Производственные участки включали в себя охотопромысловые базы.

Черемховский Харцагинский хозяйственно-производственный центр в кедровом угодье был приравнен к статусу отделения или производственного участка промхоза. Он сочетал в себе технологическую связь материально-технического обеспечения промыслов и подсобных работ с сырьевыми ресурсами орехопромысловых угодий.

Красночичойский коопзверопромхоз – единственное охотпредприятие в Южном Забайкалье, имевшее смешанную структуру производства. Функциональная (отраслевая) структура управления в охотхозяйственных предприятиях не получила развития.

В 1970-е гг. в охотничьем хозяйстве Байкальского региона преобладали факторы и условия, сдерживавшие концентрацию и централизацию производства. Это, во-первых, пространственная обширность производственной площади при отсутствии развитой дорожной сети; во-вторых, низкая энерговооруженность рабочих, занятых в производстве, ввиду чего имелось множество мелких подразделений (звенья охотников и ореходобытчиков) с абсолютным преобладанием ручного труда; в-третьих,

отсутствие организационной и технической самостоятельности производственных подразделений, что усугублялось отсутствием современных средств связи и невысоким уровнем организации транспорта.

Самый же существенный недостаток данной структуры управления состоял, по мнению А. А. Атутова, В. П. Москвитина, И. Б. Тармаева, в том, что нерационально использовался труд специалистов хозяйства. В частности, биолог-охотовед обязан, главным образом, заниматься вопросами организации промысла, учетом численности промысловых животных и на этой основе осуществлять кратко- и долгосрочное планирование охотхозяйственного производства. Вследствие многоотраслевого характера производства и линейной структуры управления этот специалист большую часть рабочего времени тратил на выполнение снабженческих и других функций, так как являлся одновременно заместителем директора хозяйства [2, с. 60, 65, 67].

В целом, по мнению автора, управление охотничьей отраслью в РСФСР нельзя было признать эффективным. Основным недостатком тогдашнего охотничьего хозяйства являлась раздробленность. Руководство им осуществлялось целым рядом организаций, в деятельности которых вес охоты был ничтожен [53, с. 41].

В субъектах РСФСР хозяйства, занимавшиеся промыслом, были подчинены разным структурам. В 1970-е гг. в таежном природопользовании Байкальского региона хозяйственным освоением одних и тех же сырьевых ресурсов занимался ряд ведомств. В частности, охотничьим хозяйством – пять учреждений: управления заготовок общепотребсоюза, управления охотничьего хозяйства Главохоты РСФСР, отделы северных колхозов областных управлений сельского хозяйства, областные добровольные общества охотников и военно-спортивное общество охотников ЗабВО.

Кроме этого, ряд специалистов сомневался в целесообразности подчинения госпромхозов Главохоте РСФСР, так как его главной производственной функцией являлась охрана и контроль использования государственного охотничьего фонда и охотничьих угодий. В результате создания госпромхозов Главохота РСФСР и ее местные (областные) органы были вынуждены совмещать взаимоисключающие функции: эксплуатацию сырьевых ресурсов охотничьего хозяйства при одновременных охране и контроле.

Аналогичное явление существовало в организационной структуре лесного хозяйства, где были совмещены функции эксплуатации и охраны леса, поэтому там была произведена соответствующая организационная дифференциация их деятельности. Наиболее четкое функциональное подразделение элементов эксплуатации и охраны ресурсов в данный период существовало в рыбном хозяйстве [2, с. 58–59].

Эффективность охотничьего промысла в значительной степени зависит от материально-промысловой базы охотхозяйств. Состояние экономического обеспечения промысла в регионе и результаты хозяйствования ГПХ показаны в табл. 2.

Таблица 2

Материально-техническая база госпромхозов Восточной Сибири и выход продукции промыслов в начале 1970-х гг. [40, с. 166].

Управление	Количество на 1 млн га			Продукции с 1000 га/руб.	
	Избушек	Автомашин	Лошадей	Всего	В том числе пушнины
Тувинское	20	1,5	28	236,7	42,1
Читинское	30	7,1	37	89,9	28,3
Бурятское	5	1,2	2	56,6	28,3
Красноярское	10	1,1	6,9	39,2	16,1

Читинские госпромхозы были более состоятельны с экономической точки зрения. Но наиболее рентабельными были хозяйства Тувинской АССР. Бурятское и Красноярское управления с трудом обеспечивали минимальный уровень рентабельности (табл. 2).

Состояние поголовья промысловых птиц в Байкальском регионе показано в табл. 3 и 4.

Таблица 3

Численность тетеревиных в Читинской области
(по данным Госохотучета РСФСР) (тыс. экз.) [49, с. 81]

Виды птиц	1972	1975	1978	1981
глухарь	11	13	9	12
рябчик	50	40	60	130
тетерев	125	150	80	70

Данные табл. 3 показывают нестабильную динамику численности тетеревиных в течение десятилетия в Читинской области и отсутствие четко выраженных тенденций. Особенно существенные различия зафиксированы в численности рябчика.

Вместе с тем можно констатировать, что катастрофических сокращений в рассматриваемый период в численности птиц не происходило. Так, в 1972 г. общая их численность составляла 186 тыс., в 1975 г. – 203, в 1978 г. – 149, в 1981 г. – 212. В среднегодовом исчислении численность тетерева составляла 106 тыс. гол., рябчика – 70, глухаря – 11.

Таблица 4

Численность тетеревиных на территории Прибайкалья в 1980 г.
(тыс. экз.) [49, с. 82]

	Глухарь	Рябчик	Тетерев
Иркутская область	85	560	120
Бурятская АССР	18	200	64
Всего	103	760	184

В Прибайкалье, в соответствии с данными табл. 4, численность промысловой птицы в иркутских и бурятских угодьях различалась принципиально, но была высока. Наиболее распространенной птицей являлся рябчик, затем – тетерев, и в наименьшем количестве присутствовал глухарь.

Строительство Байкало-Амурской магистрали внесло принципиальные изменения в организацию и результативность в регионе охотхозяйства, сократив его промысловую базу. Охотничьи угодья зоны БАМа как среда обитания промысловых животных и производственная территория отличаются по условиям произрастания растительности, особенностям жизнедеятельности, численности и пространственной структуры популяций основных промысловых видов.

Специфические формы имел и антропогенный фактор, направление и интенсивность хозяйственного освоения территории. С другой стороны, совокупность природных и экономических факторов определяла способы и методы, периодичность и уровень эксплуатации промысловых ресурсов.

Угодья зоны БАМа были закреплены за 34 промыслово-оленоводческими хозяйствами, общая площадь которых составляла 130,4 млн га. Биологическая продуктивность угодий иркутской подзоны по пушнине, мясу диких копытных и боровой дичи оценивалась в 238,9 руб./1000 га, в том числе по пушнине – 99, мясу диких копытных – 134,7, боровой дичи – 5,1 руб./1000 га. Основным видом пушных ресурсов являлся соболь, биологическая продуктивность угодий по нему составляла 71,8 руб./1000

га, а плотность в подзоне – 1,62 особи на 1000 га, численность перед промыслом – 40 тыс. животных.

Хозяйственно-возможная продуктивность угодий Иркутской подзоны составляла 69,9 руб./1000 га, в том числе на пушнину приходилось 43,3, мясо диких копытных – 23,4, боровую дичь – 3,2 руб. Фактическая продуктивность территории с учетом «оседающей» у населения продукции промысла – 56,8 руб./1000 га, в том числе по государственным заготовкам охотхозяйственной продукции – 29,5 руб.

Исследования показали, что в целом по этой подзоне фактическая продуктивность угодий по основным промысловым видам пушных животных не достигала уровня хозяйственно-возможной. Исключение составлял основной вид ресурсов – соболь. Степень освоения этого вида равна 126,5 %, что говорит о неблагоприятном состоянии его популяции в данной подзоне. Площадь продуктивных охотничьих угодий в иркутской подзоне достигала 29 369,3 тыс. га. Здесь обитало около 300 тыс. белок, 10 тыс. горностаев, 8 тыс. лосей и 12 тыс. северных оленей. Уровень хозяйственно-возможной эксплуатации этих видов соответственно равен 254,3; 4,1; 1,1 и 2,4 тыс. особей.

Площадь продуктивных угодий бурятской подзоны составляла 16 962 тыс. га. Их биологическая продуктивность несколько ниже, чем в иркутской подзоне, и составляла 223,9 руб./1000 га, в том числе по пушнине – 56,8, мясу диких копытных – 156,7, боровой дичи – 10,4 руб./1000 га. Среди пушных промысловых видов преобладали соболь, белка, ондатра, их промысловая численность оценивалась соответственно в 10, 60 и 130 тыс. особей. Исключение составляла ондатра. Ее плотность в иркутской подзоне – 0,46, в бурятской – 2,10 особи на 1 га. Это объяснялось более благоприятными условиями существования популяций этого вида в бурятской подзоне. Среди диких копытных выделялся лось – 83 руб./1000 га, по боровой дичи (глухарь) – 6,6 руб./1000 га.

Хозяйственно-возможная продуктивность 1000 га угодий оценивалась в 58,3 руб., из них на пушнину приходилось 24,4, мясо диких копытных – 27,3, боровую дичь – 6,6 руб./1000 га. Фактическая продуктивность с учетом «оседания» охотопродукции – 45,7 руб., в том числе по пушнине – 24,2, мясу диких копытных – 17,1, боровой дичи – 4,4 руб./1000 га.

Нормативный уровень хозяйственной эксплуатации популяции соболя, по расчетам, составлял до 3 200, фактически добывалось более 3 900 соболей, степень освоения ресурсов этого вида в бурятской подзоне – 121,2 %. Запасы белки, напротив, недоосваивались, возможный резерв заготовок – более 30 тыс. шкурок. Ресурсы горностая осваивались на 63, колонка – на 72,1 %. Повышенный «пресс» охоты характерен для популяции ондатры, так как ее водоемы расположены вблизи населенных пунктов. Запасы диких копытных и боровой дичи повсеместно недоосваивались.

В читинской подзоне за 9 промыслово-охотничьими и сельскохозяйственными предприятиями закреплено было 17,4 млн га, из них 20,8 % – за совхозом «Чарский» и 14,8 % – за Могочинским коопзверопромхозом. Доминирующим типом угодий здесь являлась смешанная светлехвойная тайга – 9 752,8 тыс. га, значительная площадь гарей – 2 231 тыс. га, гольцов и каменистых россыпей. Сельхозугодий было немного – 38,9 тыс. га.

Биологическая продуктивность угодий оценивалась в 249 руб./1000 га, в том числе на долю пушных видов приходилось 68,5, мясо диких копытных – 164,6, боровую дичь – 15,9 руб. Хозяйственно-возможная продуктивность территории 71,1 руб./1000 га, причем на пушнину приходилось только 29,5 руб.

Значительны запасы боровой дичи, особенно глухаря, возможная продуктивность угодий по этим видам – 10,4 руб./1000 га. С учетом «оседания» охотпродукции уровень фактической продуктивности территории составляла 49,1 руб./1000 га, однако по заготовкам всего лишь 18 руб. Так, фактическая продуктивность угодий по пушнине – 24,6 руб./1000 га, по заготовкам – 14,7, по мясу диких копытных соответственно 17,2 и 2,9, боровой дичи – 7,3 и 0,4 руб./1000 га.

Ареал соболя в читинской подзоне составлял 12,5, белки – 9,3, горностая – 13,4, колонка – 8,6 млн га, а удельный вес в общей площади закрепленных угодий соответственно 76,7; 57; 31,8; 52,7 %. Значительна площадь обитания лося и дикого северного оленя (11,4 млн га), предпромысловая численность этих видов достигала соответственно 3 570 и 4 160 голов [17, с. 28–33].

В конце 1970-х гг. уровень промыслового производства в регионе был низок. В большинстве промхозов на 1 тыс. га охот-

ничьих угодий имелось лишь 50-100 руб. основных производственных фондов [52, с. 38].

Специалистами установлена зависимость между числом промысловых охотников и выходом пушнины с 1000 га. В 1970-х гг. в тувинских госпромхозах, где на 1 тыс. га угодий приходилось в среднем 0,2 охотника, этот показатель (в опт. ценах) составлял 42,1 руб., читинских и бурятских (0,1) – 28,3 руб., красноярских (0,04) – 16,1 руб. Конечно, разница в выходе продукции определялась и другими факторами, особенно биологической продуктивностью угодий, но общая тенденция очевидна.

Постоянные работники заинтересованы в многолетнем стабильном промысле и сохранении промысловых традиций. В 1970-е гг. штатные охотники Прибайкальского КЗПХ Шангин, Боев, Деренко ежегодно отлавливали на своих участках по 80-100 соболей. Охотники Кабанского промхоза П. Маслов, И. Маслов, Г. И. Афанасьев, Н. И. Инешин и другие добывали на закрепленных участках по 1 тыс. шт. ондатры.

Вместе с тем в большинстве промхозов в 1970-е гг. значительная часть продукции (до 50 %) добывалась не штатными охотниками, а любителями-сезонниками. До половины пушнины, особенно добытой любителями, не сдавалось государству. Если в 1930-е гг. промысел белки в регионе вели 7 тыс. профессионалов и только 1 тыс. сезонников, то в конце советского периода существовало обратное соотношение [4; 40, с. 169; 52, с. 36].

В 1972 г. в КЗПХ Бурятии работало всего 240 штатных и 1 600 полустатных охотников. Вместе с тем в 1970-е гг. в дельту р. Селенги на промысел ондатры приезжало ежегодно до 3,5 тыс. охотников [18, с. 83-84; 51, с. 13].

Попытки заготовительных контор потребительской кооперации компенсировать сокращение профессионалов использованием сезонных охотников в 1970-е гг. не удались. Заготовки продолжали снижаться, причем уменьшалась и численность некоторых ценных животных в отдельных районах ввиду их нерациональной эксплуатации. Сезонники заняты в охотхозяйственном процессе незначительное время, главным образом во время своего отпуска, поэтому их невозможно привлечь к выполнению охотустроительных, биотехнических и других охотхозяйственных мероприятий. Вся эта работа проводилась силами штатных охотников на своих участках. Это обеспечивало правильную ох-

рану животных, позволяло рационально использовать производительность фауны, создавало материальную заинтересованность штатных охотников. Привлечение сезонных охотников оправдало себя для добычи белки, колонка, горностая.

За заслуги в охотничьем промысле охотники-промысловики постоянно награждались государственными наградами. В частности, в 1971 г. охотник коопзверопромхоза с. Большая Речка Красночичойского р-на Н. Д. Нагаев награжден орденом Трудового Красного Знамени [39].

На основе вышерассмотренных факторов и обстоятельств развивалось охотничье хозяйство региона. При этом охотничьи угодья региона осваивались в щадящем режиме (использовалось от 60 до 80 %), а перепромысел не превышал 10 %. Вместе с тем от 22 до 40 % угодий не осваивалось (табл. 5).

Таблица 5

Использование охотничьих угодий госпромхозами
Байкальской Сибири в 1976 г. [40, с. 170]

Управление	Число хо- зяйств	Пло- щадь, тыс . га	Опромыщление угодий, %			
			нор- маль- ное	не осваи- ваются	пол- ное	перепро- мысел
Читинское	6	7 465,4	55,1	22,0	19,8	2,9
Бурятское	3	5 826,5	53,3	23,4	12,5	10,8
Иркутское	1	2 370,0	30,0	40,0	20,0	10,0

В зоне Севера в 1975 г. заготавливалось 52 % всей промысловой пушнины, добытой в РСФСР. На долю колхозов и совхозов приходилась примерно половина, остальное – на госпромхозы, коопзверопромхозы и некоторые другие организации. Соболя было заготовлено 125 тыс. шкурок, из них в Иркутской области – 12,8 %; ондатры – 781,9 тыс. шкурок, в области – 3,2 % этого количества; белки – 1 437,5 тыс., в области соответственно – 19,4 %.

С начала 1960-х гг. выросла лишь добыча соболя (с 85,4 тыс. в 1965 г.). Постоянно сокращалась добыча ондатры. Заготовки шкурок песца и белки остались относительно стабильными (100,5 тыс. в 1978 г. и 78,5 тыс. в 1965 г. по песцу и 1 482,4 тыс. по белке). Производственная охота на водоплавающих птиц была повсюду запрещена [52, с. 37].

Показатели заготовки боровой птицы в Иркутской области демонстрируют нестабильность, причем по всем заготавливающим структурам. В рамках рассматриваемого периода господ-

ствовала понижающая тенденция, а перепады достигли почти трехразовой величины. Данные табл. 6 свидетельствуют, что основным ее производителем являлся трест КЗПХ, он же и демонстрировал максимальные перепады результатов, затем шло общество охотников и рыболовов, а замыкало список управление охотпромхоза. В рамках семилетнего периода наиболее позитивную тенденцию продемонстрировало общество охотников и рыболовов.

Таблица 6

Заготовка боровой дичи в Иркутской области (тыс. шт.) [21, с. 103]

Организация	1978	1979	1980	1981	1982	1983	1984	1985
Трест КЗПХ	23	6,9	8,2	17,1	12,1	11,6	12,9	18
Управление охотничье-промыслового хозяйства	2,2	2,1	2,1	2,4	1,6	1,4	2	1,9
Общество охотников и рыболовов	8,8	6,9	2,1	7,3	7,3	Нет данных	12,2	12,5
Всего	34,0	15,9	12,4	26,8	21,0	13	27,1	32,4

На территории Бурятии в начале 1970-х гг. основными видами являлись белка, соболь, ондатра. В общих заготовках пушнины эти виды составляли следующий удельный вес: белка – 42,6 %, соболь – 35,5 %, ондатра – 15,5 % [19, с. 90].

Результаты функционирования охотничьего хозяйства Байкальского региона в рассматриваемый период были достаточно высокими, в частности, читинские госпромхозы занимали первые места в регионе по производству мяса диких копытных животных (в 1975 г. – 681,8 ц) и заготовкам боровой дичи (15,2 тыс. шт.) [40, с. 154]. Область ежегодно только на экспорт поставляла 500–600 косуль, 15–17 т мяса изюбря, 100–110 тыс. рябчиков и куропаток, а также панты, кабарговую «струю» и другое лекарственное сырье.

По-иному выглядит ситуация в регионе в разрезе качественных и экономических показателей. В Восточной Сибири в 1971–1973 гг. (Тува, Бурятия, Красноярский край, Иркутская и Читинская обл.) экономические результаты производства трех основных групп охотпродукции были следующими. Уровень рентабельности производства пушнины: в КЗПХ – от 5,2 до 8,9, в ГПХ –

от 1,5 до 10. В кооперативных хозяйствах Бурятской АССР и в государственных Красноярского края производство охотничьей пушнины было убыточным (соответственно -5,2 и -14,1 % по отношению к себестоимости). Уровень рентабельности производства мяса диких копытных в КЗПХ колебался в широком диапазоне – от 6,1 до 55,5 %, в ГПХ – от 5,7 до 14,9 %. И в этой отрасли понесли убытки красноярские КЗПХ (-6,6), тувинские и бурятские госпромхозы (-7,9 и -6,9 %). Заготовки боровой дичи снизилась и в КЗПХ Иркутской и Читинской областей (7-11,1 %). Красноярские и бурятские КЗПХ имели убытки -2,5 и -15,2 %.

В северных КЗПХ Иркутской области за 1972–1973 гг. уровень рентабельности равнялся 8,5 %, в примагистральных – 5 %. Этого было совершенно недостаточно для расширенного воспроизводства, требующего минимальной рентабельности в 25–30 % [40, с. 188].

Хотя существовавшие комплексные хозяйства Главохоты РСФСР и Роспотребсоюза именовались охотничье-промысловыми и представляли основную опору охотхозяйственного производства, роль охотничьей продукции в 70-е гг. в них непрерывно снижалась, и эта отрасль не всегда являлась ведущей. По мнению Ф. Р. Штильмарка, удельный вес лесозаготовок и лесопереработки в промхозах непрерывно повышался, и кое-где наметилась тенденция к лесопромышленной специализации этих предприятий. В деятельности промхозов отсутствовала связь между охотхозяйственным и лесохозяйственным производствами и научно обоснованная увязка лесного и охотничьего хозяйства [28а, л. 48; 57, с. 47].

Доля охотничьего промысла в экономике промхозов показана в табл. 7.

В денежном отношении доходы от пушного промысла даже в ведущих хозяйствах составляли меньшую часть (табл. 7). Байкальский и Манский КЗПХ имели высокие показатели не только потому, что у них была выше фондообеспеченность. На их территории находились высокопродуктивные горно-таежные леса, дающие большой выход продукции охотничьего промысла. Оборудование угодий, строительство промысловых баз и подбаз, охотничьих избушек, дорог и троп способствовали более полному освоению ресурсов.

Таблица 7

Показатели интенсивности ведения хозяйства
в коопзверопромхозах Присяня в середине 1970-х гг. [40, с. 173]

Показатели	Иркутская обл.		Красноярский край	
	всего на 6 хозяйств	в том числе Байкальский КЗПХ	всего на 7 хозяйств	в том числе Манский КЗПХ
Затраты в руб. на 1 тыс. га	136,3	708,5	83,3	609,7
Основные производственные фонды, руб.				
Охотхозяйственные работы	6,2	17,1	5,6	22,1
Приходится угодий, тыс. га				
на рабочего-охотника	27,4	12,6	22,4	4,6
на промысловую базу	108,4	15,7	367,5	47,8
на автомашину	226,4	58,5	351,6	55,7
на трактор	256,6	51,2	288,5	47,8
Выход на 1 тыс. га угодий				
Продукции промыслов, руб.	191,7	736,6	122,1	915,7
в том числе пушнины	23,4	36,2	35,7	103,5
прибыли, руб.	64,3	307,1	21,9	237,1

Благодаря эффективной работе центральных структур РОРС и его региональных отделений, общая численность охотничьих животных и особенно добыча в угодьях Союза, обычно оказывалась выше, чем на остальной территории, хотя они никогда не превышали 18,6 % общей площади России. То есть плотность населения животных и продуктивность угодий (выход с 1 тыс. га) в хозяйствах РОРС всегда были выше.

Вместе с тем необходимо иметь в виду, что общества охотников находились в неравных условиях экономической деятельности, так как они выступали в качестве контрагентов государственных и кооперативных заготовительных организаций. Выполняя основную организационную работу по заготовке мяса, пушнины и другой продукции, особенно в густонаселенных районах страны, они получали только 5 % наценок, выделяемых государством на покрытие расходов сельских потребительских обществ [16, с. 180].

К концу 1970-х гг. стала очевидной разница в экстенсивном и интенсивном пути развития хозяйств. Например, в 1979 г. Братский и Казачинский промхозы Иркутской области имели примерно одинаковый состав ресурсов, но в различной степени подверглись антропогенному воздействию. На территории Братско-

го промхоза заготовки леса исчислялись миллионами кубометров, а в Казачинском – сотнями тысяч. Но в Братском промхозе, благодаря интенсивному ведению хозяйства, при этом получали пушнины по 37,3 руб./га, а в Казачинском – по 31,1 руб./га [38, с. 241; 44, с. 88].

В конце 1970-х гг. уровень промыслового производства в России, по мнению Е. Е. Сыроечковского, был низок. В большинстве промхозов на 1 тыс. га охотугодий имелось на 50–100 руб. основных производственных фондов. Значительная часть продукции (до 50 %) добывалась не штатными охотниками, а любителями-сезонниками. До половины пушнины, особенно добытой любителями, не сдавалось государству.

Выход из сложной ситуации он видел в закреплении угодий за профессиональными охотниками и обеспечении их самыми современными техническими средствами охоты, связи и доставки [52, с. 37].

Постоянную проблему и заботу для организаторов охотничьего хозяйства представляла борьба с хищными зверьми, и прежде всего с волками. Для активизации этой работы в конце рассматриваемого периода было установлено повышенное вознаграждение [14].

Ситуация с волками в разных районах региона была различной. В частности, в Иркутской области в южных и центральных районах в отличие от северных в 1950–60-е гг. произошло резкое уменьшение численности и сокращение ареала волка. Хищников уничтожили в некоторых лесостепных районах, и ряд лет их шкуры не поступали из Аларского, Братского и других районов. Затем произошел рост его поголовья. Изменение числа волков в Иркутской области прослеживается по заготовкам их шкур. Среднегодовые данные по пятилетиям составили: 1950–1954 – 336; 1955–1959 – 256; 1960–1964 – 186; 1965–1969 – 62; 1970–1974 – 75; 1975–1980 – 132 волчьи шкуры.

Иной была ситуация в Читинской обл., где несмотря на интенсивную борьбу, численность волка оставалась высокой до 1962 г., когда впервые уменьшилось поступление его шкур (510 шт.). В южных районах области средняя плотность волка составляла 11–33 экз. на 1 тыс. км². К 1970 г. она сократилась в 3–9 раз, но оставалась довольно высокой по сравнению с другими регионами Средней и Восточной Сибири. Большие показатели числа

зверей в лесостепи, южной горной и средней тайге Читинской области обусловлены экстенсивным животноводством с круглогодичным выпасом скота. Высокая численность диких копытных в отдаленных угодьях также обеспечивала обильное питание волка. Заготовка шкур волка в Читинской области (среднегодовые данные по пятилетиям) составила: 1950–1954 гг. – 996; 1955–1959 – 1000; 1960–1964 – 693; 1965–1969 – 427; 1970–1974 – 375; 1975–1980 – 434.

Плотность населения хищника в Читинской области была значительно выше, нежели в соответствующих ландшафтах Красноярского края и Иркутской области. В зоне северной тайги повсюду плотность волка различалась в меньшей степени, а по Читинской области и Красноярскому краю совпадала. Если сравнить заготовку шкур с единицы площади в годы наибольшей и наименьшей численности волка, то можно заключить, что наиболее эффективным истребление волков было в Иркутской области (снижение в 12,1 раза). Далее следовали Читинская область и Красноярский край, в которых поступление волчьих шкур сократилось соответственно в 5,2 и 4,1 раза [5].

В Читинской области в 1971 г. истреблено 348 волков, в 1972 г. – 353 волка. Ущерб от волков составил 28 голов крупного рогатого скота, 7 лошадей, 1 752 овцы и 730 оленей. В 1976 г. было отстрелено 413 волков. Заметную роль в борьбе волками в Читинской области играли члены Организации охотников и рыболовов и Военно-охотничьего общества ЗабВО [7, л. 31; 8, л. 29; 9, л. 30; 39].

Экологически допустимой плотностью населения волка во всех природных зонах Красноярского края, Иркутской и Читинской областей следует считать 0,4 экз. на 1 тыс. км². При этом общая численность популяции волка составит около 1,4 тыс. экз., что достаточно для сохранения генетического фонда этого вида в Сибири [5].

Менее успешно велась борьба с главным бичом охотничьего хозяйства – браконьерством. Оно всегда было головной болью не только для государственных органов охотнадзора, но и обществ охотников, особенно тогда, когда прошло закрепление охотугодий за коллективами охотников. Браконьеры совершали преступления не только против диких животных, но и против человека. Они вели самую настоящую войну против органов госохотнадзора и общественности.

В 1970-е гг. борьбу с браконьерством возглавляла Главохота РСФСР, в каждой области и автономной республике имелись координационные планы по охране и воспроизводству животного мира, в которых были задействованы все правоохранительные структуры, а также прокуратура и суды. В тех регионах и районах, где было организовано взаимодействие всех властных структур, милиции, прокуратуры, судов, госохотнадзора и рыбнадзора с общественностью, с народными дружинами, СДНД, егерским составом и администрацией охотничьих хозяйств, с членами обществ охотников и рыболовов, местными обществами охраны природы (ВООП) и другими заинтересованными лицами и организациями, достигались реальные результаты.

В этот период вскрывалось более 70 тыс. нарушений правил охоты, при этом ежегодно погибало от рук браконьеров 8–12 чел. – охотоведов, егерей, общественных охотинспекторов, дружинников. Огромный резонанс на всю страну получило дело об убийстве охотоведа У. Кнакиса, выпускника охотоведческого факультета Иркутского сельскохозяйственного института, начальника отряда по охране сайгаков в Калмыкии. Все это происходило в довольно благополучные годы, когда люди не голодали [16, с. 203–205].

Активная позиция службы госохотнадзора Главохоты, общественных инспекций, сформированных из членов обществ охотников и других участников этой борьбы, приносила свои плоды. Например, в Читинской области в 1971 г. охотнадзором было вскрыто 676 нарушений правил охоты, правда, при этом 283 браконьера остались ненаказанными. В 1972 г. действовало 4 совета по охотонадзору, которыми было выявлено 812 нарушителей, с которых было взыскано 19 112 руб., в 1976 г. – 567 нарушителей. Наиболее активно работали А. А. Наумов (96 задержаний), В. Ф. Ткачев (91 задерж.), Г. П. Воложанин (75 протоколов), Г. К. Днепровский (70 протоколов) [6, л. 30; 7, л. 23; 8, л. 23; 10].

Выявляемость нарушителей правил охоты была высокой, по фактам злостного браконьерства возбуждалось ежегодно до трех тысяч уголовных дел, а по всем остальным нарушителям применялись меры административного и общественного воздействия. В частности, в июле 1977 г. в газете «Правда» был опубликован фельетон «Догоняй, инспектор», в котором описывались факты злостного браконьерства должностными лицами Абатского рай-

она Тюменской области. В число должностных лиц, уличенных в браконьерстве, входили районный прокурор, секретарь райкома, директор мехлесхоза, лесничий и другие лица. В результате проверки указанных в фельетоне фактов за участие в запрещенной охоте от занимаемой должности освобожден районный прокурор. Возбуждено уголовное дело по факту отстрела группой лиц лосей и косуль. Сняты с работы и привлекались к ответственности бывший секретарь райкома КПСС, директор мехлесхоза и лесничий. В счет возмещения ущерба с них была взыскана значительная сумма. По уголовному делу бывшего председателя местного общества охотников, осужденного к условной мере наказания, приговор прокуратурой опротестован. За незаконную добычу лосей, оленей, соболей и белок браконьеры приговорены к двум годам лишения свободы и денежному штрафу. Браконьер, охотившийся на лебедей, по совокупности с другими преступлениями приговорен к десяти годам лишения свободы. Все браконьеры исключены из общества [16, с. 200; 25, л. 17]. В целях борьбы с браконьерством в Баргузинском КЗПХ в 1976 г. был заменен весь егерский состав.

На одном из советов РОРС была поддержана инициатива Свердловского областного общества охотников и рыболовов о создании специализированной добровольной народной дружины (СДНД) по охране и защите природных богатств, борьбе с браконьерством и нарушениями правил охоты и рыболовства. СДНД создавалась по всей стране в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. «Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка» [32]. Деятельность СДНД основывалась на Положении по охране общественного порядка, утвержденного постановлением СМ РСФСР от 19 июня 1974 г., законами СССР, РСФСР, постановлениями и распоряжениями СМ СССР, РСФСР, приказами Минрыбхоза РСФСР и Главохоты РСФСР. Они также поддерживались решениями и распоряжениями местных органов государственной власти, государственного управления охотничьим хозяйством, инспекции рыбоохраны, постановлениями советов и правлений РОРС, областных, районных и городских обществ охотников и рыболовов. Руководство СДНД осуществлялось областными, районными и город-

скими штабами добровольных народных дружин исполкомов советов нардепов.

В задачи СДНД входили охрана охотничьих хозяйств и приписных водоемов, активное участие в предупреждении и пресечении попыток браконьерства, нарушений правил охоты и рыболовства, охрана порядка, социалистической и общественной собственности в охотничьих хозяйствах, на водоемах, охотничьих рыболовных базах, остановочных пунктах, лодочных причалах, при проведении спортивных мероприятий и мероприятий по охотничьему собаководству, участие в работе по воспитанию членов общества и населения в духе уважения и исполнения законов и правил охоты и рыбной ловли, а также борьба за сохранение в чистоте лесов, водоемов, воздуха, предупреждение пожаров и случаев неправильного применения удобрений, ядохимикатов в сельском и лесном хозяйстве.

Дружинники осуществляли надзор за созданием условий для размножения диких зверей, птиц и рыбы, особенно в заказниках, на токах и местах нереста рыбы путем контроля и ограничения посещения этих мест в период размножения, а также за пастьбой скота, сенокошением, рубкой леса.

Обязанности и права народного дружинника СДНД были столь велики, что он по статусу почти приравнялся к работнику милиции, а его социальная защита определялась постановлением ЦК КПСС и СМ СССР от 20 мая 1974 г., где предусматривались все меры компенсации материального и физического вреда, который дружинник мог получить при выполнении задачи по охране охотничьих хозяйств, приписных водоемов и пр. [16, с. 203].

Несмотря на большую работу, проводимую государственными, хозяйственными органами и общественными организациями, и достигнутые ими успехи, в охотничьем хозяйстве страны в целом и Байкальском регионе в частности имелась масса проблем и очевидных упущений. И хотя до 80 % таежных угодий было закреплено за организованными охотхозяйствами, рациональное использование сырьевых ресурсов тайги не было обеспечено. На практике полностью отсутствовала ответственность охотхозяйств за состояние сырьевой базы, хотя за расходование денежных средств они отчитывались регулярно.

В деятельности промхозов отсутствовали контакт между развитием охотхозяйственного и лесохозяйственного производства и научно обоснованная увязка лесного и охотничьего хозяйства [57, с. 47].

Органы охотнадзора, усилив борьбу с браконьерством на копытных и нарушениями правил спортивной охоты, устранились от контроля за использованием таежной фауны. Лесники также не считались с интересами охраны и воспроизводства, часто нарушая правила лесоэксплуатации.

В связи с нарушением государственной монополии на торговлю мехами с каждым годом возрастала продажа охотниками пушнины частным лицам. В некоторых районах до 80 % шкурок соболя, ондатры, выдры и значительная часть белки шли на частный рынок. Поэтому полностью потеряла значение лицензионная и лимитированная добыча пушнины. В ряде районов резко сократилась численность соболей, а на части площади (Хамар-Дабан, большая часть Восточного Саяна и др.) его численность стала критической.

Единственным способом воздействия на поголовье животных являлось регулирование размеров добычи. Достичь этого, по мнению специалиста-охотоведа, канд. биол. наук В. В. Тимофеева, можно было только с помощью сокращения срока пребывания охотников на промысле и общего сокращения количества охотников (главным образом любителей) с учетом конкретных условий отдельных районов [53, с. 40].

Другой важнейшей проблемой охотничьего хозяйства являлось его противостояние с сельским хозяйством, которое проявлялось в разных формах, порой совершенно неожиданных. Например, в 1970-е гг. в СССР проводилась долговременная кампания по агрохимизации сельскохозяйственных земель. Нередко без всякого согласования с руководителями колхозов и совхозов «Сельхозхимия» завозила в хозяйства сотни тонн невостребованных минеральных удобрений (суперфосфата, аммиачной селитры, сернокислого аммония). Удобрения ссыпали в наспех построенные дощатые склады, а чаще всего вывозили на поля и сваливали в огромные кучи под открытым небом. Осенью сюда слетались глухари, тетерева, рябчики и склевывали крупные фракции, принимая их за мелкую гальку (с помощью гальки в желудке птицы перетирается грубая пища: почки деревьев, хвоя

и т. п.) и, как следствие, уже в середине следующего десятилетия косач стал в регионе редким охотничьим трофеем [45].

Государство постоянно пыталось сэкономить на охотничьем хозяйстве, хотя цена вопроса в масштабах страны была ничтожной. Через это, при существовавшем в 1970-х гг. паритете цен на товары и услуги, охотничьи хозяйства обречены были быть убыточными. Только охотхозяйства, имевшие высокое покровительство местных властей, могли выжить в тех условиях.

Принимаемые меры были похожи на «тришкин кафтан», например, в 1970 гг. росли закупочные цены на пушнину и др., но снижались закупки массовых менее ценных видов пушнины, вопиюще слабым было материально-техническое оснащение охотничьего хозяйства и др. [16, с. 189].

Таким образом, анализ развития охотничьего хозяйства в России и Байкальском регионе в 1970-е гг. позволил выявить ряд противоречивых тенденций. Прежде всего, в рассматриваемый период политика руководства страны по отношению к охотничьему хозяйству не претерпела особых изменений. Был продолжен курс, определенный в конце 1950-х – начале 1960-х гг., ориентировавший отрасль на переход на путь интенсивного развития, в условиях сокращающихся трудовых ресурсов и роста себестоимости добываемой продукции [12, с. 88].

Главной особенностью рассматриваемого десятилетия стала нацеленность на развитие охотоведческой науки и внедрение ее достижений в практику функционирования отрасли. Активно изучался и использовался зарубежный опыт. Хозяйства ориентировали на комплексное использование биологических ресурсов, активизировалась борьба с хищниками и браконьерами. Большое внимание и поддержку стали оказывать профильным общественным организациям.

Наряду с этими позитивными процессами государственная политика было непоследовательной и недостаточной по своим масштабам и направлениям. Слабое внимание уделялось ценообразованию на производимую хозяйствами продукцию, что приводило к их нерентабельности, недостаточным был размер вознаграждения, получаемого штатными и сезонными охотниками. Недостаточное внимание уделялось созданию современной материально-технической базы отрасли, созданию надлежащей инфраструктуры. Все это привело к быстрому сокраще-

нию числа профессиональных охотников, а это в свою очередь – к снижению отдачи вложенных средств и оборудования.

Не удалось создать систему эффективного управления отраслью, организовать систему грамотного использования квалифицированных специалистов и руководящих работников, запустить механизмы подготовки кадров для отрасли, особенно охотников, принципиально минимизировать вред, наносимый отрасли хищниками и браконьерами.

В связи с этим страна, отрасль, население и природа получали значительно меньше возможного, хотя успешное развитие отрасли позволяло увеличивать валютные поступления страны и повысить жизненный уровень ее граждан. Все это вело к деградации природной среды, снижению эффективности народного хозяйства, престижности и устойчивости социально-политической системы государства.

Список литературы

1. Абрамов В. К. Принципы охраны млекопитающих // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещания-семинара 8-10 июня 1972 г. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 124 с.
2. Атутов А. А. Таежное природопользование в Западном Забайкалье / А. А. Атутов, В. П. Москвитин, И. Б. Тармаев. – Новосибирск : Наука, 1982. – 129 с.
3. Атутов А. А. Опыт хозяйственной деятельности Байкальского коопзверопромхоза / А. А. Атутов, М. И. Смышляев, С. П. Немченко. – М., 1973. – 16 с.
4. Вост.-Сиб. правда. – 1986. – 29 янв.
5. Все о волках. Красноярский край, Иркутская, Читинская области [Электронный ресурс]. – URL: <http://ovolkah.ru/230/>.
6. Государственный архив Читинской области (ГАЧО). Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 177.
7. ГАЧО. Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 205.
8. ГАЧО. Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 270.
9. ГАЧО. Ф. Р-1649. Оп. 3. Д. 288.
10. Забайкальский рабочий. – 1973. – 26 авг.
11. Земля людей. – Вып. 6. – М. : Знание, 1984. – 221 с.
12. Зуляр Ю. А. Основные этапы охотничье-промыслового освоения Байкальской Сибири в XX в. // Изв. Иркут. гос. акад. – 2003. – № 1. – С. 82–90.
13. Зуляр Ю. А. Теоретико-методологические основы исследования отечественной политики взаимодействия природы и общества // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2008. – № 1(2). – С. 159–171.
14. Инstrukция о порядке выплаты вознаграждений охотникам за уничтожение волков и шакалов на территории РСФСР и истребление лисиц в районах вспышек эпизоотий бешенства, а также расходования средств, отчисляемых от страховых платежей на мероприятия по борьбе с вредными хищниками, наносящими ущерб сельскому хозяйству. Утв. Главохотой РСФСР 14 февраля 1979 г. // Сб. норм. материалов по охотничьему хозяйству / сост. А. А. Улитин. – М. : Лес. пром-сть, 1984. – 335 с.

15. Иркутский питомник лаек [Электронный ресурс]. – URL : <https://sites.google.com/site/laikarticles/lib/ip03>.
16. Каледин А. П. Очерки истории охоты / А. П. Каледин. – М. : ПТП Эра ; МГООиР, 2010. – 224 с.
17. Колесников А. Л. Зональные особенности продуктивности охотничьих угодий и оценка промысловых ресурсов БАМа // Эффективность рациональных систем освоения охотничье-промысловых ресурсов. – Новосибирск : ВАСХНИЛ СО, 1980. – С. 28–33. – (Науч.-техн. бюл. Вып. 26).
18. Комаров А. В. Изменение экологии ондатры под влиянием антропогенного воздействия в Восточной Сибири // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания : материалы науч. конф. – Киров, 1980. – Т. 2.
19. Курбетьев Г. Е. Коопзверопромхозы как одна из форм рационального использования промысловых животных // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1973. – С. 87–94.
20. Матвейчук С. П. Элитарность и эгалитарность в российской охоте [Электронный ресурс]. – URL http://piterhunt.ru/library/articles/matveychuk/elitarnost_i_eg.htm.
21. Мурашов Ю. П. Ресурсы промысловых тетеревиных птиц и меры по их рациональному использованию // Ресурсы животного мира Сибири. Охотничье-промысловые звери и птицы : сб. науч. тр. – Новосибирск, 1990. – С. 101–103.
22. Национальный архив Республики Бурятия (НАРБ). Ф. П-1. Оп. 25. Д. 31.
23. НАРБ. Ф. П-1. Оп. 40. Д. 102.
24. НАРБ. Ф. П-29. Оп. 10. Д. 6.
25. НАРБ. Ф. П-29. Оп. 11. Д. 8.
26. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3546.
27. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3553.
28. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3598.
- 27 а. НАРБ. Ф. Р-248. Оп. 20. Д. 3661.
29. О дополнительных мерах по усилению борьбы с нарушениями правил охоты. Постановление Совета Министров РСФСР от 23.02.1973 № 87. // Сб. нормат. актов по охране природы / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.
30. О некоторых мерах по усилению борьбы с нарушителями правил охоты : постановление СМ СССР от 18.07.1972 № 529 // СП СССР. – 1972. – № 14. – Ст. 75. – С. 252–254.
31. Об итогах хозяйственно-финансовой деятельности Главного управления охотничьего хозяйства и заповедников при СМ РСФСР за 1962 г. : Постановление Совета Министров РСФСР от 13.05.1963 г. // Системат. собрание законов РСФСР, указов Президиума Верховного Совета РСФСР и решений Правительства РСФСР. – М., 1967. – Т. 8.
32. Об основных обязанностях и правах добровольных народных дружин по охране общественного порядка. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 20 мая 1974 г. // Сб. нормат. актов по охране природы / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.
33. Об улучшении руководства пушно-промысловым хозяйством РСФСР : постановление СМ РСФСР от 23.02.1962 № 201 // Сб. норм. актов по охране при-

роды / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.

34. Об упорядочении отстрела диких копытных животных : постановление СМ РСФСР от 17.08.1971 № 472 // Сб. норм. актов по охране природы / сост. Е. Г. Говязина, Г. А. Метелкина ; под ред. В. М. Блинова. – М. : Юрид. лит., 1978. – 584 с.

35. Об усилении ответственности за нарушения правил охоты, уклонение от обязательной сдачи государству, незаконную продажу, скупку и переработку пушнины : указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 15.12.1972 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1972. – № 51. – Ст. 210. – С. 820–821.

36. Об усилении охраны природы и улучшении использования природных ресурсов : Постановление Совмина РСФСР от 31.05.1973 г. // СП РСФСР. – 1973. – Ст. 89.

37. Об утверждении Устава Союза обществ охотников и рыболовов РСФСР (Росохотрыболовсоюза) : Постановление Совета Министров РСФСР от 1.06.1978 № 267 // СП РСФСР. – 1978. – № 13. – Ст. 90.

38. Орешко-Вербицкая Л. Н. Интенсивность ведения хозяйства и продуктивность угодий // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания. – Киров, 1980. – Т. 2.

39. Охотничий промысел [Электронный ресурс] // Энциклопедия Забайкалья. – URL : <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=2877>

40. Охотничье хозяйство РСФСР / В. В. Дежкин [и др.]. – М. : Лес. пром-сть, 1978. – 256 с.

41. Охотничье хозяйство СССР / В. А. Аммосов [и др.]. – М. : Лес. пром-сть, 1973. – 408 с.

42. Охотничьи законы : сб. нормат. правовых. актов и др. док. / сост. Н. В. Краев. – Киров : ВНИИОЗ, 1999. – 560 с.

43. Охотоведение / под ред. В. Ф. Гаврина. – М. : Лес. пром-сть, 1972. – 336 с.

44. Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещания-семинара 8–10 июня 1972 г. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 124 с.

45. Парфенов Н. М. Промысловые звери и птицы [Электронный ресурс]. – URL: <http://encyclopaedia.lysya.ru/1/1-22.pdf>.

46. Перовский М. Вспомним ЦНИЛ Главохоты РСФСР // Рос. охот. газ. – 2009. – № 28.

47. Положение об охоте и охотничьем хозяйстве РСФСР. Утверждено постановлением Совета Министров РСФСР от 10 октября 1960 г. // Охотничьи законы : сб. нормат. правовых. актов и др. док. – Киров, 1999.

48. Положение об охотничье-производственном участке управления охотничье-промыслового хозяйства и государственной охотничьей инспекции при областном (краевом) исполкоме, совете министров АССР : утв. Главохотой РСФСР 14 авг. 1980 г. // Сб. норм. материалов по охотничьему хозяйству / сост. А. А. Улитин. – М. : Лес. пром-сть, 1984. – 335 с.

49. Ресурсы животного мира Сибири. Охотничье-промысловые звери и птицы : сб. науч. тр. – Новосибирск : Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 288 с.

50. Самусенко О. Г. Иркутский питомник / О. Г. Самусенко, С. И. Немченко // Охота и охотничье хозяйство. – 1975. – № 9.

51. Соколов Г. А. Охотничье хозяйство в кедровых лесах / Г. А. Соколов. – М. : Наука, 1966. – 108 с.

52. Сыроечковский Е. Е. Перспективы использования ресурсов охотничьих животных Крайнего Севера СССР в связи с его хозяйственным освоением // Влияние хозяйственной деятельности человека на популяции охотничьих животных и среду их обитания : материалы науч. конф. – Киров, 1980. – Т. 1.

53. Тимофеев В. В. Состояние и перспективы охраны и рационального использования животного мира Восточной Сибири // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири : материалы совещания-семинара. – Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1973. – 182 с.

54. Типовые правила охоты в РСФСР : утв. Приказом Главохоты РСФСР от 1.03.1974 № 66 // Сборник нормативных актов по охране природы. – М., 1978. – С. 486–487.

55. Центральный государственный архив историко-политических документов. – СПб. – Ф. 3135. Оп. 6. Д. 1.

56. Шалыбков А. М. Справочник по охотничьим угодьям / А. М. Шалыбков, Б. Н. Лопырев, Б. П. Иващенко. – М. : Лес. пром-сть, 1981. – 224 с.

57. Штильмарк Ф. Р. Влияние лесохозяйственной деятельности на численность охотничьих животных Сибири // Охрана, воспроизводство и рациональное использование ресурсов животного мира Восточной Сибири. – Улан-Удэ, 1973. – С. 42–49.

Challenges of Hunting Sector Management in Baikal Region in 1970s

Yu. A. Zulyar

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Hunting sector development in RSFSR and Baikal region in 1970s is analyzed. Basic lines of research are defined and considered. They are public policy, hunting sector arrangement, kinds and forms of specific bodies, hunting sector practice and its peculiarities. The most significant problems of study are identified, they are scientific approach introduction, establishment of Central Research laboratory of hunting sector and its activity, local and regional authorities, industrial structures and facilities, BAM hunting ground conditions, difficulties hunters face with, voluntary hunting communities activity, predator control, poaching.

Keywords: Baikal region, the Irkutsk Region, the Chita Region, the Republic of Buryatia, BAM, hunting sector, rationalization of hunting industry, science, Escimo dogs

Зуляр Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, заведующий кафедрой политологии, истории и регионоведения, декан исторического факультета, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: uazulyar@yandex.ru

Zulyar Yuriy Anatolievich – Doctor of Sciences (History), Professor, Dean, Historical Faculty Irkutsk State University office 410b, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372 e-mail: uzulyar@yandex.ru

Нерчинская горная экспедиция в первой половине XIX в.

Е. В. Иванова

Забайкальский государственный университет, г. Чита

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры, компетенции кадрового и количественного состава Нерчинской горной экспедиции в первой половине XIX в. Статья подготовлена на основе неопубликованных документов Государственного архива Забайкальского края.

Ключевые слова: история Отечества, Нерчинский горный округ, Нерчинская горная экспедиция.

Нерчинская горная экспедиция являлась главным местным органом управления Нерчинским горным округом в XIX в. В существующих исследованиях нет детального анализа деятельности этого органа. В предлагаемой статье приведены неопубликованные данные Государственного архива Забайкальского края. В статье исследуются вопросы организационной структуры, компетенции, кадрового и количественного состава Нерчинской горной экспедиции в первой половине XIX в.

Пятого января 1787 г. Екатерина II подписала указ «Об отдаче нерчинских заводов в ведомство кабинета Его Императорского Величества». При этом прежний орган управления нерчинскими заводами – Нерчинское горное начальство, был переименован в Нерчинскую горную экспедицию. С 1788 г. при Нерчинской горной экспедиции действовал коллегиальный орган – Нерчинский горный совет.

В 1829 г. Министерство императорского двора и уделов, в состав которого был включен кабинет Его Императорского Величества, создало комиссию во главе с генерал-губернатором Восточной Сибири Лавинским. В результате деятельности комиссии было установлено, что нерчинские заводы убыточны. Тогда 14 апреля 1830 г. вышел указ о передаче нерчинских заводов в ведение Министерства финансов. Таким образом, Нерчинская горная экспедиция стала подчиняться местному органу Министерства финансов Российской империи – Иркутской казенной палате. В 1838 г. Нерчинская горная экспедиция была переименована в Нерчинское горное правление. В 1851 г. Нерчинский горный

округ был вновь передан в ведение кабинета Его Императорского Величества [ГАЗК. Историческая справка к описям фонда № 31 «Нерчинское горное правление», с. 1–5].

Сравним количественный состав служащих Нерчинской горной экспедиции в 1799 и 1835 гг.

Согласно ведомости, составленной нерчинским горным советом, на 1 января 1799 г. Нерчинская горная экспедиция имела одного штаб-офицера, по одному обер-офицеру в должностях секретаря, при жжении угольных куч по всем заводам, в Екатеринбургских заводах, при сопровождении серебра в Санкт-Петербург, и двух – под судом. На должностях приказных служителей, подлекарей, маркшейдерских, пробирных, аптекарских и лекарских учеников состояло 43 человека. Таким образом, общее количество служащих в Нерчинской горной экспедиции составляло 50 человек [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 403. Л. 136].

В 1835 г. для начальника штаба горных инженеров был составлен список служащих при главном управлении нерчинских заводов [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1165. Л. 92–93об]. На тот момент Нерчинская горная экспедиция состояла из 192 служащих.

Горным начальником был полковник, горный инженер Степан Петрович Татаринов. На службе в нерчинских заводах Татаринов находился с 1800 г. Начальником заводов был назначен в 1829 г., в возрасте 53 лет.

Членами Нерчинской горной экспедиции были: горный инженер, подполковник Евгений Гаврилович Чебаевский, обербергмейстер 7-го класса Константин Захарович Рик и обергиттенфервалтер 8-го класса Петр Михайлович Черниговцев.

Секретарями являлись: по горной и заводской части – губернский секретарь Иван Игнатьевич Машуков, по судной и земской части – губернский секретарь Григорий Михайлович Казаков. Помощники секретарей: по судной и земской части – кабинетский регистратор Егор Никифорович Бакшеев, по горной и заводской части – унтершихтмейстер 1-го класса Михаил Залуцкий. По разным поручениям состояли берггешворен 12-го класса Александр Иванович Таскин и шихтмейстер 13-го класса Валентин Федорович фон Фриш. Бухгалтером был кабинетский регистратор Петр Васильевич Стрелков.

Столоначальники: губернский секретарь Кузьма Дмитриевич Дербин, унтершихтмейстеров 11 человек, их помощников 13 человек, у письма унтершихтмейстеров 20 человек, писцов 21 человек. Рассыльчиков или десятников 4 человека, сторожей 4, денщиков 41, других разных званий служащих 11. При канцелярии начальника нерчинских заводов – исполняющий должность секретаря коллежский регистратор Александр Евдокимович Путинцев, писцов 6 человек (унтершихтмейстеров – 4, мастеровых – 2).

Архивариусом был кабинетский регистратор Александр Иванович Жилин. У него был помощник, унтершихтмейстер. Должность казначея исполнял горный инженер, штаб-капитан Михаил Ильич Рик.

В горном военном суде служили: презус-майор Андрей Семенович Пресняков, ассесоры штаб-капитан Дмитрий Васильевич Суязов, титулярный советник Степан Михайлович Нестеров, горный инженер подпоручик Яков Иванович Аникин, подпоручик Николай Васильевич Бакланов, прапорщик Иван Михайлович Глазунов, шихтмейстер 14-го класса Степан Львович Яковлев, исполняющий должность аудитора унтершихтмейстер, у письма 3 человека (унтершихтмейстер и 2 писца).

В медицинской инспекции и главной аптеке числились инспектор врачебной части титулярный советник Ясон Игнатьевич Владимирский, управляющий нерчинским главным госпиталем, лекарь, коллежский секретарь Николай Иванович Богословский, провизор коллежский секретарь Федор Христианович Флюхрат. Кроме них, были две повивальные бабки, два старших аптекарских ученика и один младший.

При главной лаборатории управляющим был назначен горный инженер подпоручик Дмитрий Иванович Соколов, а также там служили 11 унтершихтмейстеров и пробирных учеников.

При главной чертежне: управляющим являлся унтершихтмейстер 1-го класса Роман Дербин, а рядовыми, унтершихтмейстерами и маркшейдерскими учениками – 13 человек. Смотрителем библиотеки и минерального кабинета был горный инженер подпоручик Дмитрий Иванович Соколов.

Таким образом, за 36 лет в Нерчинской горной экспедиции количество служащих увеличилось почти в 4 раза (в 3,8 раза), с 50 до 192 человек.

В январе 1822 г. Тимофей Степанович Бурнашев, начальник нерчинских заводов, разработал организационную структуру Нерчинской горной экспедиции, которая, с небольшими изменениями, сохранялась на протяжении всего последующего времени [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 786. Л. 107–107об]. Он предложил разделить всю деятельность экспедиции на «столы», или «повытья». В последующем закрепилось название «столы». «Столы» делились на две группы – по горной и заводской части (4 стола) и по земской части (3 стола).

Первый стол по горной и заводской части – «заводской», вел все «разрядные» дела, т. е. о получении предписаний высшего начальства, а также те, которые касались горного и заводского производства, выполнение крестьянами заводских работ и т. д. Второй стол – «денежный», в его компетенцию входили дела о приходе и расходе денежных сумм, выдача пенсий («пенсионнов»), недоимок со служащих казенных сумм, все расчеты с кабинетом Его Императорского Величества и т. п. Третий стол – «экономический», вел все хозяйственные дела: о припасах, материалах, строениях, машинах, казенном рабочем скоте, о заготовлении одежды, провианта, об аптеках, лазаретах, кожевни, мыловарне и т. п. Четвертый стол – «командный», был ответственен за формулярные списки о служащих, рабочих и их семьях, о ссыльных, школьниках. «Командный» стол также распределял по местам служащих, назначал пенсии.

По земской части первый экономический стол отвечал за ведение заводских крестьянских ревизских сказок, сбор подушной и прочих податей, выполнение мирских повинностей. Дела о сельском управлении также входили в его компетенцию. Второй экономический стол вел дела о крестьянском казенном и собственном хлебопашестве, об урочниках и посельщиках, определенных поставлять провиант и т. п. Третий – «судный» – стол занимался всеми судными и следственными делами.

О том, как изменилась организационная структура Нерчинской горной экспедиции к 1835 г., а также об объеме выполняемой Нерчинской горной экспедицией работы можно судить по ведомости, составленной за период с 1 января 1834 г. по 1 сентября 1834 г., т. е. за 8 месяцев [ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1165. Л. 94об–98] (см. табл.).

Таблица

	Поступило дел	из них		По оным вышло исходящих	Осталось нерешенных
		Принято к сведению	Решено определениями		
По горной и заводской части					
1-й стол	393	351	41	333	1
2-й стол	1 310	498	510	1 695 Сверх того по срочным делам – 21	1
3-й стол денежный	1 260	899	361	1 327 Сверх того по срочным делам – 51	
4-й стол экономический	2 131	1 397	734	1 882. Сверх того по срочным делам – 10	1
5-й стол командный	1 571	1 219	352	1 976 Сверх того по срочным делам – 26	
При ревизии счетов поступило от всех подведомственных мест и лиц; 1)шнуровых книг, счетов и документов	307				
2)месячных ведомостей	155				
3)по форме годовых таблиц о движении капиталов нерчинских горных заводов	25				
Итого	7 152	4 664	1 998	7 213 Сверх того по срочным делам – 108	3
По земской части					
1 стол по исковым делам	1 800	1 383	406	1 118 Сверх того по срочным делам – 115	2
2 стол экономический	729	568	133	483 Сверх того по срочным делам – 69	15
Итого	2 529	1 951	539	1 601 Сверх того по срочным делам – 184	17
По судной части					
1 стол по уголовным и криминальным делам	667	312	244	626 Сверх того по срочным делам – 16	
2 стол о решении по побегам ссыльных	467	244	200	560	14
Итого	1 134	556	444	1 186 Сверх того по срочным делам – 16	14
Всего	10 815	7 171	2 981	10 000 Сверх того по срочным делам – 308	34

Проанализировав данные ведомости, можно сделать некоторые выводы. В организационной структуре Нерчинской горной экспедиции произошли незначительные изменения по сравнению с 1822 г. В горной и заводской части первый стол разделился на два стола. Можно предположить, что один из них стал заниматься горными делами, а другой – заводскими. По земской части два экономических стола объединились в один, и был создан стол по исковым делам. В структуре экспедиции выделилась судная часть, в которую вошли стол по уголовным и криминальным делам и стол по делам о побегах ссыльных.

Также можно сделать общие выводы об объеме работы Нерчинской горной экспедиции. В среднем ежедневно в экспедицию поступало около 45 дел, по которым принималось 12 решений. Среднее количество исходящих дел ежедневно – 42. При таком большом объеме работы следует отметить очень небольшое количество нерешенных дел – всего 4 в месяц.

В целом Нерчинская горная экспедиция имела стройную организационную структуру с четким разделением сфер ведения между различными столами и выполняла огромную работу по управлению Нерчинским горным округом, организовывая горное и заводское производство, земское управление, а также осуществляя судопроизводство по гражданским и уголовным делам.

Список литературы

1. ГАЗК. Историческая справка к описям фонда № 31 «Нерчинское горное правление». С. 1–5.
2. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 403. Л. 136.
3. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1165. Л. 92–98.
4. ГАЗК. Ф. 31. Оп. 1. Д. 786. Л. 107–107об.

Mountain Expedition to Nerchinsk in the Early XIX

E. V. Ivanova

Trans-Baikal State University, Chita

Abstract. The paper examine the structure, expertise and staff composition and number of members in the mountain expedition to Nerchinsk in the early XIX. Unpublished documents from State Archive of Zabaikalsky Krai are used in the paper.

Keywords: History of Russia, Nerchinsk mountain district, mountain expedition to Nerchinsk.

Иванова Елена Владимировна – старший преподаватель, кафедра административного права и таможенного дела, Забайкальский государственный университет, 672039, г. Чита, ул. А.-Заводская, 30, тел.: 8(3022)417310, e-mail: ivelena79@mail.ru

Ivanova Elena Vladimirovna – Senior Lecturer, Sub department of Administrative Law and Customs, Trans-Baikal State University, 30, A-Zavodskaya st., Chita, 672039, tel.: 8(3022)417310, e-mail: ivelena79@mail.ru

Иркутская газета «Комсомолия» (1924–1925 гг.): тематика и функции

М. В. Ильина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Газета «Комсомолия», издававшаяся в Иркутске в 1924–1925 гг., выполняла функции комсомольской газеты. Основная тема – деятельность комсомола Иркутской губернии и в меньшей степени повышение культурного уровня аудитории. Основными ее функциями были информационная, просветительская, а также организация и интеграция комсомольских ячеек.

Ключевые слова: советская журналистика, комсомольская печать, иркутская печать, газета «Комсомолия».

Каждое официальное СМИ Советского Союза было печатным органом какой-либо организации и решало задачи этой организации. Типологические, жанровые, стилевые особенности, функции издания были производными от издающей организации. Цель данной работы состоит в том, чтобы показать, как именно и в какой степени СМИ решало задачи издателя на примере газеты «Комсомолия», которую издавал Иркутский губком РКСМ в 1924–1925 гг.

«Комсомольские организации с начала своей деятельности стремились создать собственные печатные органы. Споры о создании газеты разгорелись на пленуме Иркутского губкома 21 июля 1923 г. Члены губкома М. Моценюк, А. Панин и др. доказывали необходимость издания своей газеты, мотивируя это тем, что “Путь молодежи” – орган Сиббюро ЦК РКСМ, в губернию приходит очень поздно, особенно в отдаленные районы (через 2–3 месяца), и не освещает всех сторон жизни иркутской комсомолии» [11, с. 33].

Газета «Комсомолия» издавалась в Иркутске с 7 июня 1924 г. Выходила раз в неделю или в две недели, номер состоял из четырех полос формата А3. Журналист Б. Ротенфельд пишет: *““Комсомолия” имела большой формат (как нынешние «Известия»), но выходила раз в неделю. Больше было просто не потянуть; вся редакция – три человека (ютились в одной комнате дома на углу улиц Карла Маркса и 5-й Красноармейской), да и бумаги не было...”* [10, С. 1].

Тираж газеты составлял от 1 500 до 1 700 экземпляров. Для сравнения: тираж газеты «Власть труда» (сейчас «Восточно-Сибирская правда») в 1924 г. доходил до 9 тыс. [8, с. 137]. Под-

писная цена «Комсомолии» – 2 руб. 60 коп. за ½ года, 1 руб. 40 коп. за ¼ года [5].

В качестве издателя во всех номерах указан губком РКСМ. Кроме того, на первой странице каждого номера под названием указано: «Еженедельная газета рабоче-крестьянской молодежи. Орган Иркутского Губкома Р. К. С. М.». В качестве редактора есть варианты: редколлегия, Панин, Мишурис, Громов. Ответственным секретарем до 5 августа 1924 г. был известный иркутский поэт Иосиф Уткин [2]. Позже на этой должности работал Зотов, затем Рейхсбаум.

В газете работали в основном комсомольские работники. Сохранились письма, в которых редакция просила их написать статьи теоретического характера на определенные темы [1]. Авторами информационных материалов в основном были юнкоры. Ни в найденных архивных документах, ни в воспоминаниях нет информации, что авторам платили гонорар. В отчете о работе газеты за первый год говорится: *«Расход слагается из типографских расходов и оплаты бумаги (350 руб. в м-ц), расходов по доставке (50 руб. в м-ц), оплаты одного редакционного сотрудника (50 руб. в м-ц)»* [4].

По содержанию газета являлась не столько молодежной, сколько комсомольской. Одна из основных тем, раскрываемых в каждом номере в не одном материале, – привлечение новых членов в комсомол, политическая работа с комсомольцами. Наиболее часто встречающийся жанр – заметка или письмо о работе отдельной комсомольской ячейки, иногда с вопросом, как обстоят дела в других ячейках.

В первом номере в материале «От редакции» говорится: *«...главное условие для успешности газеты – больше мнений, больше отражений, и это значит, что каждая ячейка, каждый комсомолец – сотрудник газеты»*.

Большая часть текстов газеты – небольшого объема. Они либо не подписаны, либо подписаны одной буквой, инициалами, либо явным псевдонимом (Детдомовец, Слюда, Намек, Ухарь, Комсомолка и др.). После первых нескольких номеров становится больше обычных подписей-фамилий.

В газете были такие рубрики: «Мировой комсомол», «Комсомол и Красная армия», «Молодая деревня», «У станка», «Фабзавуч», «Юный ленинец», «По городу», «С фоноарем», «На счет

бога», «Наука и техника», «Самообразование», «Здоровое тело», «На море», «Читайте, ребята», «Вооруженный комсомол».

Рубрика «Мировой комсомол» содержит тексты о рабочем движении и деятельности молодежных коммунистических организаций в странах Европы и Соединенных Штатах. Б. Ротенфельд пишет об этой рубрике: *«В те времена – почти век назад – не знали ни телетайпов, ни факсов, ни тем более компьютеров; простая телеграфная связь с Иркутском по его удаленности от центра была затрудненной, прерывистой, как азбука Морзе. При всем при том “Комсомолия” отважно уже в первом номере (и в последующих тоже) каким-то образом добывает и публикует сообщения со всего мира, вплоть до Америки»* [10, с. 1]. В материалах, как правило, не указаны даты либо дата описываемого события отстает от даты номера на месяц и больше. В первом номере причина была в том, что он был сверстан к 1 мая, но вышел в свет только 7 июня, из-за недостатка денег [11, с. 72]. В материалах отсутствуют подписи авторов и источники информации. В отчете о работе «Комсомолии» за первый год говорится: *«Большая работа досталась редакторским ножницам, иногда первая полоса сплошь заполнялась вырезками из других газет»* [4].

В рубрике «Молодая деревня» в основном описывается комсомольская работа. В отличие от «Советской молодежи» послевоенных времен, практически не рассказывается о собственно сельском хозяйстве. Периодически встречается тема классовых разногласий в деревне: *«Большая тяга в комсомол батраков и бедняков – да работать кулак мешает. Кулаки и середняки поддерживают церковь и попа.... Плохо обстоит дело с народом. Хотят использовать дом попа, да общество артачится»* [12, с. 2].

Помимо постоянных рубрик, среди тем «Комсомолии» была борьба с туберкулезом, с беспризорностью. Также газета писала о мероприятиях губкома РКСМ, об отдельных событиях, типа «Праздника урожая». В тексте под названием «У бурят» автор описывает юрту как источник заразы, призывает «приобщить бурят к культурной жизни».

Основная тематика рубрик «Вооруженный комсомол», «Молодая деревня», «У станка» – привлечение новых комсомольцев, работа ячеек. Многие материалы заканчиваются вопросом: а как дела у других ячеек? Похоже, газета выполняла организаторскую функцию, объединяя отдельные ячейки в единую сеть.

Рубрики «Самообразование» и «Читайте, ребята» выполняют просветительскую функцию. В них есть заметки о развитии науки и техники, подробные инструкции по самообразованию, рецензии на книги.

Велась активная работа по привлечению юнкоров. Эта тема регулярно обсуждалась в протоколах заседаний РКСМ. Разрабатывались анкеты с целью определить количество и качество корреспондентов. Из отчета: *«Из среды активистов “Комсомолии” принимает участие не более 10 человек. Основной состав сотрудников юнкоры. На 1-е апреля их “Комсомолия” имела 108, из них юнселькоров 31. В трех городских районах юнкоров было 45... Число юнкоров по губернии приблизительно – 400.*

Помещается 40 % присылаемых материалов. Остальные большей частью незначительны, подходят для стенных газет» [4].

Нельзя сказать, что материалы газеты выдержаны в едином стиле. Передовые статьи написаны комсомольскими и партийными работниками в официальном стиле начала 20-х. Редакционные материалы довольно неформальны, к читателям часто обращаются на «ты». В материалах внештатников формальный и неформальный стиль часто смешиваются из-за неопытности авторов. Встречаются фразеологизмы, обыгрывание устойчивых выражений: *«Бухарины слова да профсоюзам в уши»; «А. Шокин собаку с'ел на комсомольской деревне, поэтому кому, как не ему, опытом делиться»; «Да, дорогой Н. Л., рискованно, не справившись в святцах, бухать в колокол!».*

По жанру среди материалов газеты преобладает письмо внештатного корреспондента о деятельности комсомольской ячейки. По жанровым признакам ни заметкой, ни отчетом такие тексты не являются, хотя содержат их признаки. В некоторых материалах есть жанровые признаки репортажа («эффект присутствия»), фельетона. Также встречаются передовые статьи, фельетоны в прозе и стихах.

Есть реклама: и подписки на газету (как правило, несколько раз в одном номере), и коммерческие объявления, преимущественно торговля книгами.

Для привлечения подписчиков проводили различные мероприятия, например День печати. В постановлении ЦК РЛКСМ от 5 апреля 1925 г. говорилось: *«После “дня печати” в Иркутской губернии не должно быть ни одного комсомольца, не читающего ком-*

сомольской газеты, не знающего о существовании газеты "Комсомолия"» [6].

Из воспоминаний о работе в «Комсомолии»: «По постановлению пленума губкома РКСМ во всех районах выделялись уполномоченные по подписке.

В отдельных номерах, напоминая о подписке, редакция крупным шрифтом писала:

"Не забудь с 1 апреля возобновить подписку на газету.

Плох юнкор, не завербовавший пяти подписчиков газеты "Комсомолия".

"Каждый подписчик должен завербовать еще одного подписчика"» [9, с. 139].

Но, тем не менее, в основном газета распространялась через комсомольские ячейки, частных подписчиков было немного (на октябрь 1924 г. – 400 человек [7].

Газета просуществовала около года. 2 июля 1925 г. на заседании президиума губкома РЛКСМ было принято решение о ликвидации газеты «Комсомолия» [Ф. 10. Оп. 1. Д. 247. Л. 149]. Только в 1930 г. в Иркутске стала издаваться другое комсомольское издание – «Восточно-Сибирский комсомолец».

Список литературы

1. ГАНИИО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 203. Л. 3–4.
2. ГАНИИО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 247. Л. 46.
3. ГАНИИО. Ф. 10. Оп. 1. Д. 247. Л. 149.
4. ГАНИИО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 39. Л. 21.
5. ГАНИИО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 39. Л. 23.
6. ГАНИИО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 39. Л. 24.
7. ГАНИИО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 39. Л. 64.
8. Гольдфарб С. Иркутская газета «Власть труда»: опыт историко-экономической реконструкции (1917–1930) / С. Гольдфарб, А. Гимельштейн. – Иркутск, 2006. – 232 с.
9. Жур И. Окрыленные годы // Первые шаги иркутского комсомола (1917–1925) / сост. В. П. Комаров, В. П. Скороходов. – Иркутск : Иркут. кн. изд-во, 1958. – 192 с.
10. Краснопольский Б. Откуда есть пошла «Молодежка» // Сов. молодежь. – 2004. – 7 июня.
11. Мы помним тебя, комсомол!...: История. Документы. Воспоминания / редкол. В. В. Игнатов, Г. А. Мельников, И. М. Мельников, А. Л. Скаллер, Р. З. Хафизов, В. А. Швайкин, Л. С. Шолохова. – Иркутск : Облмашинформ, 2000. – 416 с.
12. Н. Л. Ячейка РКСМ с. Кузьмихи Иркутского уезда // Комсомолия. – 1924. – 7 июня.

Irkutsk Newspaper “Komsomolia” (1924–1925): Topics and Functions

M. V. Ilina

Irkutsk state university, Irkutsk

Abstract. Newspaper “Komsomolia” issued in Irkutsk in 1924–1925 functioned as a Komsomol newspaper. Its main topic was Komsomol activity in Irkutsk province, audience acculturation being secondary one. Basic functions of the newspaper were to inform, enlighten the minds, and arrange and integration of Komsomol cells.

Keywords: Soviet journalism, Komsomol press, Irkutsk press, newspaper “Komsomolia”.

Ильина Мария Владимировна – преподаватель, кафедры журналистики и медиаменеджмента, факультет филологии и журналистики, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ilmarill@mail.ru

Ilina Maria Bladimirovna – Lecturer, Sub department of Journalism and Media Management, Department of Philology and Journalism, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)521551 e-mail:ilmarill@mail.ru

УДК 9(С)15

Специфические черты организации пушной торговли якутским купцом Г. В. Никифоровым (Северо-Восточная Сибирь, начало XX в.)

М. Д. Кушнарева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Формирование капитала якутского купца Г. В. Никифорова происходило на территории Северо-Восточной Сибири. Основными источниками капитала купца являлись мелкие сделки с пушным сырьем и розничная продажа продуктов питания промысловому населению. В начале XX в. Г. В. Никифоров входил в состав крупного купечества Северо-Восточной Сибири. При его участии было создано несколько совместных крупных предприятий с целью поставки крупных партий пушнины на ярмарки. Основными направлениями деятельности предприятий Г. В. Никифорова являлись скупка пушнины в промысловых округах, оптовая торговля товарами потребления, кредитование мелких и средних скупщиков.

Ключевые слова: пушная торговля, Северо-Восточная Сибирь, крупный капитал, купечество, промысловые округа, партии пушнины, торговый дом.

Основной целью данного исследования является анализ специфических направлений ведения торгового дела купца Г. В. Никифорова в пушной торговле на территории Северо-Восточной Сибири. Проблема исследования опыта ведения торгового дела

Г. В. Никифорова является актуальной и научно значимой, поскольку ее изучение позволяет выявить ранее не изученные исторические процессы в сфере организации пушной торговли крупными фирмами на северо-востоке Сибири в начале XX в.

Во II половине XIX в. Гавриил Васильевич Никифоров занимался пушной торговлей в небольших объемах в Якутском округе. В начале XX в., благодаря падению цен на пушнину, скупил несколько партий. Последовавшее повышение цен на пушнину позволило ему постепенно расширить свое дело, сконцентрировать капитал [1, с. 38].

В 1905 г. купцами II гильдии М. Г. Васильевым и Г. В. Никифоровым был учрежден торговый дом «М. Г. Васильев и Г. В. Никифоров». Целью создания предприятия явилась скупка пушнины в северных округах Якутской области. Размер основного капитала торгового дома составлял 100 тыс. руб. Пай каждого учредителя был равен 50 тыс. руб. [3, д. 2546, л. 1–4].

Таким образом, можно выделить первую специфическую черту организации торгового дела Г. В. Никифорова – это производство пушной торговли на севере Якутской области. Северные промысловые округа являлись поставщиками наиболее ценных видов «мягкой рухляди» – белого и голубого песка, лисицы, темной белки, горностая и соболя.

С целью характеристики объемов закупаемого торговым домом пушного сырья, оборотов и прибыли предприятия приведем данные о деятельности фирмы за 1907 г.

Итак, торговый дом «М. Г. Васильев и Г. В. Никифоров» скупил на севере Якутской области в 1907 г. 4 432 шкурок песка, в том числе 7 штук голубого песка, 15 шкурок красной лисицы, 2 шкурки черно-бурой лисицы и 12 лисиц «сиводушек», 3 шкуры белого медведя, 3 863 шкурок горностая, 42 шкурки колонка. Вся партия пушнины оценивалась в 53 500 руб. На Якутской ярмарке партия была продана фирме «А. и М. Молчановы и Быков» за 114 000 руб. [2; 4, д. 181, л. 9]. Прибыль торгового дома от продажи одной партии пушниной на Якутской ярмарке составила 60 500 руб.

В 1908 г. Г. В. Никифоров основал торговый дом «Г. В. Никифоров и К°». Основной целью создания фирмы, так же как и торгового дома «М. Г. Васильев и Г. В. Никифоров», была скупка пушнины в северных промысловых районах Якутской области.

На первом этапе существования торгового дома, Г. В. Никифоров вел свое дело лично и заключал все сделки с пушнины от своего имени, не привлекая для этих целей наемных приказчиков [6, д. 582, л. 30–31]. Здесь можно выделить еще одну специфическую черту – личное участие купца в сделках с пушниной. Постепенно дело расширилось. В 1915 г. скупка пушнины только в одном Колымском округе велась 15 приказчиками. В 1916 г. в Верхоянском округе пушнину для торгового дома «Г. В. Никифоров и К°» скупали 22 приказчика и доверенных лица фирмы. В среднем каждый приказчик фирмы получал для приобретения пушнины у коренного населения сумму в 2 500 руб. наличными деньгами и товары стоимостью от 500 до 2 тыс. руб. [5, д. 5, л. 4]. Таким образом, размер оборотных средств в пушной торговле фирмы «Г. В. Никифоров и К°» в указанных промысловых районах в 1908 г. мог составлять более 150 тыс. руб.

Кроме торговли пушниной, фирма Г. В. Никифорова занималась снабжением промыслового населения северных округов Якутской области товарами потребления и продуктами питания, а также вела скупку мамонтового бивня. Одна из крупных партий этого товара была поставлена Г. В. Никифоровым на Якутскую ярмарку в 1907 г. Партия оценивалась в 35 тыс. руб. [4, д. 181, л. 7].

В 1909 г., с целью укрепления позиций якутских купцов в пушной торговле, было создано совместное товарищество – торговый дом «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров». Основная сфера деятельности товарищества – производство торговли разными товарами, пушниной и съестными припасами. В качестве районов операций были определены Верхоянский и Колымский округа Якутской области. Уставной капитал торгового дома составлял 120 тыс. руб. Ивану Прокопьевичу Антипину принадлежало 30 тыс. руб., Гавриилу Васильевичу Никифорову – 90 тыс. руб. Распорядителем товарищества был назначен И. П. Антипин, место нахождения правления было определено в г. Верхоянске. Полное товарищество было учреждено сроком на 5 лет – с 20 июня 1908 г. до 1913 г. [3, д. 2662, л. 3–7].

Для характеристики размеров операций с пушниной торгового дома «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров» рассмотрим данные о деятельности фирмы на примере промыслового сезона 1909–1910 гг.

Итак, совместным товариществом в промысловых округах Якутской области была приобретена партия пушнины на 120 583 руб. Партия состояла из 4 031 шкурок белого песка, 12 голубых песцов, 1 296 шкурок красных лисиц, 47 шкурок лисиц «сиводушек», 1 шкурки черно-бурой лисицы, 5 030 горностаев, 1 черного медведя, 12 064 белок. На Якутской ярмарке партия была продана торговым домам «А. В. Швецов и сыновья», «А. и М. Молчановы и Быков» за 160 тыс. руб. [5, д. 1, л. 4]. Прибыль от операции с партией пушнины фирмы «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров» в 1910 г. составила 39 417 руб.

В 1916 г. торговый дом «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров» продал партию пушнины фирме «Наследники А. И. Громовой» за 5 тыс. руб. Расчет был произведен в безналичной форме в счет перевозок грузов Никифорова речным транспортом Громовых [5, д. 5, л. 2].

Таким образом, исследуя организацию пушной торговли совместного товарищества «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров», можно выявить следующую специфику деятельности предприятия – это продажа партий ценной пушнины за наличный и безналичный расчет крупным фирмам.

Постепенно поставки пушнины Г. В. Никифоровым на Якутскую ярмарку увеличиваются. В 1915 г. Г. В. Никифоров представил на Якутской ярмарке оптовую партию пушнины стоимостью в 300 тыс. руб. Партия состояла из 207 тыс. шкурок белки, 25 600 шкурок горностая, 8 шкурок черно-бурой лисицы, 145 шкурок лисицы «сиводушки», 2 651 шкурок красной лисицы, 3 360 шкурок белого песка, 661 шкурки колонка, 48 шкур медведя, 50 тыс. шкурок зайца [3, д. 3496, л. 5].

В бухгалтерской отчетности торгового дома «И. П. Антипин и Г. В. Никифоров» прибыль Верхоянского отделения фирмы 1916 г. по операциям с пушниной составила 55 437,00 руб., размер капитала, вложенного в сделки с пушниной, составлял более 100 тыс. [5, д. 5, л. 9, 10, 10об].

В начале XX в. Г. В. Никифоров переходит от розничной торговли к оптовому снабжению населения края продуктами питания. В 1916 г. Г. В. Никифоров поставлял в промысловые районы Верхоянского и Колымских округов крупчатку, муку ржаную, сахар, масло, чай [5, д. 5, л. 13].

Кроме скупки пушнины и оптовых поставок продуктов питания в промысловые районы Якутской области Г. В. Никифоров

занимался кредитованием мелких и средних скупщиков пушнины на территории Северо-Восточной Сибири. Данное направление экономической деятельности Никифорова можно определить в качестве следующей специфической черты. Суммы кредитов, выданных Г. В. Никифоровым скупщикам пушнины наличными деньгами и товарами под залог «мягкой рухляди», в среднем составляли от 700 руб. до 35 тыс. руб. [5, д. 5, л. 26–26об, 29, 32].

Оптовая торговля товарами потребления в промысловых районах, кредитование мелких и средних скупщиков, сбыт партий пушнины крупным фирмам на ярмарках позволили Г. В. Никифорову в 1918 г. занять ведущие позиции в пушной торговле. По оценке Д. Я. Резуна, партии пушнины Никифорова в 1918 г. состояли из 50 тыс. горностаев, 20 тыс. песцов, 10 тыс. лисиц, и 1 млн белок. Стоимость всей партии Г. В. Никифорова оценивалась в 660 тыс. руб. [1, с. 38].

В начале XX в. в сфере пушной торговли на северо-востоке Сибири наметились тенденции к монополизации отрасли крупными фирмами. Это был «союз» таких предпринимателей, как: фирмы «Наследники А. И. Громовой», «Наследники А. М. Кушнарева», «Северное торгово-промышленное предприятие», «Г. В. Никифоров и И. П. Антипин». Участие Г. В. Никифорова в данном объединении заключалось в сбыте крупных партий ценной пушнины фирмам-компаньонам по фиксированным ценам. Взамен якутскому купцу предоставлялись льготные тарифы на перевозку грузов транспортом предприятий Громовых и Кушнаревых и определенные цены на товары потребления для промыслового населения (для ведения меновой пушной торговли).

Список литературы

1. Краткая энциклопедия по истории купечества и коммерции Сибири. Т 1. Кн 1 / под. ред. Д. Я. Резуна. – Новосибирск, 1994. – 160 с.
2. Кушнарева М. Д. Законодательная политика государства в сфере правового регулирования пушной торговли на основе анализа Торгового устава (II половина XIX – начало XX в.)// Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2014. – Т. 8. – С. 131–136.
3. Национальный Архив Республики Саха (Якутия). Ф. 165 (Якутская городская управа). Оп. 1
4. Национальный Архив Республики Саха (Якутия). Ф. 343 (Якутский областной Статистический Комитет). Оп. 6.
5. Национальный Архив Республики Саха (Якутия). Ф. 415 (торговый дом «Г. В. Никифоров»). Оп. 1.
6. Российский Государственный Исторический Архив. Ф. 630 (Русско-Азиатский Банк). Оп. 1.

Specific Features of Fur Trade Promotion by Yakutsk Merchant G. V. Nikiforov (North-East Siberia Early XX)

M. D. Kushnareva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Yakutsk merchant G. V. Nikiforov accumulated his high money being in North-East Siberia. Its main source was fur skin bargains, and foodstuff retail. In the early XX Nikiforov was a merchant prince in North-East Siberia. A number of large joint ventures for large successive delivery to trade-fairs were established with Nikiforov's help. Majority of Nikolaev's enterprises were occupied with buying fur skins, consumer goods wholesale, lending slaughters.

Keywords: fur trade, North-East Russia, high money, merchant, hunting areas, lot of fur, Merchant House.

Кушнарева Маргарита Дмитриевна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра сервиса и сервисных технологий, докторант, кафедра истории России, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail:rita270880@mail.ru

Kushnareva Margarita Dmitrievna – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, the Department of Service and Service Technologies, Doctoral Candidate at the Sub department of Russian History, Department of History, Irkutsk State University, 1, K. Marks st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: rita270880@mail.ru

УДК 378.147-389.3

Иркутский областной совет по НИРС в системе организации научно-исследовательской работы студентов

Г. В. Логунова, О. А. Эдельштейн
Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья посвящена обобщению опыта работы Иркутского областного совета по НИРС по выявлению и поощрению талантливой молодежи вузов области.

Ключевые слова: Иркутский областной совет по НИРС, научно-исследовательская работа студентов вузов.

Очевидны взаимосвязь развития высшего образования и общества, их взаимовлияние. Важными задачами высшего образования являются формирование научных идей; подготовка наиболее квалифицированных кадров во всех областях жизни общества носителями этих идей; формирование в ходе обучения моральных ценностей. Решение этих задач позволяет насыщать общество специалистами с высокими профессиональными и моральными данными, из лучших формируется элита общества.

Таким образом, в процессе подготовки выпускников вузов большое значение имеет привлечение студентов к научно-исследовательской работе.

Проблема привлечения студентов к научно-исследовательской работе в период обучения в вузе не является новой [1]. Традиции русской высшей школы, восходящие к временам М. В. Ломоносова, предусматривали творческие занятия научной работой на студенческой скамье. Эта традиция получила достаточно успешное развитие в период становления и существования советской высшей школы. В основу ее деятельности были положены принципы единства теории и практики, связь процессов обучения и воспитания с жизнью. Перед советской высшей школой ставилась задача не только готовить высококвалифицированных специалистов, но и развивать серьезные научные исследования в тесной связи с потребностями реальной жизни, органически сочетать учебную, научную и воспитательную работу.

Научно-исследовательская работа студентов прошла большой путь развития. Начальный этап – 1920–1950-е гг. – был связан с выработкой основных задач, форм, методов и содержания исследовательской работы студентов. В это время НИРС рассматривалась как удел лишь хорошо успевающих студентов, способных пополнять ряды научных работников, профессорско-преподавательского состава.

С 1960-х гг., под влиянием развертывавшейся научно-технической революции, положение стало меняться. Научная работа студентов начинает рассматриваться как средство повышения качества подготовки и воспитания студентов. Стали более разнообразными ее формы, в основном было определено место НИРС в общей системе вузовской подготовки, увеличилась массовость участия студентов в научных исследованиях, были созданы предпосылки для формирования в 1970–1980-е гг. целостной системы организации НИРС в стране.

Для целенаправленного совершенствования и развития научно-исследовательской работы и научно-технического творчества студентов Минвуз СССР в феврале 1974 г. утвердил специальное «Положение о научно-исследовательской работе студентов». На его основе были созданы Всесоюзный совет по НИРС, советы по НИРС в союзных республиках, краях, областях, городах, вузах. В 1979 г. был создан Иркутский областной совет по НИРС – общественная организация, которая занимается вопро-

сами привлечения студентов вузов области к научно-исследовательской работе. С момента своего создания совет работает на базе Иркутского государственного технического университета. 35 лет – дата солидная, и заслуживает разговора о привлечении студентов к научно-исследовательской работе.

На протяжении 1980-х гг., до 1991–1992 гг. в вузах наблюдалась устойчивая положительная тенденция развития научной деятельности студентов. Вместе с тем общий спад экономического и социального развития негативно сказался не только на общем состоянии вузовской науки, но и на организации научно-исследовательской работы студентов, а временная потеря государственного интереса к организации мероприятий по поддержке творческой молодежи затормозила развитие эффективно действовавшей в течение 30 лет общественно-государственной системы НТТМ – НИРС. Эта система позволяла охватить значительное число студентов, сформировать у них навыки исследователей и достичь значительных количественных и качественных результатов.

Следует отметить, что в трудные 1990-е гг. в Иркутской области удалось сохранить структуру организации НИРС на вузовском и областном уровне: вузовские советы по НИРС и Иркутский областной совет по НИРС.

До 2000 г. Иркутский областной совет по НИРС возглавлял ректор ИрГПИ профессор Леонов Сергей Борисович, широко эрудированный ученый, талантливый педагог и организатор. В момент создания совета заместителем председателя был доцент ИрГПИ А. А. Гольдштейн, а ответственным секретарем совета – Т. В. Жмырева. С 2000 по 2013 г. совет возглавлял Иван Михайлович Головных, ректор ИрГТУ, профессор.

С 1990 г. и по настоящее время сопредседателем Иркутского областного совета по НИРС является первый секретарь Иркутского областного комитета общероссийской общественной организации «Российский союз молодежи» Александр Константинович Попов. Наряду с многими другими важными делами, которыми занимается РСМ, Александр Константинович много сил и времени уделяет вопросам работы Иркутского областного совета по НИРС, проявляя при этом искреннюю заинтересованность и энтузиазм.

За время существования областного совета по НИРС заместителями председателя были Б. И. Зильберг, В. М. Салов, С. Н. Евстафьев. В настоящее время ответственным секретарем

совета является Самаркина Екатерина Владимировна, кандидат технических наук, доцент кафедры теплоэнергетики. Екатерина Владимировна много сил и внимания уделяет работе областного совета, стараясь, с одной стороны, сохранить уже сложившиеся традиции в его работе и в то же время она открыта новациям и экспериментам.

В момент создания в состав Иркутского областного совета по НИРС входили представители вузовских советов по НИРС, Иркутского областного комитета ВЛКСМ, Иркутского областного профсоюза работников просвещения, высшей школы и научных учреждений. В разное время в составе совета активно работали Н. Н. Соколовская, И. И. Борис, Э. А. Волгарева, Л. Т. Окладникова, В. М. Пронин, Е. В. Хитрова, Т. А. Лысенко, М. М. Барский, В. П. Яговкин, авторы этой статьи и мн. др. Иркутский областной совет по НИРС занимался координацией деятельности советов по НИРС вузов по развитию и совершенствованию научного и технического творчества студентов, привлечению студентов к решению актуальных задач народного хозяйства, культуры, здравоохранения области путем использования всех форм научной и технической деятельности. Большое внимание областной совет уделял организации и проведению областных и межвузовских студенческих научных конференций, семинаров, олимпиад, конкурсов и выставок; изучению, обобщению и распространению положительного опыта работы вузовских советов по НИРС.

С 1999 г. областной совет по НИРС ведет замечательную традицию вручать алмазную стипендию лучшим представителям студенчества вузов Иркутской области. Инициатором учреждения алмазной стипендии является ювелирная фирма «Алмаз». Для того чтобы стать алмазным стипендиатом, нужно хорошо учиться, активно заниматься научно-исследовательской деятельностью, участвовать в конференциях, побеждать в региональных и всероссийских олимпиадах, а также иметь публикации своих научных статей. Ежегодно областной совет по научно-исследовательской работе выдвигает одного студента, достигшего значительных успехов в научно-исследовательской работе, от каждого вуза на звание алмазного стипендиата. Сами алмазные стипендиаты отмечают, что те усилия, которые они прилагают, не проходят даром, при этом материальная сторона получения этой стипендии не так важна по сравнению с тем моральным удовлетворением, которое они получают. Все это, несомненно, стимулирует участие студентов в научно-исследовательской работе.

В 2001 г. Иркутский областной совет по НИРС совместно с Российским союзом молодежи, Комитетом по науке и высшей школе Администрации Иркутской области, Информационно-издательским центром «Бакалавр-сервис» запустили интересный проект: издание справочника «Лучшие выпускники вузов Иркутской области» в рамках программы «Российские интеллектуальные ресурсы». Справочник был адресован работодателям, заинтересованным в инициативных, талантливых выпускниках вузов. К сожалению, эта инициатива не получила своего развития, подобные справочники были выпущены в 2001, 2002 и 2003 гг. и существенной роли в трудоустройстве выпускников не сыграли, хотя идея была интересной.

Благодаря деятельности Иркутского областного совета по НИРС большое распространение в вузах области получили предметные олимпиады и конкурсы по специальностям. Олимпиады – одна из форм активизации научного творчества студентов, поскольку, как правило, предлагаемые на таких олимпиадах задания носят нестандартный характер и требуют от студентов не только прочных знаний по программе, но и изобретательного, творческого подхода. В Иркутской области сложилась достаточно стройная система проведения олимпиад – от вузовского тура через областной к всероссийским олимпиадам. Ключевым этапом в этой системе являются областные олимпиады. В конце 1990-х гг. проводилось лишь с десятков областных олимпиад, в настоящее время их насчитывается около 50. Участвуя в олимпиаде, студенты делают шаг в своем развитии, увидев свои слабости и недостатки, свои сильные стороны, свои возможности и перспективы.

В настоящее время совет продолжает свою работу по развитию научного потенциала студентов вузов, стимулированию их активности в проведении научных исследований и решении актуальных научных проблем, выявлению и поощрению талантливой молодежи, исходя из того, что научная работа студентов является важным фактором углубления профессиональной подготовки и воспитания студентов.

Список литературы

1. Логунова Г. В. Три модели демократизации российской высшей школы: подготовительные отделения в системе высшего образования // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1. – С. 115-122.

Irkutsk Region Students' Research Council in the System of Student Research Activity Management.

G. V. Logunova, O. A. Edelshtein
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper summarizes experience gained by Irkutsk Region Students' Research Council when attempting to find out and encourage talented university students.

Keywords: Irkutsk Region Students' Research Council, university students' research work.

Логунова Галина Викторовна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра политологии, истории и регионоведения, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, e-mail: logunova@admin.isu.ru

Logunova Galina Viktorovna – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Sub department of Political Science, History and Region Studies, Irkutsk State University, 1-410 b, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: logunova@admin.isu.ru

Эдельштейн Ольга Александровна – кандидат химических наук, доцент, кафедра органической химии, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: nirs@isu.ru

Edelshtein Olga Aleksandrova – Candidate of Sciences (Chemistry), Associate Professor, Sub department of Organic Chemistry, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: nirs@isu.ru

УДК 336.201

Развитие общественных организаций некоммерческой формы хозяйствования в Сибири в XIX – начале XX в.

К. С. Мищенко

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В представленной статье рассматривается деятельность различных общественных организаций, обществ, объединений, которые ведут свою деятельность в Иркутске.

Ключевые слова: общественная организация, общество, профессиональные союзы, объединения.

На сегодняшний день некоммерческие социально ориентированные организации именуются также организациями некоммерческой формы хозяйствования, третьим сектором экономики. Первоначально данные организации именовались как общества, добровольные общества, общества объединения, общественные организации, союзы.

В Иркутске существовало достаточно большое количество различных союзов, объединений, обществ. Все они служили «во благо народу» и имели социальную и общественную направленность.

Общества представляют собой соединение людей для достижения объединенными силами общих целей. Они известны у всех народов и во все времена, будучи основаны первоначально на началах естественного (в семьях) или принудительного (в государстве) единения, а затем на началах свободного соглашения, причем в последнем случае даже у первобытных народов [1, с. 134].

В Иркутске развитие профессиональных союзов, организаций и объединений происходило ускоренными темпами. Одним из самых первых профессиональных объединений в городе можно считать Общество приказчиков. Идея о его создании возникла еще в 1863 г., однако непосредственно была реализована 27 декабря 1881 г. Инициатором и создателем данного Общества являлся М. А. Жбанов, его идею также поддерживали несколько иркутских купцов и приказчиков. Менее чем через месяц был разработан устав Общества взаимного вспоможения приказчиков и был утвержден 19 октября 1882 г. Общество имело следующие цели: выдавать нуждающимся действительным членам пособия, ссуды и пенсии; содействовать в приискании рабочих мест; организовывать мероприятия по воспитанию и обучению детей членов Общества. Действительными членами Общества могли быть лица обоего пола, как местные, так и иногородние служащие по торговым, промышленным, золотопромышленным делам в качестве приказчиков, доверенных лиц, конторщиков, агентов, техников и т. п., а также служащие в городских общественных учреждениях и банках. Все члены данного Общества ежегодно вносили взносы, в зависимости от разряда.

Общество приказчиков играло заметную роль в общественной жизни города. И эта деятельность Общества не всегда была уместной для властей. В январе 1909 г. Общество приказчиков временно закрывается администрацией города.

В 1905 г. в Иркутске происходило активное открытие союзов по различным профессиям.

Так, большое внимание привлекло открытие 30 октября 1905 г. Общества взаимопомощи извозчиков. Иркутское товарищество печатного дела было открыто в декабре 1906 г. В данное товарищество вошли работники типографии.

Газета «Иркутские губернские ведомости» от 27 ноября 1905 г. опубликовала заметку о «состоявшемся первом собрании учредителей Иркутского торгово-промышленного Союза, на котором были приняты политические и экономические программы» [2, с. 2]. Союз выступил за немедленный созыв Учредительного собрания. В основном политическая программа близка к программе конституционно-демократической партии. Профессиональная программа включала в себя шесть глав: о профессиональных положениях, кредитных учреждениях Союза, учреждении биржи, суда чести, о положении занятых в предприятиях служащих и рабочих и об организации коммерческой и профессиональной деятельности. В связи с военным положением страны 22 апреля 1915 г. Торгово-промышленное собрание было закрыто. Вместо него в Иркутске образуется Военно-промышленный комитет, первое заседание которого прошло в зале Городской управы 3 июля 1915 г.

В 1905 г. также функционировало торгово-промышленное Общество иркутских купцов. «Иркутские губернские ведомости» сообщали, о том, что 28 мая 1905 г. «состоялось заседание купеческого Общества для избрания на должность купеческого старосты. На этот пост баллотировалось шесть человек» [3, с. 2]. В июне 1907 г. учреждается Мясопромышленное товарищество, устав которого был утвержден в июне этого же года.

В 1913 г. в Иркутске открывается профессиональный Союз работников колбасного производства. В начале января 1858 г. на страницах газеты «Иркутские губернские ведомости» бывший петрашевец Федор Николаевич Львов выступил с предложением организовать общество, способствующее развитию промышленности в Восточной Сибири [4, с. 3]. Но для создания такого предлагаемого промышленного Общества время еще не пришло. И только с середины 1960-х гг. начинается заметное развитие промышленности в Сибири. В ноябре 1865 г. начинает функционировать «Компания промышленности», и по инициативе активнейшего общественного деятеля Бориса Алексеевича Милютина, при поддержке иркутских промышленников и инженерно-технических специалистов, в 1867 г. учреждается Восточно-Сибирское отделение Русского технического общества. Задачей данного общества являлось способствовать распространению технических знаний и навыков, содействовать развитию местной

промышленности и сельского хозяйства. Цели общества заключались в том, чтобы «поднять уровень технического дела в крае», объединить техников, установить их связь между собой и с производителями, служить для них центром, постепенно внедряла научные знания в практическую деятельность в области промышленности и сельского хозяйства для поднятия материального благосостояния края.

В августе 1868 г. было получено разрешение на деятельность Восточно-Сибирского отделения Русского технического общества, которое уже с 15 по 23 октября 1868 г. организовало предварительную опытную сельскохозяйственную и мануфактурно-ремесленную выставку. К 1882 г. Отделение технического общества прекращает свою деятельность. Одной из главных причин его закрытия явился недостаток финансовых средств, необходимых для осуществления многих выдвигаемых обществом задач. Большой вклад в развитие сибирской промышленности вносили объединения, созданные с сугубо практическими целями. Таковым было Иркутское мануфактурное товарищество, объединившее бывших служащих предприятий Николая Дмитриевича Стахаева. Оно начало свою работу с октября 1906 г.

Важную лепту в снабжение промышленной продукцией внесло Азиатское отделение Союза американских фабрикантов, открытое в Иркутске в октябре 1916 г.

Существенную роль в обеспечении населения продуктами питания и товарами повседневного спроса играли торгово-промышленные потребительские кооперативы, среди которых одно из первых мест занимал кооператив «Труженик». Он был организован 6 января 1916 г.

В начале декабря 1916 г. состоялось официальное открытие Иркутского сельскохозяйственного общества. Данное общество вносило заметный вклад в помощь труженикам на земле. Газета «Иркутская жизнь» от 4 апреля 1916 г. сообщала: «Иркутским сельскохозяйственным Обществом получено циркулярное распоряжение о мероприятиях к разведению в России огородного промысла» [5, с. 7].

В Иркутске также действовало и сельскохозяйственное товарищество – объединение лиц, работающих на земле, обрабатывающих ее и выращивающих полезные растения: овощи, ягоды, фрукты и т. п.

Деятельность различного вида организаций, союзов и обществ была в Иркутске достаточно активной и затрагивала практически все сферы жизнедеятельности, такие как: промышленность, медицина, культура, образование, религия и др. Общественные организации объединяли в себе людей различных сословий и классов, различных профессий и интересов, они давали возможность людям отстаивать свои взгляды и потребности, также некоторые из них носили характер образовательный и просветительский.

Список литературы

1. Брокгауз и Ф. А. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – М., 1981. – Т. 41. – 495 с.
2. Иркутские губернские ведомости. – 1905. – № 3. С. 1–6.
3. Иркутские губернские ведомости. – 1905. – № 3. С. 1–6.
4. Иркутские губернские ведомости. – 1858. – № 2. С. 1–4.
5. Иркутская жизнь. – 1906. – № 4. С. 1–11.

The Development of Non-Profit Organizations in Siberia in the Late XIX Early XX

K. S. Mishenko

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The article considers the activity of non-profit organizations of various kinds in Irkutsk.

Keywords: non-profit organization, society, trade union, association.

Мищенко Кристина Сергеевна – аспирант кафедры государственного и муниципального управления Института социальных наук, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: cristabaik@mail.ru

Mishenko Kristina Sergeevna – Postgraduate, Department of State and Municipal Management, Institute of Social Sciences Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)334372, e-mail: cristabaik@mail.ru

Теннис как социально-политический и культурный феномен в XX–XXI вв.: историография проблемы

С. В. Нечаев

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье дан обзор работ зарубежных и российских исследователей по проблеме генезиса и компонентов тенниса, его места и роли в мировой и отечественной истории. Также проведен анализ исследовательских позиций по проблемам сибирского регионального тенниса, в том числе в Иркутском регионе. На основании широкого круга научных трудов, а также представленной в них структуры исследования автор актуализировал вопрос изучения организации и внедрения тенниса в мировую, российскую и сибирскую историческую действительности.

Ключевые слова: иркутский спорт, история тенниса, лаун-теннис, российская историография, физическая культура.

Современный теннис приобрел масштабную аудиторию и стал в некотором роде индикатором социально-политических и культурных преобразований, а его многовековая история, влияние на развитие образа жизни во многих странах и популярность среди элиты способствовали появлению большого количества публицистической литературы и ряда научных исследований. В том числе и отечественная историография по истории развития тенниса располагает значительным массивом научно-популярной и публицистической литературы.

При этом до сих пор в исторической науке отсутствует развернутый историографический обзор истории развития тенниса как на мировом и российском, так и на региональном уровнях. А поскольку к настоящему моменту уже накоплена определенная интерпретационная база, появился смысл в ее обобщении и проблемном анализе.

История мирового тенниса в отечественной историографии рассмотрена в ряде работ разных исследователей имперского, советского и постсоветского периодов. В них показаны процессы и события, начиная от зарождения игр-предшественниц к современному теннису и появления первых форм теннисной общности (первые клубы, сообщества, ассоциации и т. п.) до характеристики и исследования его современного состояния.

В рамках исследования истории «старого тенниса» (эпоха развития игр с мячом до появления основ современного тенниса

в 1877 г.), когда на протяжении нескольких столетий происходило становление и развитие игры, заметную роль в историографии сыграл труд советского и российского философа и культуролога В. П. Шестакова. Его работа «Философия и культура эпохи Возрождения. Рассвет Европы» [1] посвящена важнейшему периоду в истории европейской культуры – эпохе Возрождения.

В. П. Шестаков рассматривает взаимосвязь различных сторон этой культуры: гуманизма, философии, педагогики, эстетики, этики, теории живописи, философии любви, поэзии и драмы, а также теории музыки. В главе «Расцвет “королевского тенниса”» автор подробно описывает отношение гуманистов эпохи Возрождения к теннису как одному из самых популярных видов спорта в тот период.

Пользуясь архивными источниками, автор показывает генезис термина «теннис», ссылается на большое количество документов, гравюр XV–XVI вв., которые служат свидетельством существования игр с мячом в эпоху Возрождения. Кроме того, многократно обращаясь к пьесам Шекспира, и прежде всего к исторической трагедии «Генрих V», проводит тонкую линию в сравнении игры с явлениями природы, а также выделяет ее метафорический смысл.

Статья «Философия и теннис» [2] В. П. Шестакова объясняет глубинный смысл тенниса с философской и культурологической точек зрения, поэтому является определенным вкладом в историографию по рассматриваемой проблеме.

Работа О. Тарасенко «Теннис и искусство» [3] отражает историю мирового тенниса в произведениях искусства, в ней собраны картины и гравюры XVII–XVIII вв. таких авторов, как Я. Брейгель-старший «Аллегория Европы», Ж. Калло «Игра в мяч на площади Святого Креста», Й. Г. Кройцфельдер «Портрет графа Эрнста фон Гогенлоэ-Ланденбурга», Ш. Юльпо «Игра в мяч в Париже», М. Мериан «Портрет принца Джеймса, герцога Йоркского» и др.

Интересной и наиболее информативной работой по изучению мирового тенниса стал анализ исторического преобразования крупных теннисных турниров, истоков зарождения понятийного аппарата в теннисе, а также проблематики основ управления тенниса высшего мастерства, режима контрактов игроков, обратной связи среди болельщиков, изложенный авторами

А. В. Новиковым и В. В. Кукушкиным в «Большом шлеме, или четырех теннисных тузах» [4].

Серьезного внимания заслуживает аналитическая работа об эволюции правил игры в теннис И. Р. Ивицкого [5]. Автором исследуется хронология, начиная с XVI в., изменения унифицированных положений. Автор приводит уточнения и замечания относительно стандартизации игры в конце XVI в. В своей работе И. Р. Ивицкий активно использует труды зарубежных основоположников игры, таких как А. Скаино да Сало «Трактат об игре с мячом» (1555 г.), Ж. Форбе-старшего «Полезное влияние тенниса на ум и тело» (1599 г.), Р. Холм «Академия Арсенала» (1668 г.), П. Барселлона «Принципы и правила тенниса» (1800 г.), «Свод правил “сферистики”» (1874 г.) и Патент № 685 «Портативный корт для игры в теннис» от 24 февраля 1874 г. У. Уингфилда, что делает работу наиболее содержательной и полной.

Следует также отметить научное исследование К. Л. Полонской «Особенности функционирования теннисной терминосистемы в английском языке» [6], которая посвящена анализу становления и функционирования такой относительно самостоятельной подсистемы терминологической лексики, какой выступают в современном английском языке единицы теннисной лексики. Данная работа позволила выявить определенные закономерности в рамках теннисной терминологии и определить основополагающие ее признаки.

Среди значимых отечественных исследований истории мирового тенниса целесообразно выделить М. В. Крошину [7], Н. М. Максимова [8], Е. П. Пальгину [9], В. Е. Лиховцеву [10], В. Л. Гороховского, В. Е. Романовского [11], Ю. Э. Бейгельзимер [12], В. В. Серебряного, В. И. Яковенко, П. А. Бурса [13], О. М. Усольцеву [14], Л. Климовича, А. Левашова [15] и др.

Наряду с исследователями истории мирового тенниса, генерация подходов к проблеме развития российского тенниса прослеживается у таких исследователей, как Б. И. Фоменко [16], С. П. Белиц-Гейман [17], Г. В. Сергеев [18], Т. Н. Лапина [19] и др.

Рядом исследователей пропагандировался тезис о зарождении российского тенниса в 1878 г. на теннисной ярмарке, и более того, весьма популярной была сентенция: «по результатам ярмарки был принят Манифест о всемерном развитии лаун-тенниса в России». В частности, авторами такого подхода были С. П. Белиц-Гейман, Г. В. Сергеев, Т. Н. Лапина, Ю. Л. Зерчанинов и др.

В то же время в широком исследовательском поле для русской исторической науки конструировались новые подходы, обуславливающие эволюции идей и взглядов на традиционную историю российского тенниса.

Отечественный автор, историк Б. И. Фоменко полемизирует со своими коллегами, не соглашаясь с подобными доводами. Автор опротестовывает мнение С. П. Белиц-Геймана, утверждая, что истоки зарождения тенниса в России берут свое начало с 1875 г., ссылаясь на архивы семьи Романовых. В своей работе «Как зародился теннис в России» [20] Б. И. Фоменко приводит опровержение исторических сведений, указывая на признание С. П. Белиц-Гейманом вымысла соответствующих тезисов.

Б. И. Фоменко дал ответы на многие вопросы развития как мирового, так и российского тенниса. В работе «Он подарил миру теннис» [21] в параграфе «От корта до рэккетса» автор системно выделяет периоды в истории «старого тенниса», подробно излагает исторические события, свидетельствующие о появлении первых игр-проброзов современного тенниса, выделяет эпоху «королевского тенниса», указывает разновидность игр в мяч.

Данная работа подробно отражает исторический процесс «чистой истории тенниса» (начало развития тенниса с 1877 г.), в рамках которого возникает лаун-теннис, появляются первые теннисные площадки, зарождаются правила игры в лаун-теннис, создаются первые теннисные клубы.

На основе накопленных знаний и отработанных логических схем был опубликован хорошо фундированный исторический труд Б. И. Фоменко «История лаун-тенниса в России» [22], в котором целостно и многопланово описано развитие лаун-тенниса в дореволюционный период, а также произведен анализ истории тенниса русского зарубежья. Это наиболее объективное и верифицированное издание о русском лаун-теннисе.

Следует также отметить его работы: «Москва – Санкт-Петербург: от соперничества к единству» [23], энциклопедия «Российский теннис» [24], «Рыцарь герба и ракетки» [25], которые являются научно-популярными изданиями по истории отечественного тенниса.

В целом Б. И. Фоменко внес значительный вклад в исследование тенниса. Он является автором 11 книг, 5 брошюр и более 200 статей по истории российского тенниса. Однако труды авто-

ра носят преимущественно краеведческий характер, отражают субъективные оценки развития тенниса, показывают исторический процесс лишь на уровне явлений, поэтому являются популяризаторским течением в истории мирового и российского тенниса.

Особенно ценной является работа члена Всесоюзной федерации тенниса, почетного судьи СССР по спорту А. Е. Ангелевича «Первые ракетки» [26]. В ней автор в исторической ретроспективе показывает историю побед на международном плацдарме десяти самых выдающихся теннисистов СССР. В своей работе А. Е. Ангелевич предпринял попытку воссоздать творческие портреты наиболее известных чемпионов советского тенниса. Собранные воедино, объединенные четкой авторской позицией, осмысленные в динамике своего развития биографии спортсменов позволяют оценить периоды истории советского тенниса.

Различные аспекты проблемы развития российского тенниса рассмотрели ряд других исследователей: Ш. А. Тарпищев [27], В. Ф. Шориков [28], В. И. Муниц [29], З. Мансуров [30], О. Д. Спасский [31], А. С. Ольховский [32], И. Б. Джелепов [33], И. А. Харченко [34], В. И. Кузьменко-Титова [35], О. В. Морозова [36], Б. Л. Собкин, Г. Ш. Карапетян [37], Н. Н. Быканова [38] и др.

К проблемам развития мирового тенниса неоднократно обращались зарубежные авторы, такие как Д. Е. Александер (G. E. Alexander) («Лаун-теннис. Его ранние дни» (Lawn Tennis.its Early days) [39], А. Д. Бьюкенен (A. J. Buchanan) «Спорт в классическое время» (Sports in Classic Times) [40], В. Гримслей (W. Grimsley) «Теннис. Его История, Люди и События» (Tennis. Its History, People and Events) [41], Г. Гильмейстер «Теннис. Культурная история» (H. Gillmeister. Tennis: A cultural history) [42], Р. Поттс «Юрский теннис» (R. Potts. Jurassic Tennis) [43], В. Дж. Бэйкер «Спорт в Западном мире» (W. J. Baker. Sports in the Western world) [44], Р. Хикок «Теннис» (R. Hickok. Tennis) [45]. Их работы являются крупным историческим пластом мирового тенниса.

Некоторые из авторов исследовали культурологическую грань тенниса с социальными явлениями, сделали акцент на развитии тенниса как социальной формы западного общества периода конца XIX – начала XX в. Также некоторые зарубежные авторы анализируют особенности развития мирового тенниса. К ним относятся: Д. Барстоу (D. Barstow), П. Метцлер (P. Metzler), А. Санчес Викарио (A. Sanchez Vicario), П. Райтер (P. Reiter),

Д. Гроппель (D. Groppe), Б. Гилберт (B. Gilbert), А. Агасси (A. Agassi), Д. Макинрой (D. Mcenroe), П. Бодо (P. Bodos), С. Уильямс (S. Williams), Н. Боллеттьери (N. Bollettieri), Дж. Парсонс (G. Parsons), Р. Надаль (R. Nadal), Д. Каплин (D. Kaplin) и др. Изложенные труды отечественных и зарубежных авторов позволяют в целом отследить развитие зарубежного и российского тенниса.

Что касается отечественной историографии развития тенниса на региональном уровне, то вопросы, связанные с данной проблематикой, разработаны в общественных и гуманитарных науках крайне слабо. Комплексного научного исследования по проблеме регионального тенниса не проводилось. Однако ряд исследовательских трудов заслуживает историографического анализа.

Так, в работе В. А. Штейнбрехера и А. В. Пыжьянова «Томский теннис: история продолжается» [46] поднимаются некоторые вопросы развития сибирского тенниса. Однако исследование проблемы развития игры в формулировке «официального, организованного тенниса» не затрагивает фундаментальных основ сибирского тенниса, его эффективности и проблемы ментальности сибиряков в конструировании тенниса в общественную жизнь.

Также большой научный интерес представляет работа Г. В. Алексушина «Декларация 100-летия самарского тенниса» [47]. В ней на базе накопленных и систематизированных архивных материалов спортивных обществ и кружков Самарского региона в хронологических рамках прослеживается деятельность по пропаганде и популяризации тенниса в регионе. Хотя и в незначительной степени, предпринимаются попытки критического осмысления истории регионального тенниса, а также практики его развития.

Работы В. А. Штейнбрехера, А. В. Пыжьянова, Г. В. Алексушина являются важнейшей фактологической базой, отражающей события прошлых лет, несмотря на их фрагментарность и лакировку действительности.

Принципиальное значение для понимания исследовательской проблемы имеет краткое описание истории тенниса в Иркутской области [48], изложенное ветераном тенниса А. Г. Янушевичем. В своем очерке автор делает первичную генерацию основных этапов развития тенниса в регионе. Кратко упоминает имена идейных вдохновителей и пионеров иркутского тенниса.

Пытается установить дату зарождения тенниса в Иркутске. Однако данная работа не располагает объективными данными прошедшей череды событий и явлений региона. Скорее, это субъективное отражение той реальности, в которой находился автор данной работы. Ее тенденциозность делает работу крайне уязвимой с точки зрения исторического познания проблематики исследования.

Автором также исследованы работы, в которых теннис не являлся основным объектом рассмотрения, но в которых показана общая позиция власти к спорту, спортивные предпочтения общественности и т. п.

Большой научный интерес представляет исследование А. Г. Ширшикова «История становления и развития физической культуры и спорта в Приангарье в 1923–1941 гг.» [49], в котором подробно отражены особенности развития физической культуры и спорта в Приангарье в тот период. Автор приводит фактический материал о видах спорта, развивающихся в регионе в то время. Отдельная часть работы посвящена иркутскому теннису, в которой содержатся некоторые сведения из истории развития игры в 1920–30-е гг.

Вместе с тем целостный анализ состояния тенниса в регионе в работе А. Г. Ширшикова отсутствует, крайне слабо освещены аспекты развития игры в дореволюционный период. В недостаточной степени представлена история развития тенниса в советский период.

Серьезного внимания заслуживает исследовательская работа В. В. Шохирева «Спортивные организации и массовое физкультурное движение Иркутской области в конце XIX – середине XX вв.» [50], в которой обобщен исторический опыт становления и развития физической культуры в Иркутском регионе, отражены традиции, содействующие формированию организационно управленческих структур, на конкретных примерах раскрыт рост и развитие массового спорта, изложена деятельность спортивных кружков.

Однако в работе В. В. Шохирева крайне неубедительно изложены исторические спортивные события и факты об иркутском теннисе, зачастую сведения приводятся без ссылок на архивные источники, что вызывает сомнения в достоверности и объективности исторического исследования.

Содержательно и плодотворно по проблеме становления и развития иркутского спорта работает Э. Г. Азербает. В своей работе «Иркутский спорт в XX в.: Литературно-документальная летопись» [51] автор показывает исторический путь развития физической культуры и спорта в сибирском регионе с конца XIX в. до начала нулевых годов. Он позитивно оценивает уровень организации развития иркутского спорта как в дореволюционный, так и в советский и постсоветские периоды. Автор указывает его основоположников, а также наиболее успешных спортсменов, тренеров и специалистов.

На первый план выходят исторические аспекты традиционных для сибирского региона видов спорта (хоккей, конькобежный спорт, легкая атлетика, бокс, велосипедные гонки и т. п.), теннис же в работе не рассмотрен вовсе. Однако его недооценка как наиболее исторически зрелого вида спорта для Иркутского региона не дает полного и объективного знания о проблемах трансформации иркутского спорта.

Вместе с тем анализ пути развития физкультурного и спортивного движения в Иркутском регионе делает работу ценной, что позволяет рассмотреть особенности и практику организации тенниса в свете региональных процессов и социально-политических ориентаций в сложные и противоречивые периоды.

Таким образом, отечественная историография, несмотря на многожанровость существующей литературы, до сих пор не располагает стройным, обобщающим исследованием по истории развития тенниса ни на мировом и российском, ни на региональном уровнях.

В этой связи следует констатировать, что отечественных монографических исторических исследований о развитии тенниса не было создано (нет таких исследований и по Иркутскому региону). При таких условиях на повестке дня стоит задача проведения сбалансированного, учитывающего и события, и дифференцированные историографические подходы, научного осмысления и исследования. Поэтому активизация историков, работающих в русле данной проблематики, является требованием настоящего момента. Тем более нельзя сбрасывать со счетов и возросший интерес россиян к историческим знаниям.

Список литературы

1. Шестаков В. П. Философия и культура эпохи Возрождения. Рассвет Европы / В. П. Шестаков. – СПб. : Нестор-История, 2007. – 280 с.

2. Шестков В. П. Философия и теннис // Вопр. философии. – 2002. – № 8. – С. 42–52.
3. Теннис и искусство [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gotennis.ru/read/world_of_tennis/tennis_i_iskusstvo/kartinnaya_galereya_chast_iii.html.
4. Новиков А. Б. Большой шлем, или Четыре теннисных туза : о междунар. турнирах по теннису / А. Б. Новиков, В. В. Кукушкин. – М. : Физкультура и спорт, 1990. – 190 с.
5. История формирования и хронология эволюции теннисных правил [Электронный ресурс]. – URL: <http://tennis-i.com/wiki/70518>.
6. Полонская К. Л. Особенности функционирования теннисной терминологической системы в английском языке : дис. ... канд. филол. наук / К. Л. Полонская. – М., 2012. – 209 с.
7. Крошина М. В. Мой теннис: Теннис шаг за шагом / М. В. Крошина. – Киев : Світovid, 1997. – 223 с.
8. Максимов Н. М. Теннис школа / Н. М. Максимов. – М. : Профиздат, 1998. – 80 с.
9. Пальгина Е. П. Игры народов мира / Е. П. Пальгина. – М. : ТЕРРА-Кн. клуб, 2002. – 351 с.
10. Лиховцева В. И. Теннисный лексикон / В. И. Лиховцева. – М. : Рус. Кубок, 2004. – 268 с.
11. Гороховский В. Л. Большой теннис: для всех и каждого / В. Л. Гороховский, В. Е. Романовский. – М. : Феникс, 2004. – 352 с.
12. Бейгельзимер Ю. Э. Мы едем на турнир или вокруг тенниса за 80 дней / Ю. Э. Бейгельзимер. – Донецк : Донецк, 2008. – 121 с.
13. Серебряный В. В. Australian Open (иллюстрированная энциклопедия) / В. В. Серебряным, В. И. Яковенко, П. А. Бурса. – М. : Теннис Арт ; Моск. правда, 2010. – 144 с.
14. Усольцева О. М. Теннис спортивная энциклопедия / О. М. Усольцева. – М. : Москва Эксмо, 2011. – 63 с.
15. Климович Л. Амазонки на корте / Л. Климович, А. Левашов. – М. : Веб-ов и Книгин, 2011. – 218 с.
16. Фоменко Б. И. Как зародился теннис в России / Б. И. Фоменко – 1-е изд. – М. : Алаборг, 2010. – 64 с.
17. Белиц-Гейман С. П. В мире большого тенниса / С. П. Белиц-Гейман. – М. : СП Интеграф сервис, 1994. – 351 с.
18. Сергеев Г. В. Школа тенниса / Г. В. Сергеев. – М. : МГИУ, 2008. – 162 с.
19. Лапина Т. Н. Теннис, сквош, пинг-понг / Т. Н. Лапина. – СПб. : БХВ-Петербург, 2005. – 63 с.
20. Фоменко Б. И. Как зародился теннис в России / Б. И. Фоменко. – 1-е изд. – М. : Алаборг, 2010. – 64 с.
21. Фоменко Б. И. Он подарил миру теннис / Б. И. Фоменко – 1-е изд. – М. : Алаборг, 2011. – 104 с.
22. Фоменко Б. И. История лаун-тенниса в России / Б. И. Фоменко. – 1-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 2000. – 223 с.
23. Фоменко Б. И. «Москва – Санкт-Петербург: от соперничества к единству» / Б. И. Фоменко. – 1-е изд. – М. : Большая Рос. энцикл., 2002. – 223 с.
24. Фоменко Б. И. Российский теннис : энциклопедия / Б. И. Фоменко. – М. : ИЭТП, 1999. – 450 с.

25. Фоменко Б. И. Рыцарь герба и ракетки: Документальная повесть о великом русском теннисисте графе М. Н. Сумарокове-Эльстоне / Б. И. Фоменко. – М.: NDE-MEDIA, 2004. – 174 с.
26. Ангелевич А. Е. Первые ракетки / А. Е. Ангелевич. – М.: Физкультура и спорт, 1985. – 192 с.
27. Тарпищев Ш. А. Первый сет / Ш. А. Тарпищев. – М.: Москва Время, 2008. – 686 с.
28. Шорилов В. Ф. Как повысить мастерство / В. Ф. Шорилов. – М.: Новый гелион, 1997. – 80 с.
29. Муниц В. И. Теннис. Справочник, 1929–1998: Петроград – Ленинград – Санкт-Петербург / В. И. Муниц. – СПб.: Текст, 1999. – 185 с.
30. Мансуров З. Евгений Кафельников / З. Мансуров. – М.: АСТ-Пресс, 1999. – 411 с.
31. Спасский О. Д. Мой Кафельников / О. Д. Спасский. – М.: Олимпия Пресс, Терра-Спорт, 2000. – 208 с.
32. Ольховский А. С. Профессия – теннисист / А. С. Ольховский. – М.: АСТ Пресс Школа, 2004. – 216 с.
33. Дзепелов И. Б. Теннис как стиль жизни / И. Б. Дзепелов. – М.: Эльга, 2006. – 208 с.
34. Харченко И. А. Теннис-21. Точность, стабильность / И. А. Харченко. – Рязань: Узорочье, 2006. – 224 с.
35. Кузьменко-Титова В. И. И дар богов... / В. И. Кузьменко-Титова. – М.: Олимпия Пресс, 2007. – 208 с.
36. Морозова О. М. Только теннис / О. М. Морозова. – М.: Вагриус, 2007. – 414 с.
37. Собкин Б. Ш. Южный маршрут / Б. Ш. Собкин, Г. Л. Карапетян. – М.: АСТ, 2009. – 624 с.
38. Быканова Н. Н. Она зажигала звезды / Н. Н. Быканова. – М.: Кн. клуб 36,6, 2011. – 286 с.
39. Alexander G. E. Lawn Tennis.its Early days / G. E. Alexander. – N. Y., 1974. – 120 с.
40. Buchanan A. J. Sports in Classic Times / A. J. Buchanan. – N. Y., 1951. – 200 с.
41. Grimsley W. Tennis.Its History, People and Events / W. Grimsley. – N. Y. 1971. – 135 с.
42. Gillmeister H. Tennis: A cultural history / H. Gillmeister – London; UK: Leicester University Press, 1998.
43. Potts. R. Jurassic Tennis [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.thesmartset.com/article/article11300701.aspx>.
44. Baker W. J. Sports in the Western world / W. J. Baker – Revised ed. – University of Illinois Press, 1988.
45. Tennis // New Encyclopedia of Sports / R. Hickok. – USA: McGraw-Hill Book Company, 1977.
46. Томский теннис: история продолжается [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.stennis.ru/articles/57-2008-12-24-08-01-16>.
47. Декларация 100-летия самарского тенниса [Электронный ресурс]. – URL: <http://sport.mstm.samregion.ru/federaciya/6846/>.
48. Янушевич А. Г. Буклет «Иркутская весна-1998» // Личный архив Нечаева С. В.

49. Шириков А. Г. История становления и развития физической культуры и спорта в Приангарье 1923–1941 гг. : дис. ... канд. ист. наук / А. Г. Шириков. – Иркутск, 2002. – 179 с.

50. Шохирев В. В. Спортивные организации и массовое физкультурное движение Иркутской области в конце XIX – середине XX в. : дис. ... канд. пед. наук / В. В. Шохирев. – Улан-Удэ, 2006. – 170 с.

51. Азербает Э. Г. Иркутский спорт в XX в.: Литературно-документальная летопись / Э. Г. Азербает. – Иркутск : Облмашинформ, 2003. – 511 с.

Tennis as Socio Political and Cultural Phenomenon in XX-XXI

S. V. Nechaev

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper reviews Russian and foreign researches on tennis genesis and components, its place and role in the world and Russian history. The author analyses the way the issues of Siberian regional tennis are studied. On the basis of wide scope of researches and their structure the author makes actual the question about the study of tennis organizing and its introduction into world, Russian and Siberian historical development.

Keywords: Irkutsk sport, tennis history, lawn-tennis, Russian historiography, physical training.

Нечаев Станислав Викторович – аспирант, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)603034, e-mail: irktennis@gmail.com

Nechaev Stanislav Viktorovich – Postgraduate, the Department of Political Science, History and Regional Studies, Historical Faculty, Irkutsk State University, office 410 b, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, tel.: 8(3952)603034, e-mail: irktennis@gmail.com

УДК 911.3

Теоретический потенциал современной гуманистической географии и культурный ландшафт

М. В. Рагулина

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. Рассмотрен вклад современных подходов географии человека в формирование культурно-ландшафтных концепций. Показана роль гуманистических географических исследований в создании целостного видения культурного ландшафта.

Ключевые слова: культурный ландшафт, гуманистическая география, социализм, постсоветская трансформация общества.

Культурный ландшафт можно метафорически определить как единство Разума и Дома. Концепт дает возможность соединить природу и культуру в одном исследовательском фрейме. В мировой географии стали хрестоматийным трактовки культурного ландшафта как «биографии» места, «текста», «арены и сцены», социально-пространственного дискурса, скоординированного визуального комплекса, базиса социальной жизни.

Значительный массив исследований рассматривает сельские, городские, пригородные, гендерные, политизированные и классовые, виртуальные и сетевые ландшафты.

Культурный ландшафт изучается сквозь призму различных мировоззренческих парадигм – от сциентизма до постмодернизма, включая их различные сочетания. В России данный концепт активно развивается не более 25 лет, процесс формирования научных школ находится на начальном этапе. Длительные идеологические ограничения обусловили формирование лакуны и прервали традицию, идущую от российской антропогеографии. Именно поэтому опыт мировой гуманистической географии и выросшей из нее новой культурной географии может быть полезным для отечественной науки.

В географии 1930–60-х гг. территории отводилась роль арены человеческой деятельности. Пространственный анализ создавал модели распространения культурных факторов с помощью математического аппарата, формализации основных паттернов, абстрагируясь от частностей, неповторимого «лица» ландшафта. Идеал позитивистской географии – исследование людей как предсказуемых объектов, в однородной среде не мог уловить ускользающий динамизм и конфликтность ландшафта.

К концу 1960-х гг. в англофонной культурной географии было создано большое количество работ, инвентаризирующих исторические и современные культурные ландшафты, выделенные по какому-либо артефакту или их сочетаниям. Противовесом узкоутилитарным подходам стало набирающее силу гуманистическое движение. Гуманистическая география вернула в научный дискурс субъекта, опыт переживания ландшафта, внесла семантическую глубину. Гуманисты сделали видимыми значения – присущие не самим объектам, а возникающие в отношениях между субъектами. Основным интерес теперь представляли не элементы материальной культуры, а повседневная жизнь че-

ловека, ценности и восприятие им своей среды. Произошел поворот от изучения частных к всестороннему исследованию целостных культурных ландшафтов. Изменение ландшафта признавалось своеобразным индикатором трансформаций его сердцевины – духовной сферы общества: «Искажая унаследованное прошлое, мы все более искажаем свое настоящее. Творение истории нам неподконтрольно, и мы формируем ландшафты и артефакты для того, чтобы приспособиться к иллюзорной истории – общественной и частной, которая отвечает нашим предпочтениям. Место прошлого в любом ландшафте – продукт интересов настоящего» [1, с. 36].

Британский географ Перис Льюис предположил, что культурный ландшафт предстает в виде серии «осадочных» социальных утверждений, где каждая культурная страта отражает конкретные идеологические источники, намерения и контексты. Поэтому продуктивно рассматривать ландшафт как палимпсест, где можно удалить часть текста и сделать надпись, перекрывающую ранее написанное, что подразумевает не только различные исторические эры, но также и нескольких действующих лиц [2].

С середины 1980-х гг. наметилось разветвление гуманистической ландшафтной традиции на два направления. Первое, связанное с работами Д. Косгроу [3], испытывает влияние сциентистской парадигмы и охватывает властные отношения, социальные процессы, способ производства и символику культурного ландшафта, в настоящее время эволюционировало в концепцию «материально-концептуального» культурного ландшафта [4]. На наш взгляд, это наиболее перспективный путь комплексного исследования культурного ландшафта. Второе направление, реализующее феноменологический подход, связано с концепцией вернакулярного (обыденного) ландшафта, который базируется на личных взаимоотношениях и отражает каждодневное бытие.

Без преувеличения, географами-гуманистами создана корневая система развития современной культурной географии. В новой культурной географии ландшафт соединен с проблемами конструкции идентичностей, «геттоизации» меньшинств, территориального выражения идеологии и политики, неравенства, способов производства. Географов интересуют символика ландшафта, идентичности, культурные формы и паттерны повседневности. В различные временные периоды культурные ценности определяют облик ландшафта.

При социализме набор ландшафтных шаблонов городской среды был ограничен и определялся с помощью планов «сверху». Идеология, контролируемая партией, во многом задавала вектор эстетике. Культурный ландшафт должен был стать средством формирования «нового человека».

Два «проекта» отражены в двух видах памяти социализма, подчеркивая тот или другой из параллельных аспектов системы. Одно, восторженное восприятие социализма как радикального гуманизма, сопровождалось другим – интерпретируемым как агрессивное и тоталитарное, сфокусированное на уничтожении классовых врагов, регламентации малейших деталей жизни. Одним из основных орудий и средств создания «нового человека» являлся культурный ландшафт [5].

Все «привилегированные» элементы культурного ландшафта должны были быть «перекодированы» в пользу «нового строителя коммунизма». Отмечается тесное переплетение двух больших «проектов»: тоталитарного, где человек – лишь винтик в огромной государственной производственной и идеологической репрессивной машине и гуманистического, который иллюстрируется популярным лозунгом: «Все для блага человека, все во имя человека!» Гуманистическое направление было тесно связано с фетишизацией «культуры» как образованности, соответствия моральным стандартам нового социалистического общества. В периферийном культурном ландшафте Сибири героика и пафос освоения сменились «доживанием» на руинах. Символы ландшафта в условиях рынка ориентированы на продаваемость

Шопинг – наиболее важный вид рекреационной активности, защита от непредсказуемой повседневности. Создавая образы и символы, частные компании пытаются перекодировать коллективную идентичность в коллективную идентичность потребителей. Приватизация публичных пространств и реклама создают новый облик ландшафта и формируют новые ценности и стандарты. В свою очередь, ведомый этими стандартами человек участвует в создании и потреблении нового ландшафта.

Консюмеристское конструирование жизненных целей и, в целом, «проекта» новой идентичности – Манхэттен, Калифорния, Кельн, Ливерпуль, Камелот – апеллирует к переносу в другое пространство (и в меньшинстве случаев пространство – время). Тенденция прозападного брендинга, общая для постсоциалистических европейских стран и России, ведет к глубинному навязчивому отрицанию себя – «здесь и сейчас». Отчуждение от

места связано с символическим обесцениванием места. Чтобы продать псевдозападные товары, произведенные в Китае, вводятся западные бренды в сибирском ландшафте. Эти ярлыки остаются почти молчащими, бедными значениями, чувствами, образами, поскольку западная повседневность известна большинству сибиряков в основном по голливудским фильмам.

Стремление маркировать западным топонимом фирму, магазин мелкого сибирского предпринимателя выглядит гротескным: старинные деревянные или социалистические типовые жилые дома с вывесками «Калифорния» или «Манхэттен» – символ беспомощного стремления провинциала угнаться за модой.

Культурный ландшафт в любой момент времени формируется текущим состоянием технологии, он чувствителен к инновациям, повседневной истории. Жизненные условия, мириады событий и практик рутины, экстраординарные события – катализмы отражаются и формируют ландшафт. Внутри этого моря сложно увидеть, что ландшафт – не только поток, трансформация социальных отношений, но также стазис, хранилище ценностей, которое можно разрушить огромной гуманитарной и экономической ценой [6].

Проблема исследования культурного ландшафта нуждается в синтезе гуманистических и социально-политических подходов. Сквозь призму культуры ее рассматривают географы-гуманисты, с позиции социальной справедливости, отношений власти и производства – сторонники политико-экономических подходов («аксиомы» Дона Митчелла). Вопрос в том, будут ли отечественные ученые иметь теоретико-методологический инструментарий, адекватный сложности пространственных процессов современного отечественного капитализма, либо сконцентрируются на привычных (за два постперестроечных десятилетия) аспектах территориального воплощения культуры. Работоспособные методики изучения культурного ландшафта должны включать оба «языка»: первый описывает опыт личности, культурные традиции, знаки и символы, фокусируется на общем мировоззрении, ценностях и социума, второй посвящен «работе» объектных и интеробъектных систем, поиску функций, анализу классовых и социальных противоречий, экономической и ресурсной базы территории [7]. Для целостного видения всей сложности постсоветского пространства необходима их интеграция.

Список литературы

1. Lewis P. Axioms for reading the landscape: some guides to the American scene / The Interpretation of Ordinary Landscape: Geographical Essays. – N. Y. : Oxford University Press, 1979. – P. 11–32.
2. Lowenthal D. Past time, present place: landscape and memory // Geographical Review. – 1975. – Vol. 65, N 1. – P. 1–36.
3. Cosgrove D. Social formation and Symbolic Landscape (2nd edition) / D. Cosgrove. – Madison : Wisconsin Univ. Press, 1998. – 289 p.
4. Sluyter A. The making of the myth in postcolonial development material-conceptual landscape transformation in sixteen century Veracruz // Annals of the Association of American Geographers. – 1999. – Vol. 89, N 3. – P. 377–401.
5. Czepczynski M. Cultural Landscapes of Post-Socialist Cities: Representation of Powers and Needs / M. Czepczynski. – GBR : Ashgate Publishing Limited. – 2008.
6. Mitchell D. New axioms for reading the landscape: paying attention to political economy and social justice / J. L. Wescoat, Jr. and D. M. Johnston (eds.) // Political Economies of Landscape Change. – 2008. – Springer. – P. 29–50.
7. Рагулина М. В. Политико-экономические подходы в исследовании культурного ландшафта [Электронный ресурс] // Наукovedenie : интернет-журн. – 2012. – № 3. – URL: <http://publ.naukovedenie.ru>.

Theoretical Potential of Modern Humanistic Geography and Cultural Landscape

M. V. Ragulina

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Contribution of modern approaches of humanistic geography to forming cultural landscape concepts is considered. The role of humanistic geography researches in framing holistic view of cultural landscape.

Keywords: cultural landscape, humanistic geography, socialism, post-soviet society transformation.

Рагулина Милана Владимировна – доктор географических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории георесурсоведения и политической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: milanara@yandex.ru

Ragulina Milana Vladimirovna – Doctor of Sciences (Geography), Leading Research Associate, Laboratory of Geological and Resource Studies and Political Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.: 8(3952)422700, e-mail: milanara@yandex.ru

Территориальные сообщества в условиях постсовременности: новые подходы к исследованию

И. Н. Трофимова

Институт социологии РАН, г. Москва

Аннотация. Территориальное сообщество рассматривается как сложная саморазвивающаяся система, изучение которой в изменяющихся условиях требует комплексного междисциплинарного подхода.

Ключевые слова: территориальное сообщество, территориальное неравенство, социальные изменения, исследовательские подходы.

Территориальное сообщество является сложной саморазвивающейся системой, и одним из главных его системообразующих признаков являются устойчивые экономические, социальные, политические культурные и духовно-идеологические связи и отношения. Прежде всего сообщество связывает людей, проживающих в рамках определенного географического пространства. Во-вторых, сообщество характеризуется определенным качеством отношений между людьми – членами сообщества, объединенными общей культурой и общими ценностями. В-третьих, сообщество предполагает определенный уровень устойчивого социального взаимодействия, выражаемого в отношениях взаимной поддержки, взаимопомощи, взаимопонимания, взаимного доверия, являющихся неременным условием способности к объединению с целью влияния на различные аспекты местного социального порядка. Между членами территориального сообщества формируются отношения взаимодействия по различным вопросам социальной жизни, начиная от простых интеракций соседского характера и заканчивая активным участием в управлении территорией. Таким образом, территориальное сообщество представляет собой совокупность людей, постоянно проживающих на определенной территории и осуществляющих совместную деятельность для удовлетворения своих экономических, политических, культурных, социальных и иных потребностей.

Территориальные сообщества играют важную роль в обеспечении социально-политической стабильности, развитии межрегиональных экономических связей, предупреждении пространственной дезинтеграции. Данное положение особенно актуально в условиях нашей страны в силу чрезвычайного разно-

образия форм и способов организации местной жизни, а также последствий радикальных социально-политических преобразований, приведших к ценностному расколу общества, росту социального и территориального неравенства. Территориальное неравенство фактически стало причиной того, что жизненные перспективы людей сегодня во многом определяются местом их проживания и теми возможностями, которые существуют на данной территории для развития человеческого потенциала. Так, в 2013 г. лишь в 10 российских регионах индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП) превышал средний по стране уровень (0,843): Москва, Санкт-Петербург, Тюменская, Сахалинская, Белгородская и Томская области, республики Татарстан, Коми, Саха (Якутия) и Красноярский край [1]. Немногим более 20 % населения России живет в относительно благополучных регионах (в том числе 8 % в Москве), около 10 % – в регионах-аутсайдерах, а более 2/3 – в регионах со средним уровнем человеческого развития. Но и в самих регионах отмечается существенный разрыв в уровне и качестве жизни жителей отдельных поселений, например между региональными столицами и малонаселенными удаленными районами. Даже в более плотно заселенной европейской части масштабы экономической отсталости составляют более 40 % территории, что является существенным тормозом для модернизации периферии [2, с. 130–141].

Успешное функционирование и развитие территориальных сообществ зависит от их способности адаптироваться к изменяющимся условиям, включая способность формулировать адекватные вызовам времени цели и задачи своей жизнедеятельности. При этом не может быть универсальных подходов для территориальных сообществ разного типа, с различным социально-экономическим и политико-административным статусом. Традиционный подход к изучению территориального сообщества как целостной, устойчивой совокупности людей, объединенных социальными связями, возникающими по поводу определенных условий жизнедеятельности на территории проживания, в настоящее время претерпевает существенные изменения. Причиной тому стали глобальные социальные, экономические и технологические изменения, приведшие к беспрецедентному усложнению социальной жизни, ослаблению традиционных институтов и ценностей. Вызовом для российского социума оказались также последствия радикальных социально-политических пре-

образований: нарушение пространственных связей, углубление территориального неравенства, локализация бедности и социального неблагополучия. Одновременно протекающие процессы универсализации и автономизации социальной жизни обусловили развитие территориальных сообществ как социальных топосов различного уровня сложности, локализации, ценностной ориентации, самоидентификации и способов коммуникации, степени эффективности функционирования.

Изучение территориальных сообществ (Territorial Community Studies) сегодня представляет собой достаточно широкий спектр направлений и подходов, преимущественно междисциплинарного характера, что обусловлено спецификой предмета исследования: географические условия, социальные взаимодействия, особенности совместной жизнедеятельности. Общей чертой является акцент на связи между социальной гетерогенностью, в ее самом широком смысле, и пространственной организацией, что находит свое отражение в различных субдисциплинах: городская социология (Berger, 1978; Park, 1984; Вагин, 2000), сельская социология (Lobao, Tickamyer, 1996; Староверов, 2003; Муханова, Жвितिашвили, 2014), гуманистическая экология (Халлий, 2007; Яницкий, 2013), этносоциология (Мукомель, 2009; Дробижева, 2013), социально-экономическая география (Зубаревич, 2012); политическая регионалистика (Rokkan, Wurwin, 1984; Лапина, Чирикова, 2004; Туровский, 2006) и др. При этом большинство работ сосредоточены преимущественно на социальных и политических проблемах, где территориальное сообщество чаще выступает в качестве методологической перспективы, а не собственно предметом исследования.

С 1980-х гг. в изучении территориальных сообществ наступил новый этап, связанный с новыми способами осмысления и интерпретации связи между социальной общностью и пространством. Помимо социальных, демографических, культурных, экологических аспектов в последнее время прибавилось темпоральное измерение, когда время стало идентифицироваться с социальными изменениями (Giddens, 1979). Территориальное сообщество стало концептом одновременно реальным и воображаемым, конструируемым, символическим. Функционирование территориального сообщества сегодня в значительной степени зависит от того, как члены сообщества конструируют социальное пространство, какие смыслы и ценности приписывают ему, как

экстериоризируют собственную социокультурную идентичность (Cohen, 1985; Поппер, 1992). Проблематика территориальных сообществ включает также изучение вопросов социальной изоляции и индивидуализма (Belah, 1996), гражданского участия и социального активизма (Putnam, 2000). Примером может быть изучение современных городских движений, направленных на изменение понимания смысла города, на создание собственного пространства, против городского планирования местной власти, поверх социальных, статусных, возрастных границ (Castels, 1983, 2004). В рамках данного направления ценности, идентичности и социальная самоорганизация выступают как значимые факторы территориального развития, что позволяет рассматривать территориальные сообщества как сложные саморазвивающиеся системы. Поэтому сегодня основным методом исследования территориальных сообществ становится построение социопространственных моделей на основе структурирования ценностных ориентаций, локальных социальных отношений и поведенческих практик.

В данном направлении ведут свои исследования ведущие научные центры – продолжатели традиций немецкой социологической школы (Ф. Теннис, Э. Дюркгейм, Г. Зиммель, М. Вебер, К. Маркс), противопоставляющей общность и общество, и натуралистической редукции Чикагской школы (Р. Парк, Э. Берджес, Э. Хоули, Р. МакКинз), делающей акцент на взаимосвязи всех сторон жизни территориальной общности. В рамках Чикагской школы получили развитие такие направления, как гуманистическая экология, городская социология, социальные сети. Отдельным направлением сегодня стала социология социальных движений, представленная исследованиями коллективных ценностей (коммунитаризм) и городских (коммунальных) движений. В университете Чикаго регулярно проводятся мастер-классы под общим названием «Город, общество, пространство», программа которых отличается чрезвычайным разнообразием и актуальностью. Противопоставление общества и сообщества в рамках современной американской социологической школы решается через признание факта множественности и разнообразия связи между глобальными сетями, массовым обществом и локальными сообществами, что требует изучения прежде всего коммуникативных, а не структурных аспектов функционирования территориальных сообществ.

Импульсом для активизации европейских исследований территориальных сообществ, безусловно, стали образование Европейского союза и последовавший за ним процесс формирования общеевропейской идентичности. Политизация пространства обусловила то, что приоритетным направлением в европейских исследованиях стало изучение проблем территориальной сплоченности и территориального неравенства на общеевропейском и постсоциалистическом пространстве, а организаторами исследований нередко выступают международные структуры (Организация экономического сотрудничества и развития, Всемирный банк и др.). В фокусе европейских исследований лежат также субнациональные институты, элиты, политики и социальные практики, миграционная и религиозная ситуация.

Активное изучение влияния процессов урбанизации, глобализации на развитие территориальных сообществ осуществляется в развивающихся странах, прежде всего в Китае, Индии, Латинской Америке. В целом изучению динамики территориальных сообществ уделяется серьезное внимание в большинстве мировых научных центров, что еще раз говорит о перспективности и актуальности данного направления.

В отечественной социологии изучение собственно территориальных сообществ в изменяющихся условиях началось относительно недавно, при этом основное внимание уделяется изучению внутренней структуры территориальных общностей разного типа, а также механизмов их функционирования и развития в условиях радикальных социально-политических преобразований (Мерсиянова, 2009; Трейвиш, 2009; Кордонский, 2010 и др.). Однако в целом предметное поле социологии территориальных сообществ остается достаточно размытым и фрагментарным, что обуславливает необходимость расширения проблематики исследований, разработки новых концептуальных подходов и постановки новых задач.

Список литературы

1. Устойчивое развитие: вызовы Рио : доклад о человеческом развитии в Российской Федерации. 2013 / под общ. ред. С. Н. Бобылева. – М. : РА ИЛЬФ, 2013. – 220 с.
2. Зубаревич Н. Модернизация и российское пространство // Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации за 2011 г. / под ред. А. А. Аузана, М. Н. Бобылева. – М. : ПРООН в РФ, 2011. – С. 130–141.

Territorial Societies at Postmodern Time: New Approaches to the Study

I. N. Trofimova

Institute of Sociology RAS, Moscow

Abstract. Territorial society is seen as a complex self-developing entity. And taking into account changing environment it should be studied using a complex interdisciplinary approach.

Keywords: territorial society, territorial inequality, social changes, research approach.

Трофимова Ирина Николаевна – доктор политических наук, ведущий научный сотрудник, Центр комплексных социальных исследований, Институт социологии РАН, 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5, тел.: 8(495)7190940, e-mail: itnmv@mail.ru

Trofimova Irina Nikolaevna – Doctor of Science (Political sciences), Leading Research Fellow, Center of Social Research, Institute of Sociology RAS, 24/35, bl. 5, Krzizanovskogo st., Moscow, 117218, tel.: 8(495)7190940, e-mail: itnmv@mail.ru

УДК 341.5

Проблема безработицы в индустриальных городах Иркутской области в 1990-е гг.

Т. П. Урожаева

МАОУ СОШ № 13, г. Усть-Илимск

Аннотация. В статье автор рассматривает процессы изменения структуры занятости населения в промышленных городах Иркутской области в 1990-е гг., анализируя показатели официально зарегистрированной и скрытой безработицы.

Ключевые слова: трудоспособное население, структурная и скрытая безработица, государственная службы занятости населения, индустриальные города.

Одним из достоинств распределительной системы трудовых ресурсов советской экономики был крайне низкий уровень безработицы. К началу 1991 г. безработными были лишь 0,1 % экономически активных жителей РФ. По мере перехода экономики на рельсы капитализма предложение на рынке труда постепенно стало превышать спрос. Вследствие промышленного спада уровень безработицы начал быстро увеличиваться и к началу 1996 г. достиг 3,7 %. В соответствии с методикой Международной организации труда (МОТ), также учитывающей граждан, не имеющих работы, но не зарегистрированных на бирже труда, в марте 1996 г. показатель безработицы в РФ достиг 8,5 % [11, с. 130]. Рост числа российских безработных особенно ускорился во второй половине 1990-х гг.

На уровне региона достаточно четко проявились общероссийские тенденции роста безработицы. В конце 1991 г. в Иркутской области было зарегистрировано более 1 тыс. безработных, а в начале 1992 г. – 3,3 тыс. человек [4, с. 2]. В течение 1992 г. в органы областной службы занятости обратилось 33,6 тыс. человек, более 15 тыс. безработным была оказана помощь в трудоустройстве. С момента опубликования Закона РСФСР «О занятости населения» (1991 г.) пособие по безработице гражданам устанавливалось по последнему месту работы и составляло: первые три месяца – 75 % от заработка, следующие четыре месяца – 60 %, последние пять месяцев – 45 % [15, с. 3].

В течение 1993 г. официальный уровень безработицы составил 0,7 % от численности трудоспособного населения. Однако уровень скрытой безработицы был достаточно высок. Например, в ноябре того же года более 11 % от числа занятых в сфере производства работали либо неполный день, либо были отправлены в отпуска без сохранения заработной платы. Между тем считалось, что допустимый уровень безработицы – 10 % от числа работающих [1, с. 3].

Осенью 1994 г. уровень безработицы возрос и составил 1 % от численности трудоспособного населения области. В отдельных городах число безработных граждан увеличилось за год в три-семь раз. В табл. 1 приведены данные по численности трудоспособного населения, числу безработных и уровню безработицы по городам Приангарья.

Таблица 1

Данные по уровню безработицы населения индустриальных городов
Иркутской области за 1994 г. [9, с. 6]

Города	Численность трудоспособного населения	Число безработных	В том числе назначено пособие	Уровень безработицы, %
Ангарск	166 977	604	407	0,4
Бодайбо	19 067	391	324	2,1
Братск	144 386	1 211	1 148	0,8
Саянск	29 611	270	213	0,9
Усолье-Сибирское	60 828	335	319	0,6
Усть-Илимск	63 375	4 175	3 803	6,6
Шелехов	32 962	355	291	1,1

**Составлено по данным Областного комитета службы занятости за 1994 г.*

По данным табл. 1, самый низкий процент безработных был зарегистрирован в Ангарске (0,4 % от трудоспособного населения). Лидировали же в этом списке Усть-Илимск и Бодайбо: уровень безработицы здесь составил от 2,1 до 6 %. Значительный рост безработицы в конце 1995 – начале 1996 г. наблюдался в Братске и Шелехове. Наименьший уровень безработицы на начало мая 1996 г. был зарегистрирован в Ангарске (0,8 %) и Усолье-Сибирском (1,3 %). Уровень зарегистрированной безработицы на начало мая 1996 г. по региону составил 4 %, по РФ – 3,8 % [5, с. 6].

Первая волна безработицы в Ангарске наступила в 1991 г., однако она горожан особо не коснулась. Ищущие работу без труда ее находили, часто минуя службу занятости, так как спрос на рынке труда опережал предложение. Вторая волна в 1993 г. была ощутимее – 2 тыс. человек стали безработными, попав под сокращение. Третий скачок роста безработицы пришелся на начало 1996 г. «Залихорадило» Ангарский нефтехимический комбинат (АНХК), угрожающе стала расти скрытая безработица: если раньше в вынужденных отпусках находилось не более 7,7 тыс. человек, то, по данным за первое полугодие 1996 г., – уже 22,3 тыс. человек. АНХК представил списки из 1,5 тыс. кандидатов на сокращение, Управление строительства города – из 2 тыс. человек [2, с. 5].

Предприятия Братска, за редким исключением, начиная с 1993 г. не планировали открытия новых рабочих мест. Между тем все чаще горожанам приходилось обращаться за помощью в центр занятости. Только с начала 1993 г. здесь искали работу более 7 тыс. жителей города. Большинство из них – молодежь, и чаще всего женщины. И хотя по цифрам в Братске специалисты наблюдали рост вакансий, нарастающий спад производства подтверждал, что они, скорее, не совсем реалистичные. Кроме того, в городе процветала скрытая безработица – многие предприятия отправляли в вынужденные отпуска до половины работников. Осенью 1993 г. произошел плановый останов БЛПК, повлекший большое сокращение в коллективе [13, с. 3].

В Саянске проблема безработицы приобрела свою остроту к началу 1994 г. По словам директора городского центра занятости Л. Минеевой, весной 1994 г. более 1,5 тыс. горожан обратилось за помощью в трудоустройстве. Если в 1993 г. пособия по безработице получали более 80 человек, то к апрелю 1994 г. – почти 200. Особенно трудно было устроиться на работу воспитателям, бухгалтерам без стажа работы, продавцам, инженерам [16, с. 2].

Во второй половине 1990-х гг. ситуация на рынке труда индустриальных городов Приангарья продолжала оставаться неблагоприятной. По данным областного департамента Федеральной государственной службы занятости населения (ФГСЗН), в первом полугодии 1997 г. показатель зарегистрированных безработных составил 3,8 %, по РФ – 3,4 %. За полгода в регионе увеличилось количество районов с напряженной ситуацией на рынке труда – с 12 до 13, 7 из них находились в критическом состоянии [6, с. 3].

В связи с банкротством промышленных предприятий число работающих продолжало сокращаться. В 1997 г. наблюдалось постепенное снижение численности работающих в АО «Востсибэлемент» (на 7,9 %), «Иркутскэнерго» (на 3,7 %), АО «Братск-комплекслесхолдинг» (на 21 %) [3, с. 2]. Объектами беспокойства для областного департамента занятости стали крупные предприятия, где производственная ситуация оставалась нестабильной, а значит, можно было ожидать массовых сокращений персонала. Список таких производств возглавляли АНХК, ПО «Саянскимпром», Усть-Илимский ЛПК. На последнем, в ходе планируемой реструктуризации во второй половине 1998 г., произошло сокращение более 700 работников. В Ангарске руководство компании ОАО «АНХК» подало список на высвобождение почти 250 человек [12, с. 1].

В марте 1998 г. ангарчане вышли на митинг против удушающего безденежья, низкого уровня жизни и безработицы (на тот момент каждый пятый трудоспособный житель города был безработным). Летом 1999 г. более двух тысяч жителей в возрасте от 16 до 30 лет находились на учете в городской службе занятости, и их число продолжало увеличиваться с каждым днем. Происходило это, по данным пресс-службы управления занятости, в основном за счет выпускников средних специальных и высших учебных заведений. На рынке труда, в основном, требовались люди рабочих профессий, а на учете в центре стояли преимущественно менеджеры, бухгалтеры, юристы [10, с. 2].

В июле 1999 г. уровень официально зарегистрированной безработицы в Саянске был ниже среднеобластного (2,1 %). Однако это не умаляло остроты социальных проблем оставшихся без заработка людей. Основными на рынке труда являлись малопривлекательные вакансии далеко не процветающих органи-

заций, в числе которых было строительно-промышленное АО «Восток» [8, с. 2].

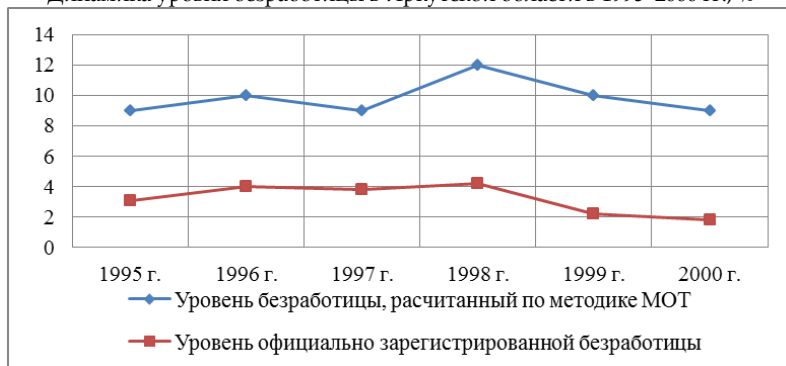
Несколько стабилизировалась ситуация на рынке труда в Братске. Около полутысячи братчан сумели найти работу, придя на ярмарку вакансий, которую в октябре 1999 г. организовала местная служба занятости. На тот момент в Братске официально было зарегистрировано более 2 тыс. безработных, но с начала 1999 г. в центр занятости обратилось за помощью о трудоустройстве более 14 тыс. человек [7, с. 3].

Медленное и неуклонное снижение безработицы в промышленных городах Иркутской области в 1999–2000 гг. было очевидным. Во многом это было вызвано начавшимся экономическим подъемом; большим по объему финансированием социальных программ; более активной помощью безработным со стороны областного департамента ФГСЗН; стабилизацией рабочих кадров в связи с упорядочением выплат заработной платы.

Уровень официально зарегистрированной безработицы в Иркутской области в июле 1999 г. составил 2,2 %, а в ноябре того же года опустился до 1,9 % [14, с. 1]. Однако следует пояснить, что уровень зарегистрированной безработицы несколько отличался от уровня фактической безработицы в соответствии с методикой Международной организации труда (МОТ), учитывающей также безработных, не зарегистрированных на бирже труда. Этот показатель хотя и снизился, но даже в 2000 г. был достаточно высок – 9 % (см. табл. 2).

Таблица 2

Динамика уровня безработицы в Иркутской области в 1995–2000 гг., %

*Составлено по данным: Труд и занятость в Иркутской области: статистический сборник. – Иркутск: Облкомстат, 1995–2000.

Таким образом, проблема преодоления последствий экономического кризиса и повышения занятости населения в регионе не была решена полностью. Фактически безработица сохранялась и достигала достаточно высоких значений, особенно в депрессивных районах области.

Список литературы

1. Андреев А. Замаячила тень безработицы: интервью с зам. гендиректора областного Центра занятости // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – № 223. – 16 нояб.
2. Богачев Е. Ангарск ожидает четвертая волна безработицы: интервью с директором городского центра занятости Г. П. Татарниковой // Вост.-Сиб. правда. – 1996. – № 202. – 3 окт.
3. Будет больше частников и безработных // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 10 сент.
4. Бызов А. Горькая пилюля: о проблемах роста уровня безработицы // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – № 170/171. – 19 сент.
5. В несколько строк (о безработице) // Вост.-Сиб. правда. – 1996. – № 114. – 30 мая.
6. Впереди России всей // Вост.-Сиб. правда. – 1997. – 1 сент.
7. Заполнили 500 вакансий в один день // Знамя. – 1999. – 27 окт.
8. Из безработных – в предприниматели // Саян. зори. – 1999. – 24 июля.
9. Итоги работы службы занятости населения Иркутской области в 1994 г. // Вост.-Сиб. правда. – 1995. – № 36. – 22 февр.
10. Козырев С. Парад профессий // Свеча. – 1999. – 17 июля.
11. Куликов В. В. Безработица в России не сопоставима со спадом производства // ЭКО. – 1998. – № 1.
12. Макаров В. Регион как зеркало российской занятости /Интервью с В. Макаровым, начальником департамента ФГСЗН по Иркутской области. Беседовал А. Грохольский // Вост.-Сиб. правда. – 1998. – 30 дек.
13. Монахов В. Планируют безработицу // Вост.-Сиб. правда. – 1993. – № 79. – 16 сент.
14. Показатели мониторинга социально-экономического положения Иркутской области в сравнении с регионами «Сибирского соглашения». Итоги 1999 г. по Иркутской области // Вост.-Сиб. правда. – 1999. – 24 дек.
15. Свирина В. Цифры, факты, комментарии (интервью В. Свириной, начальником областного отдела организации работ и служб занятости) // Вост.-Сиб. правда. – 1992. – 12 дек.
16. Соловьев Ю. Призрак безработицы (о состоянии на рынке труда Саянска) // Вост.-Сиб. правда. – 1994. – 20 апр.

Problem of Unemployment in Irkutsk Region Industrial Cities in 1990s

T. P. Urozaeva
MAEE GES № 13, Ust-Ilimsk

Abstract. The author examines the structural change of unemployment in Irkutsk Region industrial cities in 1990s, using statistical data of both recorded and latent unemployment.

Keywords: working-age population, recorded and latent unemployment, government employment services, industrial cities.

Урожаева Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, МАОУ «СОШ № 13» им. ак. М. К. Янгеля, учитель истории и обществознания, 666683, г. Усть-Илимск, ул. Мечтателей, 36-37, тел.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru

Urozhayeva Tatyana Petrovna – Candidate of Sciences (History), the MAEE GES № 13 n. a. AK. M. K. Yangel, teacher of history and social studies, 36-37, Mechtateley st. Ust-Ilimsk, 666683, tel.: 8(3952)334372, e-mail: olgoy@ya.ru

УДК 614:84

Разрушительная и созидательная сила пожаров на примере Иркутской губернии

В. В. Черных

Восточно-Сибирский институт МВД России г. Иркутск

Аннотация. В статье освещается краткая история пожарных бедствий Иркутской губернии, анализируется разрушительная и созидательная роль пожаров в изменении облика городов и населенных пунктов.

Ключевые слова: Иркутск, Иркутская губерния, пожары, ущерб от пожаров, требования пожарной безопасности.

Наличие неисчерпаемых запасов дешевого леса в Сибири повлияло на предпочтительное строительство зданий из дерева. Немаловажным достоинством сооружений из дерева были также короткие сроки строительства деревянных домов, что в суровых климатических условиях играло определяющую роль при выборе строительного материала.

Расписные списки 1759 г. и 1761 г. приводят сведения о состоянии сибирских городов: «Якутск – город деревянный, рубленый, ветхий, в том числе забор рубленый в лапу, в нем 5 башен, да 2 стены каменные..., кругом того города острог деревянный, ветхий и 8 башен деревянных». Такие же данные приводятся о Нерчинске, Селенгинске, Иркутске [1].

Социально-экономическое развитие, наметившееся в Сибири в конце XVIII в., вызвало рост городов и в Приангарье, вместе с тем потребовало упорядочения их планировки и благоустройства. Соответствующие мероприятия, проводившиеся с конца XVIII в. (создание и реализация первого генерального плана Иркутска и др.), принесли свои положительные плоды, но требовали дальнейшего развития. Указы о планировке и благоустройстве сибирских городов последовали в 1809 и 1816 гг. Последние подчас реализовались весьма своеобразно, чисто администра-

тивно-бюрократическими методами. Так, губернатор Трескин, наметив выпрямление иркутских улиц, приказал поставить по городу вежи, обозначающие новое расположение улиц, а обывателям предписывалось в течение года перенести или перестроить в соответствии с этим свои дома. Многие не смогли выполнить это распоряжение. Тогда начальство приступило к разрушению жилищ, лишая людей крова [2].

Постройки в селах и деревнях Иркутской области вплоть до XX в. были исключительно бревенчатые.

В ряде мест избы обносились заваляшками (с целью их утепления), состоящими из дощатой загородки, набитой землей. Постройки располагались без достаточных разрывов.

И. Т. Калашников в своих воспоминаниях отмечает, что «кровли деревенских домов покрыты тесом и по бедности разведранью (так называют тонкие доски), соломенные кровли в Сибири не известны, и народ по изобилию леса нужды в них не имеет» [3].

Удаленность некоторых населенных пунктов в течение нескольких веков от широких путей сообщения и городов способствовала сохранению многих композиционных приемов сибирского зодчества, таких как тройные и двойные дома, а также комбинированные сложные избы, что являлось при пожарах дополнительным фактором риска в силу скученности горящего материала [4].

Обилие земель в Сибири создавало возможность свободной застройки, которая велась исходя из интересов застройщика, при этом игнорировали необходимые планировочные требования, что приводило при пожарах к проблемам с подъездами к горящему объекту.

Разнообразие состава населения со значительной прослойкой ссыльного бродячего элемента привело к господству замкнутого типа хозяйства, вызвало необходимость в крытом дворе, усадьбе, отгороженной от внешнего мира монументальными воротами, возведению домов с небольшими окнами, что также увеличивало пожароопасность.

Попытка найти меры, ограничивающие распространение огня при пожарах в деревне путем безопасной планировки строений, была сделана в 1834 г. Царский указ 1834 г. запрещал строиться крестьянам без разрешения сельских властей [5]. В нем

определялся порядок планировки селений с учетом снижения опасности распространения огня при пожарах.

В 1873 г. создается комиссия для исследования общего положения сельского хозяйства, занималась она и пожарными делами. В качестве противопожарных мер комиссией рекомендовалась: обязательное засаждение всех разрывов между дворами и дворовыми строениями; правильная планировка селений после пожаров и т. д. Однако намеченные мероприятия осуществлены не были, и сенат позднее считал невозможным лишать владельцев принадлежащих им усадебных участков [6].

После реформы 1861 г. произошли существенные социально-экономические сдвиги. Население Иркутской губернии, как, впрочем, и других восточных районов, заметно увеличилось. В начале столетия оно насчитывало 154 794 человек, а в 1864 г. уже 360 686 [7].

Постройки в деревнях становятся гуще. Добиться разрешения у местных властей на отведение под строительство нового участка крестьянину было непросто, да и накладно. Поэтому, выделяя женившегося сына, он отводил ему участок под застройку на территории своей усадьбы. Это еще в большей степени нарушало планировку и обостряло пожарную ситуацию.

Композиционно застройка сел и большинства городов Приангарья в XIX в. привязывалась к рекам, что делало их довольно протяженными. Непременным атрибутом любого населенного пункта становилось возведение в центре церкви, звонницы или пожарной каланчи. Такое расположение, наверное, не случайно – в композиции села, городка это играло роль вертикальной оси. При возникновении любой нестандартной ситуации население сосредотачивалось в центре. Относительно равномерное расстояние окраин позволяло людям собираться у высотного центра приблизительно в одно время и сообща намечать выходы из непростого положения. Расположение каланчи в центре является дополнительным свидетельством того, что пожар являлся действительно грозным врагом и к нему нужно было быть постоянно готовым. Регулярно находящийся каланчист на такой башне обзирал полностью весь поселок и при пожаре поднимал тревогу. Центральное расположение каланчи, где, как правило, находилось и пожарное депо с противопожарным инвентарем, позволяло ускорить время прибытия на пожар.

На изменение облика городов, их архитектуру, строительство огромное влияние оказывало такое стихийное явление, как пожар. Не войны, которые, как правило, не докатывались до Сибири, не землетрясения, вероятность и разрушительная мощь которых здесь так и осталась нереализованной, не наводнения, которые здесь бывали, но не были разрушительными, и даже не время, поскольку деревянные дома, построенные мастером, и при худшем уходе могут стоять веками, – именно пожары, уничтожая материальные свидетельства предшествующей культуры, как бы прерывали и скрадывали историю от потомков. Они же, пожары, наряду с достижениями цивилизации, оказывали сильное влияние на облик городов как на место жизни и деятельности людей, как на памятник истории и архитектуры. Пожары настолько прочно вписались в историю городов, что даже современные путеводители насыщены напоминаниями о них.

Наиболее показательна в этом отношении судьба Иркутска. История пожаров Иркутска (как любого города, губернии) идет с момента его основания. В первые пять-десять лет он несколько раз горел, восстанавливался и перестраивался. В описи 1682 г. упоминается деревянная церковь «среди острога» с новой рубленой колокольней. Это Спасская церковь, которая простояла 35 лет и сгорела в августе 1716 г. На месте сгоревшей деревянной церкви в течение 10 лет построили каменную Спасскую церковь, которая сохранилась до наших дней [8].

Рядом со Спасской церковью стоит еще один памятник архитектуры XVIII в. – Богоявленский собор, также построенный на пепелище. Деревянный собор, начатый строительством в 1693 г., простоял до 1716 г. и сгорел до основания, пожарище расчистили и в 1718 г. заложили каменное здание. Строили его пять лет, и в 1723 г. главы нового собора возвысились над Иркутском.

В 1686 г., через 25 лет после основания острога, Иркутск получил статус города. С этого времени происходит интенсивное развитие Иркутска как промышленного и торгового центра. По соображениям культуры, экологии и пожарной безопасности, промышленные объекты (кузницы, литейные, кирпичные, мыловаренные заводы) размещали, как правило, за речкой Ушаковкой или вдалеке вверх по течению. Объекты торговли, наоборот, концентрировались в центре города.

Подробную картину можно было наблюдать и по другим городам губернии. Улицы городов губернии возникали и разви-

вались, стихийно подчиняясь условиям местного ландшафта. Основное строительство, вплоть до середины XIX в., велось из дерева. Постройки из дерева были дешевле, зимой теплее, хорошо отштукатуренные, могли стоять долго – веками. Но в пожарном отношении они были беззащитными. Наиболее часто из городов губернии горел Иркутск. И поэтому не случайно именно в нем уже в XVIII в. появляются каменные особняки иркутских богачей Мыльниковых, Солдатовых, Чупаловых, Трапезниковых, Сибиряковых, в XIX в. – Медведниковых, Белоголовых, Котельниковых.

1775 г. обернулся для Иркутска большой бедой. В июне того года случился пожар, истребивший центральную часть города. Среди прочих построек сгорели старый и новый гостиные дворы со всеми товарами. Постройка нового здания гостинного двора производилась на собранные самим купечеством средства. Проект был заказан только что приехавшему в Петербург из Италии архитектору Джакоме Кварнеги. По словам последнего, этот проект являлся одной из крупных его работ. Здание гостинного двора было заложено в 1778 г. и в ходе строительства подвергалось частичной переработке губернским архитектором А. Я. Алексеевым. В нем разместилось более двухсот торговых помещений, кроме того, на втором этаже находилась просторная зала, служившая для торжественных церемоний и балов. Монументальный объем гостинного двора являлся основой формирования первого ансамбля центра, состоящего в основном из зданий казенного и торгового назначения. В 1790 г. южнее была закончена постройка также двухэтажного каменного мещанского гостинного ряда на 80 лавок [9].

Указ о регулировании застройки был получен в Иркутске еще в 1785 г. Но только в 1792 г. был утвержден генеральный план города, а в 1909 г. был получен первый альбом с «образцовыми» фасадами. Несмотря на то, что застройка по типовым проектам затронула в основном центральные кварталы города, это отразилось на увеличении ширины улиц, их цельности. По проектам центр города рекомендовалось застраивать в основном каменными сооружениями, что также не могло не отразиться на противопожарном состоянии города. Что касается массовой застройки, то каменные здания по-прежнему были лишь одиночными вкраплениями, и на сто деревянных построек приходилось три каменных.

Пожары часто посещали уездные города губернии, не говоря о селах и деревнях. Особенно там, где появлялись мануфактуры или фабрики. Показательна в этом отношении история Усолья-Сибирского. С момента открытия в нем соляного источника братьями Михалевыми Анисимом и Гавриилом в XVII в. и строительством первых промышленных вар до конца XIX в. в городе произошло более 30 пожаров, уничтоживших в первую очередь промышленные предприятия: варницы, спичечную фабрику. Столь частым пожарам способствовали как строения, возводимые по-прежнему из дерева, так и возросший риск, связанный с промышленным развитием [10]. Из сел Иркутской губернии в первой половине XIX в. только в двух из них были возведены по одному сооружению из камня – это церкви в Усть-Куде и Урике [11].

Ни одно природное явление не влияет на материальную культуру до такой степени разрушительно, как пожары. Именно пожары уничтожают материальные свидетельства предшествующей культуры, как бы прерывая и скрывая историю от потомков.

История Иркутска – культурного центра Восточной Сибири – «богата» пожарами, неоднократно уничтожавшими культурные ценности и менявшими сам облик города. Но особенно сильный урон понесла культура Иркутска в результате так называемого большого пожара 1879 г. «Большой пожар имел для города и его культуры катастрофические последствия, во многом из-за того, что вплоть до конца XIX в. в застройке города преобладало деревянное зодчество. Так, на центральной Большой улице было не более 15 каменных домов» [12]. Деревянные строения были дешевле, зимой теплее и весьма долговечны.

Пожар начался 22 июня, и вторая его вспышка была 24 июня 1879 г. Он был опустошителен, огонь уничтожил 75 жилых кварталов, сгорело 105 каменных и 3 418 деревянных домов. В огне были уничтожены не только здания, но и исторические ценности [13].

Невосполнимую потерю понесла иркутская наука. Пожар истребил прекрасный музей Географического общества с его обширной библиотекой. В них находилось 10 227 книг, 22 330 экземпляров естественно-исторических, этнографических, археологических предметов, старые дела различных учреждений Сибири с неопценимыми историческими свидетельствами, свит-

ками, относящимися к царствованию Ивана Грозного, труд А. П. Щапова о Туруханском крае и мн. др. [14]. Немаловажной потерей в научном отношении стала гибель военно-топографического отдела с его архивом и картографией, который был тесно связан с географическим отделом. Сгорел губернский архив, в котором профессор Миллер брал материалы из свитков для написания истории Сибири.

В губернской гимназии сгорели книги бывшей 1-й библиотеки города, основанной в 1778 г. губернатором Кличкой. Была уничтожена огнем библиотека редких сибирских изданий чиновника А. М. Храмцова, представляющих библиографическую редкость, у В. И. Вагина сгорела рукопись Геденшторма, заключающая в себе свод статистических сведений о Сибири 40-х гг. Почти полностью погибла городская публичная библиотека. Сгорело значительное количество редчайших изданий XVII–XVIII вв., ценных рукописей, манускриптов, карт, иллюстраций. Заведующая библиотекой М. А. Гаевская в письме от 20 октября 1879 г. в городскую управу сообщала, что пожаром истреблено русских книг, журналов, карт, газет 2 594 названий в 7 699 томах, иностранных книг и журналов 772 названия в 1 720 томах, книг, брошюр и литографических изданий, предназначавшихся для продажи, книг Иркутской думы 48 названий [15].

Большой пожар не пощадил и архитектурные ценности. Выгорела лучшая часть города с неповторимыми архитектурными ансамблями, памятниками архитектуры. Почти полностью сгорела центральная Большая улица. Сгорели Харлампиевская церковь, старая Троицкая, Тихвинская, Благовещенская, Чудотворская и Владимирская церкви, лютеранская, еврейская и римско-католическая церкви. Уничтожены были здания музея, публичной библиотеки, приходского училища, школы Н. Трапезникова, уездного училища, мужской и женской гимназий, губернского архива, технического училища, дворянского собрания и др. [16].

Погибли многие правительственные, гражданские и общественные учреждения, чья деятельность имела и определенное культурное значение, а дела и документы могли сыграть роль важных исторических источников: окружной суд, приказ общественного призрения, губернский суд, врачебная и ремесленная управы, городское полицейское управление, городская управа, акцизное управление Восточной Сибири, таможня, отделение

государственного банка, губернское казначейство, военно-окружной совет и окружной штаб Восточно-Сибирского военного округа со своим архивом, типографией и литографией и др. Сгорели дела окружного инженерного управления. Погиб таможенный архив с делами XVII в. – около 40 тыс. дел. Пожар уничтожил архив немецко-польских миссионеров с делами и бумагами с 1745 г. [17].

Несколько лет на месте пожарища были пустыри, где прохожие боялись ходить из-за опаски провалиться в старый подвал или колодезь. Однако именно этот пожар способствовал появлению в Иркутске каменных зданий, придавших городу новый облик, таких как неповторимые в своем архитектурном облике здания Географического общества и его библиотеки, здания общественного собрания, архитектурного ансамбля всего центра города.

После большого пожара город возрождался более 30 лет и приобрел современный облик, который мы знаем, но культурные ценности и свидетельства прошлого, погибшие в огне, нами утеряны безвозвратно.

Список литературы

1. Сибирские города. Материалы для их истории, XVII–XVIII столетий. Нерчинск. Селенгинск. Якутск. – М., 1886. – С. 43, 128, 130.
2. Кудрявцев Ф. А. Иркутск. Очерки по истории города / Ф. А. Кудрявцев, Г. А. Вендрих. – Иркутск, 1958. – С. 69.
3. Записки иркутских жителей. – Иркутск, 1990. – С. 80.
4. Ащепков Е. П. Русское народное зодчество в Восточной Сибири / Е. П. Ащепков. – М., 1953. – С. 20.
5. Пожарное дело в СССР / С. Г. Голубев [и др.]. – М., 1968. – С. 25.
6. Там же. – С. 26.
7. Иркутск и Иркутская губерния. – Иркутск, 1866. – С. 40–41.
8. Козлов И. И. Путеводитель по Иркутску / И. И. Козлов. – Иркутск, 1982. – С. 6.
9. Иркутск: из прошлого в будущее. – Иркутск, 1990. – С. 67.
10. Шейчик К. И. По законам мужества / К. И. Шейчик. – Иркутск, 1982. – С. 14–16.
11. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 50. Оп. 1. Д. 9209. Л. 97–109.
12. Иркутская летопись 1857–1880 гг. (продолжение «Летописи» П. И. Пешемского и В. А. Кротова). – Иркутск, 1914. – С. 392.
13. Губернский город Иркутск (Пожары 22-го и 24-го июня 1879 г.). – Иркутск, 1880. – С. 53.
14. Иркутская летопись ... С. 392.
15. Полищук Ф. М. История библиотечного дела в дореволюционном Иркутске (конец XVII в. – февраль 1917 г.). – Иркутск, 1983. – С. 50.
16. Губернский город Иркутск ... С. 53.
17. Иркутская летопись ... С. 393.

Destructive and creative force of fire in the case of Irkutsk province

V. V. Chernykh

East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Irkutsk

Abstract. The article highlights the brief history of fire in disasters Irkutsk province. Destructive and creative role of fire in changing the appearance of cities and towns is analyzed.

Keywords: Irkutsk, Irkutsk province, fires, fire damage, fire safety regulations.

Черных Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор, начальник кафедры философии, психологии и социально-гуманитарных дисциплин, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110, тел.: 8(3952)410982, e-mail: mr.CHVV@mail.ru

Chernykh Vladimir Vasilevich – Doctor of Sciences (History), Professor, Head of the Department of Philosophy, Psychology and Social and Humanitarian Courses, East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 110, Lermontova st., Irkutsk, 664074, tel.: 8(3952)410982, e-mail: mr.CHVV@mail.ru

УДК 05/07(571.53)(091)

Первая мировая война как фактор влияния на развитие печати Иркутска

А. П. Шинкарева

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются закономерности и особенности развития печати Иркутска в годы Первой мировой войны, позиции и отношение к войне основных газет и журналов, некоторые особенности контента изданий.

Ключевые слова: 1914 г., Первая мировая война, типографии и печать Иркутска, содержание газет и журналов.

К 1914 г. в Иркутске печатное дело было развито во всей его полноте, включая типографское, издательское, газетно-журнальное. Иркутск являлся одним из самых оснащенных полиграфическим производством сибирских городов, насчитывая десяток типографий разных форм собственности (государственные «казенные», частные, акционерные и кооперативные).

Война не замедлила сказаться нестабильностью на развитии полиграфического производства в стране. С каждым годом возрастали трудности с доставкой бумаги, с типографскими красками, шрифтами и прочим. В Сибири «особенно резко ухудшилась обстановка в сфере снабжения после начала мировой войны. Местные промышленники пытались найти какой-то выход

из положения и раньше. Было начато строительство двух бумажных фабрик, в Красноярске и Томске. Но с началом войны строительство прекратилось» [3, с. 197].

Не обновлялась материальная база, так как печатные станки в основном поставлялись из Германии. В начале XX в. характерным явлением, кроме роста и модернизации крупных полиграфических предприятий типа Иркутской губернской типографии или типографии Макушина и Посохина в Иркутске, было открытие новых мелких типографий на старой базе, когда просто менялся владелец. Однако за годы войны практически ни одна типография Иркутска не закрылась, в редких случаях сменился владелец или форма собственности.

«В годы войны резко понизилось качество бумаги, так как на ее изготовление шла древесина худших сортов. В 1914–1915 гг. цены на продукцию предприятий, производящих бумагу, выросли в среднем в пять-шесть раз, что вынудило снизить пошлины на ввозимую японскую бумагу и тем самым частично облегчить обеспечение ею региона, прежде всего Дальнего Востока и Восточной Сибири» [5, с. 52]. Тем не менее местные типографии достаточно загружались заказами организаций и учреждений, регулярно издающих необходимую по роду деятельности печатную продукцию, как акцидентную (бланки, конторские журналы, этикетки, рекламные листки, программки и т. п.), так и книжных форматов. Хотя отдельные организации вынуждены были существенно ограничить свои возможности. Так, с августа 1914 г. «в связи с началом Первой мировой войны приостановилась издательская деятельность ВСОИРГО, возобновилась она в полной мере лишь в 1921 г. после Гражданской войны» [2, с. 276].

Единственное в Иркутске частное книгоиздательство «Ирисы» М. Е. Стожа продолжало выпускать книжки стихов и прозы, в том числе отражающие военную тематику и реалии тех лет. (Вышли книги стихов иркутского поэта Н. Оборина «Пленные. На вольном просторе Сибири» и супруги издателя Д. Стож «Смерть музы и ужасы войны» и др.). Продолжалось издание различных «Спутников» и «Путеводителей» по железной дороге. В 1916 г. М. Е. Стож нашел возможным приступить к изданию собственного сатирического журнала «Сибирский пересмешник». В годы войны продолжали печататься частными лицами справочные издания, собственные труды, поэтические сборники.

За период с 1914 и до февраля 1917 г. в Иркутске издавалось почти три десятка наименований различных общественно-политических газет, включая и выпущенные единственным и конфискованным номером. На протяжении всего 1914 г. насчитывалось не менее тридцати наименований издававшихся газет и журналов, в том числе – примерно шестнадцать новых наименований. В 1915–1916 гг. выходило по двадцать-двадцать два издания, начали выходить газеты в Нижнеудинске и Бодайбо. В 1917 г. появляются новые типы газет – «Известия» различных советов. Точный подсчет затрудняется тем, что некоторые издания лишь учреждались, получали разрешение на издание, но сведений о выходе из печати нет. Возникали новые газеты и журналы, какие-то закрывались.

Прежде всего закрылись некоторые специализированные издания. Уже с августа перестал выходить прежде ежемесячный журнал «Досуги юнкеров» Иркутского юнкерского училища, вскоре закрылся журнал для военных «Дальний восток». Прекратился выпуск «Сибирской врачебной газеты», перестала выходить газета «Сибирский торгово-промышленный вестник» товарищества «Труд и капитал». Но часть изданий деловых сообщений региона печатались вплоть до революций 1917 г. Среди них – «Вестник Иркутского городского общественного управления», журналы и газеты Забайкальской железной дороги, ежемесячный журнал Иркутского сельскохозяйственного общества «Иркутский хозяин», издания кооператоров, газета «Деловая Сибирь». По-прежнему издавался краеведческий журнал А. И. Линькова «Сибирский архив» (с 1916 г. «Сибирская летопись»), продолжая оставаться вне политики и партий.

Несомненно, война внесла изменения в структуру и содержание ведущих газет Иркутска, не прекративших свой выпуск в 1914–1917 гг. и являющихся основными каналами информации о ходе военных действий для местного общества: «Иркутские губернские ведомости», «Сибирь», «Иркутская жизнь».

Официальная газета «Иркутские губернские ведомости», существующая с 1857 г. как еженедельный орган, на протяжении своей истории меняла периодичность, формат и объем. За 61 год, до октября 1919 г., вышло более 6 тыс. номеров. «Иркутские губернские ведомости» с началом войны с трехразового перешли на еженедельное издание. Первый номер после официального

вступления в войну вышел 3 августа 1914 г. Военная тематика присутствовала в различных рубриках и разделах как официальной части, так и неофициальной. Это информация о событиях в мире, о ходе военных действий, об участии разных стран в войне, реакция в стране на вступление России в войну, молебствия о победе русской армии, сборы средств для помощи раненым и семьям солдат и прочие проявления патриотических чувств. В газете или в отдельных, прилагавшихся к номеру бюллетенях Петроградского телеграфного агентства помещался обширный актуальный материал. Давались и карты военных действий.

Кроме информационных функций, освещения хода войны, газеты выполняли роль координаторов общественных благотворительных инициатив (организация прифронтовых госпиталей, сбор средств для фронта, нижним чинам, раненым и больным воинам, солдатским семьям, помощь беженцам, организация приютов и школ для детей беженцев, устройство военнопленных и т. д.).

Особенно в первые годы войны можно отметить повышение роли печати в развитии национально-патриотических идей. Как для официальных газет, так и для большинства либерально-буржуазных тема защиты Отечества, победы над врагом являлась главной. Сплоченность, развитие духа патриотизма вызывали мероприятия, направленные на помощь фронту и воинам, поддерживаемые публикациями в печати. Наиболее массовыми стали акции по формированию военных прифронтовых госпиталей, их оснащение и обеспечение медицинским персоналом, сбор и отправка посылок на фронт и т. д. В газетах публиковались не только обращения и призывы к гражданам и учреждениям по организации лазаретов, но и описывались конкретные примеры такой деятельности.

Информационно-идеологическое противостояние в газетах периода Первой мировой войны обозначено уже в полной мере. Все более проявляются элементы информационной войны, включающей создание слухов, дезинформацию и, соответственно, их опровержения. «Иркутские губернские ведомости» регулярно публиковали зарубежную информацию, актуальные сведения, в том числе часто давались опровержения слухов, исходящих из германских источников, печатаемые в иностранных газетах, о якобы попытках России к заключению мира, о сдаче высоты такой-то французами и т. п.

Начиная с № 5854 – 29 октября 1914 г., «Иркутские губернские ведомости» публиковали из номера в номер именные списки убитых, раненых, пропавших без вести нижних чинов, призванных из Иркутской губернии.

Газета «Сибирь» выходила в Иркутске с октября 1906 до конца 1918 г. Это большая ежедневная общественно-политическая и литературная газета также в военный период продолжала оставаться на умеренных либерально-буржуазных позициях, поддерживая официальную политику и внося свой вклад в освещение военных действий и жизни не только губернии и страны, но и мировых событий. С началом войны для повышения оперативности получения информации газета стала издавать «Телеграммы газеты «Сибирь». Публиковалась регулярная информация Петербургского телеграфного агентства и собственного корреспондента газеты. В первые месяцы войны «Телеграммы газеты «Сибирь» выходили как газета утреннего, дневного, вечернего и ночного выпуска. В дальнейшем, в условиях нехватки бумаги, выходила по мере необходимости, как «Дневные телеграммы газеты «Сибирь», где давалась дополнительная информация телеграфных агентств, не вошедшая в номер газеты.

Интересным явлением можно считать газету «Иркутская жизнь», рожденную в военное время. (№ 1 газеты вышел 5 сентября 1914 г., последний – в марте 1918 г.). Это ежедневная большая, на шесть страниц, политическая, литературная и экономическая газета буржуазно-демократического направления, сумевшая занять достойное место на печатном рынке Иркутска, несмотря на сложности военного времени. Можно отметить профессиональный подход к организации, изданию и функционированию газеты, обусловленный тем, что ее издавали именно профессионалы издательского, газетного дела – Иркутское издательское товарищество. В 1916–1917 гг. газета выходила с воскресным бесплатным иллюстрированным литературным приложением с дополнительной газетной информацией, а также печатались «Телеграммы газеты «Иркутская жизнь». 20 мая 1917 г. «за публикацию статей, враждебных рабочему классу», газета бойкотировалась профессиональными союзами Иркутска. 20 февраля 1918 г. газета «Иркутская жизнь» закрыта советской властью в числе других небольшевистских газет. В советских ис-

следованиях печати газету нещадно ругали, называя «рептильной газеткой» за поддержку политики правительства и «усердное насаждение “патриотизма”, поддержание патриотических настроений относительно победы России в войне» [4, с. 268, 267]. Однако именно военная тематика газеты вызывает сейчас интерес подробным освещением событий на фронте, краткой хроникой, аналитическими статьями, комментариями, зарисовками. Сведения с войны передавались в газету по телеграфу собственными корреспондентами и Петроградским телеграфным агентством.

В годы войны возникали (хотя и ненадолго) литературно-художественные журналы, в том числе и как возможность стихами и прозой обойти цензуру и запреты военного времени. Наиболее профессиональными были юмористические журналы «Иркутская незабудка» и «Багульник». Низким литературным уровнем отличались материалы журналов «Иркутское жало» и «Сибирский пересмешник». Среди этих журналов в публикациях «Багульника» просматривается антивоенная позиция, остальные в основном выражали патриотические настроения, публикуя безобидный юмор на общественные темы, освещение военных трудностей страны, стихотворную сатиру на Германию и ее союзников.

В годы войны отмечается усиление цензуры, запретительных мер относительно периодических и непериодических изданий. За публикацию антиправительственных, антивоенных материалов и выражение или поддержание позиции социал-демократов за поражение России в войне и, соответственно, перехода войны в революцию, вооруженное восстание газеты конфисковывались, закрывались, на редакции и редакторов возлагались штрафы, аресты. Например, находящийся под влиянием большевиков общественно-политический журнал «Сибирский журнал» конфискован и закрыт за статьи большевистского содержания и антиправительственной направленности, сменивший его журнал «Сибирское обозрение» также по выходе из печати был конфискован и закрыт (1914 г.). Такая же участь постигала каждый раз студенческую газету «Татьянин день». За антиправительственные материалы закрыты внепартийные газеты «Народная Сибирь» и «Отголоски жизни» (1915 г.) [6, с. 403–404].

Продолжалась нелегальная деятельность социал-демократов. В апреле и июне 1915 г. среди рабочих были распространены вы-

пуски нелегальных газет «Майский листок» и «Товарищ пролетарий» Союза сибирских рабочих. Для подпольных типографий шрифты, бумагу и краску доставали в легальных городских типографиях рабочие-печатники, сочувствующие большевикам. «В годы первой мировой войны эту тактику активно применяли члены действовавшего в Иркутске Союза сибирских рабочих, достававших через занятых в губернской типографии полиграфистов все необходимое для печатания» [1, с. 6].

Список литературы

1. Горбачев А. В. Союз сибирских рабочих 1915 г.: Из истории Иркутской организации РСДРП в годы первой мировой войны // Классы и партии накануне и в период Великой Октябрьской социалистической революции. – Томск, 1977.
2. Иркутская летопись 1661–1941 гг. / сост., автор предисл. и прим. Ю. П. Колмаков. – Иркутск : Оттиск, 2003.
3. Очерки истории книжной культуры Сибири и Дальнего Востока. Т. 2. Конец XIX начало XX в. / отв. ред. С. А. Пайчадзе. – Новосибирск, 2001.
4. Трушкин В. П. Пути и судьбы / В. П. Трушкин. – Иркутск : Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1985.
5. Посадсков А. Л. Сибирская книга и революция. 1917–1918 / А. Л. Посадсков. – Новосибирск, 1977.
6. Шинкарева А. П. Очерки истории издательского дела и печати Иркутска (1785–1920) / А. П. Шинкарева. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2009.

World War I as a Major Factor in the Press Development in Irkutsk

A. P. Shinkareva
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. Trends and peculiarities of the press development in Irkutsk during World War I are revealed in the paper. The author studies the attitude of major newspapers and magazines towards war as well as their content peculiarities.

Keywords: 1914, World War I, Irkutsk printing houses and the press, newspaper and magazine content.

Шинкарева Антонина Петровна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра журналистики и медиаменеджмента, факультет филологии и журналистики, Иркутский государственный университет, 664033, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: ant-shink@yandex.ru

Shinkareva Antonina Petrovna – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Sub-department of Journalism and Media Management, Department of Philology and Journalism, Irkutsk State University 1-310, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: ant-shink@yandex.ru

РАЗДЕЛ «РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

УДК 340(09)

Психологические составляющие взаимодействия права и личности в современном государстве

Е. А. Андреева

Российский государственный социальный университет (филиал), г. Анапа

Аннотация. В статье рассматриваются психологические проблемы взаимодействия личности и общества, психологические проблемы существования личности в правовом пространстве, представлена психологическая структура личности, выделяются существенно-содержательные свойства личности, преобразующиеся в юридическую модель личности; определяется роль мотивации, правосознания, мировоззрения и их воздействие на становление личности в современном государстве.

Ключевые слова: взаимодействие личности и общества, структура личности, мировоззрение, правосознание личности, правовая культура.

В современном российском обществе и государстве взаимодействие права и личности напрямую связано с природой человека, его жизнедеятельностью. Право как регулятор непосредственным образом вторгается в сферу поведения и поступков человека, определяет объем и характер его свободы, воздействует на пути и способы удовлетворения различных потребностей как отдельного индивида, так и коллектива людей [6].

В связи с этим правовая норма создает специальные предпосылки для регулирования человеческого поведения, которые реализуются через внутренние личностные психологические условия. Взаимосвязь психологических явлений и норм законодательства раскрывается, во-первых, в том, что эффективность норм законодательства для лица сама по себе носит психологический характер; во-вторых, психологические факторы влияют на установление и реализацию норм, на эффективность самих этих процессов; в-третьих, сама оценка определения эффектив-

ности норм носит психологический, субъективный характер. Субъективная сторона определения эффективности норм права заключается в степени изменений в психике человека, его внутреннем мире, ценностях, идеалах, потребностях [3].

Таким образом, проблемы взаимодействия личности и общества, проблемы существования личности в правовом пространстве имеют внутренний психологический аспект. Взаимодействие внутреннего мира личности и предлагаемой ему системы социальных ценностей, институтов, предписаний является серьезной проблемой психологической, юридической, социологической науки. В самой структуре личности ученые выделяют следующие уровни: психологический (темперамент, направленность, способности, характер), социологический (функциональные отношения с социальной системой), нравственный (собственно моральные, морально-деловые, морально-экономические, морально-биологические качества) и правовой уровень. Личность на правовом уровне существования сохраняет свои существенно-содержательные свойства. Существенно-содержательные свойства человека преобразуются, и создается юридическая модель личности, фиксирующая качества, обеспечивающие возможность включения человека в государственно-правовую сферу общественной жизни [2, с. 4].

В современном государстве личность функционирует и самореализуется в различных сферах социальной жизни – экономике, политике, сфере права, культуры и т. д. Реализуя свои экономические потребности, человек взаимодействует с правом. Психологическое своеобразие человеческого поведения и общения зависит от особенностей общественных отношений, от выбора способов поведения и взаимодействия, а также способности контролировать свои отношения с другими людьми. Именно государство должно взять на себя решение задачи формирования психологического климата в обществе [5].

В формировании взаимодействия человека и правовой системы, в осуществлении правового воздействия на человека важную роль играет мировоззрение отдельной личности. Необходимо формировать у граждан правовую мотивацию, правосознание и мировоззрение, составной частью которого является представление о необходимости нормативно-правового регулирования общественной жизни, нормирования и упорядочения

социальных процессов. Личность, ее содержание, мировоззрение представляет собой наиболее непосредственный объект воздействия права. От уровня ее сознания, характера, правовой активности зависит в значительной степени действенность, эффективность правовой системы правовой политики, права как социально-духовного регулятора. Правовое воздействие на личность носит характер взаимодействия, а личность является главным объектом правового воздействия. Повышение уровня психологической эффективности норм законодательства неотделимо от целенаправленного идеологического, гражданского воспитания, воздействия на личность, ее мировоззрение, потребности, идеалы. Объектом внимания должна стать система саморегуляции личности и комплекс наиболее значимых качеств человека [1, с. 2].

Подводя итог вышесказанному, можно сделать вывод о том, что взаимодействие личности и права имеет психологические составляющие, которые носят субъективный внутренний характер. Этот характер заключается в определенной степени изменений в психике человека, его внутреннем мире, ценностях и идеалах. И эффективность норм права будет заключаться в изменениях, которые будут происходить в психике каждого гражданина путем формирования у него правосознания, правовой культуры, мировоззрения, правовой активности. Правосознание позволяет осмыслить и ощутить необходимость права, его оценку, позволяет осознать необходимость создания развитой системы законодательства. Правосознание – это явление идеальное, непосредственно не наблюдаемое. Оно представляет собой сферу или область сознания, отражающую правовую действительность в форме юридических знаний и оценочных отношений к праву и практике его реализации, социально-правовых установок и ценностных ориентаций, регулирующих поведение людей в юридически значимых ситуациях. Правосознание включает в себя совокупность представлений, чувств, взглядов, эмоций, оценок и установок, выражающих отношение людей к действующему и желаемому праву. Формирование правосознания способствует повышению эффективности механизма правового воздействия на общественные отношения. Правовая культура характеризует уровень правосознания, включает степень знания права, на которое опираются исполнительная власть, должностные лица, характеризуется она и интенсивностью убеждений в ценно-

сти права. Если правосознание охватывает только духовную жизнь общества, является только частью общественного сознания, то правовая культура включает в себя как духовные характеристики, так и «материальные» приатки, право-юрлдические учреждения, их организацию, отношения; как роль в обществе права, судебной, нотариальной, арбитражной и иных систем, так и стиль, культуру их работы, отношений с гражданами; как соотношение правовой культуры с другими системами общей культуры – политической, научной, художественной, так и формы рассмотрения споров в суде, работу законодательных органов и т. п. Правовая культура общества зависит прежде всего от уровня развития правового сознания населения, т. е. от того, насколько глубоко освоены или такие правовые феномены, как ценность прав и свобод человека, ценность правовой процедуры при решении споров, поисков компромиссов и т. д., насколько информировано в правовом отношении население, его социальные, возрастные, профессиональные и иные группы, каково эмоциональное отношение населения к закону, суду, различным правоохранительным органам, юридическим средствам и процедурам, какова установка граждан на соблюдение (несоблюдение) правовых предписаний и т. д.

Формирование позитивного отношения к закону, праву, знание гражданами своих прав и обязанностей перед государством и обществом является основными задачами в процессе формирования мировоззрения личности, его правового сознания и правовой культуры.

Список литературы

1. Белинская Е. П. Традиции и перспективы // Социальная психология в современном мире. – М., 2002. – С. 42.
2. Жинкин С. А. Психологические проблемы эффективности права. – СПб. : Изд-во Р. Асланова ; Юрид. центр «Пресс», 2009. – С. 373.
3. Новик Ю. И. Психологические проблемы правового регулирования / Ю. И. Новик. – М., 2000. – С. 25.
4. Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб., 2000. – С. 126.
5. Шорохова Е. В. Проблемы изучения психологических механизмов регуляции различных видов социального поведения / Е. В. Шорохова, М. И. Бобнева // Психологические механизмы регуляции социального поведения. – М., 2001. – С. 11.
6. Эйзев Б. С. Диалектика индивидуального и коллективного в организации социума и ее отражение в конституции // Государство и право. – 2004. – № 2. – С. 45.

Psychological Constituents of Law And Personality in Modern Nation

E. A. Andreeva

Russian State Sociological University (branch), Anapa

Abstract. The article considers psychological problems of society and personality interaction, psychological problems of personality existence within legal framework. Psychological personality organization is shown. Content personality transforming into legal personality is revealed. The role of motivation, legal awareness and outlook in socialization in modern nation is defined.

Keywords: society and personality interaction, personality organization, outlook, legal awareness, legal culture.

Андреева Елена Александровна – кандидат психологических наук, преподаватель, кафедра психологии и конфликтологии, Российский государственный социальный университет, филиал, 353323, г. Анапа, ул. Тургенева, 261, тел.: 8(86133)32820, e-mail: Lena-rgsu@mail.ru

Andreeva Elena Aleksandrovna – Candidate of Sciences (Psychology), Lecturer, Sub-department of Psychology and Conflictology, Russian State Sociological University (branch), 261, Turgenyeva st., Anapa, 353323, tel.: 8(86133)32820, e-mail: Lena-rgsu@mail.ru

УДК 323:323(05)

Субъекты ирредентистского движения в Крыму и Севастополе: ресурсы, интересы, стратегии (2008–2013 гг.)

А. В. Баранов

Кубанский государственный университет, г. Краснодар

Аннотация. В статье выявлены ресурсы, интересы и стратегии русского ирредентистского движения в Крыму и Севастополе на этапе эскалации этноконфессионального и центр-регионального конфликта в 2008–2013 гг.

Ключевые слова: ирредентистское движение, субъекты, ресурсы, интересы, стратегии, Крым, Севастополь.

Системный политический кризис 2013–2014 гг. на Украине привел к воссоединению Крыма и Севастополя с Россией. Растет актуальность оценки структуры политических возможностей русского движения в Крыму и Севастополе как ресурса эффективной интеграции в Российскую Федерацию, регулирования внешнеполитических и внутрирегиональных конфликтов.

Цель работы – установить ресурсы, интересы и стратегии русских этнополитических движений в Крыму и Севастополе (2008–2013 гг.), т. е. на стадии эскалации этноконфессионального и центр-регионального конфликта на Украине.

Крым является поликультурным сообществом. По переписи 2001 г., русские составляли 60,2 % совокупного населения АРК и Севастополя, украинцы – 23,9 %, крымские татары – 10,2 % [1]. 97,8 % татар считают себя мусульманами, 85,1 % украинцев и 84,9 % русских – православными [2]. По сведениям Республиканского комитета АРК по делам религий, к началу 2008 г. зарегистрировано 1339 религиозных организаций, относящихся к 48 конфессиям. Из них 42,7 % – организации Украинской православной церкви (УПЦ). По анкетным опросам, православные Московского патриархата составляли 63 % верующих, мусульмане – 12,7 %, православные Киевского патриархата – 11,7 % [3].

Центр этносоциальных исследований в 2008–2010 гг. провел лонгитюдный анкетный опрос жителей Симферополя и его пригородов, выборка 400 чел. коррелировалась по основным параметрам (половозрастной и этнический состав, профессиональный и образовательный статус) со всем населением АРК. Погрешность выборки не более 4,8 %. На вопрос «Каким Вы хотели бы видеть статус Крыма?» ответили: республикой в составе России – 37 %; независимой республикой в союзе с Россией, Белоруссией и Украиной – 10,5 %; автономной республикой в составе Украины – 32,1 %; областью Украины – 8,3 %; крымско-татарской автономией в составе Украины – 4,8 %; самостоятельным крымско-татарским государством – 4,3 %; вилайетом в составе Турции – 0,5 %. По выводу руководителя опроса А. С. Филатова, этнокультурный фактор ориентаций был характерен в Крыму для 44 % украинцев, 65–66 % крымских татар и 77–78 % русских. Русские в Крыму обладают сильным импульсом, направленным на воссоединение с Российской Федерацией (более чем 60 % русских) [3].

При ответе на вопрос «С какой социальной группой Вы себя хотели бы идентифицировать?» сторонников пророссийской ориентации набралось суммарно 50,5 % («крымчане», «русские», «советский народ», «россияне»). К проукраинской ориентации можно отнести 24,7 % («граждане Украины», «украинцы»). Важно, что для русских и украинцев идентичность прежде всего по основаниям государственная (32 % и 28 % ответов), а для крымских татар – этническая (80 %) [3].

Итоги выборов Верховной Рады Украины 2012 г. доказали, что в Крыму сохраняется преобладание пророссийских партий. Во всей стране Партия регионов набрала 30 %, а в АРК – 52,3 % и в Севастополе – 46,9 %; Коммунистическая партия Украины –

13,2 % в стране, 19,4 % – в АРК и 29,5 % – в Севастополе. Радикальная антироссийская партия «Свобода» получила 10,5 % в стране, в АРК – 1,0 % и в Севастополе – 1,4 %. Умеренно антироссийская «Батькивщина» набрала по стране 25,6 %, а в Крыму – 13,1 % и Севастополе – 5,9 % [4, с. 160–161]. Но парламентские партии слабо выражают интересы избирателей, что создает благоприятные условия роста новых партий и этнополитических движений.

Ключевым вопросом является политический статус АРК и Севастополя. Спектр требований русских объединений – от повышения уровня автономии до федерализации и, в радикальном варианте, присоединения к России. Русские этнополитические движения Крыма, несмотря на массовую базу, слабо представлены во власти до 27 февраля 2014 г. Они ослаблены расколами и личными амбициями. В Координационном совете организаций российских соотечественников, признанном консульством РФ, участвовали: Русская община Крыма, Движение «Русское единство», Крымская республиканская общественная организация «Таврический союз», Конгресс русских общин Крыма – Русский фронт С. Шувайникова – общественно-политическое движение «Русский Крым», организация «Мы – русские», Русское движение Крыма, Русский блок Крыма, Союз российских землячеств Крыма [5]. Народный фронт «Севастополь – Крым – Россия» занимает сепаратистские позиции, именует органы власти «оккупационными», критикует РФ за отсутствие поддержки [6]. Движение «Русский Крым» и организация «Мы – русские» не желали участвовать в коалициях. Многочисленная и активная организация – Русская община Крыма – не представлена с 2010 г. в Президиуме Координационного совета организаций российских соотечественников [5].

Новым явлением в ответ на самозахват земель крымскими татарами и разрушение христианских символов стало формирование казачества, исторически не присущего Крыму. Совет атаманов Крыма (атаманы С. Палочкин и С. Юрченко) и Крымский казачий союз (атаман В. Черкашин) разрушают незаконные постройки татар, охраняют христианские храмы, земельные владения. Совет атаманов Крыма большей частью на выборах 2010 г. в местные органы власти поддержал партию «Русское единство» [7, с. 5–11, 272–294].

В Крыму сложилась макроэтническая идентичность русских. Ее разделяют не только русские по происхождению, но и многие украинцы, белорусы, евреи, греки, поволжские татары и др. Для них исторические символы гордости и русский язык общения более привлекательны, чем навязывавшаяся украинская идентичность, тем более что последняя носила подчеркнуто этнический характер. По переписи 2001 г., повседневно использовали в быту русский язык 97–98 % жителей АРК и Севастополя [1]. Это значительно больше, чем удельный вес русских в населении.

По итогам опроса, проведенного А. С. Филатовым в 2008 г., по мнению всех этнических групп, наиболее вероятен конфликт славян (русских и украинцев) с крымскими татарами – 59 %, а в конфессиональном аспекте между православными и мусульманами – 91 %. Причины позиционирования украинцев объясняются тем, что в РК русская идентичность во многом является основой крымской региональной. На русском языке разговаривали дома 86,1 % крымчан всех этнических групп, на работе – 91,1 %, с друзьями – 85,0 %; отдавали предпочтение СМИ на русском языке 83,1 %; желали обучать членов семьи на русском языке 80,0 % [3]. Наиболее консолидированной в лингвистическом отношении выступает группа русских респондентов. Татары на втором месте, и наименее консолидированы крымские украинцы. То есть в Крыму шла добровольная ассимиляция украинцев русскими, вопреки навязыванию «державной мовы». Уровни модернизированности русского и украинского сообществ качественно выше, чем татарского.

То есть в Крыму сложилось многосоставное сообщество, этнические и конфессиональные сегменты которого четко выражены в идентичности и взаимодействиях. Русские выступают в роли «стержневого» этнокультурного сегмента. Вопреки измышлениям, Крым является малой родиной для большинства русских. По переписи 1989 г., русские, родившиеся в Крыму, составляли 828 761 чел. (50 % числа русских) и 78,7 % всех жителей полуострова, родившихся в Крыму [8, с. 65]. Данные опросов свидетельствуют о стойкости региональной идентичности русских («крымчан»). Она позиционируется как часть Русского мира и, уже, Российской Федерации. Опрос, проведенный службой социологии фирмы «КБ-САМ» в 1999 г., доказал рост самосознания русских. Например, в возрасте 21–30 лет 52 % респондентов называли себя «крымскими русскими», а в когорте от 16 до 20 лет – уже 67 % [9].

В условиях политического кризиса на Украине (ноябрь 2013–2014 гг.) сложно проводить репрезентативные исследования, итоги опросов быстро устаревают. Но есть источники, характеризующие уровень крымского регионализма. Так, в январе 2014 г. Крымская республиканская организация Союза молодых политологов Украины провела опрос в Симферополе. 72,2 % респондентов назвали себя патриотами Крыма. 76,9 % считали, что АРК оправданно имеет автономный статус. 71 % выступали за расширение прав автономии. 47,5 % считали, что есть угроза потери автономного статуса Крыма; 35,8 % – что угрозы нет [10]. Референдум о статусе Республики Крым и Севастополя 16 марта 2014 г. подтвердил сплоченность русского сообщества. Поддержали воссоединение с РФ 96,77 % принявших участие в референдуме жителей РК и 95,6 % жителей Севастополя при уровне явки 83,1 и 89,5 % [11]. Уровень поддержки воссоединения слабо различается по оси «русские – украинцы». Более весомы территориальные отличия в зависимости от удельного веса крымских татар. Но ни в одном из районов явка на референдум не опускалась ниже 58 % [13].

Подведем итоги. Региональное сообщество Крыма является многосоставным, с сегментацией на русское, украинское и крымскотатарское. Русская идентичность крымчан регионально своеобразна, но интегрирована в «большую» русскую идентичность. Внутрорегиональные конфликты наиболее вероятны по линии «славяне – татары». Преобладающими практиками русских этнополитических объединений Крыма выступают: прямые формы давления на власть (демонстрации, митинги, пикеты); лоббирование интересов через региональные и местные органы власти; дискуссии в СМИ. Повестка дня конфликта включает в себя темы: политический статус Крыма, этническое и религиозное равноправие, языковой баланс, представительство в органах власти и самоуправления, земельная политика. Необходима целенаправленная политика реинтеграции Крыма и России на основе российской гражданской идентичности, постоянного диалога основных этнических и конфессиональных сообществ.

Список литературы

1. Всеукраинская перепись населения 2001 г. Численность и состав населения Украины по итогам Всеукраинской переписи населения 2001 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/general/nationality/>
2. Иванов А. Полуостров раздора [Электронный ресурс] / А. Иванов. – URL: http://www.stoletie.ru/geopolitica/_poluostrov_razdora_851.htm#comment.

3. Филатов А. С. Русский Крым: внешние угрозы и внутренние вызовы [Электронный ресурс] // А. С. Филатов. – URL: <http://www.kr-eho.info/index.php?name=News&op=article&sid=7280>.
4. Украина 2012: как выбирали народных депутатов. Украинские выборы глазами международных наблюдателей / редкол. А. Кочетков [и др.]. – М. : Кн. мир, 2012. – 320 с.
5. Филатов А. С. Организации российских соотечественников в Крыму: состояние и перспективы [Электронный ресурс] / А. С. Филатов. – URL: <http://r-u.org.ua/analit/vk/4235-news.html>.
6. В Крыму готовится еще одна депортация инакомыслящего. Заявление Народного Фронта «Севастополь – Крым – Россия» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.freetavrida.org/?paged=3>.
7. Семенов В. А. Крым казачий / В. А. Семенов. – Симферополь : Гор. тип., 2012. – 400 с.
8. Водарский Я. Е. Население Крыма в конце XVIII – конце XX вв. (Численность, размещение, этнический состав) / Я. Е. Водарский, О. И. Елисеева, В. М. Кабузан. – М. : Ин-т рос. истории РАН, 2003. – 160 с.
9. Киселев С. Н. Крымская русская идентичность как этнополитическая реальность [Электронный ресурс] / С. Н. Киселев. – URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=110755>.
10. Большинство крымчан недовольны фиктивностью автономии [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.freetavrida.org/?p=2656#more-2656>.
11. Итоговые данные: За воссоединение Крыма с Россией проголосовали 96,77 % участников референдума [Электронный ресурс]. – URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/ukraina/1778840.html.
12. 95,6 % голосовавших в Севастополе выступили за вступление Крыма в РФ [Электронный ресурс]. – URL: www.regnum.ru/news/fd-abroad/1778895.html.
13. Референдум о государственном статусе Крыма и Севастополя 16 марта 2014 г. [Электронный ресурс]. – URL: <http://krymology.info/index.php/%D0%A0%D0%B5%>.

Subjects of Irredentist Movement in the Crimea and Sebastopol: Concerns, Resources and Strategies (2008–2013)

А. В. Баранов

Kuban State University, Krasnodar

Abstract. The author of the paper reveals concerns, resources and strategies of Russian irredentist movement in the Crimea and Sebastopol during ethno-confessional and center-regional conflict escalation in 2008–2013.

Keywords: irredentist movement, subjects, concerns, resources, strategies, the Crimea, Sebastopol.

Баранов Андрей Владимирович – доктор политических наук, доктор исторических наук, профессор, кафедра политологии и политического управления, Кубанский государственный университет, 350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, тел.: 8(861)2199501, e-mail: baranovandrew@mail.ru

Baranov Andrey Vladimirovich – Doctor of Sciences (Political Sciences, History), Professor, Sub-department of Political Science and Political Management, Kuban State University, 149, Stavropolskaya st., Krasnodar, 350040, tel.: 8(861)2199501, e-mail: baranovandrew@mail.ru

Анализ экономических программ партий по развитию экономики Байкальского региона в период 1988–1993 гг.

А. Ю. Башелханов

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Статья о предложениях политических партий по экономическому развитию Иркутской области и Республики Бурятия (Байкальского региона) в период формирования многопартийной политической системы России.

Ключевые слова: общественно-политическое движение, неформальные политические организации, политическая партия, экономическая программа, коммунисты, либерал-демократы, социал-демократы.

Исследуемый период характеризуется появлением новых политических партий, предлагавших альтернативный экономический (и политический) курс КПСС. Конец 1980-х гг. показал нереализованность планов перестройки по модернизации промышленного производства и улучшению социального уровня жизни жителей Иркутской области и Республики Бурятия (Байкальского региона). Экономическая реформа, инициированная КПСС в 1987 г., не привела к успеху (несмотря на улучшение некоторых экономических показателей). Идея экономической реформы заключалась в развитии хозрасчетных отношений и децентрализации экономики. Но предприятия полученную прибыль в первую очередь тратили на социальные нужды собственных работников, а не на улучшение собственной производственной базы. Неэффективность решения экономических задач перестройки во многом связывалась с неэффективностью политической системы управления, с бюрократизацией партийного аппарата, руководившего основными направлениями экономики. Отделы КПСС курировали тяжелую промышленность, лесное хозяйство, металлургию, машиностроение, химическую отрасль и т. д.

Политическая реформа 1988 г. передавала всю полноту власти высшему органу государственной власти – Советам народных депутатов, которым подчинялись исполкомы. На практике управление экономикой усложнилось, так как новые органы исполнительной власти только формировались или не обладали достаточной компетенцией в области возлагаемых на них новых задач. Поэтому часто происходило дублирование в управлении при падении дисциплины и ответственности.

Политическая реформа стала мощным стимулом для развития в Байкальском регионе с 1988–1990 гг. общественно-политического движения (экологического движения, народных фронтов, бурятского национального движения), неформальных политических организаций (социалистов, анархистов, либералов, консерваторов), а затем и политических партий. Внутри КПСС сформировались марксистская и демократическая платформы. Представители демократической платформы КПСС в Иркутске сближались с социал-демократическими позициями, предлагая сделать из КПСС парламентскую партию и двигаться в направлении рыночной экономики. Большие споры внутри обкомов КПСС вызвала экономическая программа Движения демократических реформ (ДДР), в состав которого вошло два члена Политбюро ЦК КПСС. Движение призывало вернуть крестьянам землю, рабочим – недоплаченный труд, интеллигенции – интеллектуальную собственность. При некотором сходстве экономических программ КПСС и ДДР, программа ДДР не предусматривала сохранение социалистического строя [1].

На начальном этапе своей деятельности большинство общественно-политических организаций (Байкальское экологическое движение, Байкальский народный фронт, Народный фронт Бурятии) Байкальского региона поддерживали идеи перестройки, экономическую и политическую реформы. Неформальные политические организации социалистов, либералов, анархистов выступали за ограничения роли государства в экономике, децентрализацию производства. Неформалы требовали передачи в собственность трудовым коллективам средств производства. Либеральные идеи по развитию кооперативной и индивидуально-трудовой деятельности выдвигал иркутский Демократический союз (ДС). В сельском хозяйстве предложения ДС по передаче крестьянам земли на правах бессрочной аренды и с неограниченным размером земельных размеров вели к отходу от советских коллективных хозяйств (колхозов) [2, с. 66].

Вскоре многие неформальные политические организации перешли на радикальные либеральные экономические позиции, за развитие частного сектора в экономике. После внесения изменений в Конституции СССР и РСФСР на базе неформальных политических организаций, движений появляются новые политические партии. Однопартийная политическая система прекратила свое существование.

Новые политические партии выдвигали собственные проекты реформирования экономики страны и региона. Политические партии, конкурирующие с КПСС, не имели серьезных разработанных программ реформирования экономики. Основной упор в их экономических программах (положениях) делался на скорейшее разгосударствление экономики (приватизацию) и создание сильного частного сектора. Экономическая позиция многих партий основывалась на либеральном положении о саморегулировании рынка. Это противоречило экономической программе КПСС, предусматривавшей плавный переход к рыночным отношениям при главенстве коллективных (социалистических) форм собственности.

Партии либеральной направленности: Демократическая партия России (ДПР), Конституционно-демократическая партия (КДП), Республиканская партия РФ (РПРФ), Российская партия свободного труда (РПСТ), партии и движения социал-демократической направленности: Социал-демократическая ассоциация (СДА), Социал-демократическая партия России (СДПР), Социалистическая партия России (СПР), также Бурят-монгольская народная партия (БМНП), другие союзные им партии и движения региона выступали за создание условий для предпринимательской деятельности, свободную торговлю. ДПР, РПРФ, РПСТ выступали за минимальное вмешательство государства в экономические процессы. СДПР, СПР (с 1992 г. – Партия труда) и ряд других партий ориентировались, вместе с тем, на сильную социальную политику государства. У региональных отделений партий нередко существовали собственные предложения по экономическому развитию региона. Например, региональные партийные отделения Демократической партии коммунистов России (ДПКР) поддерживали жесткий метод «шоковой терапии», что не соответствовало позиции партии на федеральном уровне.

Разногласия по вопросам приватизации между политическими партиями касались масштабов и участников приватизации. Коммунисты, социал-демократы, консерваторы предлагали ограничить пределы приватизации, особенно в основных государственнообразующих отраслях промышленности. Либерал-демократы (при поддержке части социал-демократов) требовали проведения широкомасштабной приватизации – передачи в частные руки как можно большего количества недвижимого имущества. Если коммунисты и социал-демократы считали необхо-

димым участие в приватизации предприятий всех членов трудовых коллективов, то либерал-демократы допускали возможность скупки предприятий частными собственниками.

Христианско-демократические партии и движения по многим вопросам находились на либеральных экономических позициях. Иркутские областные отделения (ИОО) Российского христианского демократического движения (РХДД), Российского христианского демократического союза (РХДС) поддерживали развитие рыночных отношений при сохранении социальной политики государства. Буддийско-христианский союз (БХС) в Бурятии в рамках рыночной экономики выступал за экономическое возрождение республики. По мнению христианских демократов, частная собственность способствовала развитию и самовыражению личности, а коллективизм (социализм) противоречит природе человека и божественному замыслу [3, с. 1–2].

Движения «Демократическая Россия» (ДР) и «Демократическая Бурятия» (ДБ), в которые входили многие партии либеральной и социал-демократической направленности региона, в 1991 г. после подавления путча ГКЧП и запрета КПСС выступали за скорейшее проведение либеральных экономических реформ (широкомасштабную приватизацию, включая передачу в частную собственность земли, либерализацию цен) [4, с. 2]. Либерально-демократические партии и движения критиковали местные советы народных депутатов за «очередные экономические программы по выходу из кризиса» и требовали сосредоточить внимание на скорейшем разгосударствлении (приватизации) собственности [5, с. 1]. При этом сами жители региона не спешили приобретать землю в собственность.

В Бурятии движения ДР и ДБ призывали местные власти учитывать национальные интересы. Хотя такие призывы носили общий, декларативный характер. В числе прочих мер предлагалось передать крупные предприятия федерального уровня (авиазавод, судостроительный завод) в республиканскую собственность. БМНП при поддержке БО ДПР предлагало вернуть родовые земли, земли дацанов и других религиозных центров их прежним владельцам.

При этом многие новые политические партии не имели реального влияния на действия местных властей. В региональных советах из действующих народных депутатов сформировались

фракции «Демократическая Россия» и «Демократическая Бурятия», но с действующими партиями либерально-демократической направленности депутаты были связаны слабо. Представители ИО ДПР принимали участие в разработке программы приватизации на местном уровне.

С приходом к власти нового правительства России в начале 1992 г. был взят курс на либеральные экономические реформы, которые резко обострили социальную обстановку в регионе. Уровень цен возрос в десятки раз. Предприятия в ситуации нарушенных экономических связей, массового нарушения обязательств со стороны прежних экономических партнеров требовали государственной поддержки.

В этот период в регионе активно формируются новые коммунистические партии: Социалистическая партия труда (СПТ), Российская коммунистическая партия России (РКРП), Российская партия коммунистов (РПК), движение «Трудовая Россия», а также организации левых и правых консерваторов (традиционалистов): Российский общенародный союз (РОС), ПО «Верность», Забайкальский русский союз (ЗРС), которые требовали прекратить либеральные экономические реформы. Основные экономические требования таких партий и движений заключались в призывах к возврату сильной роли государства в экономике, пересмотре итогов приватизации, национализации стратегически важных отраслей промышленности...

Часть коллективных участников ДР и их политических союзников: ИОО ДПР, СПР, КАС, СДПР, СДА подвергли критике новый экономический курс в стране. Либерально-демократическое крыло региональных партийных отделений ДР, ДБ (РХДД, РПРФ, РПСТ, БО ДПР) считало необходимым продолжить либеральные экономические реформы и в то же время приступить к реформированию политической системы по западному образцу с разделением ветвей власти. Однако популярность партий и движений либеральной направленности в Байкальском регионе значительно упала. Обсуждение ими экономических проблем перешло в плоскость узкого круга людей и страниц газет.

Так или иначе, но к 1993 г. большинство партий и движений региона, включая пролиберальные, отошло от радикальных экономических позиций, придерживаясь положений о планомер-

ном реформировании экономики с сильной социальной составляющей. В этом их убеждала как социальная, политическая обстановка в регионе, так и отсутствие положительных результатов радикальных либеральных реформ в Байкальском регионе.

Список литературы

1. Иваницкий В. П. История нас рассудит // Вост.-Сиб. правда. – 1991. – 12 июля.
2. Скрашук В. К истории русского самиздата // Уроки демократии. Становление прав личности, свободы слова и гласности в Иркутской области / В. Скрашук. – Иркутск, 2002.
3. Русский Восток. – 1993. – № 17.
4. Иофин Е. Демократы, объединяйтесь // Вост.-Сиб. правда. – 1990. – 6 нояб.
5. Любославский А. Нас понесло на скользком крутом повороте / А. Любославский // Демократ. путь России. – 1991. – № 44.

Analysis of Party Economic Programs of Economic Development of Baikal Area in 1988–1993

A. Uy. Bashelkhanov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The paper considers suggestions of different parties about economic development of Irkutsk Region and Republic Buryatia (Baikal area) during multiparty political system establishment in Russia.

Keywords: socio-political movement, informal political organizations, political party, economic program, communists, liberal-democrats, social-democrats.

Башелханов Анатолий Юрьевич – кандидат исторических наук, старший преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372 e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru

Bashelkhanov Anatoly Uyrevich – Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Sub-department of Political Sciences, History and Region Studies, Department of History, Irkutsk State University, office 410b, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: Anatoli-irk@yandex.ru

Новые правила – новая институционализация? (О перспективе развития политических партий в Республике Бурятия)

Б. С. Будаев

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация. Статья посвящена особенностям развития партийно-политического режима в Республике Бурятия в период 2007–2013 гг.

Ключевые слова: региональные отделения политических партий, региональный политический режим.

Продление полномочий главы Республики Бурятия В. В. Наговицына в мае 2012 г. актуализировало проблему обновления системы политических отношений в регионе, которая после выборов В. В. Путина на пост Президента РФ подверглась существенным изменениям. Эти и другие обстоятельства должны были по-иному определить формат развития политического процесса.

В среде политической элиты факт назначения В. В. Наговицына еще в 2007 г. был встречен без особого энтузиазма. «Варяг» во многом мог нарушить логику и принципы заключенных ранее соглашений, на основе которых взаимодействовала между собой политическая элита региона. Назначение было осуществлено накануне начала нового электорального цикла в республике, что значительно осложнило процесс «заключения соглашений». Президент В. В. Наговицын в этих условиях, не форсируя развития политической ситуации, заявил, что готов сохранить существующее статус-кво, и подтвердил полномочия ключевых региональных фигур.

К этому моменту времени в республике контурно оформилась будущая конфигурация партийного противостояния. А вплоть до старта электорального соревнования в республике активно «скупались» бренды федеральных партий, «сдавались» внаем партийные флаги. Конечно, нельзя было сказать, что партии и партийная система в полном смысле слова были институционализированы, но положительные шаги в этом направлении в целом были заметны [1].

Итоги выборов 2007 г. определили новую логику работы республиканского парламента. Парламент республики стал партийным еще после выборов 2002 г. Однако будучи избранным по

старым, исключительно мажоритарным принципам, он имел слабую фракционную основу существования. Партийные выборы 2007 г. должны были ужесточить принципы фракционной дисциплины, но этого так и не произошло. Всего в Народном Хурале было представлено четыре фракции: «Единая Россия» – 73 % (48 мандатов из 66); «Справедливая Россия» – 15 % (10 мандатов); КПРФ – 7,5 % (5 мандатов) и ЛДПР – 4,5 % (3 мандата). Вместе с тем интересам фракций парламентарии были не всегда верны. Парламентариев условно можно было разбить на несколько неформальных групп: 1) депутаты-чиновники; 2) депутаты-коммерсанты; 3) группа независимых депутатов – работников бюджетной сферы (врачи, директора и ректоры учебных заведений); 4) оппозиционная группа. При этом абсолютно лояльна властям была только группа чиновников. Подтверждением этого стал процесс выбора спикера республиканского парламента. Спикера удалось выбрать только после второго тура голосования, в присутствии Президента Бурятии, и это при условии абсолютного доминирования парламентской фракции «Единая Россия».

«Тихая оппозиция» не могла устраивать Президента В. В. Наговицына, человека, жаждущего новых успехов и федеральных назначений. Важнейшей целью для него стала консолидация региональной политической элиты. Но последовательную реализацию этой стратегии мы могли наблюдать только в первые три-четыре года работы нового главы республики. Мы можем назвать такие его проекты, как: «Новая жизнь Бурятии», «Программа социально-экономического развития Бурятии до 2020 г.», «Экономический ребрендинг Бурятии», «Создание свободной экономической зоны в Бурятии», «Празднование 350-летия добровольного вхождения Бурятии в Россию», «Празднование 20-летия создания организации “Сибирское соглашение”» и т. д. Нельзя не отметить также и то, что многие из указанных событий сопровождались приездом высокопоставленных гостей.

Изменился и принцип рекрутирования элит. Если ранее этот принцип основывался на электоральном принципе квотирования мест и пактировании соглашений, то отмена прежней практики замещения поста Президента РБ привела к формированию совершенно иного принципа подбора кадров. Президенту в новых условиях требовались лично преданные ему и политически неангажированные фигуры. Особая значимость придавалась PR-активности последних в деле продвижения фигуры

выдвинувшего их патрона – В. В. Наговицына. (Наиболее удачными назначениями стали назначения министров образования – А. В. Дамдинова; культуры – Т. Б. Цыбикова; сельского хозяйства – А. В. Манзанова.)

Необходимость PR В. В. Наговицына заставила его ввести должность вице-премьера правительства РБ, которым стал – А. В. Полосин. Он должен был заниматься вопросами налаживания отношений с политическими партиями, общественными объединениями и организациями. Создавалось впечатление, что глава республики, не найдя центрального организующего принципа и/или идеи, способной объединить разделенную политическую элиту Республики Бурятия, попросту пошел по пути наименьшего сопротивления, поручив дело профессиональному переговорщику и политтехнологу. (Однако долго на этой должности А. В. Полосин не задержался, проработав всего полгода. Должность вплоть до настоящего момента времени сохранена, но никто с тех пор ее не занимал.)

Вместе с тем жесткая стратегия управления, технократический стиль принятия политических решений не могли в полной мере способствовать решению вопроса консолидации элиты вокруг нового лидера. Политическая элита, не имея возможности открыто выступать против решения главы республики, стала саботировать многие решения в региональном парламенте.

Столь неоднозначная ситуация в республике заставляет В. В. Наговицына выбрать прямодиагональную стратегию действий, которая в краткосрочной перспективе могла бы принести ему победу. «Освоившись» в республике, В. В. Наговицын интуитивно стал играть на противоречиях, существующих в среде политической элиты республики. Фактом успешности его стратегии стало уже то, что на выборах в Народный Хурал РБ 5-го созыва 2013 г. доля инкубентов составила 38 % по сравнению с прошлыми выборами, где доля их составляла 46 %. Изменился и расклад по фракциям в Народном Хурале: партия «Единая Россия» получила 73 % (48 мандатов из 66) и сохранила свое доминирующее положение. Доля оппозиционных партий также условно, можно сказать, не изменилась, но стала фрагментированной, так, «Справедливая Россия» получила 9 % (6 мест); КПРФ – 12 % (8 мандатов), по одному мандату получили партии ЛДПР, «Гражданская платформа», Российская партия пенсионеров за справедливость. Депутатами НХ РБ стали и три независимых

депутата, двое из которых примкнули к «Единой России», а один из них сохранил свой независимый статус.

Каковы же причины фрагментирования политической оппозиции? Одной из возможных причин стали законодательные инновации в системе регулирования деятельности политических партий. Так, накануне выборов депутатов Народного Хурала РБ был существенно расширен список партий, имевших возможность выдвигать депутатов. В 2007 г. имели право выдвинуть кандидатов 14 партий, воспользовались этим правом 9, но были допущены до выборов только 4 партии, которые и сумели провести своих ставленников. В 2013 г. имели право выдвижения кандидатов уже 23 партии, из них 22 партии были допущены к выборам, провести своих членов в региональный парламент смогли только 6 партий, но только три из них в последующем смогли сформировать из своих депутатов фракции.

Возможно, выборы 2013 г. развивались бы по иному сценарию, если бы не череда кризисов, поразивших оппозиционные партии. Одним из наиболее острых стал конфликт внутри КПРФ. Ранее в 2012 г. были исключены из партии Л. В. Потапов и В. Б. Базаров, ставшие доверенными лицами В. В. Путина в регионе, что значительно ослабило партию. (Л. В. Потапов – первый Президент Республики Бурятия; В. В. Базаров – председатель президиума БНЦ СО РАН). Ситуация осложнилась накануне выборов в Народный Хурал. В структуре КПРФ накануне выборов можно было выделить три противостоящие друг другу группы: 1) представители «старой гвардии» КПРФ во главе с С. П. Будожаровым; 2) коммунисты-коммерсанты во главе с Ю. И. Тармаевым; 3) коммунисты-прагматики во главе с В. М. Мархаевым. В результате острой борьбы за лидерство в партии победу одержал В. М. Мархаев, который реформировал структуру партии и вывел из ее состава представителей «старых» коммунистов. Остроты в этот конфликт добавило косвенное участие в нем главы республики, который поддерживал С. П. Будожарова. (С. П. Будожаров официально поддержал процесс переназначения на пост главы республики В. В. Наговицына, который в последующем предложил ему пост главы представительства Бурятии в Монголии.)

Партия ЛДПР уже в ходе выборов буквальным образом была из электоральной гонки. Причиной данного происшествия стало «письмо активиста» регионального отделения партии в ее

центральный аппарат [2]. В результате все руководство партии исключают из партии, а сама она не проходит в Народный Хурал. (Партии ЛДПР досталось место благодаря новой схеме комплектования парламента, согласно которой, один мандат депутата передается партии, набравшей наибольшее количество голосов, после партий, перешедших заградительный барьер.)

Довольно высокими были шансы на прохождение в состав Народного Хурала у партии «Гражданская платформа». Эту партию в республике возглавил бывший мэр Улан-Удэ Г. А. Айдаев. История прихода его в эту партию во многом связана с тем, что Г. А. Айдаева «прокатили» с временным местом сити-менеджера до выборов в Народный Хурал, в котором он метил на пост спикера или его зама. («Прокатил» его во многом именно глава республики В. В. Наговицын.) Но бывший мэр с самого начала вел вялую избирательную кампанию, что и не позволило партии пройти в Народный Хурал. В республике отношения властей с органами МСУ имеют давнюю историю, но после реформы МСУ число проблем только увеличилось. К старой проблеме отношений глава республики – мэр Улан-Удэ добавилась новая – глава МСУ (района) v/s главы крупнейших муниципалитетов (одним из наиболее ярких стали конфликты: главы пригородного Иволгинского района и главы райцентра п. Иволгинск; не менее известным стал конфликт главы Тункинского района и главы райцентра с. Кырен), часть из которых была в последующем переведена в партийное русло.

Игра на противоречиях, которую затеял глава республики В. В. Наговицын, принесла ему электоральный успех, но он оказался не так «сладок», как могло показаться. Политическая элита, боясь оказаться один на один в конфликте с главой республики, попыталась изменить расклад в парламенте. Этому поспособствовал новый формат отношений, предложенный В. В. Путиным. Созданная им в России система ОНФ (Общероссийский народный фронт), призванная объединить все пропрезидентские (пропутинские) силы в одну, сыграла в этом деле отрицательную роль.

На первом же заседании НХРБ лидер ОНФ в Бурятии В. Б. Базаров предложил создать межфракционную группу депутатов «Народный депутат», в состав которой было предложено вступить депутатам миноритарных фракций и депутатам-одномандатникам от «Единой России». Более того, сам В. Б. Базаров заявил о своей готовности возглавить региональное зако-

нодательное собрание. Речь В. Б. Базарова была доброжелательно встречена значительной частью парламентариев. По итогам первого тура выборов спикера НХРБ победу не одержал ни один из кандидатов на этот пост, но после перерыва фракция «Единой России» консолидировалась, в результате победу одержал М. М. Гершевич. Позже руководство ОНФ выступило против организации под ее флагом фракции в региональных законодательных собраниях. Поражение В. Б. Базарова и отказ от его поддержки федеральным центром заставили его уйти в тень.

Повторение ситуации пятилетней давности в республике позволяет говорить о том, что потенциал конфликтности в регионе довольно высок. Ни переход на вышестоящий уровень лидеров оппозиционных партий КПрФ и СР (лидеры оппозиции были избраны депутатами Государственной Думы РФ), ни развал регионального ЛДПР, который должен был сыграть на руку президенту, не привели к стабилизации политической ситуации в республике. Переназначение В. В. Наговицына на новый срок полномочий, успешные итоги выборов в региональный парламент, по нашему мнению, должны стать основой новых и вполне закономерных шагов, направленных на поиск новых механизмов консолидации политической элиты.

Список литературы

1. Будаев Б. С. Современные политические партии в Республике Бурятия / Б. С. Будаев. – Улан-Удэ : Из-во БГУ, 2011.
2. Игора Бобкова сместили с поста координатора БРО ЛДПР [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.baikal-media.ru/news/politics/250814/>.

Do New Rules Mean New Institutionalization? (On the Perspective of Political Parties Development in Republic Buryatia)

B. S. Budaev
Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The article is concerned with characteristic features of party and political system development in Republic Buryatia in 2007–2013.

Keywords: regional political party department, regional political regime.

Будаев Батор Солбонович – кандидат политических наук, доцент, кафедра политологии и социологии, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 6а, тел.: 8(3012)212533, г. Улан-Удэ, e-mail: brotab83@mail.ru

Budaev Bator Solbonovich – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Political Science and Social Studies, Buryat State University, 6a, Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000, tel.: 8(3012)212533, e-mail: brotab83@mail.ru

К концепции государственной национальной политики в регионе

В. В. Буханцов, М. В. Комарова

*Восточно-Сибирская государственная академия образования, г. Иркутск
Иркутский государственный университет, г. Иркутск*

Аннотация. В статье рассмотрены методология и структура государственной национальной политики как необходимого и всеобъемлющего элемента государственного управления в регионе.

Ключевые слова: национальная политика.

Российская Федерация и ее регионы, в том числе Иркутская область, являются многонациональными социокультурными единицами. При этом, на наш взгляд, соотношение и процентное содержание этнических общностей не являются существенными при определении методологии и структуры государственного управления, в том числе в национальной сфере. Прав был В. Кожин, заявляя, что у России не может быть национальной идеи как этнической; ее национальная идея – только идея гражданской нации [2]. Но в то же время национальный вопрос, нравственность, социальная справедливость и патриотизм сегодня для нас напрямую связаны с изменением модели общественно-экономического развития, и это нашло отражение в нашем понимании государственной национальной политики. И наконец, пора, действительно, заниматься политикой, проводить «инициативный курс, прокладываемый в соответствии с неким целостным пониманием наших стратегических целей в этом мире» [1, с. 6]. В этом смысле наше руководство должно бы поучиться у советских коммунистов, с их пятилетками и Госпланом СССР.

Структура государственной национальной политики в регионе должна включать такие разделы: 1. Состояние многонационального российского народа на территории субъекта Федерации. 2. Принципы государственной национальной политики. 3. Основные цели и задачи национальной политики (в государственно-правовой сфере; в социально-экономической сфере; в культурной и образовательной сферах; в международной сфере). 4. Механизмы и направления реализации концепции на территории.

При этом главное – это конкретная работа в сфере реализации социально-экономических, культурно-просветительских и образовательных программ непосредственно в муниципальных образованиях.

Для реализации государственной национальной политики необходимо:

1. В государственно-правовой сфере:

- защищать права национальных меньшинств на национально-культурную автономию и поддерживать их в вопросах консолидации регионального сообщества через участие в областных социальных и культурных проектах;
- обеспечить права коренных малочисленных народов области на сохранение за ними мест постоянного проживания, традиционные занятия и промыслы, культуру, быт и язык;
- создать механизм по привлечению в регион переселенцев из других субъектов Российской Федерации, стран зарубежья на постоянное место жительства и их интеграции в региональное сообщество, в том числе на основе предоставления российского гражданства;
- усилить ответственность должностных лиц и граждан за возбуждение ненависти и вражды, унижение человеческого достоинства как по отношению к представителям меньшинств, так и представителям преобладающих в количественном отношении национальностей;
- разработать методическую и нормативную базу в области профилактики проявлений национального экстремизма;
- создать систему преференций для представителей коренных малочисленных народов для получения образования, медицинской помощи, овладения современными профессиями, устройства на работу и получения жилья;
- ввести и применять жесткие нормы законодательства по отношению к субъектам, посягающим на права коренных малочисленных народов, втягивающим их в неэквивалентную торговлю, распространяющим на территории их постоянного компактного проживания спиртные напитки и наркосодержащие вещества;
- четко и неукоснительно соблюдать нормы законодательства в части пресечения разжигания межнациональной розни и пропаганды любых видов национализма и шовинизма, в том

числе задевающих честь и национальное достоинство коренных народов региона, включая русских;

- отражать консолидирующую роль русского народа и русского языка в формировании единого многонационального народа и единого регионального сообщества; внести в нормы корпоративного права соответствующие поправки;

- учитывать двухсоставный характер региона (область и округ) при проведении социально-экономической политики;

- систематизировать нормативно-правовые акты в области национальных отношений; сформировать и издать корпус правовых источников в виде регионального свода законов и нормативно-правовых актов, регулирующих национальные отношения;

- органам власти субъекта Федерации, в случае недостаточной компетенции и полномочий для приведения регионального законодательства в соответствие с потребностями национального строительства, обращаться с законодательными инициативами в федеральные органы государственной власти;

- учитывать в воспитательной работе в воинских частях и подразделениях Вооруженных сил Российской Федерации, частях, подразделениях и учреждениях других силовых структур, дислоцирующихся на территории Иркутской области, особенности культуры служащих всех национальностей, их традиции, обычаи, предотвращать раскол коллективов по национальному признаку; знакомить личный состав с культурой, традициями, обычаями регионального сообщества и населяющих регион народов;

- при регистрации на территории Иркутской области и предоставлении переселенцам, мигрантам и иностранным рабочим места жительства не допускать их локализации и концентрации с перспективой стихийного оформления национально-территориальных общин по типу чайна-таунов.

2. В сфере реализации социально-экономических, культурно-просветительских и образовательных программ:

- восстанавливать, поддерживать и развивать традиционные ремесла, промыслы, другие виды самобытной производительной деятельности в области народного творчества;

- сохранять исконную среду обитания всех, не только малочисленных народов, проживающих на территории области;

- оказывать помощь крестьянам в восстановлении производства экологически чистой продукции на основе традиционных способов ведения сельского хозяйства;

- устранять препятствия и необоснованные экономически посреднические услуги на пути продвижения сельскохозяйственной продукции, продукции лесного и речного промысла от производителя к потребителю; внедрять и восстанавливать в сельской местности, малых и средних по численности поселениях кооперацию, от производственной до сбытовой;

- создать систему преференций и льгот для предпринимателей, ориентирующихся на привлечение местной и мигрирующей в пределах Российской Федерации рабочей силы, создающих условия для их закрепления на территории области в качестве постоянных жителей;

- привлекать иностранных рабочих в строгом соответствии с российским законодательством; предоставлять им равные с россиянами условия труда и его оплаты; не допускать демпинга на трудовом рынке; отдавать безусловный приоритет местным жителям при приеме на работу; квотировать иностранную рабочую силу с учетом региональных и российских интересов; выдавать квоты на использование труда иностранных работников только на конкурсной основе;

- установить жесткий контроль государственных органов за использованием труда иностранцев на всех стадиях, от обоснования необходимости их привлечения до выезда на родину по истечении срока контракта;

- создавать условия для внедрения во всех отраслях экономики прогрессивных методов организации труда и технологий с целью экономии и оптимизации труда и повышения мобильности коренного населения, что сделает привлечение мигрантов на работу в регион продуманным и точечным процессом;

- установить действенный контроль над проблемными секторами экономики, резко усилить борьбу с незаконными видами деятельности, тем самым ликвидировать экономическую и финансовую базу существования национальных криминальных сообществ;

- обеспечить эффективный контроль над рынками, другими торговыми и посредническими учреждениями и заведениями; вернуть рынки, ярмарки, выставки-продажи сельскохозяйственной продукции под контроль, а в случае необходимости – в собственность государства;

- оказывать помощь крестьянам в фирменной торговле продуктами сельского хозяйства, лесных, речных промыслов, продукцией кустарной промышленности;
- воспитывать уважение к истории России, региона, символам государства и региона, национальным культурным традициям русского народа, других народов;
- возвращать и сохранять историческое и культурное наследие, исторические названия;
- воспитывать чувство любви к своей большой и малой Родине, гражданского и воинского долга, патриотизма;
- формировать и распространять идеи духовной, культурной, образовательной преемственности, мира и гражданского согласия в многонациональном региональном сообществе;
- рекомендовать вузам, вне зависимости от форм собственности и ведомственной принадлежности, пересмотреть региональный и вузовский компоненты программ и привести их содержание в соответствие с названием «региональный», включить в них комплексную научно-учебную дисциплину «регионология».

3. В сфере информационной поддержки реализации государственной национальной политики:

- осуществлять меры по формированию и развитию информационного пространства с учетом многонационального состава населения, использованию всех средств информации, и в первую очередь государственных, для демонстрации достижений культуры и традиций национальных групп, проживающих на территории Иркутской области;
- способствовать разработке и обеспечению выпуска регулярных программ о национальностях Прибайкалья в региональных средствах массовой информации, на каналах общероссийского и местного теле- и радиовещания;
- содействовать расширению сети центров национальных культур, координировать их деятельность, оказывать финансовую поддержку за счет бюджетных и внебюджетных источников при условии их четкой общероссийской гражданской позиции;
- оказывать помощь в развитии книгоиздания, периодической печати, российской переводческой школы, телевидения, радиовещания на языках народов области;
- расширить участие представителей различных национальных общностей в деятельности радио, телевидения, других средств массовой информации, в книгоиздательской деятельности.

4. Научное обеспечение национальной политики:

- содействовать подготовке и переподготовке кадров органов государственной власти и местного самоуправления, осуществляющих меры по реализации государственной национальной политики в регионе;
- содействовать научному изучению проблем национальных отношений и межнационального сотрудничества;
- организовать на государственном региональном уровне системный мониторинг межнациональных отношений, этнополитической и религиозной ситуации, в том числе демографического и экономического положения национальных групп, ситуации двуязычия, соответствия содержания гуманитарного образования задачам консолидации граждан регионального сообщества как части российского общества, воспитания гражданина и патриота своей большой и малой Родины;
- оказать поддержку и способствовать усилению роли научных структур, ведущих исследования по вопросам национальной политики, в разработке проблем межнациональных отношений;
- организовать на государственном региональном уровне научное прогнозирование развития межнациональных отношений и национально-культурных процессов на территории Иркутской области, сопредельных регионов, Монголии, Китая, стран СНГ;
- создать в качестве координирующего научного, информационного и просветительского центра в области национальных отношений Русский Байкальский институт дружбы и национального согласия.

Список литературы

1. Бовт Г. По-прежнему – не Россия // Известия. – 2010. – № 13. – 28 янв. – С. 6.
2. Кожин В. У России нет и не может быть национальной идеи» // Рос. аналит. обозрение. – 1998. – № 7.

Revisited Regional National Policy Conception

V. V. Bukhantsov, M. V. Komarova

East-Siberian State Academy of Education, Irkutsk, Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The authors of the article consider methodology and structure of national policy as inherent and comprehensive element of national administration in the region.

Keywords: national policy.

Буханцов Владимир Викторович – кандидат исторических наук, доцент, кафедра социально-экономических дисциплин, Восточно-Сибирская государственная академия образования, 664011, г. Иркутск, ул. Нижняя Набережная, д. 6, тел.: 8(3952)241097, e-mail: bukhantsov2005@mail.ru

Bukhantsov Vladimir Viktorovich – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Sub-department of Socio-Economic Courses, East-Siberian State Academy of Education, 6, Nizhnaya Naberezhnaya st., Irkutsk, 664011, tel.: 8(3952)241097, e-mail: bukhantsov2005@mail.ru

Комарова Марина Викторовна – кандидат философских наук, доцент, кафедра государственного и муниципального управления, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: komarina2012@mail.ru

Komarova Marina Victorovna – Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, department of State and Municipal Management, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: komarina2012@mail.ru

УДК 378.4(571.53)+32:159.9.07

**Актуальные политико-психологические исследования
(к итогам двадцатилетней деятельности лаборатории
гуманитарных и политических технологий
Иркутского государственного университета:
краткий экскурс)**

К. С. Жуков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматривается двадцатилетняя деятельность межкафедальной лаборатории гуманитарных и политических технологий Иркутского государственного университета; систематизируются методы политико-психологических исследований. Автор показывает проблемы и вопросы политической и социально-экономической жизни в стране, регионах, крупных городах, которые изучали исследователи.

Ключевые слова: лаборатория, Иркутский государственный университет, А. Д. Карнышев, Центр практических решений «Республика», количественные и качественные методы политико-психологических исследований.

Уже двадцать лет – первоначально в середине 90-х гг. прошлого века – небольшая исследовательская группа, состоящая из выпускников отделения журналистики филологического, исторического и студентов старших курсов психологического факультетов, а в последнее десятилетие созданная на ее основе кафедрами Педагогики и гуманитарных технологий и политологии и истории лаборатория гуманитарных и политических технологий (на общественных началах) изучает общественное мнение в ряде регионов нашей страны. Исследования проводились в

Бурятии (1995, 1997–1998, 2005 гг.), Якутии (2000–2001 гг.), Красноярском крае (1997–1998, 2002, 2004–2005, 2011 гг.), Иркутской (ежегодно с 1994 г. – 2–3 исследования), Томской (2001–2002 гг.) областях; а во второй половине 90-х гг. – в Воронежской, Сахалинской и других субъектах РФ.

За эти годы их было более 80 – масштабных комплексных и более 20 – качественных политико-психологических исследований с использованием конкретных методов анализа политических ситуаций.

Классификацию методов условно можно представить в следующем виде:

1. Методы изучения отражения объективированных факторов сознания:

- наблюдение (массовое, стихийное, организованное, открытое, однократное, многократное);
- изучение документов (личных, органов государственного управления и местного самоуправления, общественных организаций, политических партий);
- анализ практической деятельности людей (действий, поведенческих актов отдельной личности, группы, общественных организаций, политических партий).

2. Методы изучения отражения непосредственных фактов сознания:

- количественные (методы анализа, в результате которых можно получить набор статистических показателей, характеризующих структурные составляющие ситуации, – опросы: анкетирование, интервью стандартизованные, нестандартизованные, полустандартизованные);

- качественные (методы анализа, в результате которых можно получить набор интерпретируемых показателей, характеризующих составляющие ситуации в ее развитии, с возможностью выделения на основе этих данных причинно-следственных и других структурных связей ее компонентов, – методы фокусированных интервью и фиксированных ассоциаций, фокус-групп) [1; 2; 11; 14; 15; 16].

При этом необходимо отметить, что такие методы, как фокусированных интервью и фиксированных ассоциаций, позволяют в отличие от других, например фокус-групп и опросов, выявлять не только рациональный, но и бессознательный уровни восприятия, в частности образов политиков.

В процессе подготовки и проведения исследований самое пристальное внимание уделялось обеспечению валидности (обоснованности) и надежности при изучении политических, социально-экономических ситуаций. Обязательно учитывалось, что в процессе проведения исследований возможны так называемые ошибки измерений.

К необоснованным результатам, по мнению авторитетных исследователей, могут привести следующие параметры, которые мы старались избегать:

- некорректное распределение постоянных и/или переменных характеристик между объектами;
- некорректно сформулированные вопросы исследования, которые могут быть подвергнуты вольной интерпретации;
- различие в условиях изменения и уровне их восприятия;
- разнища в методике изложения;
- отличие в обработке и анализе данных [16, с. 70–74].

С 2002 г. весомая часть исследований (особенно в Иркутской, Томской областях) проводилась под научным руководством видного сибирского ученого, доктора психологических наук, профессора А. Д. Карнышева с использованием разработанных им методик – совместно с сотрудниками кафедры социальной и экономической психологии Байкальского государственного университета экономики и права (Иркутск), а с 2012 г. – с лабораторией кросс-культурных ресурсов в образовании и социальной практике Восточно-Сибирской государственной академии образования (Иркутск); с 2003 г. – также с коллегами из Центра практических решений «Республика» (Москва) и с другими исследовательскими структурами из Москвы, Екатеринбурга, Красноярска.

За эти годы были изучены самые разнообразные животрепещущие, особо значимые в той или иной период, проблемы и вопросы политической и социально-экономической жизни в нашей стране, регионах, крупных городах Иркутской области.

Назовем только некоторые темы исследований: «Позиция граждан Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа по вопросу объединения области и округа и связанным с ним проблемами (2005–2006 гг.); «Проблемы и перспективы развития региона в восприятии его жителей» (цикл исследований в разных субъектах РФ) – 2001, 2003, 2006, 2011, 2013 гг. – совместно с Центром практических решений; «Поли-

тическая и социально-экономическая ситуация в Томской области и имидж губернатора в глазах региональной элиты» (2001–2002 гг.); «Политические и социально-психологические установки избирателей в преддверии выборов Президента Российской Федерации» (1996, 2000, 2004, 2008, 2012 гг.) и др.

Совместно с московскими коллегами проведены ряд качественных политико-психологических исследований с использованием методов фокусированных интервью и фиксированных ассоциаций, фокус-групп, например по теме «Особенности восприятия жителями Красноярского края политической ситуации и социально-экономических проблем, референтных лиц в связи с досрочными выборами губернатора» (2002 г.). Подобные исследования проводились и в других регионах, а также в городах Иркутской области – Иркутске, Ангарске, Братске, Шелехове (1996, 1998, 2001, 2005, 2007, 2010, 2013–2014 гг.).

Как уже отмечалось, некоторые из этих методов позволяли и позволяют выявить не только рациональный, но и бессознательный уровень, например восприятия образа кандидатов во власть.

Значительное место в архиве лаборатории занимают аналитические материалы по итогам исследований, которые проводились в преддверии и в период избирательных кампаний по выборам Президента РФ, депутатов Государственной Думы, членов Совета Федерации (1993 г.), Президента Республики Бурятия, губернаторов субъектов РФ, мэров крупных городов и т. д.

Естественно, содержание этих документов носит не просто узкопрагматический характер, образно говоря, на «злобу дня» (например, использование результатов изучения общественного мнения для разработки концепции агитационно-пропагандистской работы в ходе избирательной кампании и т. п.); но компетентный анализ итогов рассматривался и как помощь органам государственного управления и местного самоуправления, институтам гражданского общества, региональным и местным отделениям политических партий в их повседневной деятельности.

Эмпирические данные, собранные в ходе политико-психологических исследований, итоговые аналитические материалы, подготовленные в том числе и на их базе, выводы и практические рекомендации позволили:

– объемнее и четче понимать создавшуюся обстановку в регионе, на конкретных территориях, в конкретных социальных группах;

– более обоснованно разрабатывать программные документы по решению социально-экономических проблем;

– эффективнее влиять на формирование позиций людей по актуальным вопросам;

– накапливать информацию для изучения динамики отношений жителей тех или иных регионов, городов, районов к конкретным проблемам (например, в социальной сфере, оценке деятельности властных структур и политических партий, видеть изменение отношений граждан к конкретным политикам и т. п.);

– осуществлять анализ позиций жителей тех или иных регионов и/или городов при проведении социально-значимых мероприятий, что, в конце концов, помогает провести какую-то их коррекцию.

Эти выводы основываются на данных исследования (2009 г.), которые были получены с помощью метода глубинного интервью с экспертами в Республике Бурятия, Красноярском крае, Иркутской области при активном содействии московских специалистов.

Именно так оценивали необходимость и значимость политико-психологических исследований, в том числе и проводимых в преддверии и период избирательных кампаний, ведущие региональные политики, руководители СМИ, ректоры вузов и ученые, главные врачи региональных больниц, управляющие и председатели правлений банков, деятели культуры и искусства, генеральные директора предприятий, представители малого и среднего бизнеса, юристы, сотрудники администраций регионов, главы администраций регионов, главы администраций городских и районных муниципальных образований (всего опрошено 43 эксперта).

В рамках проекта «Формирование общественного мнения в условиях региона» лаборатория всесторонне изучала деятельность средств массовой информации (2002–2005 гг.). Отрабатывались подпрограммы «Региональная и местная пресса в зеркале общественного мнения», «Региональное и местное телевидение (радио) в зеркале общественного мнения».

При подготовке заключительных аналитических документов был подробно проанализирован процесс потребления информации, выделены его характеристики с учетом особенностей городов, сельских и отдельных северных территорий. Рассматривалось потребление информации на уровне приема сообщений, понимания информации, отношение к ней.

Наиболее продуктивно, как нам кажется, выводы и рекомендации были использованы в практической работе (2003–2007 гг.) руководством Иркутской государственной телерадиовещательной компании (председатель – А. И. Голованов, заслуженный работник культуры России, почетный профессор ИГУ) и Издательским домом «Номер один» (президент – О. В. Желтовский, почетный профессор ИГУ, генеральный директор – В. А. Симиненко).

Кстати говоря, наши выводы о высоких рейтингах тех или иных сотрудников ИГТРК и телепрограмм совпали с данными, полученными в последующие годы известной международной исследовательской компанией ГЭЛЛАП-Медиа.

По результатам многочисленных исследований были подготовлены и опубликованы монографии, учебные пособия, десятки статей в научных журналах и сборниках, доклады на международных, всероссийских, межрегиональных и региональных научно-теоретических, теоретико-практических конференциях, семинары [3–9; 11; 13].

Одна из книг – «Психология в политической деятельности» [11] была рекомендована Отделением по философии, политологии и религиоведению Учебно-методического объединения по классическому университетскому образованию в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности и направлению «Политология», а авторы ее стали лауреатами Всероссийского конкурса на лучшую научную книгу среди преподавателей вузов.

И, наконец, в завершение отметим, что образовательные и воспитательные соображения во время подготовки и проведения исследований (в них участвовали в те или иные годы от десяти-пятнадцати до пятидесяти-шестидесяти молодых преподавателей вузов, научных сотрудников, студентов старших курсов) имели решающее значение при определении приоритетов в организации деятельности лаборатории.

В этом кратком экскурсе остановимся только на одном аспекте – этическом.

Все те, кто участвовал в деятельности лаборатории (научные руководители, преподаватели, аспиранты, студенты старших курсов и др.), обязаны были соблюдать кодекс исследователя. Основные положения его взяты из емкого и обоснованного Кодекса политического психолога, предложенного профессором А. И. Юрьевым в преддверии Съезда российских психологов 2003 г. Они, по нашему мнению, имеют непреходящее значение при подготовке и проведении политико-психологических исследований:

- Исследователи, специалисты и студенты, уважают самобытность и личную неприкосновенность каждого респондента и коллег, заботятся о том, чтобы защитить их права.

- Исследователи стремятся решать поставленные проблемы на основе своей компетентности, быть в курсе научно-практических исследований в сфере их деятельности. Если считают свою компетентность недостаточной, они передают решение задачи другим или же проходят соответствующее обучение.

- Интервьюеры, модераторы фокус-групп и другие специалисты строго контролируют, чтобы их знания не использовались в целях угнетения и подавления личности респондента; они должны быть уверены, что результаты их исследовательской деятельности не будут использованы неподобающим образом.

- Исследователи стремятся свести к минимуму сугубо личную заинтересованность в контактах с респондентами. Они не используют свое положение для получения выгоды от того, что респонденты доверяют им.

- Исследователи обеспечивают конфиденциальность того, что им сообщается в процессе выполнения функциональных обязанностей, что они узнают от респондентов (особенно при использовании методов фокусированного интервью и фиксированных ассоциаций, фокус-групп и др.) об интимной жизни и переживаниях конкретных людей, об их оценках деятельности органов власти, характеристике тех или иных политических лидеров и т. п.

- Исследователи выполняют свою деятельность на основе квалифицированно сформулированных целей, задач политико-психологического исследования и после детального рассмотрения методов и альтернативных процедур.

– Исследователи поддерживают профессиональные стандарты работы, несут ответственность за свою профессиональную и научную деятельность, кооперируются с другими профессионалами и социальными институтами для наилучшего исполнения целей и задач исследования.

– Исследователи стремятся подготовить итоговые аналитические документы, сформулировать профессиональные заключения, выводы и рекомендации таким образом, чтобы их нельзя было превратно понять или использовать.

– Исследователи стараются популяризировать результаты изучения общественного мнения для повышения благосостояния общества и каждого человека. Проводя исследование, они заботятся прежде всего о благополучии людей и об углублении знаний о реальных политических и социально-экономических ситуациях, которые позволяют лучше понимать создавшуюся обстановку органам государственного управления и местного самоуправления, институтам гражданского общества в регионах, конкретных территориях и в конкретных социальных группах.

– Исследователи используют только проверенные на валидность и надежность методы, технику, а результаты собственных исследований строят на научно обоснованных экспериментах и процедурах.

– В случаях, когда обязанности исследователей вступают в противоречие с этическими нормами, они стараются разрешить эти конфликты, руководствуясь принципом непричинения вреда отдельной личности или группам людей [11].

Обобщая приведенные нормы, можно сказать, что три важнейших позиции – уважение к человеку и его правам, компетенция и социальная ответственность, порядочность – вот тот фундамент, на котором зиждется профессиональная этика политолога, политического психолога, социолога, изучающих сложные процессы, ситуации в политической, социально-экономической сферах.

Мы твердо убеждены в том, что такого же подхода необходимо всемерно добиваться и в практической политической деятельности.

Список литературы

1. Белановский С. А. Метод фокус-групп : учеб. пособие / С. А. Белановский. – М. : Николло-Медиа, 2001. – 280 с.
2. Ганчев Д. Изучение и формирование общественного мнения / Д. Ганчев ; пер с болгар. – М. : Мысль, 1983. – С. 54–57.

3. Жуков К. С. Политическое соперничество в современной России и технология избирательных кампаний // Изв. Иркут. гос. экон. акад. – 2006. – № 6(48). – С. 94–97.
4. Жуков К. С. Портрет «идеального депутата» Законодательного собрания региона в представлениях избирателей Иркутской области (некоторые результаты социально-психологического исследования) // Седьмые Байкал. Междунар. соц.-гуманитар. чтения. В 3 ч. : материалы / ФГБОУ ВПО «ИГУ». – Иркутск, 2013. – Т. 1. – С. 279–292 и др.
5. Жуков К. С. Роль информации и прессы в избирательной кампании (психолого-педагогический аспект) // Избирательная кампания по выборам депутатов в государственную Думу России. Иркутская область. 1995. Факты. Анализ. Выводы – Иркутск : ЦОП БУК ИГУ, 1996. – С. 28–48.
6. Жуков К. С. Собственность как первопричина соперничества российских элит по завоеванию политической власти // Вестн. Иркут. гос. техн. ун-та. – 2007. – № 1 (29). – С. 139–142
7. Жуков К. С. Азбука избирательной кампании: организационно-методические и социально-психологические аспекты / К. С. Жуков, А. Д. Карнышев. – М. : ИМА-пресс, 2001. – 328 с.
8. Жуков К. С. Нормы в политике: психология их освоения и реализации / К. С. Жуков, А. Д. Карнышев // Сиб. юрид. вестн. – 2004. – № 1. – С. 64–67.
9. Жуков К. С. Особенности взаимодействия морали и права в политической жизни современной России / К. С. Жуков, А. Д. Карнышев // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1(3). – С. 112–117.
10. Жуков К. С. Самооценка как стимул политического соперничества / К. С. Жуков, А. Д. Карнышев // Педагогическое образование и наука : науч.-метод. журн. – М., 2002. – № 3 – С. 64–72.
11. Карнышев А. Д. Психология в политической деятельности / А. Д. Карнышев, К. С. Жуков, В. Ф. Шестак. – М. : ИМА-пресс, 2004. – 436 с.
12. Карнышев А. Д. Психология и политика: вопросы теории и практики : монография / А. Д. Карнышев, К. С. Жуков, В. Ф. Шестак. – Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2004. – 364 с.
13. Карнышев А. Д. Психология и технология политического соперничества / А. Д. Карнышев, К. С. Жуков, В. Ф. Шестак. – М. : ИМА-пресс, 2001. – 208 с.
14. Кучинов А. М. Исследование публичной политики: интеграция новых теоретических подходов // Публичная политика – 2013 : сб. ст. ; под ред. М. Б. Горного, А. Ю. Сунгурова. – СПб. : Норма, 2014. – С. 176–178.
15. Процесс социального исследования : пер. с нем. – М. : Прогресс, 1975. – 575 с.
16. Ситников А. П. Политический консалтинг / А. П. Ситников, Н. В. Огарь, Н. С. Бахвалова. – М. : Издат. дом ГУ ВШЭ, 2004. – С. 70–74.

Timely Political and Psychological Studies (To the Results of 20 Year Activity of the Laboratory of Humanitarian and Political Technologies at Irkutsk State University)

K. S. Zhukov
Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author of the article reviews 20-year activity of interdepartmental Laboratory of humanitarian and political technologies at Irkutsk State University.

Methods of political and psychological studies are systematized. The author shows the issues and challenges of political and socio-economic life that the nation, regions and cities face with according to the study of Laboratory's researches.

Keywords: laboratory, Irkutsk State University, A. D. Karnyshev, Center of practical solutions "Republic", quantative and qualitative methods of political and psychological research.

Жуков Константин Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедра педагогики и гуманитарных технологий, факультет психологии, руководитель лаборатории гуманитарных и политических технологий, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: kpgt.isu@mail.ru

Zhukov Konstantin Segreevich – Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Sub-department of Pedagogics and humanitarian, факультет психологии, руководитель лаборатории гуманитарных и политических технологий, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: kpgt.isu@mail.ru

УДК 323(47)

Особенности анализа регионального политического режима республик

А. А. Иванова

Бурятский государственный университет, г. Улан-Удэ

Аннотация. В работе рассматриваются возможности анализа республиканского регионального политического режима через призму сочетания институционального и политико-культурного подходов.

Ключевые слова: региональный политический режим, политическая культура.

Особенности функционирования региональных политических режимов национальных республик в современной России определяются, с одной стороны, институциональными причинами, т. е. процессами рецентрализации и укрепления вертикали власти. С другой стороны, несмотря на то что политико-правовые и экономические факторы ориентированы на создание единообразных региональных политических режимов, региональные политические режимы различаются между собой. Источники их разнообразия находятся в сфере этнических и региональных политико-культурных феноменов, не поддающихся быстрому изменению и недоступных для политико-правового регулирования.

Политическая культура влияет на характер взаимоотношений общества и властных структур, охватывает и теорию (вос-

приятие политического лидера, партийных структур и т. д. гражданами), и практику (политическое поведение) политической действительности государства. Политическая культура, как ничто иное, прочно связывает субъективный аспект политики (отношение к властным структурам) с объективным (особенности функционирования политических институтов в каждом конкретном государстве).

Современные модели политико-культурного анализа вобрали в себя достоинства предыдущих теорий, а также отчасти тех наук, в рамках которых зародился политико-культурный подход. Однако полного и абсолютного единства среди теоретиков и практиков данного подхода не наблюдается. Существует два направления осмысления политической культуры на рубеже XX–XXI вв.: это классический подход (узкое понимание понятия) и философский подход (широкая трактовка термина).

Сторонники первого подхода рассматривают политическую культуру как совокупность неких установок, ориентаций и мнений индивида о политике (С. Уайт, У. Розенбаум) [3; 5]. В рамках этой парадигмы политическая культура трактуется в узком смысле, основное внимание уделяется ее нормативному содержанию. Политическая культура анализируется как некая ограниченная область в контексте всей политической системы.

Второй подход связывает понятие политической культуры не только с определенной совокупностью поведенческих установок и ориентаций индивида на политику и свое место в ней, но прежде всего с культурой вообще. В рамках этого подхода политическая культура воспринимается как «обширная сфера общей культуры человечества, которая непосредственно связана с политикой. Она выражается в достигнутом уровне, качестве и направленности политического бытия человека, политической жизни общества и, соответственно, в характере политических процессов, политической деятельности людей, функционирования и развития политических институтов и режимов, доминирующих политических ценностей и образцов поведения, теорий и идеологии, политической социализации граждан и коммуникационной системы модернизации общественных отношений» [2, с. 124].

По мнению американского социолога У. Розенбаума, политическая культура включает в себя три группы ориентаций:

ориентации на режим, ориентации на другие политические режимы и ориентации на собственное место в политическом мире [5, с. 6–7]. А значит, при анализе политической культуры важно, во-первых, то, как индивид воспринимает правящие институты, правящих лиц, символы власти, требования на «входе» и решения на «выходе» политической системы.

Во-вторых, те группы, с которыми ассоциирует себя индивид, и те, которым противопоставляет, степень его доверия к тем, кто представляет интересы значимой для индивида социальной группы, оценка индивидом альтернативных форм правления, взаимодействия с властными институтами, иных механизмов воздействия власти на общество и способов конструирования диалога власти и общества.

В-третьих, значима степень заинтересованности индивида в политике, его отношение к своей собственной способности влиять на процесс принятия политических решений. Как следствие, важным при анализе политико-культурного контекста является исследование роли политического лидера, партийных структур (как возможных групп самоидентификации) и изучение особенностей взаимодействия региональной и центральной властей, если речь идет о региональном политическом режиме.

Кроме ориентаций, детально классифицированных У. Розенбаумом, в процессе анализа политической культуры важна оценка взаимоотношений власти и общества. Э. Я. Баталов объясняет, что политические отношения «представляют собой не только форму проявления, но и способ существования культуры. Культура, в том числе политическая – не в вещах... Культура – в конкретных, живых, постоянно угасающих и вновь возникающих отношениях между деятельными субъектами. Нет таких отношений – нет и культуры. Ограничены отношения – ограничена и культура» [1, с. 127]. Для анализа политической культуры наиболее важны три группы отношений: «отношения социального субъекта (индивид, группа, класс, нация) политического процесса к институциональному объекту, т. е. к политическим институтам, а также к международному сообществу» [2, с. 129]; взаимоотношения властных институтов между собой; обратное отражение первых – то, как институциональный объект, в свою очередь, относится к индивиду, группе, классу, нации.

Полинациональность Российской Федерации, наличие в ее составе многообразных по своим языковым, религиозным и культурным особенностям этнических групп подводит исследователя к необходимости осознания важного факта. Он заключается в том, что как изучение политического режима Российской Федерации, так и анализ региональных политических режимов не могут проводиться без учета особенностей регионов, их истории и во многом определяемых этой историей специфических черт политической культуры. Именно политико-культурный контекст обуславливает разнообразие региональных политических режимов в составе России. Несмотря на наличие единого в рамках всего государства правового пространства и существование общих для всех регионов органов центральной власти, региональные политические режимы различаются между собой. Основанием этих различий служит как экономическое неравенство регионов, так и национальные, религиозные, культурные особенности регионов. Эти характеристики в совокупности с историей присоединения того или иного региона определяют отношение жителей региона к центральной власти и раскрывают характерные черты взаимодействия региональных и центральных властных структур.

Региональная политическая культура является предметом исследования таких политологов, как Е. В. Морозова, А. В. Дахин, А. В. Баранов и др.

Значительная часть региональных исследований, основанных на материалах Республики Бурятия, включает в себя культурно-этнографические исследования (история племен, населяющих регион, лингвистические изыскания). Например, электронная библиотека БНЦ СО РАН выдает более 1 100 документов на запрос «Религия Бурятии», более 1 000 документов – на запрос «Бурятская литература», более 3 300 документов – по запросу «История бурят» и всего около 400 в ответ на запрос «Политика Бурятия» [4].

Множество исследований посвящено анализу культурных, этнонациональных, религиозных особенностей региона, истории Бурятии, экономической и социально-политической жизни советской и современной Бурятии.

В сфере политологических исследований специалисты в основном уделяют внимание институциональным особенностям

функционирования политической системы региона и партийному генезису, работе партий и партийных организаций в настоящее время. Кроме того, исследуются политические элиты региона и место и роль средств массовой информации в политическом процессе региона. Изучаются отдельные (бесспорно, значительные) аспекты политического мира, тогда как политико-культурный контекст остается за пределами внимания исследователей. Культурологические исследования ориентированы на изучение религиозных и национальных традиций во взаимосвязи с существующими социальными и культурными условиями.

Институциональный подход, в рамках которого проведено большинство исследований региональных политических режимов, ориентирован прежде всего на анализ политических институтов, властных структур и механизмов их взаимодействия. Кроме того, в рамках данного подхода уделяется внимание «правилам (политической) игры» – законодательной базе трансформационных процессов. Безусловно, исследования, проводимые в рамках институционального подхода, значимы и обязательны для понимания того, каким был региональный политический режим и каким стал.

На наш взгляд, можно констатировать тот факт, что при анализе политического мира региона недооценивается значение политико-культурного контекста политических процессов. Достаточно сложно проанализировать существующий политический режим – как наиболее важную составляющую политической картины мира – во всем его единстве и ответить на вопрос о том, почему складывается именно такой политический режим со всеми его особенностями и отличиями от политических режимов других регионов. С позиций институционального подхода региональные политические режимы должны незначительно различаться в соответствии с неодинаковым статусом регионов: республики, города федерального значения, края, области и т. д.

Однако на практике различия между политическими режимами регионов не исчерпываются разницей в законодательной базе. Определенную целостность при решении данных задач может дать именно политико-культурный подход, позволяющий, во-первых, определить взаимосвязь настоящего с прошлым, с традициями властных взаимоотношений, а во-вторых, выявить и проанализировать существующие особенности политического

режима региона и в определенной степени проследить дальнейшие тенденции их изменения.

Исследование региональных политических режимов национальных республик возможно в рамках сочетания институционального и политико-культурного подходов, что предполагает анализ политических институтов региона в процессе их взаимодействия, а также генезиса и функционирования.

Список литературы

1. Баталов Э. Я. Политическая культура: понятие и феномен // Политика: проблемы теории и практики. – 1990. – Вып. 7, ч. 2.
2. Грачев М. Н. Актуальные проблемы политической науки / М. Н. Грачев, Ю. В. Ирхин. – М. : Экон. демократия, 1996. – 188 с.
3. Уайт С. Еще раз о посткоммунистической традиции // Социс. – 2003. – № 11. – С. 22–31.
4. Центральная научная библиотека БНЦ СО РАН [Электронный ресурс]. – URL: [http:// 84.237.36.29/CGI/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS&C21COM=F&S21YEAR=2009](http://84.237.36.29/CGI/irbis64r_11/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=IBIS&P21DBN=IBIS&C21COM=F&S21YEAR=2009).
5. Rosenbaum W. Political Culture: basic concept in political science / W. Rosenbaum. – N. Y. : Praeger, 1975. – 181 p.

Peculiarities of Analysis of Political Regime in Republics

A. A. Ivanova

Buryat State University, Ulan-Ude

Abstract. The author of the paper considers possibility of analyzing regional political regime through combination of institutional and political-cultural approaches.

Keywords: regional political regime, political culture.

Иванова Анна Алексеевна – кандидат политических наук, ассистент, кафедра политологии и социологии, Бурятский государственный университет, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, д. 6а, тел.: 8(3012)212533, e-mail: ivanova.anna.alex@yandex.ru

Ivanova Anna Alekseevna – Candidate of Sciences (Political Science), Lecturer, Sub-department of Political Science and Sociology, Buryat State University, 6a, Ranzhurova st., Ulan-Ude, 670000, tel.: 8(3012)212533, e-mail: ivanova.anna.alex@yandex.ru

Национальные правовые основы осуществления международной академической мобильности в системе высшего профессионального образования в России

Е. С. Козлова, И. А. Кузьмин

*Иркутский государственный университет, г. Иркутск
Иркутский юридический институт (филиал Академии Генеральной
прокуратуры РФ), г. Иркутск*

Аннотация. Настоящая статья направлена на раскрытие особенностей национально-правового регулирования процесса международной академической мобильности в системе высшего профессионального образования в России на разных уровнях правового регулирования.

Ключевые слова: система высшего профессионального образования в Российской Федерации, международная академическая мобильность, правовое регулирование.

Современная система высшего образования в России в настоящее время переживает период активного реформирования с приоритетным вектором на интеграцию с европейским социально-экономическим пространством, в силу чего «международный элемент» в деятельности вуза становится важным условием его существования и развития. Причем данное суждение справедливо как для государственных (бюджетных), так и для негосударственных (внебюджетных) высших учебных заведений. Форм международной деятельности и уровней участия вуза в международных отношениях может быть достаточно много [11, с. 63–65; 7, с. 9–13], о чем свидетельствуют, в частности, результаты работы Иркутского государственного университета по данному направлению, где международная академическая мобильность превалирует над внутрироссийской [12]. В последнее десятилетие указанная составляющая международной деятельности вуза в научно-образовательной сфере является одним из ведущих и наиболее эффективных инструментов повышения качества высшего профессионального образования, открывающих широкие горизонты для подготовки высококлассных специалистов. Организационно-правовой механизм международной (внешней) академической мобильности проявляется в организации временного обучения, стажировок (в том числе языковых), исследовательских и производственных практик, работы студентов, ас-

пирантов, профессорско-преподавательского состава, административного штата, научных работников учебно-научных учреждений в иностранных образовательных организациях [9, с. 262].

Включенность участников образовательного процесса в межкультурную коммуникацию по различным направлениям является перспективным не только в плане профессионального, но и личностного роста. Как обоснованно замечает В. М. Курицын, «...академическая и профессиональная мобильность студентов и преподавателей – одно из ключевых звеньев интернационализации европейского высшего образования: она формирует уважение к многообразию, способность понимать другие культуры, побуждает к языковому плюрализму, расширяет сотрудничество между вузами» [10, с. 87]. «Для студентов и преподавателей, – отмечает К. С. Андреева, – академическая мобильность является отличным способом приобретения новых знаний и навыков, способности признавать недостаточность знаний, что является одним из важных мотивирующих аспектов расширения кругозора, повышения квалификации и культурной осведомленности, а также способности нестандартно мыслить и находить новые подходы для решения существующих проблем» [8, с. 86]. Нелишним будет указать и на то обстоятельство, что активность вуза в сфере международной академической мобильности значительно повышает его статус и рейтинг среди иных учебных заведений, а также усиливает конкурентоспособность выпускников на рынке труда.

Надлежащая правовая регламентация международной академической мобильности в высшем учебном заведении – залог успешной реализации соответствующих образовательных и научно-исследовательских программ. И обратно: отсутствие адекватной локальной нормативно-правовой базы в вузе может превратить перечисленные плюсы академической мобильности в серьезные минусы «академической могильности» или допущение противоправных деяний со стороны вуза.

Основы правового регулирования международной академической мобильности заложены в ч. 2 ст. 105 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации» [1], устанавливающей положение, согласно которому наше государство содействует развитию сотрудничества российских и иностранных образовательных организаций, международной академической мо-

бильности обучающихся, педагогических, научных и иных работников системы образования, обеспечению взаимного признания образования и (или) квалификации, участвует в соответствии с международными договорами России в деятельности различных международных организаций в сфере образования. Программные положения об академической мобильности содержатся в национальной доктрине образования России [2]. Мероприятия, проводимые в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 гг. [3], нацелены на обеспечение международной академической мобильности российских научных и научно-педагогических кадров путем организации зарубежных стажировок для повышения профессионального уровня и освоения современных технологий. Приоритеты государственной политики по развитию профессионального образования в РФ (подпрограмма 1 государственной программы «Развитие образования» до 2020 г. [5]) основаны на необходимости осуществления согласованных действий по продвижению российского образования на глобальный рынок, реализации мер по существенному расширению международной академической мобильности российских преподавателей и студентов. Для формирования кадрового потенциала науки Стратегией инновационного развития России на период до 2020 г. [6] предусмотрено проведение мер по закреплению способных молодых исследователей в науке, включая создание условий, снижающих стимулы к выезду таких исследователей на постоянное место жительства за рубеж без введения каких-либо административных барьеров для мобильности научных кадров. В целях повышения конкурентоспособности ведущих университетов РФ среди ведущих мировых научно-образовательных центров целевые государственные субсидии выделяются, в том числе, для реализации программ международной академической мобильности научно-педагогических работников в форме стажировок, повышения квалификации, профессиональной переподготовки и в других формах [4].

Несмотря на множество актов федерального уровня, регламентирующих основы организации международной академической мобильности, главная «нормативная нагрузка» по упорядочению соответствующего социального процесса ложится непосредственно на высшее учебное заведение. Локальные норма-

тивные правовые акты, регулирующие образовательные отношения, связанные с осуществлением международной академической мобильности, должны приниматься с учетом собственной специфики и направленности вуза. Успешным следует признать принятие комплексных локальных актов (положений) об академической мобильности, как это было сделано в НИУ «Высшая школа экономики», в Пермском государственном национальном исследовательском университете, в Казанском (Приволжском) федеральном университете, в национальном исследовательском Иркутском государственном техническом университете, в Ивановском государственном университете, в Бурятском государственном университете, в Удмуртском государственном университете и многих других вузах. Указанные локальные акты обычно определяют: объекты, участников отношений академической мобильности (их права и обязанности), а также формы, порядок осуществления и финансирования рассматриваемой деятельности. Однако в современных реалиях подобная правотворческая деятельность в системе высшего профессионального образования России является скорее исключением, чем правилом, тем не менее, ее массовое внедрение позволит сделать серьезный шаг в развитии комплексного института академической мобильности как во внутринациональном, так и в международном праве.

Регламентация процесса международной академической мобильности в высшей школе на региональном и муниципальном уровнях, согласно ст. 8–9 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации», может осуществляться органами власти в отношении организаций высшего образования, созданных на соответствующем уровне. Кроме того, возможно принятие специальных программ в области образования, поддерживающих среди прочего также развитие международной академической мобильности.

Таким образом, на основании изложенного считаем возможным утверждать, что в условиях системных изменений в научно-образовательном пространстве международная академическая мобильность становится неотъемлемой частью системы высшего профессионального образования в России, которая нуждается в комплексном правовом регулировании и прежде всего активной правотворческой деятельности образовательных организаций.

Список литературы

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 53. – Ст. 7598.
2. О национальной доктрине образования в Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 4 окт. 2000 г. № 751 // Собр. законодательства РФ. – 2000. – № 41. – Ст. 4089.
3. О федеральной целевой программе «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2014–2020 гг. и внесении изменений в федеральную целевую программу «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг. : постановление Правительства РФ от 21 мая 2013 г. № 424 // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 22. – Ст. 2808.
4. О мерах государственной поддержки ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров : постановление Правительства РФ от 16 марта 2013 г. № 211 // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 12. – Ст. 1314.
5. Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» на 2013–2020 гг. : распоряжение Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р // Собр. законодательства РФ. – 2013. – № 21. – Ст. 2671.
6. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 г. : распоряжение Правительства РФ от 8 дек. 2011 г. № 2227-р // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 216.
7. Авербух Е. А. Международная образовательная деятельность ВУЗа как фактор его успешности // Е. А. Авербух, А. Б. Авербух // Проблемы высшего образования. – 2013. – № 1. – С. 9–13.
8. Андреева К. С. Международная академическая мобильность как фактор развития внутренней академической мобильности // Вopr. современной науки и практики / Ун-т им. В. И. Вернадского. – 2012. – № 4–42. – С. 85–88.
9. Козлова Е. С. Международно-правовое регулирование академической мобильности как социального процесса в высшей школе / Е. С. Козлова, И. А. Кузьмин // Вестн. Иркут. гос. тех. ун-та. – 2013. – № 9. – С. 261–268.
10. Курицын В. М. Международное сотрудничество и академическая мобильность преподавателей и студентов // Высшее образование в России. – 2012. – № 10. – С. 87–92.
11. Певзнер М. Н. Международная деятельность ВУЗа как средство интернационализации вузовской науки / М. Н. Певзнер, А. Г. Ширин // Успехи современного естествознания. – 2007. – № 13. – С. 63–65.
12. Смирнов А. И. Международная деятельность Иркутского государственного университета // Аккредитация в образовании. – 2012. – № 3. – С. 32–36.

National Legal Framework for Foreign Academic Mobility Arrangement in the System of Higher Professional Education

E. S. Kozlova, I. A. Kuzmin

Irkutsk State University, Irkutsk

Irkutsk Law Institute (branch of the Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation), Irkutsk

Abstract. The aim of the article is to show some peculiarities of how the process of foreign study within the system of higher professional education regulated on different levels of legal control.

Keywords: system of higher professional education in the Russian Federation, foreign academic mobility, legal framework.

Козлова Елена Сергеевна – научный сотрудник, социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций, Институт социальных наук, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел.: 8(3952)334372, e-mail: lenchik-irk@yandex.ru

Kozlova Elena Sergeevna – Research officer, Social Laboratory of Regional Issues and Innovations, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, e-mail: lenchik-irk@yandex.ru

Кузьмин Игорь Александрович – кандидат юридических наук, доцент, кафедра государственно-правовых дисциплин, Иркутский юридический институт (филиал) Академия Генеральной прокуратуры РФ, 664035, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1, тел.: 8(3952)779011, e-mail: grafik@mail2000.ru

Kuzmin Igor Aleksandrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of state-legal courses, Irkutsk Law Institute, brunch of the Academy of the Prosecutor's General Office of the Russian Federation, 1, Shevtsova st., Irkutsk, 664035, tel.: 8(3952)779011, e-mail: grafik@mail2000.ru

УДК 308

Конкурирующие концепции геополитического положения России и оценки перспектив Иркутской области

П. Л. Попов

Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, г. Иркутск

Аннотация. В статье рассматриваются внутренние, регионально-политические аспекты основных концепций цивилизационного и геополитического положения России (западничество, славянофильство, евразийство, «изоляционизм»). Развитие Восточной Сибири (и в частности Иркутской области) является органичным приоритетом для евразийства и «изоляционизма», и в складывающейся геополитической ситуации влияние именно этих концепций, особенно «изоляционизма», усилится.

Ключевые слова: западничество, славянофильство, евразийство, «изоляционизм», региональный приоритет, перспективность, Иркутская область.

1. Введение

Анализ положения, значения того или иного региона страны, его преимуществ и недостатков в сравнении с другими регионами – одна из традиционных тем экономической географии. Такого рода анализ всегда опирается на объективные характеристики региона, но во многом зависит и от мировоззренческих установок субъекта оценки. Применительно к анализу положения любого макрорегиона или крупного субъекта РФ к числу таких установок следует отнести представления о месте

России в системе культурно-исторических общностей стран (цивилизаций) и геополитических союзов.

Конкурирующие концепции, выражающие представления о месте России в мире – западничество, славянофильство, евразийство, «изоляционизм», имеют и внутренние, регионально-политические аспекты, способны влиять на оценки значимости и перспектив Сибири, и более конкретно – Восточной Сибири, Иркутской области. Именно влиянию этих систем знаний на оценки перспектив Иркутской области и посвящена данная статья. Вместе с тем мы попытались оценить перспективность самих этих концепций в геополитической обстановке нашего времени. Поскольку мировоззренческие установки, воспринимаемые политической элитой и массовым сознанием, способны оказывать влияние на региональную политику страны, сравнительная оценка перспективности этих концепций является и оценкой (в особом срезе, аспекте) перспектив Иркутской области.

Каждая из рассматриваемых концепций является и культурологической (цивилизационной), и геополитической. Поэтому необходимо краткое соотнесение геополитического и цивилизационного подходов.

2. О соотношении геополитического и культурологического (цивилизационного) подходов

Цивилизации и геополитические союзы – разного типа общности. Эти понятия (соответственно, цивилизационный и геополитический подходы) не должны смешиваться. Вместе с тем, связи между цивилизационными и геополитическими отношениями, несомненно, существуют.

Цивилизационный подход – это рассмотрение страны в системе ее сходств и различий, а также в системе культурных связей, в системе обмена знаниями с другими странами.

Геополитический подход – это рассмотрение страны в системе отношений конкуренции и союзничества с другими странами. К геополитической сфере мы относим и разработку установок по оптимальному распределению ресурсов между регионами страны, в интересах ее развития.

Вполне ясно, что цивилизационное сходство стран в некоторой степени является фактором, благоприятствующим их союзничеству. Любая страна, являющаяся устойчивой геополитической единицей, сформировалась в результате объединения отно-

сительно сходных в цивилизационном отношении основных частей. Подобным образом страны относительно сходные в цивилизационном отношении, более способны, по сравнению со странами, далекими в цивилизационном отношении, образовать иного типа геополитическую единицу – союз стран (экономический, военно-политический).

Немало примеров в мировой истории, когда крайняя жестокость проявлялась в столкновениях социумов, принадлежащих к разным цивилизациям, а еще более – в столкновениях цивилизаций и «варваров».

Но цивилизационное сходство (а не только цивилизационное различие) оказывается сопряженным с факторами формирования конфликтов. Родственные (особенно близкородственные) в этнолингвистическом отношении страны нередко являются соседями. Сходные по природным условиям страны также нередко являются соседями – и несомненно, что сходство природных условий формирует и многие общие явления в экономике, ментальности. И наоборот, ментальное, культурное сходство и этнолингвистическое родство могут способствовать распространению сближаемых этими отношениями социумов в сходных природных средах (например, экспансия европейских народов на северном краю ойкумены), а значит, и на соседних территориях.

Соседство является фактором, способствующим не только связям, но и конфликтам. Это известно давно. Древнеримский историк Корнелий Тацит (I в. н. э.), говоря о евреях и арабах, отметил, что оба народа испытывали друг к другу «ненависть, обычную между соседями» [1, с. 189].

Культурное сходство благоприятствует и союзничеству, и соседству; соседство благоприятствует и культурному сходству, и противоречиям, способным перейти во вражду.

Нередко в гражданских войнах проявляется не меньшая, а то и большая жестокость, чем в войнах между разными народами, – см., например, описание захвата г. Кремоны во время гражданской войны в Римской империи в I в. н. э. у того же Тацита [1]. Крайней жестокостью характеризовались и действия Англии против Ирландии во времена О. Кромвеля. Это был конфликт между цивилизационно близкими, соседними, сформировавшимися в сходных природных условиях народами. Одна из самых жестоких войн в истории Европы и мира – это, бесспорно,

Тридцатилетняя война XVII в. И это была война между западными европейцами, ее частью был конфликт между немцами. Повидимому, в таких случаях возможен особый психологический механизм: чужаку свойственно быть врагом, но родственник по крови, по вере, по языку, превратившийся во врага, – отступник, изменник (значит, хуже обычного врага).

В борьбе за людей, за их лояльность чаще сталкиваются родственные политические, мировоззренческие силы. Известны слова Александра Невского: «Восток хочет наше тело, Запад – нашу душу». Запад был во всех отношениях ближе, потому и имел возможность претендовать на «душу».

Таким образом, влияние цивилизационного сходства стран на их геополитические отношения не является однозначным. Конфликтов между цивилизационно близкими странами было не меньше, чем между цивилизационно далекими, но связей, союзничества – определено больше.

Поэтому установка на геополитическое сближение с цивилизационно близкими странами достаточно обоснована – прежде всего стремлением воспользоваться преимуществами союзничества, кроме того, стремлением снизить риск конфликтов, в отношениях цивилизационно близких стран нередко высокий.

3. Концепции положения России в системе стран мира

Вопрос о положении России в системе мировых цивилизаций (культур, культурно-исторических типов) – один из ключевых в отечественной культурологической мысли. За рубежом ему также уделяется немалое внимание. Все многообразие мнений по данному вопросу можно свести к четырем концепциям. Еще раз подчеркнем, что все они являются не только культурологическими, но и геополитическими.

Прослеживается стремление рассматривать страны, в данной концепции признаваемые цивилизационно близкими России, в качестве ее потенциальных геополитических союзников. Подобным образом указанные цивилизационные идентификации России проявляются и во внутренних регионально-политических установках: имеется стремление развивать регионы страны, наиболее близкие (территориально, культурно) странам, которые считаются цивилизационно близкими России (у западников, славянофилов, евразийцев) или наиболее важные для обеспечения самодостаточности России (у изоляционистов).

Рассмотрим эти концепции подробнее.

Западничество. Это исторически самая ранняя концепция цивилизационного положения России – если под концепцией понимать построение культурологического, научного типа. Западничество в узком смысле слова, как культурологическая концепция, сложилось в 1830-е гг. (П. Я. Чаадаев, И. С. Тургенев, С. М. Соловьев, Т. Н. Грановский и т. д.). Как линия практической политики, западничество, однако, существует с гораздо более раннего времени (начиная по крайней мере с Петра Первого). Согласно западникам, Россия – часть западной (христианской, европейской) цивилизации.

Западничество в его разных вариантах акцентирует соответственно разные явления, связывающие Россию со странами европейской цивилизации. Суммарно этот круг явлений таков: общая культурная преемственность с античностью (Древней Грецией, Древним Римом, Византией), общность традиционной религии (христианство), этнолингвистическое родство (принадлежность к индоевропейской языковой семье, сходство по составу генофонда), северное (по сравнению с другими великими цивилизациями) географическое положение. Отмечаются также исторически глубокие политические и культурные связи Руси-России и Европы.

В геополитическом отношении западничество тяготеет к развитию отношений со странами Запада (в наше время – к идеям вступления в НАТО, Евросоюз). В области внутренней геополитики западничество наиболее гармонирует с установками на приоритетное развитие европейской части страны, особенно Северо-Запада (как региона, относительно близкого Западной Европе).

Славянофильство. Это направление мысли возникло в первой половине XIX в., отчасти в полемике с западничеством. Poleмика отражала коллизии происходившей европеизации России, ее вовлечения в конфликты между европейскими народами, и традиционалистскую реакцию на эти процессы, особенно на их негативные следствия.

Славянофильство (по крайней мере раннее) в некоторых отношениях близко к западничеству, поскольку славяне – часть европейской общности народов. Славянофилам не чуждо сознание общеевропейского единства. Согласно высказыванию одного из наиболее радикальных славянофилов, Н. Я. Данилевского [2],

славянам предстоит борьба за достойное место в семье арийских народов. Здесь под семьей арийских народов, явно имеется в виду Европа, европейская цивилизация. Но славянофилы подчеркивают отличие славян от западных европейцев (романо-германцев, по терминологии Данилевского), отличие православия от католицизма и протестантизма, политическое значение православия. Сближению славянской и православной идеи способствует то обстоятельство, что традиционная религия большинства славян и большинства славянских народов – православие.

Для славянофильства органичны идеи максимально возможной интеграции России, Украины, Белоруссии, может быть, и некоторых других славянских стран. Были идеи экспансии на юго-запад, овладения Константинополем (у поздних дореволюционных славянофилов). Во внутренней геополитике для славянофильства органично приоритетное развитие европейской части, но скорее Центрального Нечерноземья и Центрального Черноземья (самый славянский из русских регионов), бассейна Черного моря.

Сильная сторона славянофильства, как и западничества – связь (хотя и иначе трактуемая, чем в западничестве) с традиционным, исторически глубоким кругом идентичностей. Понятие «славяне» принадлежит не только узкому кругу профессионалов, оно фиксируется массовым сознанием как славянских народов, так и их соседей, в том числе враждебным сознанием.

Очевидная слабость славянофильства как геополитической концепции, проявившаяся еще в XIX в. и начале XX в., – недооценка тяготения большинства славянских народов к Западу, вопреки славянской и православной идентичности.

Евразийство. Евразийство возникло в 20–30-е гг. XX в., в белоэмигрантской среде, в некоторой преемственности с традициями позднего славянофильства, но отразило и понимание нереалистичности ряда его ключевых геополитических идей. Значительное влияние на евразийство оказали классики западноевропейской геополитики, прежде всего Х. Макиндер [3].

Историческим фоном становления евразийства было определенное отчуждение России от Запада, произошедшее после Октябрьской революции. Вместе с тем в это время сохранялись территориальные приобретения Российской империи в Центральной Азии, сделанные в конце XIX в., и нарастал процесс постепенного усиления значения Поволжья, Урала, Сибири в разных сферах жизни страны.

Согласно взглядам основоположников евразийства, выраженных, например, в «Манифесте евразийства» [4], восточные славяне ближе в цивилизационном отношении «туранским» народам (тюркские, монгольские, угро-финские народы в границах Российской империи и СССР), чем к западным и южным славянам, не говоря уже о других народах Европы. А туранские (в том числе тюркоязычные) народы Российской империи-СССР цивилизационно ближе к восточным славянам, чем, например, к туркам. Это культурологический аспект раннего евразийства. В геополитическом аспекте евразийство (в том числе современное) тяготеет к сближению с народами Азии (не только «туранскими»), а также с Германией. (Как с континентальной страной – вслед за европейскими геополитиками евразийцы, в том числе современные, придают большое значение оппозиции «море – суша» и трактуют сходство стран в данном отношении как основание для союзничества). Во внутренней геополитике для евразийства органично стремление к развитию глубинных, высококонтинентальных макрорегионов России (Поволжье, Урал, Сибирь).

Слабость культурологических взглядов ранних евразийцев очевидна, особенно в наше время, когда усилилось значение религиозных различий между славянами и большинством «туранцев». Геополитические установки раннего евразийства, по крайней мере внутренние, сохраняют большее влияние в современном евразийстве.

«Изоляционизм». Это самая поздняя концепция. «Изоляционизм» утвердился как направление российской геополитической мысли в совершенно новой (по отношению к эпохам становления западничества, славянофильства, евразийства) реальности – т. е. во время распада СССР и становления постсоветской России. «Изоляционизм» отразил поиск путей адаптации к этой новой реальности.

Нужны уточнения относительно названия «изоляционизм», представляющегося не вполне удачным, неточно отражающим содержание концепции (поэтому мы ставим его в кавычки). Термин «изолированный» в областях знания, разрабатывающих классификационную проблематику, например в лингвистике, означает не «блокированный, лишенный внешних связей», а «своеобразный, типологически обособленный». Именно это значение подразумевается и в данном случае.

Может быть, более удачным для обозначения рассматриваемой нами концепции был бы термин «дистинктивизм» (от англ. *distinct* – отдельный, особый, индивидуальный, различный).

Согласно классификации А. Тойнби [5] существует несколько стран, каждая из которых является отдельной цивилизацией. Это, например, Китай, Индия, Япония, Иран; иногда он включал в число таких стран Россию. В отечественной науке представление о России как особой цивилизационной и геополитической единице развивал В. Л. Цымбурский [6]. В духе концепций подобного типа высказывались политические руководители современной России. Так, В. В. Путин употреблял термин «государство-цивилизация» применительно к России. С. В. Лавров говорил, что мы исторически развернуты на Запад, Восток, Север и Юг. Это можно понять так, что мы не вполне принадлежим ни к Северу, ни к Югу, ни к Западу и к Востоку, мы со всеми и ни с кем, сами по себе.

Во внешней геополитике для «изоляционизма» органична идея опоры на собственные силы. Во внутренней геополитике «изоляционизм», как и евразийство, стремится к приоритетному развитию глубинных макрорегионов России (Поволжье, Урал, Сибирь). При этом В. Л. Цымбурский подчеркивал, что эти макрорегионы – не Евразия, а Срединная Россия [6]. Не то важно, что эти макрорегионы находятся в «Хартленде», в глубине континента, вблизи культурно близких, как считают евразийцы, тюркоязычных стран; важно то, что они занимают центральное положение в современной России. (На наш взгляд, это изменение акцентов и термина существенно). Как и евразийство, «изоляционизм» тяготеет к идее самодостаточности страны, к развитию внутреннего рынка; но разница – в том территориальном объеме, в котором мыслится самодостаточный геополитический субъект (для современного евразийства это либо некая надгосударственная структура типа евразийского союза, либо государство, воссозданное в границах СССР; для «изоляционизма» – Россия в современных государственных границах). Это различие взаимосвязано с множеством других различий в культурологической и геополитической областях.

Для «изоляционизма», в сравнении с тремя другими рассматриваемыми концепциями, органично стремление к большей комплексности, равномерности распределения ресурсов внутри страны (если страна опирается на собственные силы, то приори-

теты развития, в том числе региональные, многочисленны и разнородны, это вполне очевидно). Вместе с тем для «изоляционизма» органично более сильное, по сравнению с другими типами, стремление к сосредоточению ресурсов на задачах внутреннего развития страны (а не на внешнеполитической, внешнеэкономической активности).

Очевидная слабость «изоляционизма» – в случае его развития в сторону автаркических установок – противоречие с важнейшим значением международных связей в интеллектуальной, в частности научно-технологической, деятельности. (Значение таких связей – это и геополитический, и культурологический факт.) В наше время самодостаточность страны, особенно в силовой сфере, определяется в огромной степени ее научно-технологическим потенциалом (включающим науку, фундаментальную и прикладную, образование, высокотехнологичные производства). В научно-технологическом отношении ни одна страна мира не является самодостаточной. Для России огромное значение научно-технологической сферы определяется и геополитическими факторами, и суровыми, в целом, природно-климатическими условиями – чем они суровее, тем технологические факторы важнее.

Как известно, геополитические, культурологические прогнозы – дело неблагодарное: нередко события развиваются неожиданным образом. Но из этого правила есть исключение, заслуживающее пристального внимания. Два факта, относящихся к будущему (в долгосрочной перспективе), вполне ясны: не за горами новые научные революции, по практическому значению не уступающие предыдущим, и основное значение в них будут по-прежнему иметь Западная Европа и США.

Из стремления к геополитической самостоятельности, самодостаточности следует и стремление к генерированию и заимствованию технологических инноваций; а значит и к интенсивным контактам с другими странами, прежде всего западными. В этом пункте «изоляционизм» обнаруживает внутреннее противоречие и соприкасается с западничеством – но не в его колониальном варианте.

Мы уже говорили, что каждая из рассмотренных концепций исторически специфична – отразила коллизии, особенно актуальные в эпоху ее формирования. Возникает вопрос – какие гео-

политические факторы, обстоятельства актуализируются последние 10–15 лет? Как в контексте этих процессов выглядят исторически сложившиеся концепции цивилизационного и геополитического положения России? Определенно можно сказать, что сейчас формируется геополитическая обстановка, не благоприятствующая славянофильству и западничеству как геополитическим концепциям. Усиливается отчуждение от Запада; большая часть славянских стран включена в его геополитическую орбиту. (Подчеркнем: культурологические аспекты западничества и славянофильства остаются в силе; но можно констатировать углубляющееся расхождение между культурологическими и геополитическими фактами, по крайней мере, в сфере межгосударственных отношений). Растет и понимание уязвимости геополитических связей с большинством стран, входивших в СССР, – это обстоятельство не благоприятствует евразийству. Не может вызывать сомнений полезность развития связей со странами бывшего СССР; но зависимость от них России в наиболее важных вопросах, например в обеспечении продовольственной безопасности, будет восприниматься (в складывающихся условиях – особенно) как неоправданный риск. Вместе с тем необходимость углубления политических связей со странами Азии, в том числе Восточной, может усилить интерес к установкам евразийского типа в их геополитическом аспекте (но едва ли в культурологическом аспекте, поскольку эти страны цивилизационно слишком далеки от России). Более вероятно усиление тенденций изоляционистского типа (в геополитической мысли; но они окажут влияние и на культурологическую мысль).

4. Об оценках положения Иркутской области в связи с геополитической проблематикой

Для славянофильства и западничества, акцентирующих принадлежность России к Европе, Сибирь, тем более Восточная Сибирь, в частности Иркутская область, – это регионы, не входящие в число приоритетных. Но для евразийства и еще более для «изоляционизма» Восточная Сибирь – один из приоритетов. Акцентировка необходимости опоры на собственные (в пределах современных государственных границ) силы (более свойственная «изоляционизму», чем евразийству) неизбежно влечет за собой и акцентировку значения Сибири. В Сибири находится большая часть природных ресурсов России. Поволжье (частич-

но), Урал, Сибирь до Байкала – это часть территории России, в общем, наиболее удаленная от самых сильных, соседних с Россией, геополитических акторов, ее территориальное ядро. При новой индустриализации России (которая объективно неизбежна) это обстоятельство наверняка будет учитываться. Необходимость развития Дальневосточного региона (обусловленная многими факторами) требует и развития территориального ядра страны – иначе пространство России будет недостаточно континуальным и потому недостаточно прочным.

Характеристики Иркутской области (срединное, и вместе с тем, несколько смещенное к востоку территориальное положение, обеспеченность разнообразными природными ресурсами, значительный образовательный и научный потенциал) особенно ценны в рамках тех геополитических концепций, которые, весьма вероятно, будут иметь наибольшее влияние на мировоззрение политической элиты России и на массовое сознание в долгосрочной перспективе. Это обстоятельство способно стать одним из факторов ускоренного развития Иркутской области.

Список литературы

1. Корнелий Тацит. Сочинения. В 2 т. – Л., 1970. – Т. 2. –
2. Данилевский Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – СПб., 1995. – 574 с.
3. Макиндер Х. Географическая ось истории // Классика геополитики, 20-й век. – М., 2003. – С. 9–30.
4. Савицкий П. Н. Континент Евразия / П. Н. Савицкий. – М., 1997.
5. Тойнби А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. – М.: Айрис пресс, 2003. – 590 с.
6. Цымбурский В. Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы / В. Л. Цымбурский. – М., 2007. – 544 с.

Competing Conceptions of Position of Russia in the System of Civilizations and Estimation of Irkutsk Region Perspectives

P. L. Popov

V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, Irkutsk

Abstract. Inner aspects of traditional conceptions of position of Russia in the system of civilizations (occidentophilism, Slavophilism, «isolationism», eurasianism) are considered in the article. The development of East Siberia, Irkutsk Region in particular, is an overriding priority in terms of eurasianism and «isolationism». In changing political situation the influence of these conceptions, especially «isolationism», is increasing.

Keywords: Slavophilism, occidentophilism, «isolationism», eurasianism, regional priority, perspective, Irkutsk Region.

Попов Петр Леонидович – кандидат философских наук, ведущий инженер лаборатории теоретической географии, Институт географии им. В. Б. Сочавы СО РАН, 664033, г. Иркутск, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 1, тел.: 8(3952)422700, e-mail: plp@irigs.irk.ru

Popov Petr Leonidovich – Candidate of Sciences (Philosophy), Senior Engineer of Laboratory of Theoretical Geography, V. B. Sochava Institute of Geography SB RAS, 1, Ulan-Batorskaya st., Irkutsk, 664033, tel.:8(3952)422700, e-mail: plp@irigs.irk.ru

УДК 323.174

Гетерогенный фактор в определении регионализации федеративного общества

И. В. Раньжина

Волжский гуманитарный институт (филиал Волгоградского государственного университета), г. Волжский

Аннотация. Любая страна характеризуется территориальной неоднородностью, если не по одному признаку, так по другому. Для политической регионалистики интересны территории, которые характеризуются политически значимой неоднородностью, и те признаки, по которым данная территория действительно неоднородна. Для изучения феномена субнациональной регионализации целесообразно ввести понятие «территориально неоднородная (гетерогенная) страна (государство)».

Ключевые слова: гетерогенность, регионализация, федеративное государство, территориальная и этническая неоднородность, политическая система, многосоставное общество, территориальные сегменты.

Политическая структура государственной территории развивается под воздействием внешних (экзогенных) факторов, а также в результате действия внутренних (эндогенных) факторов, непосредственно связанных с политическими процессами. Уменьшение пространственной неоднородности (дифференциации) создает благоприятные условия для укрепления единства государства, развития общенационального рынка, гармонизации социально-экономических преобразований. Усиление неоднородности, наоборот, ослабляет единство общества и государства, затрудняет проведение единой политики социально-экономических преобразований, увеличивает опасность региональных кризисов, межрегиональных (межэтнических) конфликтов и дезинтеграции национальной экономики [5, с. 41].

В политологии существует родственное понятие, с помощью которого изучается неоднородность социума. Это – «многосо-

ставное общество» (plural society), которое также ввел в оборот А. Лейпхарт. По его мнению, политические противоречия в многосоставном обществе в целом совпадают с линиями социального разделения. Регионализм при этом рассматривается с двух сторон.

Во-первых, как совокупность социокультурных и политических движений, выступающих против централистских тенденций во многих сферах жизнедеятельности гетерогенного общества; во-вторых, как соответствующая система взглядов, близкая по целям к сепаратизму. «Регионализм, выражающийся в культурном и/или этническом территориальном движениях, имеет своей целью, как правило, достижение политического суверенитета, и с этой точки зрения понятие регионализма тождественно понятию сепаратизма. Если между регионализмом и сепаратизмом и есть граница, то настолько тонкая, что при определенных обстоятельствах регионализм легко трансформируется в сепаратизм. Но регионализация в отличие от регионализма, более тесно связанного с самоопределением территориальных и/или этнических сообществ, есть результат эволюции национального государства и одна из важнейших предпосылок развития устойчивой федеральной политической системы» [1, с. 98–99].

Объективной основой для регионализма являются происходящие процессы регионализации государств. Основным элементом этого процесса является стратегия эндогенного развития или внутреннего потенциала ограниченного территориального пространства, способного к самоуправлению. Внутренний потенциал вместе с самостоятельным развитием региона лежит в основе понимания территориальной (региональной) власти. Поэтому с помощью этих понятий («внутренний потенциал» и «самоуправление») региональная власть определяется как стремление многообразных сообществ к политико-территориальной идентичности, обеспечивающей автономию в рамках целостного союза [1, с. 97–98].

А. Лейпхарт делит общество на так называемые сегменты – замкнутые, стабильные сообщества со своими социальными и политическими структурами. Многосоставное общество не обязательно является полиэтническим, в нем возможны конфессиональные, классовые и иные сегменты. Вместе эти сегменты создают в рамках многосоставного, но при этом условно единого общества общественную (консоциативную) демократию.

Одной из разновидностей сегментов являются территориальные сегменты. Территориальные сегменты – это аналог районов, как они понимаются в политической регионалистике.

Концепция многосоставного общества имеет огромное значение для политической регионалистики. Многосоставное общество предполагает наличие территориальных сегментов по Лейпхарту, а это уже шаг от общей политологии к регионалистике. Многосоставные общества, согласно Лейпхарту, отличаются от других наличием «линий разделения» или сегментов, проходящих в обществе по различным основаниям: территориальному, этническому, политическому, экономическому, социокультурному, религиозному и т. д. Эти сегменты выделяются там, где политические противоречия в целом совпадают с линиями социального разделения, в особенности с наиболее важными из существующих внутри общества границами [4, с. 29].

Под сегментами Лейпхарт понимает стабильные сообщества, существующие в пределах единого государства, обладающие собственными социальными и политическими структурами, коммуникативными каналами, лидерами и партиями.

Кроме того, сегменты иного происхождения (этнического, конфессионального, социально-классового) почти всегда имеют территориальную привязку – районы, где они преобладают или хотя бы являются значимыми компонентами социума. В своей территориальной проекции многосоставное общество, как правило, представляет собой ячеистую (сотовую) сегментированную структуру.

Особой формой автономии сегментов является федерализм, хотя, по мнению А. Лейпхарта, федерализм может существовать и в немногосоставных обществах [3, с. 78]. В теории федерализм имеет много важных параллелей с общественностью, это касается не только предоставления автономии составным частям государства, что является важной чертой отличия федерализма, но и повышенное представительство малых образований в «федеральной» палате парламента. С этой точки зрения федерализм рассматривается Лейпхартом как ограниченный или особый вид теории общественности [3, с. 78]. Исходя из этого, в подходе к анализу федерализма можно использовать общественный метод для исследования и понимания многосоставных обществ, которые являются «федеративными», т. е. обществами, в кото-

рых каждый сегмент сосредоточен на определенной территории и отделен от других сегментов, т. е. обществами, в которых границы между сегментами совпадают с границами между регионами [6, с. 423].

Согласно Смиту, многосоставность влечет за собой поддержание политического порядка принуждением и силой: «Культурное разнообразие или многосоставность автоматически порождает структурную необходимость доминирования одного из культурных секторов. Это... обуславливает необходимость недемократического регулирования отношений между группировками» [10, с. 14]. Из такого замечания вытекает дихотомная типология, сильно напоминающая классификацию Алмондом европейских политических систем. Один тип представлен «интегрированными обществами, характеризующимися консенсусом и культурной гомогенностью», а другой – «регулируемыми обществами, характеризующимися несогласием и культурной многосоставностью». Из этого следует, что гомогенность является необходимым предварительным условием для демократического правления, что влечет за собой конкретный прогноз: «Многие из недавно освободившихся стран могут либо распасться на отдельные культурные единицы, либо сохранить целостность, но лишь при отношениях господство – подчинение между группами» [10, с. 14].

Общинные ориентиры являются тем, что К. Гирц называет ««первобытной» преданностью, которая может основываться на языке, религии, обычае, местности, расе или предполагаемых кровных связях [7, с. 109]. Субкультуры европейских общественных демократий, которые носят религиозный и идеологический характер и на которые в двух из этих стран накладываются еще и языковые различия, также можно рассматривать как первобытные группы, если считать идеологию своего рода религией. Все эти общества, как западные, так и незападные, будут здесь именоваться многосоставными обществами.

Существует расширительное толкование концепции многосоставного общества, где ключевым понятием является «федеративное общество». Эта концепция была создана У. Ливингстоном, который рассуждал о федеративной природе общества, указывая на ключевую роль интеграционных процессов и союзных отношений между различными группами. Она получила

свою интерпретацию у А. Лейпхарта (который, в частности, рассматривал Кипр с его делением на греческую и турецкую общину в качестве возможного федеративного общества).

Ливингстон, вводя в язык политической науки понятие «федеративное общество», связывает его с федерализмом, который он расценивает не как некую функцию общественного института, а как само общество [8, с. 14]. Под федеративным Ливингстон подразумевает то общество, в котором группы населения различаются этническими и культурно-религиозными характеристиками, хозяйственными традициями, особенностями бытового уклада и которое территориально выделено [2, с. 72–73].

Потребность во взаимодействии и интеграции разрозненных частей в большей мере возникает в неоднородных обществах, складывающихся под влиянием различных факторов. Такие общества не обязательно приобретают федеративную форму государственности, но факторы разъединенности и стремление к интеграции там присутствуют.

Список литературы

1. Гоптарева И. Б. Федеральная государственность и проблема регионализации: политико-правовой аспект // Право и политика. 2005. – № 9.
2. Каменская Г. В. Федерализм: мифология и политическая практика / Г. В. Каменская. – М. : ИМЭМО РАН, 1998.
3. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / А. Лейпхарт ; пер. с англ. ; под ред. А. М. Салмина, Г. В. Каменской – М. : Аспект Пресс, 1997.
4. Лейпхарт А. Сообщественная демократия // Полис. – 1992. – № 3.
5. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза.
6. Daalder H. The Consociational Democracy Theme // World Politics 26. – 1974. – № 4 (July).
7. Geertz Clifford. The Integrative Revolution: Primordial Sentiments and Civil Politics in the New States // Old Societies and New States: The Quest for Modernity in Asia and Africa / Clifford Geertz. – N. Y., 1963.
8. Hueglin Th. O. Sozialter Foederalismus. Die politische Theorie des Johannes Althusius / Th. Hueglin. – Berlin ; N. Y. : De Gruyter, 1991.
9. Furnivall J. S. Colonial Policy and Practice: A Comparative Study of Burma and Netherlands India / J. S. Furnivall. – Cambridge, 1948.
10. Plural Societies: Perspectives and Problems // Pluralism in Africa. – Berkeley, 1969.

Heterogeneous Factor in Determining Regionalization of Federal Society

I. V. Ranzhina

Volzhskiy Humanitarian Institute (branch of Volgograd State University), Volzhskiy

Abstract. Any state is characterized by its territorial heterogeneity, being different in character. Regions characterized by politically significant heterogeneity and the features making them heterogeneous are of interest for political region studies. To study the phenomenon of subnational regionalization the concept of «territorial inhomogeneous (heterogeneous) country (state)» should be introduced.

Keywords: heterogeneity, regionalization, federal state, territorial and ethnic heterogeneity, political system, complex society, territorial segments.

Раньжина Ирина Владимировна – кандидат политических наук, доцент, кафедра экономической теории и управления, Волжский гуманитарный институт (филиал) Волгоградского государственного университета, 404133, г. Волжский, ул. 40 лет Победы, 11, тел.: 8(443)515301, e-mail: iranzhina@mail.ru

Ranzhina Irina Vladimirovna – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Economic Theory and Management, Volzhskiy Humanitarian Institute, brunch of Volgograd State University, 11, 40 let Pobedy St., Volzhskiy, 404133, tel.: 8(443)515301, e-mail: iranzhina@mail.ru

УДК 329/78(470)323.3(47)

Государственная молодежная политика современной России и ее реализация в Иркутской области

Е. А. Серебряков

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Дан краткий исторический обзор становления государственной молодежной политики РФ с начала 90-х гг. на федеральном уровне и на уровне Иркутской области.

Ключевые слова: государственная молодежная политика, политическая социализация молодежи, история Иркутской области.

Социализация молодежи – предмет постоянной заботы ответственного государства и правящих элит. Эта реальность находит отражение в истории и структуре государственных институтов Российской Федерации. А осуществление государственной молодежной политики (ГМП) – конкретный механизм социальной политики по формированию желаемых результатов социализации.

В настоящее время в стране идет обсуждение проекта «Стратегии развития молодежи на период до 2025 г.», он представлен на общественное рассмотрение. И определение ГМП разумно процитировать из Проекта – это «система приоритетов, решений и действий государства, направленных на расширение возможностей молодежи для эффективной самореализации, успешной социализации и роста человеческого капитала в условиях дости-

жения устойчивого социально-экономического развития, конкурентоспособности, национальной безопасности страны» [17].

Автору представляется важным рассмотреть основные этапы становления ГМП в РФ на федеральном уровне и более подробно проанализировать историю молодежной политики Иркутской области.

В сфере управления ГМП на уровне Федерации в 1990-х – начале 2000-х гг. происходили частые и беспорядочные смены организационного механизма управления, что обусловило снижение реального воздействия государства на решение социальных проблем молодежи [3]. В 1990 г. Е. Д. Каткульский был назначен заместителем министра – начальником впервые созданного Управления по молодежной политике в рамках Государственного комитета по труду и социальным вопросам СССР. Управление существовало около года – до момента образования Комитета по делам молодежи при Совете Министров СССР, который возглавил В. И. Цыбух. Жизнь этого Комитета длилась еще меньше, всего несколько месяцев [9].

На закате Советского Союза его руководители озаботились проблемами молодежи. Комсомол оказался в глубочайшем кризисе, и решать проблемы молодого поколения пришлось вне его. Так, в 1990 г. появилась должность Уполномоченного при Президенте СССР по делам молодежи, на которую назначили А. Шаронова. Этот момент можно считать точкой отсчета истории молодежной политики России [2; 6, с. 49–51].

16 апреля 1991 г. был принят Закон № 2114-1 «Об общих началах государственной молодежной политики в СССР», в котором определялись общие начала ГМП и признавались в качестве правовой основы для развития соответствующего законодательства республик [15]. Но закон не вошел в состав нормативных актов РФ в дальнейшем.

Летом 1991 г. после выборов Президента России в новом российском Правительстве был создан Госкомитет РСФСР по делам молодежи, под руководством того же А. Шаронова. В конце 1991 г. он стал полномочным представителем Правительства по делам молодежи, а 16 сентября 1992 г., опять же под его началом, появился Комитет по делам молодежи при Правительстве РФ. 23 декабря 1996 г., после ухода Шаронова в Минэкономики России, Госкомитет возглавила Т. Новикова. 24 июня 1998 г. вместо Гос-

комитета (упраздненного) возник Департамент по делам молодежи в Министерстве труда и социального развития [2].

22 сентября 1998 г. Госкомитет по делам молодежи был возрожден под руководством В. И. Деникина. С 25 мая 1999 г. по 17 мая 2000 г. он назывался Госкомитетом РФ по молодежной политике. Затем его снова упразднили (2000 г.), а функции передали Департаменту по молодежной политике Минобразования РФ, который возглавила Г. Куприянова.

С 1 июня 2004 г., в результате административной реформы, в рамках вновь образованного Минобрнауки возник Департамент государственной молодежной политики, воспитания и социальной защиты детей (с 2005 г. в названии было убрано слово «государственной»), его возглавил С. Н. Апатенко, а с ноября 2006 г. – А. А. Левитская. В Федеральном агентстве по образованию в 2004 г. было создано Управление по делам молодежи.

В 2007 г. был создан Государственный комитет Российской Федерации по делам молодежи, руководителем был назначен В. Якеменко. Позднее комитет был переименован в Федеральное Агентство по делам молодежи (2008 г.). До 21.05.2012 г. агентство находилось в ведении Министерства спорта, туризма и молодежной политики РФ, а с 21 мая – в подчинении Министерства образования и науки Российской Федерации. С 23.06.2012 по 13.03.2014 руководителем Агентства являлся С. Ю. Белоконов [2].

Распоряжением Правительства РФ от 13.03.2014 г. № 357-р на должность руководителя Федерального агентства по делам молодежи назначен Сергей Валерьевич Поспелов [17], работающий по настоящее время.

Анализ нормативно-правовой базы в области ГМП РФ проведен исследователем А. В. Петровым [16, с. 22–33], начиная с начала 90-х гг., и рассматривать ее дополнительно нет смысла в данной работе.

Система управления ГМП в Иркутской области начала складываться с 1991 г., когда 22 апреля решением Иркутского областного Совета народных депутатов создан *Комитет по делам молодежи* со штатом восемь человек, под руководством Н. В. Слободчикова. Перед Комитетом поставили задачи определить приоритетные направления молодежной политики, координировать деятельность различных организаций и учреждений, реализующих ГМП, разрабатывать программы в интересах молодежи [14].

С момента создания Комитета были сформулированы основные направления деятельности, выполнение которых должно было способствовать выводу работы по реализации ГМП на качественно новый уровень. Среди них: разработка нормативно-правовой базы государственной молодежной политики; организационное укрепление органов по работе с молодежью; увеличение финансирования мероприятий молодежной политики; усиление работы по духовно-нравственному и патриотическому воспитанию молодежи, профилактики социально-негативных явлений в молодежной среде.

В ноябре 1996 г. Комитет по делам молодежи реорганизован в *Комитет по социальной политике администрации области*. В составе Комитета работало 27 человек, из них 5 – в отделе по делам молодежи (обязанности начальника отдела исполнял В. И. Рудых) [6, с. 98–99; 16, с. 42].

Наиболее значительные изменения в содержании деятельности Комитета произошли в 1998–2000 гг. 13 апреля 1998 г. губернатор области Б. А. Говорин упразднил Комитет по социальной политике и восстановил *Комитет по делам молодежи*, а 25 мая 1998 г. утвердил новое положение. Штатная численность Комитета определялась в восемь человек. Председателем Комитета в 1998–2003 гг. был А. И. Беломестных.

В феврале 2000 г. Комитет по делам молодежи был реорганизован в *Комитет по молодежной политике*, а в июле губернатор изменил его структуру и увеличил штат до 17 человек. Изменения организационной структуры Комитета и положения о Комитете в целом позитивно сказались на его работе и привели к укреплению его организационной основы [14].

Руководство Комитета исходило из понимания того, что основной задачей областного органа по делам молодежи является не проведение разовых мероприятий, а выстраивание системы работы с молодежью на областном, районном и местном уровне. На Комитет были возложены координирующие и информационно-методические функции, задачи выработки механизмов реализации молодежной политики. Большинство программ и мероприятий реализовывались сотрудничающими с ним организациями при его активной организационной, финансовой и информационно-методической поддержке. В то же время наиболее значимые и сложные в реализации проекты областного масштаба осуществлялись Комитетом самостоятельно.

В период 2003–2006 гг. молодежную политику в области возглавил В. В. Барышников. В последующий период трансформация данной структуры продолжилась. Администрация Иркутской области (12.08.2004 г.) приняла постановление «О комитете по молодежной политике Иркутской области» и положение о нем. В соответствии с ним Комитет по молодежной политике являлся исполнительным органом государственной власти области со штатом 15 человек и осуществлял функции государственного управления в сфере ГМП.

Постановлением Администрации Иркутской области от 03.11.2006 г. Комитет по молодежной политике был переименован в *Агентство по молодежной политике* Иркутской области. Со второй половины 2006 г. до февраля 2007 г. молодежную политику возглавлял А. В. Васильков. С февраля 2007 г. начальником Агентства по молодежной политике стал И. В. Иванов [16, с. 43].

Осенью 2007 г. Агентство по молодежной политике Иркутской области было присоединено к Министерству по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области. Министрами были: К. Ю. Волков, Б. В. Пузыня, А. Ю. Зубков. С ноября 2010 г. министром был назначен И. В. Иванов [Там же].

Указом Президента РФ от 12 мая 2008 г. «Вопросы системы и структуры федеральных органов исполнительной власти» установлена новая структура федеральных органов исполнительной власти, в том числе образовано Министерство спорта, туризма и молодежной политики Российской Федерации, на которое возложены функции по выработке и реализации ГМП. В ведение нового Министерства передано Федеральное агентство по делам молодежи, созданное вместо ранее действовавшего Государственного комитета по делам молодежи.

На территории Иркутской области функции по управлению в сфере формирования и реализации ГМП возложены на управление по молодежной политике министерства по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области, положение о котором утверждено постановлением администрации Иркутской области от 29 октября 2007 г. № 227-па.

С целью межведомственного взаимодействия в различных областях социальной работы и для усиления позиций молодежной политики области работники министерства входят в состав различных межведомственных советов, комиссий, оргкомитетов.

Так, представители министерства работают в Совете по патриотическому воспитанию при областном военкомате, в областной призывной комиссии и других органах. Министр входит в состав административного Комитета при губернаторе Иркутской области.

В мае 2013 г. министром по физической культуре, спорту и молодежной политике Иркутской области назначен П. В. Никитин, работающий до сего времени.

Представляется интересным проследить исследователей и исследования проблем молодежи, студенчества на страницах одного из региональных журналов – «Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение». Журнал выходит восьмой год и, будучи изданием вуза, выбрал в себя самые интересные и актуальные исследования региона. Суммарно по теме молодежи выявлено одиннадцать работ восьми авторов. Это некий субъективный показатель того, что специалистов (и федерального, и регионального уровней), работающих по теме молодежи, немного.

Первая работа авторского коллектива (О. Воронин, А. Петров, В. Рабинович) посвящена выявлению реального социально-политического портрета молодежи – «Молодежь в политических процессах современной России (региональный аспект)». Представлен результат работы исследовательской группы посредством проведения экспертного опроса лидеров общественного мнения в области молодежной политики [1].

Работа Р. Ю. Зуляр «Политико-правовая культура учащейся молодежи: состояние и технологии ее формирования (к постановке проблемы)» посвящена определению актуальности, значимости поставленной проблемы. Этот же автор в другом номере продолжает начатую тему работой «Проблемы политической социализации студентов в Байкальском регионе на рубеже XX–XXI вв.», рассматривая проблемы политической социализации, выделяет основные механизмы ее проявления, проводит краткий анализ состояния этого процесса в Байкальском регионе [5].

М. В. Лисаускене в работе «Двадцать лет спустя: ретроспектива мнений поколений о путях развития российской цивилизации» дает сравнительный анализ мнений двух поколений российского студенчества (1989–2009 гг.) об исторических событиях, оказавших влияние на развитие российской цивилизации в XX в. [11].

В этом же номере (в разделе «Государственная молодежная политика: ее реализации и последствия») проблеме снижения уровня политического участия молодежи посвящена статья А. А. Малькевич «Молодые граждане развитых демократий: проблемы политического участия» [13].

Третьей статьей этого раздела является работа Р. Ю. Зуляр «Основные направления современной российской государственной молодежной политики», в которой автор рассматривает и сами направления, и дает краткую характеристику некоторых программ, которые действуют на территории РФ, где в качестве объекта воздействия выступает молодежь [4].

Представлены результаты социологического исследования либерализации сексуальной культуры студенческой молодежи в статье М. В. Лисаускене «Либерализация сексуальной культуры иркутского студенчества». Проанализировано влияние сексуальной революции на ценностные ориентации и стратегии сексуального поведения молодежи [12].

Такому аспекту политической социализации студенческой молодежи, как преподавание социально-политических дисциплин, посвящена работа Р. Ю. Зуляр «Роль преподавания социально-политических дисциплин в обеспечении политической активности студенчества» (раздел «Методология и методика преподавания политических наук») [8].

Иному аспекту изучения проблем молодежи – фактору религиозности – посвящена статья исследователя из Красноярска Н. А. Шибановой «Современная православная молодежь Красноярского края: религиозность, воцерковленность и представление о семье» [18].

Тему политической социализации молодежи продолжает исследовать автор из Томска И. В. Кирдяшкин в работе «Смысловое измерение политической социализации российской молодежи: к постановке проблемы». Автор проанализировал отечественную историю в поисках фундаментальных смыслов политической социализации российской молодежи, произрастающих из российской культурной традиции [10].

Можно сделать ряд заключений, касающихся ГМП в России и его региональной составляющей. За последние два десятилетия политико-правовые и административные реформы затронули все социальные институты, напрямую или косвенно связан-

ные с молодежной политикой. Процесс трансформации ГМП на федеральном уровне напрямую повлиял на реформирование молодежной политики на региональном уровне, это видно в решениях по изменениям в названиях и структуре органа по делам молодежи Иркутской области. Важен тот факт, что на уровне РФ нет федерального закона по молодежной политике, а его эквиваленты неспособны дать четкую правовую и административную структуру ГМП в стране.

Разработка и реализация целевых программ на всех уровнях власти и местного самоуправления неспособны эффективно взаимодействовать по всем целевым показателям и решать задачи, связанные с комплексным решением вопросов молодежной политики как РФ, так и, в данном случае, в Иркутской области. Эти и ряд других проблем (нехватка финансирования, секвестирование бюджета, недостаточное взаимодействие между муниципальными и региональными властями) дают достаточно сложную и неоднозначную картину ГМП. Авторы и авторские коллективы, ведущие научную разработку проблем, связанных с молодежной политикой, вынуждены зачастую работать не с четко выстроенной структурой, а сопоставлять федеральный и региональный аспект, который в разные периоды политической и административной трансформации системы нередко противоречит друг другу.

Список литературы

1. Воронин О. Молодежь в политических процессах современной России (региональный аспект) / О. Воронин, А. Петров, В. Рабинович // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2007. – № 1. – С. 94–107.
2. Государственная молодежная политика в Российской Федерации [Электронный ресурс] // Википедия. – URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%D1%F3%E4%E0%F0%F1%F2%E2%E5%ED%ED%E0%FF_%EC%EE%EB%EE%E4%B8%E6%ED%E0%FF_%EF%EE%EB%E8%F2%E8%EA%E0_%E2_%D0%EE%F1%F1%E8%E9%F1%EA%EE%E9_%D4%E5%E4%E5%F0%E0%F6%E8%E8#cite_note-2.
3. Зуляр Р. Ю. Основные институты постсоветской государственной молодежной политики // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2012. – № 2(9), ч. 1. – С. 96–105.
4. Зуляр Р. Ю. Основные направления современной российской государственной молодежной политики // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2 (5). – С. 26–33.
5. Зуляр Р. Ю. Политико-правовая культура учащейся молодежи: состояние и технологии ее формирования (к постановке проблемы) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2008. – № 1(2). – С. 211–214.

6. Зуляр Р. Ю. Политическая социализация студенческой молодежи : учеб. пособие / [науч. ред. В. Н. Казарин]. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 173 с.
7. Зуляр Р. Ю. Проблемы политической социализации студентов в Байкальском регионе на рубеже XX–XXI вв. // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2009. – № 1(3). – С. 91–98.
8. Зуляр Р. Ю. Роль преподавания социально-политических дисциплин в обеспечении политической активности студенчества // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2 (7). – С. 286–290.
9. История возникновения государственной молодежной политики в России [Электронный ресурс] // Госкоммолодежи Чувашии (архив), офиц. сайт. – URL: http://gov.cap.ru/SiteMap.aspx?gov_id=92&id=21318.
10. Кирдяшкин И. В. Смысловое измерение политической социализации российской молодежи: к постановке проблемы // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 2(11), ч. 1. – С. 45–51.
11. Лисаускене М. В. Двадцать лет спустя: ретроспектива мнений поколений о путях развития российской цивилизации // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2(5). – С. 9–17.
12. Лисаускене М. В. Либерализация сексуальной культуры иркутского студенчества // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2011. – № 2(7). – С. 78–86.
13. Малькевич А. А. Молодые граждане развитых демократий: проблемы политического участия // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2010. – № 2(5). – С. 18–25.
14. О положении молодежи в Иркутской области. 2000 : гос. докл. [Электронный ресурс] / рук. А. И. Беломестных [и др.] ; Адм. Иркут. обл., Комитет по молодежи, политике. – URL: http://irkutsk.news-city.info/docs/sistemsk/dok_oeqmgmi/index.htm.
15. Об общих началах государственной молодежной политики в СССР : закон СССР от 16.04.1991 г. [Электронный ресурс] // сайт. – URL: <http://www.alppp.ru/law/socialnoe-obespechenie-i-socialnoe-strahovanie/77/zakon-sssr-ot-16-04-1991--2114-1.pdf>.
16. Петров А. В. Региональная и муниципальная молодежная политика : учеб. пособие / А. В. Петров. – Иркутск : Изд-во ИГУ, 2012. – 150 с.
17. РосМолодежь, федеральное агентство по делам молодежи, Министерство образования и науки РФ, официальный сайт [Электронный ресурс] // сайт. – URL: <http://www.fadm.gov.ru/news/18003/>.
18. Шибанова Н. А. Современная православная молодежь Красноярского края: религиозность, воцерковленность и представление о семье // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Политология. Религиоведение. – 2013. – № 1(10). – С. 209–215.

National Youth Policy in Contemporary Russia, its Implementation in Irkutsk Region

E. A. Serebriakov

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The author presents a brief historic review of development of national youth policy both at the federal level and in Irkutsk Region.

Keywords: national youth policy, youth political socialization, history of Irkutsk Region.

Серебряков Евгений Александрович – преподаватель, кафедра политологии, истории и регионоведения, исторический факультет, Иркутский государственный университет, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1-410 б, тел.: 8(3952)334372, начальник отдела патриотического воспитания ОГКУ «Центр социальных и информационных услуг для молодежи», г. Иркутск, e-mail: serebryakov@irksportmol.ru

Serebriakov Yevgeny Aleksandrovich – Lecturer, Sub-department of Political Science, History and Region Studies, Department of History, Irkutsk State University office 310, 1, K. Marx st., Irkutsk, 664003 tel.: 8(3952)334372, chief of department of Patriotic Education, Regional State-owned establishment “Center of Social and Informational Services for Young people”, Irkutsk, e-mail: serebryakov@irksportmol.ru

УДК 329.78(571.53)(091)

Молодежные общественные организации на политической сцене Иркутской области (1985–1992 гг.)

В. Г. Сизых

Иркутский региональный колледж педагогического образования, г. Иркутск

Аннотация. В статье раскрываются особенности развития молодежного общественного политического движения в Иркутской области в период 1985–1992 гг.

Ключевые слова: комсомол, самостоятельные молодежные организации, российское демократическое движение.

В Иркутской области на 1 июня 1996 г., по данным комитета по делам молодежи областной администрации, было зарегистрировано 112 молодежных и детских общественных организаций, что позволяет говорить о достаточно высоком уровне формальной самоорганизации в среде социально активной части молодежи региона к середине 1990-х гг. В этот период происходил распад комсомольской организации (ВЛКСМ). Комсомол, являвшийся в начале периода перестройки единственной действовавшей официально молодежной общественно-политической организацией, обладавшей значительными материальными и кадровыми ресурсами, в результате воздействия происходивших в обществе перестроечных социально-политических и экономических процессов постепенно становился неоднородным, что способствовало его ослаблению.

В целом по стране некогда целостная монолитная структура постепенно становилась более аморфной, в среде комсомольских руководителей наблюдалось отсутствие единомыслия по наиболее важным для будущего организации вопросам. Происходил

процесс утраты комсомолом традиционно выполняемых им в политической системе советского общества функций, которые постепенно переходили к новым молодежным организациям. Эти молодежные объединения и их лидеры сыграли значительную роль в последовавших в конце 1980-х – начале 1990-х гг. социально-политических переменах. В общем молодежные объединения этого периода разделили судьбу российского демократического движения, составной частью которого они являлись, повторив основные этапы его развития и практически прекратив существовать после вхождения своих лидеров во властные структуры [4; с. 49].

С 1985–1986 гг. в стране начался процесс формирования неформальных (или, как тогда говорили, самодетельных) молодежных организаций, которые в основном складывались стихийно, на основе уже существовавших, но неструктурированных и неоформленных организационно групп, объединявших, как правило, молодых людей, имевших общее увлечение или придерживавшихся близких убеждений и взглядов. Оценивая мотивы активного участия молодого поколения в неформальных организациях, Виктор Пастухов выделяет в качестве двух основных «органическое отращивание ко всему официальному» и отсутствие у молодежи «средств, возможностей, связей, чтобы в рамках системы отстаивать свои взгляды», т. е. слабый уровень интегрированности молодежи в существовавшую социально-политическую систему [4, с. 53]. К 1988–1990 гг. произошло институционально-организационное оформление этих общественных групп, не имевших до этого времени какого-либо официального статуса. Для этого периода характерно, что большинство возникавших клубов и организаций, участниками и лидерами которых были молодые, и по своим названиям, и по характеру деятельности носили преимущественно неполитический характер. Именно это обстоятельство существенно отличало их от своих предшественников – молодежных, в основном студенческих организаций, которые создавались в период хрущевской оттепели и в последующем, до начала 1980-х гг., имели в основном политический характер с преимущественно «истинно» марксистской или «истинно» коммунистической ориентацией. Другой характерной особенностью молодежных организаций конца 1980-х гг. является то, что большинство из них при образовании преследовали конкретные, предметные цели (Клуб друзей Бай-

кала, Байкальская экологическая волна), в то время как их предшественники 1960–1980-х гг. выдвигали весьма глобальные проекты и стремились добиться смены, а иногда и свержения общественного режима или его коренного реформирования [4, с. 25]. Чем менее тотальным становился в 1985–1988 гг. государственный контроль, тем менее выраженными оказывались на этом этапе деятельности молодежных организаций идейно-политические начала. Их направленность вполне укладывалась в официальный курс на демократизацию общественной жизни, поэтому большинство из них встречало если не покровительственное, то, по крайней мере, нейтральное отношение комсомольских структур, многие работники которых, вероятно, ощущали схожесть отмеченных ранее психологических мотивов, которыми руководствовались активисты этих организаций, с мотивацией собственной деятельности.

Комсомол на этом этапе развития неформального молодежного движения в регионе играл, на первый взгляд, парадоксальную роль. Аппарат комсомольской организации, чутко улавливавший изменения, происходящие в линии партии, взял курс не на борьбу с возникавшими самостоятельными молодежными группами, как традиционно происходило ранее. Напротив, именно комсомол становился инициатором организационного оформления стихийных молодежных течений, а также предоставлял помещения и иные ресурсы для деятельности формировавшихся молодежных групп. Показательны в этой связи дополнения в названиях или самохарактеристиках многих молодежных групп и объединений, ключевую роль в которых играет говорящее само за себя слово «при». В Иркутской области при комитетах комсомола, горкомах, райкомах было создано 80 хозрасчетных объединений [3, с. 388].

При комитетах комсомола региона создавались инициативные группы по строительству МЖК. При ОК ВЛКСМ открылся филиал молодежного коммерческого банка ЦК ВЛКСМ, был создан фонд социальных программ как филиал Всесоюзного фонда поддержки молодежного предпринимательства. В него вошли 12 организаций: Институт гуманитарной информации и рекламы, обком ЛКСМ России, областной штаб ССО, центр социально-психологических проблем молодежи, азиатская ассоциация боевых искусств «Кейптроллер», историко-патриотическое общество «Мемориал», молодежный центр «По-

литолог», молодежный экологический центр, бюро молодежных путешествий и туризма «Спутник» и др. На этом этапе комсомол пытался играть ведущую роль в процессе активизации социальной инициативы и самоорганизации, который охватывал все большую часть молодежи. Комсомол пытался формировать молодежную политику через советы народных депутатов. В советах всех уровней молодые люди в возрасте до 30 лет составили 12,5 % [2, с. 25].

В результате именно комсомольские структуры во многом вопреки желанию их руководителей фактически становились реальными альтернативами структурам КПСС. Неформальные молодежные организации, развиваясь при некотором покровительстве комсомола, увеличивали число своих участников и усиливали влияние на социально-политические процессы, в то время как сами комсомольские структуры, в том числе под воздействием таких организаций, прodelывали обратную эволюцию. После отмены в начале перестройки обязательности вступления в комсомол численность комсомольских организаций региона стала уменьшаться, а отношение к самой коммунистической идеологии в молодежной среде постепенно становится все более негативным. Проявилась тенденция ухода студенческих хозрасчетных центров из-под контроля их учредителей – комитетов комсомола – путем регистрации этих центров в исполкомах как малых предприятий. Все это привело к началу не только идеологического, но и материального расслоения комсомольского аппарата. Впоследствии именно комсомольские функционеры составили внушительный процент среди руководителей банков, бирж и т. п. Комсомольский аппарат, ранее являвшийся местом притяжения молодых карьеристов из любой сферы деятельности, стал терять ореол привлекательности, появились иные, альтернативные механизмы выявления и самореализации молодых лидеров, которые в новых структурах получали больше возможностей для роста благосостояния и популярности. Произошел важный для понимания дальнейшей эволюции молодежной составляющей социально-политической системы региона факт – функция социального и политического рекрутирования перестала быть монополией одной молодежной организации – ВЛКСМ, появились другие, независимые от нее институты отбора молодых лидеров. Основной идеологемой большинства не-

формальных политизированных молодежных организаций становится декларирование невозможности достижения провозглашаемых ими целей в рамках существующей социально-политической системы. Актив этих групп все более вовлекался в работу по созданию других, уже однозначно политических, в том числе и немолодежных общественных объединений.

В целом, оценивая молодежное движение в Иркутской области периода 1988–1990 гг., роль, которую сыграли молодежные группы и организации Иркутской области и Байкальского региона в общем контексте социально-политической ситуации, можно сделать следующие выводы. Во-первых, отметим высокий уровень социальной и социально-экономической, а затем и социально-политической активности молодежи. Это особенно ярко проявилось в некоторых ее социальных группах, что видно при анализе состава участников самостоятельных молодежных общественных организаций (студенты, научные работники, люди творческих профессий); во-вторых, именно эти новые социальные институты (молодежные общественные объединения и кооперативы) явились одной из основных причин, позволивших процессу распада комсомола как важного социального института пройти сравнительно безболезненно для общества. Они взяли на себя часть тех социальных функций, которые выполнял комсомол, т. е. произошел процесс замещения и вытеснения комсомола за рамки политического поля, в котором проходила реальная политическая жизнь. Комсомольские функционеры становились преуспевающими предпринимателями, не особенно интересующимися политикой, а большинство рядовых членов организации оставались сторонними наблюдателями происходивших в комсомоле процессов.

Список литературы

1. Здравомыслова Е. А. Мобилизация ресурсов демократического движения в Ленинграде(1987–1990 гг.) // Социология общественных движений: эмпирические наблюдения и исследования. – М. ; СПб., 1993.
2. Весь Иркутск: информационно-рекламный ежегодник-календарь на 1992 г. – Иркутск : Вост.-Сиб. правда, 1992.
3. Мы помним тебя, комсомол!: История. Документы. Воспоминания. – Иркутск : Облмашинформ, 2000..
4. Пастухов В. Б. Три времени России. Общество и государство в прошлом – настоящем – будущем / В. Б. Пастухов. – М., 1994.
5. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. – М., 1993.
6. О роли молодежи в демократическом обществе // Молодежь: Цифры. Факты. Мнения. – СПб., 1996. – № 1.

Youth Organizations at the Irkutsk Region Political Arena

V. G. Sizykh

Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, Irkutsk

Abstract. The article considers some aspects of youth political movement development in Irkutsk Region in 1985–1992.

Keywords: Komsomol, youth self-regulated organizations, Russian democratic movement.

Сизых Виктория Григорьевна – преподаватель общественных дисциплин, Иркутский региональный колледж педагогического образования, 664074, г. Иркутск, ул. 5-я Железнодорожная, 53, тел.: 8(3952)412282, г. Иркутск, e-mail: victoriyas2012@gmail.com

Sizykh Viktoria Grigorievna – lecturer of Social Subjects, Irkutsk Regional College of Pedagogic Education, 53, 5th Zheleznodorozhnaya st., Irkutsk, г. Иркутск, tel.: 8(3952)412282, г. Иркутск, e-mail: victoriyas2012@gmail.com

УДК 323

Формы гражданской активности в сети Интернет[†]

А. В. Соколов

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, г. Ярославль

Аннотация. Приводятся данные социологических исследований гражданской активности в современной России в сети Интернет. Автором выделяются наиболее распространенные и эффективные формы и технологии активности в Интернете. В исследовании особо анализируются формы и механизмы активности субъектов в Интернете.

Ключевые слова: Интернет, политическое участие, политические кампании в сети Интернет, интернет-технологии, каналы коммуникации.

Одной из особенностей современного российского общества является перенос политической активности в Интернет. Массовые и доступные коммуникации между людьми, сообществами, партиями и остальными элементами общества являются чрезвычайно важными для процессов формирования различных коалиций и блоков между объединениями [2]. Благодаря сети Интернет политические процессы и управление приобрели новое содержание, которое обусловило появление новых субъектов гражданского общества – сетевых сообществ [1].

[†]Статья подготовлена в рамках исследования, финансируемого за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-2972.2013.6

Необходимость привлечения значительного количества заинтересованных акторов к решению общественно-значимых проблем обуславливает важнейшую роль Интернета в обеспечении коммуникации между ними в современных условиях. Широкое применение сервисов и инструментов Интернета в социальном общении, увеличение их доли в рамках коммуникации говорит о том, что роль онлайн-коммуникации в системе общественных связей будет увеличиваться и тенденции к объединению в сети будут усиливаться.

В этой статье использованы данные проведенных автором в октябре-ноябре 2012 г. опросов экспертов 4 субъектов Российской Федерации (Ярославская, Вологодская, Ульяновская и Новосибирская области), на выборке в каждом по 30 человек (депутаты региональных и муниципальных представительных органов, журналисты, руководители региональных отделений политических партий и общественных объединений, журналисты и т. д.). Это позволило получить данные о гражданской активности в Интернете, тенденциях развития участия политической элиты субъектов Федерации в Интернете. Опрос проводился по полуформализованной анкете. Это позволило получить как количественные, так и качественные оценки участия граждан в Интернете.

С целью интерпретации полученных количественных данных в ноябре 2012 – январе 2013 г. был проведен массовый интернет-опрос пользователей, активно участвующих в политических кампаниях в Интернете, и иных политически активных пользователей Интернета общей выборкой 400 респондентов. В статье представлены результаты обработки данных, собранных в 15 регионах России (Владимирская область; Волгоградская область; Вологодская область; Краснодарский край; Новосибирская область; Пермский край; Приморский край; Псковская область; Республика Башкирия; Республика Дагестан; Республика Татарстан; Ростовская область; Ульяновская область; Хабаровский край; Ярославская область). Это позволило сделать большой географический охват, позволяющий получить репрезентативные данные по всей России.

В результате удалось получить как количественные данные по распространению Интернета в политической сфере, так и их интерпретацию.

В ходе исследования было выявлено, что активные люди в Интернете выражают свою позицию посредством обсуждений политических процессов, участия в диалогах, распространения своих взглядов и убеждений, поддержки политических субъектов, создания новостей, распространения информации. Важной формой активности является поиск единомышленников, поддержка их инициатив не только в сети, но и с офлайн-выходом, участвуя в протестном движении.

Более активный способ выражения своей гражданской позиции – это собственная инициатива, «координация совместных усилий», администрирование группы в социальной сети, проведение политической кампании как онлайн, так и офлайн.

Ряд участников исследования указывали на важность выстраивания простого и откровенного диалога с властью и людьми. Следует отметить одну из новых форм отстаивания своей позиции в Интернете, которая становится все популярнее среди молодых людей – это гражданская журналистика и аналитика.

Также многие опрошенные указали, что их ролью в Интернете является пробуждение в населении желания действовать, его вовлечение в политический диалог, «донесение до сознания людей правды».

В целом участники опроса указали на свою функцию как посредника при передаче информации, донесения ее до широких масс. Сложно сказать, чувствуют ли они при этом свою ответственность, но, как нам кажется, понимают необходимость такой деятельности.

Таким образом, можно выделить активный и пассивный способ участия в общественно-политических кампаниях в Интернете. Среди участников можно выделить организаторов, активных участников движения и потребителей информации.

Также стоит сказать о качестве такой деятельности. В большинстве случаев это критика власти, ситуации. Реже мы можем говорить о конкретных предложениях к решению проблем.

Наиболее активно используются те инструменты участия, которые не требуют больших затрат у пользователей прежде всего временных. Такие инструменты, как размещение заявлений и обращений в социальных сетях, обсуждение и комментирование на форумах и сайтах просты в использовании и поэтому привлекают внимание аудитории. Более сложные в организации меро-

приятия, например онлайн и офлайн флешмобы, сборы подписей, задействуются теми, кто имеет возможности, а главное, необходимость их использования. Среди таких пользователей наиболее активные участники общественно-политической жизни, специалисты в интернет-продвижении кампаний, а также координаторы и другие руководители социально-политических проектов.

Самые используемые инструменты предоставляются социальными сетями. Это и большой охват аудитории делают соцсети наиболее популярным каналом коммуникации между субъектами общественно-политической активности. Кроме того, сегодня они сочетают в себе также функции СМИ, донося информацию зачастую быстрее, чем новостные сайты, телевидение и радио.

Стоит отметить, что специфические и в какой-то степени инновационные инструменты, такие как онлайн-конференции и интернет-реклама, очень мало востребованы среди широкой аудитории сети. т. е. для выражения своей активности они выбирают более привычные для себя способы, которые и стали самыми популярными по итогам опроса.

Размещение заявлений, обсуждений в социальных сетях, блогах, чатах – самый популярный способ активности в сети, так как является наиболее удобным, эффективным и отчасти может заменить такие малоиспользуемые формы активности, как интернет-реклама, онлайн конференции и заседания. Размещение итогов конференции на форумах и сайтах получит большую отдачу, так как изложенная коротко проблематика будет прочитана и воспринята. Участие в онлайн конференциях и заседаниях требует времени. Интернет-реклама требует финансовых затрат.

Благодаря обсуждениям, особенно в соцсетях, возможна организация офлайн-мероприятий и флешмобов, формирование общественного мнения, распространение информации и т. д.

Социальные сети – наиболее популярный канал коммуникации для политической активности в Интернете. На втором месте в экспертном рейтинге – блоги, на третьем – электронные СМИ.

Эксперты выделили основные интернет-инструменты, наиболее часто используемые в рамках гражданской активности:

- средства координации, организации;
- средства распространения информации, формирование мнения, средства влияния;
- средства обмена информацией.

В целом перечень используемых интернет-инструментов включает в себя:

- три крупнейшие социальные сети VK, Facebook, Twitter. Вспомогательно – видеохостинг Youtube;
- электронные средства массовой информации;
- форумы;
- рассылка фотовидеофайлов в соцсетях, вброс слухов, участие в обсуждениях на другие темы;
- посты в блогах, микроблоги;
- внутриорганизационные аудио- и видеочаты, почтовые рассылки, торрент-раздачи;
- онлайн-конференции, онлайн-съезды;
- опросы;
- организация офлайновых политических мероприятий с помощью социальных сетей;
- PR-атаки на органы власти и ее представителей.

Одна из главных причин возросшей роли Интернета заключается в том, что, благодаря огромной аудитории, включающей в себя множество активных людей, он становится мощным мобилизирующим ресурсом. С помощью Интернета субъекты общественно-политического процесса могут как обрести серьезную общественную поддержку, так и потерять доверие людей.

Данные исследования свидетельствуют о высоком потенциале развития гражданской активности в сети Интернет, становлении новых форм и способов привлечения сторонников, новых способов коммуникации и общественного контроля.

Наибольшая активность в Интернете наблюдается в социальных сетях, которые предоставляют значительные возможности коммуникации, передачи информации, поиска ресурсов.

Постепенно накапливавшийся опыт организации гражданской активности в рамках локальных и региональных кампаний позволил сделать качественный скачок в развитии активности в 2011 г. в ходе массовых акций протеста, связанных с подозрением в фальсификации результатов выборов депутатов Государственной Думы Российской Федерации шестого созыва. Все основные акции протеста организовывались через социальные сети и другие каналы коммуникации в Интернете. Они позволяли привлекать к участию в протестных мероприятиях, по разным оценкам, до 150 тыс. человек.

Список литературы

1. Белянцев А. Е. Интернет-пространство как фактор модернизации институтов гражданского общества / А. Е. Белянцев, А. В. Лымар // Вестн. Нижегород. Ун-та им. Н. И. Лобачевского. – 2012. – № 6 (1).
2. Бондаренко С. В. Социальные технологии «электронной демократии» (попытка верификации конструкта) // Политическая коммуникация в постсоветской России: проблемы формирования и парадигмы развития: материалы секции «Политическая коммуникация» Третьего Всерос. конгресса политологов. 28–29 апр. 2003 г. – М., 2003.

Forms of Cyber-Activism

A. V. Sokolov

P. G. Demidov Yaroslavl State Technical University, Yaroslavl

Abstract. Opinion survey findings about cyber-activism in Russia are presented. The author points out the most common and practical forms and ways of activity in the Internet.

Keywords: Internet, political participation, political internet campaigns, internet-based technology, communication channel.

Соколов Александр Владимирович – кандидат политических наук, доцент, кафедра социально-политических теорий, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150000, г. Ярославль, ул. Кирова, д. 8/10, тел.: 8(4852)303210, e-mail: alex8119@mail.ru

Sokolov Aleksandr Bladimirovich – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor, Department of Socio-Political Theories, P. G. Demidov Yaroslavl State Technical University, 8/10, Kirova st., Yaroslavl, 150000 tel.: 8(4852)303210, e-mail: alex8119@mail.ru

УДК 321.13

Региональный политический маркетинг: технологический аспект

Ю. П. Тома

Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону

Аннотация. Рассматривается процессуальный характер политического маркетинга на региональном уровне через семиотическую составляющую партийных коммуникаций. Коммуникативное поле политических партий рассматривается как постоянный процесс кодирования смыслов через месседжи, идеи, оказывающие влияние на политическое пространство региона.

Ключевые слова: партийная семиотика, политический маркетинг, коммуникативное поле политических партий, политическое региональное пространство.

Современное российское общество переживает общественные преобразования. Происходят глубокие изменения институциональных реформ в политике, распространение и утверждение некоторых демократических ценностей и ориентаций. Эти процессы требуют переосмысления политологических понятий, которые наполняются новым содержанием.

Партийная реформа конституирует политические партии как главный субъект региональных политических процессов в Российской Федерации. Это значит, что политические партии получают дополнительные точки опоры и каналы влияния, воздействия на принятие как законодательных, так и других политических решений не только на федеральном, но и на региональном уровнях. Изменения происходят в политической рекламе, связанных с внедрением технологий PR на всех уровнях власти. Политические партии в контексте политического маркетинга выступают своеобразным социально-информационным полем политического процесса, в основе которого лежат передача, перемещение, оборот политической информации.

Региональное политическое пространство обусловлено таким фактором, как присутствие динамичности политических коммуникационных процессов, поиском новых, оптимальных коммуникативных связей, способствующих обеспечению эффективного взаимодействия политических партий с региональной исполнительной властью и обществом с целью выявления и реализации интересов и потребностей различных социальных групп.

Политическое пространство региона прерывисто, участки с высоким социально-политическим взаимодействием, развитыми связями и определенной структурой П. Бурдые определяет как социальное поле [1, с. 29]. Поле – это относительно автономная подсистема социальных, политических отношений, структурированная оппозициями, обладающими средствами, направленными либо на сохранение, либо на изменение структуры поля. Политическое поле воспроизводится коммуникационными процессами, которые обеспечивают политические связи.

При осмыслении политических партий в контексте регионального политического маркетинга в оборот предполагается ввести понятие коммуникативного поля региональных отделений политических партий, которое, как и политическое пространство, представляет собой комплекс непрерывных процес-

сов, понимаемых как поток событий. В этом потоке находит выражение оппозиционность политических партий, направленная на достижение символического господства, обеспечивающего доминирование одних партий и оппозиционное положение других. Процессуальный характер коммуникативного поля политических партий можно рассматривать как постоянный процесс кодирования смыслов через месседжи, идеи и т. п. При осмыслении политического маркетинга на региональном уровне применяется «семиотический» подход к анализу данного понятия. Современный политический маркетинг характеризуется активным процессом образования политических структур (политические партии, общественные движения, организации и т. п.), каждая из которых имеет свой символ – название, эмблему, лозунг. В этих условиях возникает своеобразная конкуренция в названиях политических партий, в их символах и месседжах, что актуализирует вопрос разработки политических коммуникаций, создания новых символов. Основными формами символизации политических коммуникаций являются политическая агитация и политическая реклама. Пропагандистская информация требует краткой и убедительной формы. Такой формой могут быть символы, знаки, которые в ходе политической деятельности эмоционально усиливаются и постоянно внедряются в общественное сознание. Политический символ – это язык политики, следовательно, он выполняет функции коммуникации и политической социализации. Таким образом, осуществляется создание понятийных структур, появляется такое явление, как символическая политика [2, с. 45]. Она представляет собой особый вид политических коммуникаций и нацелена на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов.

Политические партии имеют свою символику, которая находится в сложных и многогранных взаимосвязях с общественно-политическими процессами, интересами различных социальных групп. Символ тесным образом связан с идеологическими программами политических партий. Эффективность воздействия политических символов на электорат находится во взаимосвязи с социальным состоянием общества, а также целями политических партий, их использующих.

Политические партии как коммуникаторы создают сообщения в соответствии с собственными целями, придавая текстам желаемый смысл. Реципиенты (электорат), декодируя сообще-

ния, используют различные стратегии прочтения текста соотносительно своему опыту и пониманию контекста.

Коммуникативное поле политических партий предполагает также агрегацию и артикуляцию региональными партийными структурами интересов субъекта Федерации. В данном контексте относительная автономность проявляется через территориальную самобытность как фактор формирования политической идентичности. Географические образы как совокупность знаков, символов конструируются на основе исторических, культурологических понятий. Наличие территориальной самобытности фактически маркирует регион, его отсутствие или слабая выраженность свидетельствует о несформировавшемся региональном сознании. Репрезентация уникальности региона осуществляется посредством предвыборных программ политических партий.

Коммуникативное поле региональных отделений политических партий является сферой кумулятивных коммуникационных процессов в обществе, оказывающую влияние на политическое пространство региона. Репрезентативность политических партий в контексте регионального политического маркетинга политических коммуникаций представляет собой открытое, неформальное общение в процессе политико-практической деятельности партий и выступает в форме пропаганды, дискурса региональных элит. Кроме того, коммуникативное поле политических партий региона определяет их коммуникативную деятельность, которая обусловлена рядом политически значимых оценок, конкретных ситуаций, коммуникативных сфер и норм общения, принятых в данном региональном политическом обществе.

Коммуникативное поле региональных отделений политических партий в маркетинге определяется следующей структурой:

- идеологическая составляющая;
- политико-практическая составляющая.

Каждая отдельная составляющая коммуникативного поля оказывает влияние на формирование образа политических партий на региональном пространстве.

Идеологическая составляющая является главной, так как отражает основной смысл создания и деятельности регионального отделения политической партии. Партия, не имеющая своей программы и идеологии, не может являться полноценной поли-

тической партией, поскольку лишена всякого политического смысла. Партии являются важным фактором оформления идеологий как способа коммуникации. Кроме того, в российской партийной системе существуют и формальные требования к необходимости разработанных партийных программ – в соответствии с новым Федеральным законом «О политических партиях» партийные программы приобрели статус необходимых документов, которые должна иметь политическая партия, а также их региональные отделения для прохождения государственной регистрации [3, с. 4].

Партийные программы и идеологии также являются важнейшими идентификационными признаками политических партий, позволяющих отличать партии друг от друга и формировать политические предпочтения у избирателей. Избирательные кампании многими избирателями воспринимаются как способ выразить свое отношение к политическим партиям. Желание продемонстрировать солидарность с той или иной альтернативой развития, представленной в идеологических позициях политических партий, играет большую роль в электоральном поведении избирателей. Именно поэтому через идеологическую составляющую коммуникативного поля политические партии не только определяют себя как политическую организацию с определенной позицией, но и аккумулируют интересы тех или иных социальных групп.

Для повышения образности регионального отделения политической партии посредством идеологической составляющей коммуникативного поля целесообразно преобразование партийных программ в форму слоганов и других более адекватных видов политической рекламы. Отдельным направлением должна также стать разработка и реализация технологии пропаганды предвыборных программ. В этой связи конкретная работа по формированию образа политической партии включает следующие мероприятия:

- разработка целостных программных документов политических партий с приложением их для отдельных электоральных групп и регионов;
- разработка прикладных форм партийных программ – манифестов, деклараций, обращений, открытых писем, идеологических принципов, «вопросов и ответов»;

- разработка и реализация технологии популяризации и пропаганды партийных программ;
- разработка программных слоганов и меседжей политической партии;
- подготовка текстов программных выступлений и интервью лидеров и представителей партий на региональном уровне.

Политико-практическая составляющая коммуникативного поля региональных отделений политических партий формируется посредством постоянного процесса политической коммуникации и взаимодействия с обществом, через которое у избирателей появляются определенные представления и установки.

Для формирования событийного ряда могут использоваться самые разнообразные типичные и специальные партийные мероприятия, в том числе:

- учредительные, преобразовательные, очередные и внеочередные съезды, конференции политических партий и их региональных отделений;
- межрегиональные и общероссийские научно-практические конференции, форумы, конгрессы, круглые столы, слеты и другие мероприятия с участием представителей политических партий;
- имиджевые акции и другие PR-мероприятия, направленные на повышение популярности партии, ее лидеров на федеральном и региональном уровне;
- политические события и информационные поводы для повышения степени присутствия политической партии в информационном пространстве.

Пространство коммуникаций региональных отделений политических партий рассматривается как неотъемлемый элемент политического процесса региона, в структуру которого входит информационно-коммуникативная составляющая региона, устанавливающая связи между институтами региональной политической системы.

Таким образом, политический маркетинг на региональном уровне представляет собой рассмотренные технологии политического действия, сбор информации о политической ситуации, выявление проблем, формулирование целей и задач политического действия. Символичность в коммуникационных процессах политических партий определяется потребностью в поддержании целостности и организованности регионального политиче-

ского пространства, укреплении взаимосвязей между его компонентами. Символы и образы политического маркетинга актуализируют концепцию эффективной политической кампании и помогают в ее реализации.

Список литературы

1. Бурдые П. Социология политики / П. Бурдые. – М. Socio-Logos, 1993. – 336 с.
2. Поцелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме // Полис. – 1999. – № 5.
3. О политических партиях : федер. закон РФ / Центральная избирательная комиссия РФ. – М, 2013.

Regional Political Marketing: Technological Aspect

Yu. P. Toma

Don State Technical University, Rostov-on-Don

Abstract. Procedural character of political marketing at regional level through semiotic constituent of party communication is considered. Communication field of political parties is considered as constant process of content coding via messages, ideas, influencing region political area.

Keywords: party semiotics, political marketing, communication field of political parties, regional political area.

Тома Юрий Петрович – кандидат политических наук, доцент, кафедра связи с общественностью, факультет медиакоммуникаций и мультимедийных технологий, Донской государственный технический университет, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, д. 1, тел.: 8(863)2738648, e-mail: toma-yurij@yandex.ru

Toma Yuri Petrovich – Candidate of Sciences (Political Science), Associate Professor-Sub-department of Public Relations, Department of Media Communication and Multimedia Technology, Don State Technical University, 1, Gagarin sq., Rostov-on-Don, 344000, tel.: 8(863)2738648, e-mail: toma-yurij@yandex.ru

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ «СИБИРЬ В XX–XXI ВЕКАХ: ИСТОРИЯ, ГЕОГРАФИЯ, ЭКОНОМИКА, ЭКОЛОГИЯ, ПРАВО»

Александров Е. Ю. Исторические аспекты становления и развития подразделений крупных национальных бизнес-структур на примере Ангарска	3
Ануфриев А. В. Иркутяне – кавалеры ордена Св. Георгия и Георгиевского оружия (из опыта выявления и анализа)	9
Атутова Ж. В. Преобразование долинных ландшафтов Лено-Ангарского междуречья в конце XIX – начале XX в.	19
Афанасова Е. Н. Молочная кухня как элемент формирования новой бытовой культуры городского населения Восточной Сибири в 1920-х гг.	25
Бакиш Д. А. Институт генерал-губернаторства и жандармерия Восточной Сибири (1905–1917 гг.)	31
Баранцева Н. А. Некоторые аспекты смертности в Хакасии в 1990–2000-е гг.	37
Бобков А. К. Творчество декабристов в отечественном литературоведении	44
Бушев А. Б. Создание региональной идентичности: исторический компонент	50
Васильева Н. Ф. Организация изучения сибирской ссылки: по материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга	58
Ганеева Л. Л. Итоги поездки партийно-хозяйственной делегации Иркутской области в ПНР в 1987 г.	67
Данчевская (Попова) А. В. Уголовная преступность в Восточной Сибири в конце XIX – начале XX в.: региональные особенности	73
Дугаров В. Д., Дамбаев Л. В. Региональная историография формирования военно-дипломатического сотрудничества Российской империи и автономной Монголии в конце XIX – начале XX в.	77
Жуков А. В., Жукова А. А. Особенности рецепции образов Китая кочевниками Забайкалья	85
Злотковский В. И. Кем мечтает стать красноярская молодежь?	92
Зуляр Ю. А. Проблемы организации охотничьего хозяйства в Байкальском регионе в 1970-е гг.	97

<i>Иванова Е. В.</i> Нерчинская горная экспедиция в первой половине XIX в.	145
<i>Ильина М. В.</i> Иркутская газета «Комсомолия» (1924–1925 гг.): тематика и функции	151
<i>Кушнарёва М. Д.</i> Специфические черты организации пушной торговли якутским купцом Г. В. Никифоровым (Северо-Восточная Сибирь, начало XX в.)	156
<i>Логунова Г. В., Эдельштейн О. А.</i> Иркутский областной совет по НИРС в системе организации научно-исследовательской работы студентов	161
<i>Мищенко К. С.</i> Развитие общественных организаций некоммерческой формы хозяйствования в Сибири в XIX – начале XX в.	166
<i>Нечаев С. В.</i> Теннис как социально-политический и культурный феномен в XX–XXI вв.: историография проблемы	171
<i>Рагулина М. В.</i> Теоретический потенциал современной гуманистической географии и культурный ландшафт	181
<i>Трофимова И. Н.</i> Территориальные сообщества в условиях постсовременности: новые подходы к исследованию	187
<i>Урожаева Т. П.</i> Проблема безработицы в промышленных городах Иркутской области в 1990-е гг.	192
<i>Черных В. В.</i> Разрушительная и созидательная сила пожаров на примере Иркутской губернии	198
<i>Шинкарева А. П.</i> Первая мировая война как фактор влияния на развитие печати Иркутска	206

РАЗДЕЛ «РЕГИОН В СТРАНЕ И В МИРЕ – ТЕНДЕНЦИИ И ДИНАМИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

<i>Андреева Е. А.</i> Психологические составляющие взаимодействия права и личности в современном государстве	213
<i>Баранов А. В.</i> Субъекты ирредентистского движения в Крыму и Севастополе: ресурсы, интересы, стратегии (2008–2013 гг.)	217
<i>Баиелханов А. Ю.</i> Анализ экономических программ партий по развитию экономики Байкальского региона в период 1988–1993 гг.	223
<i>Будяев Б. С.</i> Новые правила – новая институционализация? (О перспективе развития политических партий в Республике Бурятия)	229
<i>Буханцов В. В., Комарова М. В.</i> К концепции государственной национальной политики в регионе	235

Жуков К. С. Актуальные политико-психологические исследования (к итогам двадцатилетней деятельности лаборатории гуманитарных и политических технологий Иркутского государственного университета: краткий экскурс)	241
Иванова А. А. Особенности анализа регионального политического режима республик	250
Козлова Е. С., Кузьмин И. А. Национальные правовые основы осуществления международной академической мобильности в системе высшего профессионального образования в России	256
Попов П. Л. Конкурирующие концепции геополитического положения России и оценки перспектив Иркутской области	261
Раньжина И. В. Гетерогенный фактор в определении регионализации федеративного общества	266
Серебряков Е. А. Государственная молодежная политика современной России и ее реализация в Иркутской области	272
Сизых В. Г. Молодежные общественные организации на политической сцене Иркутской области (1985–1992 гг.)	286
Соколов А. В. Формы гражданской активности в сети Интернет	291
Тома Ю. П. Региональный политический маркетинг: технологический аспект	296

Научное издание

**ВОСЬМЫЕ БАЙКАЛЬСКИЕ МЕЖДУНАРОДНЫЕ
СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЧТЕНИЯ**

В двух томах
Том 1

ISBN 978-5-9624-1192-7
ISBN 978-5-9624-1193-4 (т. 1)

Редактор *Г. А. Борисова*

Темплан 2015. Поз. 4
Подписано в печать 20.03.2015. Формат 60х90 1/16
Уч.-изд. л. 16,5. Усл. печ. л. 19,3. Тираж 100 экз. Заказ 11

Издательство ИГУ
664003, Иркутск, бульвар Гагарина, 36